

ISSN 2518-7252 (Print)
ISSN 3079-4609 (Online)

12+

scientific journal

THE BULLETIN OF LAW ENFORCEMENT ACADEMY

2026

Nº3 (41)

ISSN 2518-7252 (print)
ISSN 3079-4609 (online)

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БАС ПРОКУРАТУРАСЫНЫҢ
ЖАНЫНДАҒЫ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫ**

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ
АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»**

**SCIENTIFIC JOURNAL
«BULLETIN OF THE
LAW ENFORCEMENT ACADEMY»**

№ 3 (41) 2026

Қосшы 2026

**«ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ОРГАНДАРЫ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ
2026 № 3 (41)**

Құрылтайшы:

«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы» ММ.

2016 жылдан бастап шығады.

Жылына 4 рет шығарылады.

Жарияланымдар тілі – қазақ, орыс, ағылшын.

Ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін
ұсынылатын басылымдар тізбесіне енгізілген
(ҚР БҒМ БСБК 17.04.2019 ж. № 396 бұйрығы (кіші жойылды),
08.09.2025 ж. № 1531 бұйрығы),
«Ресейлік ғылыми дәйексөз индексі» (РГДИ) Ресейлік
библиографиялық мәліметтер базасына, Қазақстандық дәйексөз қорына (ҚазДҚ) енгізілген.

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және коммуникациялар министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және бұқаралық
ақпарат құралдары саласындағы мемлекеттік бақылау комитетінде тіркелген.
№ 16600-ЖБ тіркеу куәлігі 2017 жылдың 1 шілдесінде берілген.

Редакциялық кеңестің құрамы:

Н.М. Әбдіров – з.ғ.к., философия докторы (PhD)
(Қазақстан) – **Төраға**;
Е.Б. Абдрасулов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
С.В. Аракелян – з.ғ.д., профессор (Армения);
И.Ш. Борчашвили – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
М.М. Бринчук – з.ғ.д., профессор (Ресей);
В.А. Бублик – з.ғ.д., профессор (Ресей);
Ә.К. Бұрханов – саяси ғ.к., (Қазақстан);
Г.А. Василевич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
Т.Е. Қаудыров – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.П. Кирица – құқық докторы, доцент (Молдова);
Қ.С. Ләкбаев – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.А. Малиновский – з.ғ.д., доцент (Қазақстан);
В.В. Марчук – з.ғ.к. (Беларусь);
Қ.Қ. Сейтенов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.Г. Татарян – з.ғ.д., профессор (Ресей);
С.Т. Тыныбеков – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
А. Трунк – құқық докторы, профессор (Германия);
Т.А. Ханов – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);
В.М. Хомич – з.ғ.д., профессор (Беларусь);
О.А. Ястребов – з.ғ.д., профессор (Ресей).

Редакциялық алқаның құрамы:

Е.Қ. Қайрулла – з.ғ.к. – **Бас редактор**;
Ә.М. Әлібекова – з.ғ.к.;
Р.А. Әмірханов – з.ғ.к.;
Ә.Б. Байғалиев – философия докторы (PhD);
Ә.Н. Дулатбеков – философия докторы (PhD);
А.Ш. Ещанов – заң ғылымдарының докторы, профессор;
Н.Ш. Жемпиісов – з.ғ.к.; қауымдастырылған профессор;
А.Б. Қазбекова – заң ғылымдарының магистрі;
Д.Б. Қайназарова – з.ғ.к.;
Т.Г. Маханов – заң ғылымдарының магистрі;
Д.Х. Найманова;
Р.Р. Нұғманов – з.ғ.к.;

Н.Б. Рахимов – құқық магистрі;

Ж.С. Сейтаева – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
М.Е. Төлеуова – заңтану магистрі, іскерлік әкімшілендіру
магистрі (ЕМВА);
О.Б. Филипец – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
В.В. Хан – з.ғ.к., қауымдастырылған профессор;
Ә.Р. Шегебаева – философия докторы (PhD),
қауымдастырылған профессор.

Редакцияның құрамы:

Ж.І. Есімхан – педагогикалық ғылымдарының магистрі;
З.Ж. Калмурзина – заң ғылымдарының магистрі;
К.А. Муканова;
Р.Ч. Рахметжанов;
М.Б. Садықов – философия докторы (PhD);
Ж.Х. Тайшықов – ұлттық қауіпсіздік және әскери іс
магистрі.

Редакцияның мекенжайы:

010078, Ақмола облысы, Қосшы қ., Республика көшесі,
94-құрылыс.
Эл. пошта: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Қолжазбалар қайтарылмайды. Авторлардың пікірлері
редакцияның көзқарасымен сәйкес келмеуі мүмкін.
Материалдарды басқа басылымдарда қолдануға редакцияның
жазбаша келісімінен кейін ғана рұқсат етіледі. Ұсынылған
материалдардың шынайылығына автор жауапты. Журнал
ақпараттарын пайдаланған кезде міндетті түрде журналға
сілтеме жасау қажет.

© Құқық қорғау органдары академиясы, 2026 ж.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ»
№ 3 (41) 2026

Учредитель:

ГУ «Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан».

Издается с 2016 года.

Выпускается 4 раза в год.

Языки публикаций – казахский, русский, английский.

Включен в Перечень изданий, рекомендуемых для публикации
основных результатов научной деятельности
(приказ ККСОН МОН РК № 396 от 17.04.2019 г. (утратил силу),
№ 1531 от 08.09.2025 г.),

Российскую библиографическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ),
Казахстанскую базу цитирования (КазБЦ).

Журнал зарегистрирован в Комитете государственного контроля в области связи, информатизации и средств массовой
информации Министерства информации и коммуникаций Республики Казахстан.

Регистрационное свидетельство № 16600-СИ от 1 июля 2017 года.

Состав Редакционного совета:

Абдиров Н.М. – к.ю.н., доктор философии (PhD)
(Казахстан) – **Председатель**;
Абдрасулов Е.Б. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Аракелян С.В. – д.ю.н., профессор (Армения);
Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Бринчук М.М. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бублик В.А. – д.ю.н., профессор (Россия);
Бурханов А.К. – к.полит.н. (Казахстан);
Василевич Г.А. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Каудыров Т.Е. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Кирица В.П. – доктор права, доцент (Молдова);
Лакбаев К.С. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Малиновский В.А. – д.ю.н., доцент (Казахстан);
Марчук В.В. – к.ю.н. (Беларусь);
Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Татарян В.Г. – д.ю.н., профессор (Россия);
Тыныбеков С.Т. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Трунк А. – доктор права, профессор (Германия);
Ханов Т.А. – д.ю.н., профессор (Казахстан);
Хомич В.М. – д.ю.н., профессор (Беларусь);
Ястребов О.А. – д.ю.н., профессор (Россия).

Состав Редакционной коллегии:

Кайрулла Е.К. – к.ю.н. – **Главный редактор**;
Алибекова А.М. – к.ю.н.;
Амерханов Р.А. – к.ю.н.;
Байгалиев А.Б. – доктор философии (PhD);
Дулатбеков А.Н. – доктор философии (PhD);
Ещанов А.Ш. – доктор юридических наук, профессор;
Жемписов Н.Ш. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Казбекова А.Б. – магистр юридических наук;
Кайназарова Д.Б. – к.ю.н.;
Маханов Т.Г. – магистр юридических наук;
Найманова Д.Х.;
Нугманов Р.Р. – к.ю.н., доцент;

Рахимов Н.Б. – магистр права;
Сейтаева Ж.С. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Түлеуова М.Е. – магистр юриспруденции, магистр делового
администрирования (ЕМВА);
Филипец О.Б. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Хан В.В. – к.ю.н., ассоциированный профессор;
Шегебаева А.Р. – доктор философии (PhD),
ассоциированный профессор.

Состав Редакции:

Есімхан Ж.І. – магистр педагогических наук;
Калмурзина З.Ж. – магистр юридических наук;
Муканова К.А.;
Рахметчанов Р.Ч.;
Садыков М.Б. – доктор философии (PhD);
Тайшыков Ж.Х. – магистр национальной безопасности и
военного дела.

Адрес редакции:

010078, Акмолинская область, г. Косшы,
ул. Республики, строение 94.
Эл. почта: 7340718@prokuror.gov.kz,
7340719@prokuror.gov.kz.

Рукописи не возвращаются. Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения редакции. Использование
материалов в других изданиях допускается только с
письменного согласия редакции. За достоверность
предоставленных материалов ответственность несет автор.
Ссылка на журнал обязательна.

© Академия правоохранительных органов, 2026 г.

**«BULLETIN OF THE ACADEMY OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES»
SCIENTIFIC JOURNAL
№ 3 (41) 2026**

Founder:

GA «The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan».

Published since 2016.

Issued 4 times a year.

Publication languages – Kazakh, Russian, English.

Included in the List of publications recommended for publication of the main results of scientific activity.
(Order of the CCSM MES RK No. 396 of 17.07.2019 (утратил силу),
No. 1531 of 08.09.2025),
Russian bibliographic database «Russian science citation index» (RSCI),
Kazakhstan Citation Base (KazCB).

The journal is registered with the Committee for State Control in the Field of Communications, Informatization and Mass Media of the
Ministry of Information and Communications of the Republic of Kazakhstan.
Registration Certificate № 16600-SI dated by July 1, 2017.

Members of the Editorial Council:

Abdirov N.M. – Candidate of Law, Doctor of Philosophy (PhD)
Chairman (Kazakhstan);
Abdrasulov E.B. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Arakelyan S.V. – Doctor of Law, Professor (Armenia);
Borchashvili I.Sh. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Brinchuk M.M. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Bublik V.A. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Burkhanov A.K. – Candidate of Political Sciences
(Kazakhstan);
Vasilevich G.A. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Kaudyrov T.E. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Kiritisa V.P. – Doctor of Law, Associate Professor (Moldova);
Lakbayev K.S. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Malinovsky V.A. – Doctor of Law, Associate Professor
(Kazakhstan);
Marchuk V.V. – Candidate of Law (Belarus);
Seitenov K.K. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Tataryan V.G. – Doctor of Law, Professor (Russia);
Tynybekov S.T. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Trunk A. – Doctor of Law, Professor (Germany);
Khanov T.A. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);
Khomich V.M. – Doctor of Law, Professor (Belarus);
Yastrebov O.A. – Doctor of Law, Professor (Russia).

Members of the Editorial Board:

Kairulla E.K. – Candidate of Law – **Chief Editor**;
Alibekova A.M. – Candidate of Law;
Amerkhanov R.A. – Candidate of Law;
Baigaliev A.B. – Doctor of Philosophy (PhD);
Dulatbekov A.N. – Doctor of Philosophy (PhD);
Yeshchanov A.Sh. – Doctor of Law, Professor;
Zhempiisov N.Sh. – Candidate of Law, Associate professor;
Kazbekova A.B. – Master of Law;
Kainazarova D.B. – Candidate of Law;
Makhanov T.G. – Master of Law;
Naimanova D.Kh.;
Nugmanov R.N. – Candidate of Law, Associate professor;

Rakhimov N.B. – Master of Laws;
Seitayeva Zh.S. – Candidate of Law, Associate Professor;
Tuleuova M.Ye. – Master of Law; Executive Master of Business
Administration (EMBA);
Filipets O.B. – Candidate of Law, Associate Professor;
Khan V.V. – Candidate of Law, Associate Professor;
Shegebaeva A.R. – Doctor of Philosophy (PhD), Associate
Professor.

Editors:

Yessimkhan Zh.I. – Master of Education;
Kalmurzina Z.Zh. – Master of Law;
Mukanova K.A.;
Rakhmetchanov R.Ch.;
Sadykov M.B. – Doctor of Philosophy (PhD);
Taishykov Zh.H. – Master of National Security and Military
Affairs.

Editorial address:

010078, Akmola region, Kosshy c., Republic st., building 94.
E-mail: 7340718@prokuror.gov.kz, 7340719@prokuror.gov.kz.

Manuscripts are not returned. Opinions of the authors may not be the same with editors view. The use of materials in other journals is allowed only with the written consent of the publisher. The author is responsible for the accuracy of the materials provided. A link to the journal is required.

© Law Enforcement Academy, 2026.

МАЗМҰНЫ

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ

Р.С. Мажитов. ТАБИҒИ РЕСУРСТАРДЫҢ ХАЛЫҚҚА ТИЕСІЛІГІ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ САНАТ РЕТІНДЕ: ТҮСІНДІРУ ЖӘНЕ ІСКЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	11
---	-----------

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ

Э.Б. Аблаева, С.Б. Саутбаева. СУРРОГАТ АНА БОЛУ ШАРТЫНЫҢ ЕЛЕУЛІ ТАЛАПТАРЫ: САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ АЛДАУ.....	19
--	-----------

ОТБАСЫ ҚҰҚЫҒЫ

А.С. Куатова. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ШЕТЕЛДІК ЭЛЕМЕНТІ БАР НЕКЕ-ОТБАСЫЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ШАРТТЫЛЫҒЫ	29
---	-----------

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ

К.Ж. Агибаева, Г.М. Атаханова. ҚЫЛМЫСҚА ЖАНАСУ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ ЖӘНЕ ЦИФРЛЫҚ ҚОҒАМ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ЕРЕКШЕЛІГІ.....	36
--	-----------

А.А. Гаитов, А.Б. Бауберикова. ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚТЫ ЗАҢНАМАЛЫҚ САРАЛАУ МОДЕЛЬДЕРІ: ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН ҮШІН ПЕРСПЕКТИВАЛАР.....	43
---	-----------

Н.Ш. Жемпиисов. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҒЫНДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚЫЗМЕТ САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАР ҮШІН ЖАУАПТЫЛЫҚ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ: РЕТРОСПЕКТИВТІК ТАЛДАУ.....	52
--	-----------

Ш.Р. Жұмағұлова, Э.О. Тойлыбекова. ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚ КӨРІНІСТЕРІНЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ МОРАЛЬДЫҚ-ЭТИКАЛЫҚ ҚЫРЛАРЫ.....	61
--	-----------

Е.Қ. Қайрулла. МЕДИЦИНАЛЫҚ ҚЫЗМЕТ САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ- ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚ: ДӘРІГЕРЛІК ҚАТЕНІ, НЕГІЗДІ ТӘУЕКЕЛДІ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ АБАЙСЫЗДЫҚТЫ АЖЫРАТУ.....	70
--	-----------

М.К. Каримова, Д.Ә. Секенов. ӘСКЕРДЕГІ ПРЕВЕНТИВТІК ЖҰМЫСТЫҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ МОДЕЛІ: ӘСКЕРИ ҚЫЗМЕТШІЛЕРДІҢ ҚАЗА БОЛУЫ МЕН ЖАРАҚАТТАНУЫНЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ЖҮЙЕЛІ ЖӘНЕ ЦИФРЛЫҚ ТӘСІЛІ.....	80
---	-----------

М.С. Омирова, М.Е. Балгожина. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҚЫЛМЫС ЖАСАУҒА АРАНДАТУДЫ КРИМИНАЛИЗАЦИЯЛАУ: ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТҮЙІМНІҢ НЕГІЗДІЛІГІ.....	87
--	-----------

Е.Н. Рахманова. РЕСЕЙДЕ, ҚАЗАҚСТАҢДА ЖӘНЕ ӘЗІРБАЙЖАНДА КАСПИЙ ТЕҢІЗІНДЕГІ ТЕҢІЗ ҚАРАҚШЫЛЫҒЫНА ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАРСЫ ІС- ҚИМЫЛ.....	95
--	-----------

А.Е. Сарбасов. АҚПАРАТТАНДЫРУ ЖӘНЕ БАЙЛАНЫС САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАНЫ ЖЕТІЛДІРУ МӘСЕЛЕСІ ТУРАЛЫ.....	103
---	------------

В.В. Хасанова, А.Р. Шегебаева. КӨМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРДЫҢ АҚПАРАТТЫҚ ҚАУПСІЗДІГІНЕ ҚАРСЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАР: ТАЛДАУ, ЖІКТЕУ,	
---	--

ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ШАРАЛАРЫ.....	112
ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ	
А.Т. Булатова. ТЕРГЕУ ӘРЕКЕТТЕРІНЕ ҚАТЫСУШЫЛАРДЫҢ МІНЕЗ-ҚҰЛҚЫН БОЛЖАУДАҒЫ ЖАҒДАЯТТЫҚ-РӨЛДІК ТӘСІЛ.....	121
Б.А. Жилхайдарова. ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАРАП-ТЕКСЕРУ, ТІНТУ ЖӘНЕ АЛУ: ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	130
А.М. Карл, Е.С. Ахметов. ЖЕДЕЛ-ІЗДЕСТІРУ ҚЫЗМЕТІНДЕ АНЫҚТАМАЛАР АЛУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ МЕН ОНЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	138
А.А. Прокопова, А.Б. Ахмадиев. СДТБТ-НЫҢ ЖАРИЯ СЕКТОРЫ ЖӘНЕ СОТ ТӨРЕЛІГІНЕ ҚОЛ ЖЕТКІЗУ: ОРНАЛАСТЫРЫЛАТЫН МӘЛІМЕТТЕРДІҢ ПРОЦЕСТІК- ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ.....	146
Е.Г. Чонбаев. ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ҚОЛДАНУ АРҚЫЛЫ АЗАПТАУҒА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫ КРИМИНАЛИСТИКАЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ.....	155
ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ЖӘНЕ БАСҚА МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР ҚЫЗМЕТІ	
И.И. Кадиров, Д.П. Өтепов. ӨЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ПРОКУРАТУРА ОРГАНДАРЫНЫҢ ЗАҢ ШЫҒАРУ ҚЫЗМЕТІН ЖЕТІЛДІРУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	166
Ж.К. Кәкімов. ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДА ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ТӨРТІПТІК ЖАУАПТЫЛЫҚ ИНСТИТУТЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ.....	172
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ	
М.К. Журунова, А.М. Умбеталиева. ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚ ЕЛДЕРІНДЕГІ ЕҢБЕКШІ МИГРАНТТАРДЫ МЕДИЦИНАЛЫҚ САҚТАНДЫРУДЫ ІСКЕ АСЫРУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	181
С.Н. Сәрсенова, А.Е. Ибраева. КОНСУЛДЫҚ ҚЫЗМЕТТЕРДІҢ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҮШІН ҚОРЫТЫНДЫЛАР.....	188

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Р.С. Мажитов. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ НАРОДУ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ.....	11
---	-----------

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Э.Б. Аблаева, С.Б. Саутбаева. СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	19
--	-----------

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

А.С. Куатова. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	29
--	-----------

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

К.Ж. Агибаева, Г.М. Атаханова. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	36
---	-----------

А.А. Гаитов, А.Б. Бауберикова. МОДЕЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА.....	43
--	-----------

Н.Ш. Жемпиисов. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ.....	52
---	-----------

Ш.Р. Жумагулова, Э.О. Тойлыбекова. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ НАСИЛИЯ.....	61
--	-----------

Е.К. Кайрулла. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ, ОБОСНОВАННОГО РИСКА И ПРЕСТУПНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ.....	70
--	-----------

М.К. Каримова, Д.А. Секенов. СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПРЕВЕНТИВНОЙ РАБОТЫ В АРМИИ: СИСТЕМНЫЙ И ЦИФРОВОЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ ГИБЕЛИ И ТРАВМАТИЗМА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.....	80
---	-----------

М.С. Омирова, М.Е. Балгожина. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОБОСНОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА.....	87
---	-----------

Е.Н. Рахманова. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПИРАТСТВУ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ В РОССИИ, КАЗАХСТАНЕ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ.....	95
--	-----------

А.Е. Сарбасов. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И СВЯЗИ.....	103
---	------------

В.В. Хасанова, А.Р. Шегебаева. УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АНАЛИЗ, КЛАССИФИКАЦИЯ, МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ.....	112
--	------------

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.Т. Булатова. СИТУАЦИОННО-РОЛЕВОЙ ПОДХОД В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.....	121
Б.А. Жилхайдарова. ОСМОТР, ОБЫСК И ВЫЕМКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	130
А.М. Карл, Е.С. Ахметов. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАВЕДЕНИЯ СПРАВОК В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	138
А.А. Прокопова, А.Б. Ахмадиев. ПУБЛИЧНЫЙ СЕКТОР ЕДИНОГО РЕЕСТРА ДОСУДЕБНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ И ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАЗМЕЩАЕМЫХ СВЕДЕНИЙ.....	146
Е.Г. Чонбаев. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЫТКАМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	155

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

И.И. Кадилов, Д.П. Утепов. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....	166
Ж.К. Какимов. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	172

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

М.К. Журунова, А.М. Умбеталиева. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА.....	181
С.Н. Сарсенова, А.Е. Ибраева. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬСКИХ УСЛУГ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И ВЫВОДЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН...	188

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

R.S. Mazhitov. OWNERSHIP OF NATURAL RESOURCES BY THE PEOPLE AS CONSTITUTIONAL AND LEGAL CATEGORY: INTERPRETATION AND IMPLEMENTATION ISSUES.....	11
--	----

CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

E.B. Ablaeva, S.B. Sautbayeva. ESSENTIAL TERMS OF THE SURROGACY AGREEMENT: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS.....	19
---	----

FAMILY LAW

A.S. Kuatova. LEGAL REGULATION AND SOCIAL CONDITIONALITY OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS WITH A FOREIGN ELEMENT IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	29
---	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

K.Zh. Agibayeva, G.M. Atakhanova. THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL CONNIVANCE AND ITS FEATURES IN A DIGITAL SOCIETY.....	36
A.A. Gaitov, A.B. Bauberikova. MODELS OF LEGISLATIVE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR KAZAKHSTAN.....	43
N.Sh. Zhempiissov. ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF LIABILITY FOR CRIMINAL OFFENSES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: A RETROSPECTIVE ANALYSIS.....	52
Sh.R. Zhumagulova, E.O. Toilybekova. SOCIAL, LEGAL, MORAL, AND ETHICAL ASPECTS OF COMBATING VIOLENCE.....	61
Y.K. Kairulla. CRIMINAL LIABILITY IN THE FIELD OF MEDICAL ACTIVITY: THE DISTINCTION BETWEEN MEDICAL ERROR, REASONABLE RISK AND CRIMINAL NEGLIGENCE.....	70
M.K. Karimova, D.A. Sekenov. MODERN MODEL OF PREVENTIVE WORK IN THE ARMED FORCES: A SYSTEMIC AND DIGITAL APPROACH TO THE PREVENTION OF DEATH AND INJURIES AMONG MILITARY PERSONNEL.....	80
M.S. Omirova, M.E. Balgozhina. CRIMINALIZATION OF PROVOCATION OF A CRIME IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: JUSTIFICATION OF THE CRIMINAL LAW PROHIBITION.....	87
E.N. Rakhmanova. CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO PIRACY IN THE CASPIAN SEA IN RUSSIA, KAZAKHSTAN AND AZERBAIJAN.....	95
A.E. Sarbasov. ON THE ISSUE OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD OF INFORMATIZATION AND COMMUNICATIONS.....	103
V.V. Khassanova, A.R. Shegebayeva. CRIMINAL OFFENSES AGAINST THE INFORMATION SECURITY OF MINORS: ANALYSIS, CLASSIFICATION, AND CRIMINAL-LAW RESPONSE MEASURES.....	112

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

A.T. Bulatova. SITUATIONAL-ROLE APPROACH IN PREDICTING THE BEHAVIOR OF PARTICIPANTS IN INVESTIGATIVE ACTIONS.....	121
B.A. Zhilkhaidarova. INSPECTION, SEARCH, AND SEIZURE IN THE CONTEXT OF	

DIGITALIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION.....	130
A.M. Karl, Ye.S. Akhmetov. LEGAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTING INFORMATION INQUIRIES IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES.....	138
A.A. Prokopova, A.B. Akhmadiyev. THE PUBLIC SECTOR OF THE URPTI AND ACCESS TO JUSTICE: THE PROCEDURAL AND LEGAL NATURE OF THE INFORMATION POSTED...146	
Y.G. Chonbayev. CRIMINALISTIC SUPPORT FOR THE PREVENTION OF TORTURE THROUGH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES.....	155

THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES

I.I. Kadirov, D.P. Utepov. PROSPECTS FOR IMPROVING THE LAWMAKING ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN.....	166
Z.K. Kakimov. TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION.....	172

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

M.K. Zhurunova, A.M. Umbetaliyeva. LEGAL ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF HEALTH INSURANCE FOR MIGRANT WORKERS IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION.....	181
S.N. Sarsenova, A.E. Ibrayeva. DIGITAL TRANSFORMATION OF CONSULAR SERVICES: INTERNATIONAL PRACTICE AND LESSONS FOR THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.....	188

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

https://doi.org/10.52425/25187252_2026_41_11
УДК 342.4

Р.С. Мажитов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ НАРОДУ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы конституционного положения о принадлежности земли, недр, вод, растительного и животного мира, а также иных природных ресурсов народу Республики Казахстан после конституционной реформы 2022 года. Проанализированы конституционные и отраслевые нормы, регулирующие осуществление государством права собственности от имени народа, а также особенности соотношения режима государственной собственности и конституционной принадлежности природных ресурсов народу. Рассмотрен зарубежный опыт распределения доходов от использования природных ресурсов и дана оценка его применимости в условиях национального законодательства.

Особое внимание уделено правовой оценке программы «Национальный фонд – детям», предусматривающей направление части инвестиционного дохода Национального фонда Республики Казахстан на специальные накопительные счета несовершеннолетних граждан. Указанный механизм фактически стал первой законодательной попыткой реализации принципа участия граждан в результатах использования природных ресурсов, что свидетельствует о постепенном формировании новой модели реализации конституционного положения о принадлежности природных ресурсов народу.

В итоге сделан вывод о необходимости дальнейшего нормативного раскрытия содержания конституционного принципа принадлежности природных ресурсов народу посредством законодательного регулирования и официального конституционного толкования.

Ключевые слова: природные ресурсы; народ; государственная собственность; конституционное право; недропользование; Национальный фонд.

Р.С. Мажитов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ТАБИҒИ РЕСУРСАРДЫҢ ХАЛЫҚҚА ТИЕСІЛІГІ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ САНАТ РЕТІНДЕ: ТҮСІНДІРУ ЖӘНЕ ІСКЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақала 2022 жылғы конституциялық реформадан кейін жердің, жер қойнауының, судың, өсімдіктер мен жануарлар дүниесінің, сондай-ақ өзге де табиғи ресурстардың Қазақстан Республикасының халқына тиесілігі туралы конституциялық ереженің құқықтық табиғатын зерттеуге арналған. Мемлекеттің халық атынан меншік құқығын жүзеге асыруын реттейтін конституциялық және салалық нормалар, сондай-ақ мемлекеттік меншік режимі мен табиғи ресурстардың халыққа конституциялық тиесілігі арасындағы арақатынас ерекшеліктері талданады. Табиғи ресурстарды пайдаланудан түскен кірісті бөлудің шетелдік тәжірибесі қаралып, оның ұлттық заңнама жағдайында қолданылуына баға берілді.

Қазақстан Республикасы Ұлттық қорының инвестициялық кірісінің бір бөлігін кәмелетке толмаған азаматтардың арнайы жинақтаушы шоттарына жіберуді көздейтін «Ұлттық қор – балаларға» атты бағдарламасын құқықтық бағалауға ерекше назар аударылады. Бұл тетік іс жүзінде азаматтардың табиғи ресурстарды пайдалану нәтижелеріне қатысу қағидатын заңнамалық деңгейде іске асырудың алғашқы қадамы болды, бұл табиғи ресурстардың халыққа тиесілігі туралы конституциялық ережені іске асырудың жаңа моделінің біртіндеп қалыптасып келе жатқанын көрсетеді.

Соңында заңнамалық реттеу және ресми конституциялық түсіндіру арқылы табиғи ресурстардың халыққа тиесілігі конституциялық қағидатының мазмұнын одан әрі нормативтік ашу қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: табиғи ресурстар; халық; мемлекеттік меншік; конституциялық құқық; жер қойнауын пайдалану; Ұлттық қор.

R.S. Mazhitov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

OWNERSHIP OF NATURAL RESOURCES BY THE PEOPLE AS CONSTITUTIONAL AND LEGAL CATEGORY: INTERPRETATION AND IMPLEMENTATION ISSUES

Abstract. The article is devoted to the study of the legal nature of the constitutional provision on the ownership of land, subsoil, waters, flora and fauna, as well as other natural resources to the people of the Republic of Kazakhstan after the constitutional reform of 2022. The constitutional and sectoral norms regulating the exercise by the state of property rights on behalf of the people are analyzed, as well as the features of the relationship between the regime of state property and the constitutional affiliation of natural resources to the people. Foreign experience in the distribution of income from the use of natural resources is considered and its applicability under national legislation is assessed.

Particular attention is paid to the legal assessment of the program «National Fund – for children», which provides for the allocation of part of the investment income of the National Fund of the Republic of Kazakhstan to special savings accounts of minor citizens. This mechanism actually became the first legislative attempt to implement the principle of citizen participation in the results of the use of natural resources, which indicates the gradual formation of a new model for the implementation of the constitutional provision on the ownership of natural resources by the people.

As a result, it was concluded that it is necessary to further normative disclosure of the content of the constitutional principle of ownership of natural resources by the people through legislative regulation and official constitutional interpretation.

Keywords: natural resources; people; state property; constitutional law; subsoil use; National Fund.

Введение. Конституционная реформа 2022 года внесла существенные изменения в понимание правового режима природных ресурсов Республики Казахстан (далее – РК). Если ранее Конституция закрепляла исключительно государственную собственность на землю, недра, воды, растительный и животный мир и другие природные ресурсы, то редакция пункта 3 статьи 6 Конституции от 30 августа 1995 года устанавливала, что указанные объекты принадлежат народу, а государство осуществляет право собственности от его имени¹.

Такая же редакция сохранилась в пункте 3 статьи 8 Конституции от 15 марта 2026 года, которая вступила в силу с 1 июля 2026 года².

Указанная конституционная новелла обусловила необходимость переосмысления содержания института собственности на природные ресурсы, определения правового статуса народа как носителя конституционного права, а также установления механизмов реализации данного положения. Несмотря на внесение соответствующих изменений в отраслевое законодательство, содержание категории «принадлежность народу» до настоящего времени остается недостаточно определенным, что вызывает оживленную дискуссию в научных кругах и практические вопросы правоприменения.

РК относится к числу государств, обладающих значительными запасами нефти, газа, урана, угля, цветных и редкоземельных металлов, а также иных природных ресурсов, имеющих стратегическое значение для национальной экономики. Доходы, получаемые от освоения недр и

¹ Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 авг. 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_.

² Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://10.61.42.188/rus/docs/K2600000000_.

использования других природных ресурсов, составляют существенную часть государственных финансовых поступлений и оказывают непосредственное влияние на реализацию государственной социальной политики, инвестиционных программ и обеспечение экономической стабильности страны. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос определения правовой природы отношений собственности на природные ресурсы и содержания прав народа как носителя конституционно закрепленного права на национальное природное богатство.

Несмотря на последующее приведение гражданского, земельного, лесного, водного законодательства и законодательства о недропользовании в соответствие с новой редакцией Конституции, действующее законодательство преимущественно определяет порядок осуществления государством правомочий собственника, не раскрывая при этом юридическое содержание самого конституционного положения о принадлежности природных ресурсов народу. Вследствие этого сохраняется неопределенность относительно объема прав народа как носителя данного конституционного статуса, соотношения категории «принадлежность народу» с институтом государственной собственности, а также возможных механизмов реализации указанного конституционного принципа.

Дополнительную актуальность рассматриваемой проблеме придает проводимая в стране политика построения Справедливого Казахстана, ориентированная на повышение качества государственного управления, обеспечение социальной справедливости и более эффективное использование национального богатства в интересах общества.

Зарубежная практика также демонстрирует существование различных правовых моделей реализации принципа народной принадлежности природных ресурсов. Так, в ряде государств, обладающих значительными запасами полезных ископаемых, созданы специальные суверенные фонды, обеспечивающие накопление и распределение части доходов от использования природных ресурсов в интересах населения и будущих поколений.

Целью исследования является определение правового содержания конституционного положения о принадлежности природных ресурсов народу РК, анализ действующего законодательства, зарубежного опыта и формулирование предложений по совершенствованию механизма реализации указанного конституционного принципа.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе конституционной модели принадлежности природных ресурсов народу, сформированной после конституционной реформы 2022 года, а также в обосновании вывода о необходимости нормативного раскрытия содержания данного конституционного положения посредством определения юридических гарантий реализации публичных имущественных интересов народа при сохранении режима государственной собственности как формы осуществления соответствующих полномочий.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы познания. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и историко-правовой методы.

Эмпирическую основу исследования составили Конституции РК, Гражданский, Земельный, Лесной, Водный кодексы, Кодекс «О недрах и недропользовании», нормативные постановления Конституционного Совета и Конституционного Суда РК, законодательные изменения 2022-2023 гг., регулирующие вопросы реализации права собственности на природные ресурсы и функционирования Национального фонда РК.

В рамках сравнительно-правового анализа исследован опыт государств, обладающих значительными запасами природных ресурсов, включая США (штат Аляска), Норвегию, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт и Саудовскую Аравию.

Результаты, обсуждение. Проведенный анализ показывает, что конституционная реформа изменила юридическую конструкцию собственности на природные ресурсы. Государство более

не рассматривается в качестве первоначального собственника природных ресурсов, а выступает субъектом, осуществляющим право собственности от имени народа.

Вместе с тем действующая Конституция в вопросах закрепления форм собственности не ограничивается государственной и частной, как прежняя Конституция, и признает все формы собственности. Тем не менее, признавая все формы собственности, Основной закон в контексте принадлежности природных ресурсов народу не вводит самостоятельную общенародную форму собственности. Следовательно, категория принадлежности природных ресурсов народу представляет собой самостоятельную конституционно-правовую конструкцию, требующую специального нормативного раскрытия.

Среди казахстанских ученых-юристов отсутствует единый подход к вопросу о содержании института общенародной собственности и конституционно-правовой принадлежности природных ресурсов народу.

К примеру, противником концепции общенародной собственности в Казахстане выступает М.К. Сулейменов. Рассматривая поправки в Конституцию, он отмечает, что общенародная собственность – это ничья собственность. По Конституции есть две формы собственности: государственная и частная. Собственник всегда должен быть персонифицирован, все остальные юридические формы не обеспечивают эффективной правовой защиты [1].

Сохранение режима государственной собственности на природные ресурсы является предметом критики в юридической литературе, в частности со стороны ученых Ф.С. Карагусова и Э.Б. Мухамеджанова. Так, Э.Б. Мухамеджанов предлагал дополнить пункт 1 статьи 6 Конституции РК 1995 года положением об общенародной собственности, которая должна признаваться и равным образом защищаться так же, как государственная и частная собственность [2].

Ф.С. Карагусов, напротив, разделяя позицию М.К. Сулейменова об однородности права собственности, критически оценивает закрепление в пункте 1 статьи 6 Конституции 1995 года частной и государственной форм собственности. По его мнению, объективно существующие отношения собственности не изменяют своей правовой природы и содержания в зависимости от того, кто выступает субъектом права собственности. В этой связи смысл указанной конституционной нормы он усматривает лишь в признании возможности выступать собственником как государства, так и негосударственных субъектов. Одновременно Ф.С. Карагусов подвергает критике распространение режима государственной собственности на природные ресурсы, обращая внимание на принципиальное различие между правовым режимом имущества, находящегося в государственной собственности и используемого для обеспечения материальной основы функционирования государственного аппарата и пополнения государственного бюджета, и правовым режимом имущества, составляющего общенародную/публичную собственность. Осуществление государством правомочий собственника в отношении публичного имущества должно строиться на принципиально иных правовых началах, чем реализация права государственной собственности в его традиционном понимании. Публичная/общественная/общенародная собственность призвана служить всеобщему благу и достижению общественно значимых целей, в связи с чем ее правовой режим должен существенно отличаться от правового режима иного имущества, независимо от того, находится ли оно в государственной или частной собственности [3].

По мнению С.К. Идрышевой, еще одной особенностью права собственности народа на природные ресурсы как особого вещного права является право любого гражданина свободно проходить, проезжать через природные участки, принадлежащие на любом титульном праве иным лицам, в том числе государству; право водопоя, водозабора, доступа к естественным водоемам, сбора общедоступных растений, добычи разрешенных животных; право нахождения

на таких территориях в туристических, прогулочных и иных личных целях [4].

При этом следует отметить, что цитируемые мнения казахстанских ученых относятся к нормам Конституции 1995 года, утратившей силу в текущем году. Их воспроизведение обусловлено необходимостью сопоставления и эволюции преемственности анализируемого института конституционно-правового регулирования.

В целом анализ законодательства позволяет сделать вывод, что действующая модель преимущественно ориентирована на публичное управление природными ресурсами.

Конституционный Суд в своем нормативном постановлении отметил: «Принадлежность народу природных ресурсов требует от государства осуществления права собственности на них с учетом, прежде всего, интересов народа, общества в целом и будущих поколений. Обновленная норма Основного Закона обязывает государство предпринять все необходимые меры по защите принадлежащего народу Казахстана права собственности на эти объекты и возврату незаконно полученных природных ресурсов и связанных с ними активов законному владельцу для их использования непосредственно в интересах народа, воля которого по данному вопросу отчетливо была выражена на республиканском референдуме 2022 года и закреплена в Конституции Республики Казахстан»³.

Представленная правовая позиция Конституционного Суда свидетельствует о том, что государство не должно рассматриваться в качестве самостоятельного выгодоприобретателя от использования природных ресурсов. Осуществляя правомочия собственника, оно обязано действовать прежде всего в интересах народа, общества и будущих поколений. Тем самым Конституционный Суд возложил на государство обязанность по использованию и охране природных ресурсов в публичных интересах.

В целях обеспечения стабильного социально-экономического развития страны, накопления финансовых средств для будущих поколений, снижения зависимости экономики от воздействия неблагоприятных внешних факторов Указом Президента РК был создан Национальный фонд РК. Активы Фонда сосредоточиваются на счете Правительства РК в Национальном Банке РК. Управление активами Фонда осуществляется Национальным Банком РК⁴.

С 1 января 2024 года в Казахстане запущена программа «Национальный фонд – детям», в рамках которой от ежегодного инвестиционного дохода Национального фонда отчисляются 50% на специальные накопительные счета детей. Накопленные по достижению совершеннолетия суммы могут быть использованы на приобретение жилья и получение образования. До этого соответствующие поправки по начислениям денежных средств из Национального фонда в законодательство были внесены Законом Республики Казахстан от 16 ноября 2023 года⁵.

Указанная программа фактически стала первым механизмом индивидуального участия

³ О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов», Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре», законов Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам возврата государству незаконно приобретенных активов», «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» и «О внесении дополнения в Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс): нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2023 г. № 20-НП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000020#z0>.

⁴ О Национальном фонде Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 23 авг. 2000 г. № 402 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U000000402_.

⁵ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам начисления детям средств из Национального фонда Республики Казахстан, их выплат и использования: закон Республики Казахстан от 16 нояб. 2023 г. № 40-VIII ЗРК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000040_.

граждан в результатах использования национальных природных ресурсов по опыту зарубежных государств.

Мировая практика свидетельствует о существовании различных моделей реализации принципа народной принадлежности природных ресурсов. Наиболее известными являются система Перманентного фонда штата Аляска, Государственный пенсионный фонд Норвегии, а также механизмы распределения нефтяных доходов в государствах Персидского залива.

Несмотря на различия в правовых системах, объединяющим элементом указанных моделей является обеспечение участия населения в распределении части доходов, получаемых от использования природных ресурсов.

Так, в штате Аляска в США с конца 50-х годов прошлого столетия отработывалась модель общественной собственности путем закрепления за общественным сектором почти трети суши Аляски (103 млн акров) со значительными запасами нефти [5].

В середине 1970-х годов в штате Аляска было принято решение о создании «Постоянного Фонда Аляски» (далее – Фонд), который стал одним из первых в мире государственных инвестиционно-накопительных фондов, чья деятельность была направлена на сохранение и преумножение поступающих в бюджет доходов от эксплуатации минеральных природных ресурсов. Начиная с 1979 года, в Фонде действует специальная дивидендная программа, финансируемая из средств доходной части Фонда (Permanent Fund Dividend). Программа распространяется на всех жителей (резидентов) Аляски, кроме отдельных случаев. Фонд является одним из первых фондов в мире, который на практике стал выплачивать населению часть доходов, получаемых государством в виде природной ренты от эксплуатации природных ресурсов [6].

Как отмечает О.С. Голдсмит, Постоянный фонд Аляски был создан в 1976 году для сохранения части нефтяных доходов в интересах будущих поколений. Начиная с 1982 года, инвестиционный доход фонда ежегодно распределяется между всеми постоянными жителями штата в виде денежных дивидендов. По мнению автора, такая модель обеспечивает справедливое распределение части природной ренты среди населения и способствует общественной поддержке рационального управления природными ресурсами [7].

Норвежская модель существенно отличается от описанной выше. Доходы от добычи нефти и газа аккумулируются в Government Pension Fund Global и инвестируются в интересах будущих поколений. Зарубежные исследователи С. Гупта, А. Сегура-Абиерго, Е. Флорес отмечают, что граждане не получают прямых денежных выплат из фонда. Выгоды населения реализуются косвенно через финансирование государственного бюджета, социальной политики, образования, здравоохранения и пенсионной системы. Международный валютный фонд рассматривает Норвегию как один из наиболее успешных примеров прозрачного и долгосрочного управления нефтяными доходами [8].

Кувейт также относится к числу государств с высоким уровнем нефтяных доходов. Зарубежные исследования отмечают, что нефтяные доходы аккумулируются государством и через систему общественных финансов направляются на финансирование социальных программ, бесплатного образования и здравоохранения, жилищной поддержки, субсидий и других мер социального обеспечения. Кроме того, значительная часть нефтяных поступлений аккумулируется в одном из старейших в мире суверенных фондов – Kuwait Investment Authority, включая Future Generations Fund, предназначенный для сохранения национального богатства в интересах будущих поколений [9].

Несмотря на различия в правовых системах, объединяющим элементом указанных моделей является обеспечение участия населения в распределении части доходов, получаемых от использования природных ресурсов.

Представляется, что конституционная формула о принадлежности природных ресурсов народу не должна рассматриваться исключительно как политико-правовая декларация. Ее нормативное содержание предполагает существование определенных гарантий реализации интересов общества, включая открытость информации об использовании природных ресурсов, обеспечение общественного контроля, справедливое распределение отдельных имущественных выгод и соблюдение интересов будущих поколений.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, внесенные в 2022 году изменения в Конституцию РК сформировали новую конституционно-правовую модель регулирования отношений собственности на природные ресурсы, основанную на признании их принадлежности народу.

Во-вторых, действующее законодательство определяет механизм осуществления государством права собственности от имени народа, однако не раскрывает в достаточной степени юридическое содержание самого права народа на природные ресурсы.

В-третьих, международный опыт подтверждает возможность использования различных правовых механизмов участия граждан в распределении результатов использования природных ресурсов при сохранении государственного управления соответствующими объектами.

В-четвертых, дальнейшее развитие конституционного принципа принадлежности природных ресурсов народу требует законодательной конкретизации его содержания и определения допустимых форм реализации имущественных и иных публичных интересов граждан.

В этой связи представляется целесообразным в перспективе инициировать официальное толкование Конституционным Судом РК следующих вопросов:

- содержание конституционного положения о принадлежности природных ресурсов народу;
- о соотношении данного принципа с режимом государственной собственности;
- о возможности реализации гражданами имущественных интересов, возникающих в результате использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущих поколений.

Список использованной литературы:

1. М.К. Сулейменов. Поправки в Конституцию: революционные изменения или косметические улучшения? // Информационная система «Параграф», 13.05.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=39137222&ysclid=mtml2lcje7180604646.
2. Э.Б. Мухамеджанов. К вопросу о положениях п.3 ст.6 Конституции РК` или кому принадлежат земля и недра Казахстана // Информационная система «Параграф», 28.05.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=35551629.
3. Ф.С. Карагусов. О введении права собственности народа Казахстана и перспективах развития этого института в праве Республики Казахстан // Информационная система «Параграф», 12.10.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=33147947.
4. С.К. Идрышева. Реализация конституционной новеллы о праве собственности народа Казахстана на природные ресурсы // Информационная система «Параграф», 18.01.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=36065002&ysclid=mtmmmbc703210370987&pos=5;111.
5. Рязанов, В.Т. Общественная собственность и ее роль в формировании рыночной модели экономики России [Электронный ресурс]. / В.Т. Рязанов, Н.Н. Осадин // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 1/2 (17/18). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=929>.
6. Дворецкий, В.М. Правовой статус «Постоянного Фонда Аляски»: общая характеристика / В.М. Дворецкий // Финансы и управление. – 2019. – № 1. – С. 10-18.
7. O.S. Goldsmith. The Alaska Permanent Fund Dividend: A Case Study in the Direct Distribution of Resource Rent [Электронный ресурс]. // Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage, 2011. – Режим доступа: https://scholarworks.alaska.edu/uaa_user_reports/60/?utm_source=chatgpt.com.
8. S. Gupta, A. Segura-Ubiergo, E. Flores. Sharing the Wealth: Countries that enjoy a resource windfall should be prudent about distributing it all directly to their people, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.elibrary.imf.org/view/journals/022/0051/004/article-A019-en.xml?utm_source=chatgpt.com&ArticleTabs=Abstract.

9. L. El-Katiri, B. Fattouh, P. Segal. Anatomy of an oil-based welfare state: Rent distribution in Kuwait, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://soas-repository.worktribe.com/output/391868/anatomy-of-an-oil-based-welfare-state-rent-distribution-in-kuwait?utm_source=chatgpt.com.

References:

1. M.K. Sulejmenov. Popravki v Konstituciju: revoljucionnye izmenenija ili kosmeticheskie uluchshenija? // Informacionnaja sistema «Paragraf», 13.05.2022 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://prg.kz/document/?doc_id=39137222&ysclid=mtml2lcje7180604646.

2. Je.B. Muhamedzhanov. K voprosu o polozhenijah p.3 st.6 Konstitucii RK` ili komu prinadlezhat zemlja i nedra Kazahstana // Informacionnaja sistema «Paragraf», 28.05.2024 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://prg.kz/document/?doc_id=35551629.

3. F.S. Karagusov. O vvedenii prava sobstvennosti naroda Kazahstana i perspektivah razvitija jetogo instituta v prave Respubliki Kazahstan // Informacionnaja sistema «Paragraf», 12.10.2023 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://prg.kz/document/?doc_id=33147947.

4. S.K. Idrysheva. Realizacija konstitucionnoj novelly o prave sobstvennosti naroda Kazahstana na prirodnye resursy // Informacionnaja sistema «Paragraf», 18.01.2024 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://prg.kz/document/?doc_id=36065002&ysclid=mtmmbc703210370987&pos=5;111.

5. Rjazanov, V.T. Obshhestvennaja sobstvennost' i ee rol' v formirovanii rynochnoj modeli jekonomiki Rossii [Elektronnyj resurs]. / V.T. Rjazanov, N.N. Osadin // Problemy sovremennoj jekonomiki. – 2006. – № 1/2 (17/18). – Rezhim dostupa: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=929>.

6. Dvoreckij, V.M. Pravovoj status «Postojannogo Fonda Aljaski»: obshhaja harakteristika / V.M. Dvoreckij // Finansy i upravlenie. – 2019. – № 1. – S. 10-18.

7. O.S. Goldsmith. The Alaska Permanent Fund Dividend: A Case Study in the Direct Distribution of Resource Rent [Elektronnyj resurs]. // Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage, 2011. – Rezhim dostupa: https://scholarworks.alaska.edu/uaa_iser_reports/60/?utm_source=chatgpt.com.

8. S. Gupta, A. Segura-Ubiergo, E. Flores. Sharing the Wealth: Countries that enjoy a resource windfall should be prudent about distributing it all directly to their people, 2014 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.elibrary.imf.org/view/journals/022/0051/004/article-A019-en.xml?utm_source=chatgpt.com&ArticleTabs=Abstract.

9. L. El-Katiri, B. Fattouh, P. Segal. Anatomy of an oil-based welfare state: Rent distribution in Kuwait, 2011 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://soas-repository.worktribe.com/output/391868/anatomy-of-an-oil-based-welfare-state-rent-distribution-in-kuwait?utm_source=chatgpt.com.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Равиль Сидағатұлы Мажитов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіби оқыту институты директорының орынбасары – басқарма бастығы, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, «Заң ғылымдарына қосқан үлесі үшін» номинациясында «Жас үздік заңгер 2018» республикалық байқауының жеңімпазы, e-mail: ravil-ms@mail.ru, orcid.org/0009-0000-2605-4865.

Мажитов Равиль Сидагатович – заместитель директора – начальник управления Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат исторических наук, доцент, победитель республиканского конкурса «Лучший молодой юрист 2018» в номинации «За вклад в юридическую науку», e-mail: ravil-ms@mail.ru, orcid.org/0009-0000-2605-4865.

Mazhitov Ravil Sidagatovich – Deputy Director – Head of Department of the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, winner of the Republican Competition «Best Young Lawyer 2018» in the nomination «For contribution to legal science», e-mail: ravil-ms@mail.ru, orcid.org/0009-0000-2605-4865.

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

https://doi.org/10.52425/25187252_2026_41_19
ӘОЖ 347.441

Э.Б. Аблаева^{1*}, С.Б. Саутбаева²

¹С.Д. Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медицина университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті, Ақтөбе қ., Қазақстан Республикасы

СУРРОГАТ АНА БОЛУ ШАРТЫНЫҢ ЕЛЕУЛІ ТАЛАПТАРЫ: САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аннотация. Мақалада суррогат ана болу туралы шарттың елеулі талаптары зерттеледі. Қазақстан Республикасының аумағында жасалған және нотариаттық тәртіппен куәландырылған суррогат ана болу туралы шарттарды зерделеу барысында, біріншіден, олардың мазмұны азаматтық-құқықтық шарттардың құқықтық табиғаты мен мәніне сәйкес келмейтіні, екіншіден, шарттың негізгі нысанын көрсетілмегені немесе дұрыс айқындалмағаны, үшіншіден, тараптар келіскен және бекіткен, шарттың елеулі талаптары болып табылатын талаптардың көзделмегені анықталды.

Қазақстанның репродуктивтік медицина, неке-отбасы және азаматтық-құқықтық қатынастар саласындағы заңнамасына жүргізілген шолу осы уақытқа дейін суррогат ана болу туралы үлгілік шарттың әзірленбегенін және қабылданбағанын көрсетті. Суррогат ана болу туралы шарттың біріздендірілген нысанының болмауы және мұндай шарттарға мемлекет тарапынан тиісті бақылаудың жүргізілмеуі шарттық тәжірибеге кері әсер еткені анықталды. Өз кезегінде, қалыптасқан шарттық тәжірибеде суррогат ана болу туралы шарттың құқықтық табиғаты мен мәніне толық сәйкес келмейтін өзіндік әдет-ғұрыптар мен қағидалар орныққан.

Авторлар суррогат ана болудың сипаты мен ерекшеліктерін, оны қолданудың тәртібі мен шарттарын, заңнаманың мәні мен қалыптасқан шарттық тәжірибені, сондай-ақ шет мемлекеттердің тәжірибесін ескере отырып, суррогат ана болу туралы шарттарда көзделуге тиіс елеулі талаптарды ұсынады.

Түйінді сөздер: суррогат ана болу туралы шарт; шарттың елеулі талаптары; тараптардың құқықтары; тараптардың міндеттемелері; суррогат ана; биологиялық ата-аналар; эмбрион трансфері; қосалқы репродуктивтік медицина; медициналық құқық.

Э.Б. Аблаева¹, С.Б. Саутбаева²

¹Казахский национальный медицинский университет имени С.Д. Асфендиярова, г. Алматы, Республика Казахстан

²Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, г. Актобе, Республика Казахстан

СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Исследуются существенные условия договоров суррогатного материнства. В ходе изучения нотариальных договоров суррогатного материнства, заключенных на территории Республики Казахстан, выявлено, что, во-первых, их содержание не соответствует правовой природе и смыслу договоров гражданско-правового характера, во-вторых, в них не указаны или неправильно определены основной предмет, в-третьих, они не предусматривают согласованные и утвержденные сторонами требования, являющиеся существенными условиями. Обзор казахстанского законодательства в сфере репродуктивной медицины, брачно-семейных и гражданско-правовых отношений показал, что, по сей день, не разработан и не принят типового договор суррогатного материнства. Установлено, что отсутствие унифицированной формы договора суррогатного материнства и контроля со стороны государства негативно отразилось на договорной практике, которая, в свою очередь, сформировала свои обычаи и правила, не соответствующие в полной мере его правовой природе и смыслу. С учетом характера и особенностей суррогатного материнства, порядка и условий его применения, смысла законодательства и сложившейся договорной практики, а также опыта зарубежных стран авторы предлагают существенные условия, которые необходимо предусматривать в договорах суррогатного материнства.

Ключевые слова: договор суррогатного материнства; существенные условия договора; права сторон;

обязательства сторон; суррогатная мать; биологические родители; трансфер эмбриона; вспомогательная репродуктивная медицина; медицинское право.

E.B. Ablaeva¹, S.B. Sautbayeva²

¹*S.D. Asfendiyarov Kazakh National Medical University, Almaty, the Republic of Kazakhstan*

²*K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, the Republic of Kazakhstan*

ESSENTIAL TERMS OF THE SURROGACY AGREEMENT: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Abstract. The essential terms of surrogacy contracts are investigated. During the study of notarial surrogacy contracts concluded in the territory of the Republic of Kazakhstan, it was revealed that, firstly, their content does not correspond to the legal nature and meaning of civil law contracts, secondly, they do not specify or incorrectly define the main subject, thirdly, they do not provide for agreed and approved the parties have requirements that are essential conditions. A review of Kazakhstan's legislation in the field of reproductive medicine, marriage, family and civil law relations has shown that, to this day, a standard surrogacy contract has not been developed and adopted. It has been established that the lack of a unified form of surrogacy agreement and state control over such agreements has negatively affected contractual practice, which, in turn, has formed its own customs and conditions that do not fully correspond to its legal nature and meaning. Taking into account the nature and characteristics of surrogacy, the procedure and conditions for its application, the meaning of legislation and established contractual practice, as well as the experience of foreign countries, the authors propose essential conditions that must be provided for in surrogacy contracts.

Keywords: surrogacy agreement; essential terms of the agreement; rights of the parties; obligations of the parties; surrogate mother; biological parents; embryo transfer; assisted reproductive medicine; medical law.

Kіpіcne. Құрсақ аналық адам денесінен тыс жасанды түрде ұрықтандырылған эмбрионды басқа әйелдің жатыр қуысына тасымалдап, оның құрсағында көтеруге – қосалқы репродуктивтік әдістердің бірі. Бұл әдіс ретінде бүкіл әлемде үлкен сұранысқа ие. Мұның себебі-әйелдердің бедеулігі, оның ішінде абсолютті бедеулік, туылғаннан бастап немесе хирургиялық операциялар салдарынан жатыр болмаған кезде, жатыр қуысының немесе жатыр мойнының ақаулары, әдеттегі түсік тастау, сондай-ақ онкологиялық, соматикалық, психологиялық аурулар, ағзалардың донордан әйелге тасымалдау. Құрсақ аналық халық арасында үлкен сұранысқа ие болғанына қарамастан, осы күнге дейін ҚР-ның заңнамасында құрсақ аналар мен биологиялық ата-аналар арасындағы құқықтық қатынастар жеткілікті көлемде және егжей-тегжейлі тәртіппен реттелмеген. Олардың құқықтары мен міндеттері құрсақ аналық мәмілесімен реттеледі. Құрсақ аналық мәмілесі – нотариатта куәландырылған жазбаша мәміле. Оған сәйкес адам эмбриондары жасанды жолмен ұрықтанып, өсірілгеннен кейін генетикалық жағынан бөтен әйелдің жатырына ауыстырылып, ол жүктілік кезіндегі күтім, медициналық қызмет көрсету және ақшалай сыйақы алу үшін жүктілікті толық мерзімге дейін көтеруге, баланы босанып, генетикалық ата-аналарға тапсыруға келіседі.

Өкінішке орай, ҚР-ның аумағында соңғы 5 жылда жасалған нотариатта куәландырылған құрсақ аналық мәмілелерінің мазмұнын зерделеу барысында олардың бала көтеру мен босану туралы екіжақты келісімінің елеулі ережелерін қамтымайтыны немесе оларды дұрыс анықтамауы айқындалды. Мәселен, құрсақ аналық мәмілелердің мазмұнына қарағанда көпшілігі еңбек шарттарына ұқсас болып келеді, көбісінде мәні көрсетілмеген немесе дұрыс белгіленбеген, бірде біреуінде құрсақ аналардың өмірі мен денсаулығын жүктілік пен босану барысында және босанғаннан кейінгі уақытта әлеуметтік сақтандыру көзделмеген, басым бөлігінде тараптарының бірі – генетикалық ата-аналар құрсақ аналарға қарағанда тәуелді және осал жағдайда болады, сондай-ақ құрсақ аналардың қосалқы репродуктивтік әдістер мен технологияларды қолдану арқылы пайда болған жүктілікке жауапты екендігі айтылмайды.

Осы мәселелерді шешу құрсақ аналық мәмілелердің мазмұнын зерттеуді талап етеді.

Шетелдердің репродуктивті медицина саласындағы заңнамасы мен құрсақ аналықтың шарттық тәжірибесін салыстырмалы-құқықтық талдау кешенді зерттеу жүргізу үшін маңызды. Өз кезегінде, бұл құқықтық реттеудің әртүрлі ұлттық үлгілерінің ерекшеліктерін айқындауға, олардың ортақ және айрықша белгілерін анықтауға, сондай-ақ қазақстандық заңнаманы дамытудың және оның құқық қолдану тәжірибесін жетілдірудің ықтимал бағыттарына қатысты ғылыми негізделген тұжырымдарды қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеудің мақсаты – құрсақ аналық мәмілелерінің мазмұнын және тараптардың құқықтары мен міндеттерін құқықтық реттеу ерекшеліктерін анықтау, сондай-ақ шетелдік тәжірибені салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде осы қатынастарды құқықтық реттеуді жетілдіру бағыттарын ұсыну.

Зерттеу мақсатына қол жеткізу үшін мынадай міндеттер қойылды:

- құрсақ аналық мәмілелерінің негізгі ережелерінің құқықтық реттелу ерекшеліктерін зерделеу;

- құрсақ аналар мен генетикалық ата-аналардың құқықтары мен міндеттерін талдау;
- шетелдік заңнама мен шарттық тәжірибені салыстырмалы-құқықтық зерттеу;
- анықталған мәселелердің негізінде ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы құрсақ аналық мәмілелерінің мазмұнын қазақстандық және шетелдік шарттық тәжірибемен салыстыра отырып кешенді талдаудан, олардың құқықтық реттелуіндегі мәселелерді анықтаудан және құрсақ аналар мен генетикалық ата-аналардың құқықтары мен міндеттерінің теңгерімді арақатынасын қамтамасыз етуге бағытталған ұсыныстарды негіздеуден тұрады.

Редакцияның мақала көлеміне қойылатын талаптарын ескере отырып, жұмыста заңнама мен құқық қолдану тәсілдерін талдау зерттеу тақырыбына тікелей қатысты және қарастырылып отырған құқықтық реттеу үлгілерінің ерекшеліктерін анықтау үшін маңызды ережелермен шектеледі.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу барысында қосалқы репродуктивті медицина, денсаулық сақтау, неке-отбасы және азаматтық-құқықтық қатынастар саласындағы қазақстандық және шетелдік заңнама қолданылды. Атап айтқанда, Англия, Армения, Беларусь, Грузия, Израиль, Индия, Ресей, Канада, Қырғызстан, Украина елдерінің және Калифорния штатының нормативтік құқықтық актілері қарастырылды. Құқықтық реттеудің шетелдік модельдерін таңдау аталған елдердің аумағында құрсақ аналықты қолдануға заңды түрде рұқсат етілгендігіне байланысты. Салыстырмалы-құқықтық талдау құрсақ аналықты мемлекет тарапынан тану және оны құқықтық реттеу, құрсақ аналыққа қатысатын адамдарға қойылатын талаптар, құрсақ аналық мәміленің нысаны мен мазмұны, оның құқықтық салдары, құрсақ анадан туылған балаға ата-ана құқықтарын белгілеу тәртібі сияқты өлшемшарттар негізінде жүргізілді. Сондай-ақ Қазақстанда қалыптасқан құрсақ аналық мәмілелердің шарттық тәжірибесіне шолу жасалды. Құрсақ аналық мәмілелер көпшілікке жабық, олардың мазмұны тек зерттеу мақсаттары үшін талданады және бұл жұмыста құрсақ аналық мәміленің тараптары болып табылатын құрсақ аналар мен биологиялық ата-аналардың тегі, аты, жөні, туған жылы, жеке сәйкестендіру нөмірі, мекен-жайы туралы сияқты мәліметтер жарияланбайды. Толыққанды, терең және жан-жақты зерттеу жүргізу үшін талдау, синтез, дедукция әдістері қолданылды. Салыстырмалы-құқықтық әдіс құрсақ аналық саласындағы қазақстандық заңнама мен қалыптасқан тәжірибесінің оң немесе теріс тұстарын айқындауда, сонымен қатар олардың шетелдік үлгілерімен ұқсастығын немесе айырмашылығын байқауда қолданылды. Аталған әдістерді қолданудың арқасында зерттеу алдына қойылған мақсаттарға қол жеткізілді және міндеттер шешілді. Зерттеудің теориялық негізін отандық және шетелдік зерттеушілердің ғылыми еңбектері құрады.

Зерттеу кезеңі 2021-2025 жылдарды қамтыды. Эмпирикалық материал ретінде осы кезеңде

ҚР-ның аумағында жасалған нотариатта куәландырылған құрсақ аналық мәмілелері алынды. Мәмілелерді іріктеу олардың зерттеу тақырыбына сәйкестігіне және құрсақ аналар мен биологиялық ата-аналардың құқықтары мен міндеттерін реттейтін шарттық ережелердің болуына негізделді. Мәмілелерді бағалау кезінде олардың нысаны мен мазмұнының заңнама талаптарына сәйкестігі, тараптардың құқықтары мен міндеттерінің айқындалуы, жауапкершілікті реттеу, жүктілік пен босану кезеңіндегі құрсақ анасының құқықтары мен мүдделерін қорғау, сондай-ақ тараптар мүдделерінің теңгерімінің қамтамасыз етілуі ескерілді.

Сонымен қатар, түркітілдес елдерде «суррогат ана» терминінің сөзбе-сөз аударылмайтынын атап өткен жөн. Мысалы, әзербайжандар «əvəzedici ana», қырғыздар «карын эне», түріктер «taşıyıcı anne», қазақтар «құрсақ ана» терминдерін қолданады. Осыған байланысты жұмыста «құрсақ ана» және «құрсақ аналық» терминдері қолданылады. Ал, Редакцияның талап етуі бойынша ғылыми мақаланың қазақ тіліндегі атауында «суррогат ана болу шарты» сөз тіркесі қолданылды.

Нәтижелер, талқылау. ҚР Конституциясының 32-бабына 1-тармағына сәйкес, Қазақстан Республикасы азаматтарының өз денсаулығын сақтауға құқығы бар¹. Адамның денсаулығы дегенде біз тек қана физиологиялық денсаулықты қарастырмай, сонымен қатар психикалық және репродуктивті денсаулықты да қамтуымыз тиіс. Аталған конституциялық ережені жүзеге асыру мақсатында қабылданған «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау туралы» Қазақстан Республикасының Кодексі азаматтар мен отбасылардың репродуктивтік құқықтарын, жүкті әйелдер мен аналардың құқықтарын, сондай-ақ Қазақстанда рұқсат етілген қосалқы репродуктивтік әдістер мен технологияларды қолдану арқылы бедеулікті емдеу немесе еңсеру мүмкіндігін бекітті².

Құрсақ аналық мәмілелердің осы күнге дейін негізгі құқықтық табиғаты анықталмағандығына қарамастан, оларды көбіне азаматтық-құқықтық сипаттағы мәмілелерге жатқызады. Ол дегеніміз құрсақ аналық мәмілелердің нысаны, мәні, мазмұны, елеулі ережелері заңмен бекітілген азаматтық-құқықтық сипаттағы мәмілелерге сай болуы керек. Дегенмен, ҚР Азаматтық кодексінде құрсақ аналық мәмілелеріне қойылатын негізгі талаптар көзделмеген.

«Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы» Қазақстан Республикасы кодексінің 55-бабына сәйкес, құрсақ аналық мәмілесінің мазмұны мыналарды қамтуы тиіс:

- «1) балаға тапсырыс берушілердің және құрсақ ананың деректерін;
- 2) құрсақ ананың күтіміне арналған материалдық шығыстарды төлеу тәртібін және шарттарын;
- 3) тараптардың мәміле талаптары орындалмаған кездегі құқықтарын, міндеттерін және жауапкершілігін;
- 4) өтемақының мөлшерін және оны төлеу тәртібін;
- 5) өзге де, оның ішінде төтенше оқиға жағдайларын»³.

Алайда, құрсақ аналық мәмілесінде бұл ережелерді ғана көздеу жеткіліксіз. Кіріспе бөлімінде айтылғандай, көптеген мәселелер біздің мемлекетіміздің тарапынан шешілмеген күйінде қалып отыр. Мәселен, Израиль, Индия және Канада елдерінде құрсақ аналық және т. б. қосалқы репродуктивті әдістер мен технологиялар мемлекеттің қатаң бақылауында. Атап айтсақ, бұл елдерде Денсаулық сақтау министрлігі жанында құрылған арнайы комиссиялар құрсақ аналықты қолдану тәртібі мен шарттарын қадағалайды. Сондықтан құрсақ аналыққа рұқсат

¹ Қазақстан Республикасының Конституциясы: Конституция 2026 ж. 15 наурызда республикалық референдумда қабылданды [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://old.adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000>.

² Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы: Қазақстан Республикасының 2020 ж. 7 шілдедегі № 360-VI ҚРЗ Кодексі [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360>.

³ Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы: Қазақстан Республикасының 2011 ж. 26 желтоқсандағы № 518-IV Кодексі [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1100000518>.

етілген Англия, Армения, Беларусь, Грузия, Израиль, Индия, Ресей, Канада, Қырғызстан, Украина елдерінің және Калифорния штатының репродуктивті медицина саласындағы заңнамасы мен құрсақ аналықтың шарттық тәжірибесіне шолу жасауды жөн санаймыз.

Құрсақ аналық келісімдер туралы заңның қолданылуын түсіндіретін Израиль Денсаулық сақтау министрлігінің 2021 жылғы 27 желтоқсандағы № 7/2021 циркулярына сәйкес, баланы көтеру мен босану келісінде келесі ережелер қамтылуы тиіс. Құрсақ ананың жүктілік пен босану барысында өмірі мен денсаулығын сақтау жөніндегі сақтандыру полисі, оның жатыр қуысына жалпы 6-дан аспайтын эмбрионды тасымалдау және баланың Израиль мемлекетінің аумағында босануы туралы ереже, әлеуметтік қызметкер жайлы мәліметтер жүктілік пен босануға байланысты құрсақ ананың шығындарын өтеуге арналған ақшалай қаражат түсетін арнайы банктік шот, соның ішінде ол табысынан немесе жұмысынан айрылған, уақытша еңбекке қабілеттілігін жоғалту, жарақат алу жағдайларында⁴. Айта кетсек, құрсақ аналық келісімдер (келісімді бекіту және жаңа туған нәрестенің мәртебесі) туралы 1996 жылғы заңға сәйкес, Израильде құрсақ аналық мәміленің тараптары тек Израильдің резиденттері бола алады, құрсақ ана ретінде тек некеде тұрмайтын және құрсақ аналық бағдарламасына алғаш рет қатысып отырған әйел ғана қатыса алады, сондай-ақ оған ол жүктілік пен босану үшін сыйақы төленбейді⁵. Еске сала кетейік, Израильде құрсақ ананың сақтандыру полисі оның өмірі мен денсаулығын сақтандыруды, жазатайым оқиғалардан сақтандыруды, жүктілікке және босануға байланысты еңбек ету қабілетінен айырылған кезде, ауыр сырқаттанған жағдайда, құрсақ ананың сақтандыру шартының мәні мен талаптарын түсіндіру фактісін растай отырып сақтандыруды қамтуы тиіс⁶.

Ұлыбритания үкіметі Англия мен Уэльстің генетикалық ата-аналары мен құрсақ аналарына құрсақ аналық рәсімі және ата-аналықты растауға қатысты сот ісін жүргізу бойынша Нұсқаулықты басшылыққа алуды ұсынады. Нұсқаулыққа сәйкес, жүктілікті көтеру келісінде генетикалық ата-аналар мен құрсақ аналарға өздігінен түсік тастау, өлі туылу, дамымай қалған жүктілік, жүктіліктің үзілуі, көп ұрықты жүктілік, ұрықты редукциялау немесе жүктілікті тоқтату қажеттілігі, жүктілік пен босану не босанғаннан кейінгі кезеңде күтпеген жағдайларға байланысты даулар мен келіспеушіліктер орын алған жағдайларда тараптардың шешімдері мен әрекеттері алдын ала айқындалуы қажет. Сонымен қатар, жүктілік пен босану барысында туындауы мүмкін тәуекелдер мен қауіп-қатерлерді ескерте, генетикалық ата-аналарға құрсақ ананың өмірі мен денсаулығын сақтандыруды рәсімдеу ұсынылады⁷.

Индияда азаматтық құқықтық сипаттағы құрсақ аналық мәмілесі жасалмайды. Соған қарамастан, 2021 жылғы The Surrogacy (Regulation) Act (q) тармағымен құрсақ ананың қызметтерін пайдалануды жоспарлап отырған жұптардан, сақтандыру компанияларынан және агенттерден құрсақ ананың медициналық тексеруден өту кезінде жұмсалған шығындарын, ауруға немесе өлімге әкеп соққан перинаталдық асқынулардың салдарынан келтірілген зиянды өтеуді, сондай-ақ құрсақ аналықты қолдануға байланысты басқа да шығындарды өтеуді кепілдендіруді талап етеді. Сондай-ақ, 2021 жылғы The Surrogacy (Regulation) Act биологиялық ата-аналарға құрсақ ананы сақтандыру компаниясы немесе агенті құрсақ ананың пайдасына белгіленген мөлшерде және шарттарда 36 айға дейін босанғаннан кейінгі барлық асқынуларды қамтитын

⁴ 7/2021: מס' הבריאות משרד מנכ"ל חוזר [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://www.gov.il/BlobFolder/policy/mk07-2021/he/files_circulars_mk_mk07_2021.pdf.

⁵ 1996-ה'תשנ"ו (היילוד ומעמד הסכם אישור) עוברים לנשיאת הסכמים חוק [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://www.nevo.co.il/law_html/law00/71740.htm.

⁶ 7/2021: מס' הבריאות משרד מנכ"ל חוזר [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://www.gov.il/BlobFolder/policy/mk07-2021/he/files_circulars_mk_mk07_2021.pdf.

⁷ The surrogacy pathway: surrogacy and the legal process for intended parents and surrogates in England and Wales [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.gov.uk/government/publications/having-a-child-through-surrogacy/the-surrogacy-pathway-surrogacy-and-the-legal-process-for-intended-parents-and-surrogates-in-england-and-wales>.

сақтандыру полисімен қамтамасыз етуге міндеттейді⁸.

Ақылы құрсақ аналыққа тыйым қойылғандықтан басқа төлемақылар қарастырылмаған. Үнді әріптестеріміздің айтуынша, оның себебі экономикалық тұрғыдан әлсіз және осал үнді әйелдер қанаудан аулақ болуы тиіс, сондай ақ құрсақ аналықты қолдану барысында этикалық тұстар да сақталуы тиіс. Бұған дейін шетелдік жұптар үнді құрсақ аналардың көмегіне жүгініп, артынша оларға тиісті қаражатты төлемей, сапалы медициналық көмек көрсетпей, тіптен туылған балалардан да бас тартқан жағдайлар болған. Дегенмен, авторлардың ойынша ақылы құрсақ аналыққа толық тыйым салу құрсақ аналық мәмілесінен туындайтын дауларды жоққа шығара алмайды [1; 686].

Осыған ұқсас пікір білдірген ағылшын әріптесіміз тыйым салу мен шектеулер тараптар арасында туындауы мүмкін келіспеушіліктерді шешпейтінін, керісінше, көлеңкелі құрсақ аналық нарығы мен заңсыз бизнеске әкелуі мүмкін екенін атап өтеді. Дәлірек айтқанда, Кирсти Хорсидың ұсынысы бойынша БҰҰ адам құқықтарын қорғау ниетімен құрсақ аналықты қолдану нұсқаулығын әзірлеуі керек. Сондай-ақ, Еуропалық Одақ 27 мемлекеттің аумағында әрекет ете алатын құрсақ аналықты қолданудың арнайы халықаралық құжатын мақұлдауы қажет. Сонымен қатар, басқа да мүдделі топтар құрсақ аналыққа қатысатын тараптарға қатысты ең төменгі этикалық әдептілік мінез құлқы ортақ жобаның келісіміне қол жеткізулері маңызды [2; 11-12].

Қазақстандық әріптестердің зерттеулеріне сәйкес, құрсақ аналық қатынастары мәміле арқылы жүзеге асырылғанымен, заң тараптардың онда бекітілген міндеттерін тиісінше орындайтынына кепілдік бермейді. Е.Т. Нұрмағамбет пен Э.О. Тойлыбекова құрсақ ана мен генетикалық ата-аналардың арасындағы құқықтық қатынастарды жетілдіруін абзал көреді. Бұл қатынастарда баланың заңды мүдделері басымдыққа ие болуы және тараптардың құқықтары біржақты қорғалмауы тиіс. Яғни, бала мен оның генетикалық ата-аналары ешбір жағдайда құрсақ анаға тәуелді болмауы тиіс [3; 35-36].

Канада Федерациясында құрсақ анаға сыйақы төлеуге рұқсат етілмейді. Алайда генетикалық ата-аналар құрсақ анаға қыруар қаражат жұмсайды. Reimbursement related to Assisted Human Reproduction Regulations 4-тармағына сәйкес, олар тек құжаттармен расталған келесі шығындарды өтейді:

- «- көлік, тұрақ, тамақтану және тұруға;
 - асырауындағы адамдарға немесе үй жануарларына күтім жасауға;
 - дәрігерлердің қабылдауына;
 - заң қызметтеріне;
 - кез келген дәрілік заттарды немесе құрылғыларды сатып алуға;
 - уәкілетті адам ұсынатын өнімдерді немесе қызметтерді сатып алуға;
 - акушер немесе доула қызметтеріне;
 - тамақ өнімдеріне;
 - жүкті әйелдің киімдеріне;
 - телекоммуникацияға;
 - пренатальды сабақтарды өтуге;
 - босануға;
 - медициналық сақтандыруға, мүгедектік бойынша сақтандыруға, өмірді сақтандыруға, туристік сақтандыруға;
 - медициналық және өзге құжаттарды алуға немесе растауға жұмсалған»⁹.
- Олардан басқа, медициналық қорытынды негізінде құрсақ анаға жүктілік пен босануға

⁸ The Surrogacy (Regulation) Act, 2021 (ACT NO. 47 OF 2021) [As on the 7th October, 2025] [Электрондық ресурсы] – Айналыс режимі: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/17046/1/aaA2021-47.pdf> (жүгінген күні: 25.03.2026).

⁹ Assisted Human Reproduction Act (S.C. 2004, c. 2) [Электрондық ресурсы]. – Айналыс режимі: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/a-13.4/FullText.html>.

байланысты табысын жоғалтканы үшін өтемақы төленуі мүмкін¹⁰.

Ресей Федерациясының денсаулық сақтау саласындағы заңнамасына сәйкес құрсақ ананы қолдану азаматтық құқықтық сипаттағы мәмілелерді жасау арқылы жүзеге асырылады¹¹. Бірақ басқа елдерге қарағанда, Ресейде құрсақ аналық мәмілесіне қойылатын талаптар денсаулық сақтау саласын, азаматтық және отбасы құқықтық қатынастарын реттейтін заңдарда қарастырылмаған. Сондықтан құрсақ аналық мәмілесі тараптарының құқықтық қатынастары туралы мәселе шешілмеген күйінде қалады және онда өз ережелерін қарастыра алатын тараптардың қалауы бойынша жүзеге асырылады. Осы мәселеге зейін қойған ресейлік зерттеушілердің пікірінше РФ Азаматтық Кодексінің «Құрсақ аналық мәмілесі» деген бөлек тарауы құрсақ аналық мәмілесін жасау, орындау мен бұзу сұрақтарын қамтуы тиіс. Яғни, осы тараудың 1-бабы құрсақ аналық мәмілесінің түсінігін, 2-бабы құрсақ аналық мәмілесін орындаудан біржақты бас тарту мәселелерін, 3-бабы елеулі ережелер – құрсақ аналық мәмілесінің мәні, тараптардың құқықтары мен міндеттерін, олардың жауапкершілігін, еңсерілмейтін күш жағдайларын, мәмілені қолдану мерзімін, 4-бабы құрсақ ананың көрсеткен қызметі үшін төленетін сыйақы, сондай-ақ оның жүктілік, босану және босанғаннан кейінгі ай сайынғы күтімі, медициналық тексеруден өтуі мен көмек алуы туралы мәліметтерді, ал 5-бабы тараптардың ақпаратты үшінші тұлғаларға жария етпеу міндеттемесін қарастыруы қажет [4;252-254].

Қырғызстан Республикасында қосалқы репродуктивті медицина саласын, соның ішінде құрсақ аналықты реттейтін көптеген нормативтік құқықтық актілер бар. Алайда, олардың біреуінде құрсақ аналық мәмілесінің мазмұнына талап қоятын норма байқалмайды. Мәселен, Отбасы кодексінде туу туралы жазбалар кітабында ата-ана ретінде тек құрсақ аналық арқылы балалары туылған тапсырыс берушілерді тіркеу туралы айтылады¹². Азаматтардың денсаулығын сақтау Заңында репродуктивтік құқықтардың ішінде медициналық көрсеткіштер мен отбасы жағдайына қарамастан құрсақ ананы қолдану құқығын көрсеткен¹³. Ал, министрлер кабинетінің Қаулысында құрсақ аналықты қолданудың тәртібі мен ережелері бекітілген¹⁴. Қырғызстандық ғалымдарды құрсақ аналықты қолданудың ресми есебінің жоқтығына, Қырғызстанның соңғы жылдары репродуктивтік саяхат отанына айналғанына, ата аналардың құрсақ анадан туылған балалардан бас тарту жағдайлары аландатып отыр. Сол себепті олар құрсақ ананың көмегімен туылған балаларды қорғау ережелерін, генетикалық ата-аналардың оларды асырау мен тәрбиелеу жөніндегі міндеттерін, азаматтардың репродуктивті құқықтарын қорғаудың құқықтық тетіктерін заңмен нақты айқындау қажеттілігін айтады [5; 9-10].

Беларусь Республикасының қосалқы репродуктивті медицина мен денсаулық саласындағы заңнама құрсақ аналық мәселелерін егжей-тегжейлі реттейтіндігімен аса ерекшеленеді. Қосалқы репродуктивтік медицина Заңында құрсақ аналық мәмілесінің мазмұны келесі елеулі ережелерді қамту керек: мәміленің мәні, құрсақ ананың жатыр қуысына тасымалданатын эмбриондардың сандары, қосалқы репродуктивті әдістер мен технологияларды жүзеге асыратын және құрсақ анаға жүктілік пен босану кезінде медициналық көмек көрсететін ұйымның деректерін, құрсақ ананың міндеттерін, соның ішінде туылған баланы ата-анасына тапсыру, оның жүктілік кезінде тұратын мекен-жайы мен қызметінің құнын, ата-аналардың құрсақ анадан баланы қабылдау

¹⁰ Reimbursement Related to Assisted Human Reproduction Regulations SOR/2019-193 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2019-193/page-1.html>.

¹¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

¹² Семейный Кодекс Кыргызской Республики: от 30 авг. 2003 г. № 201 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://cbd.minjust.gov.kg/1327/edition/1163855/ru>.

¹³ Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике: закон Кыргызской Республики от 12 янв. 2024 г. № 14 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5260/edition/1939/ru>.

¹⁴ Порядок и условия использования процедуры суррогатного материнства: приложение 2 к постановлению Кабинета Министров Кыргызской Республики от 14 окт. 2024 г. № 616 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://cbd.minjust.gov.kg/50-568/edition/18312/ru?lang=ru>.

міндетін, құрсақ ананың жүктілік пен босануға жұмсалған шығындарды өтеу тәртібін¹⁵.

Армения Республикасында, өкінішке орай, құрсақ аналықты қолдану рұқсат етілгенімен, нормативтік құқықтық реттелуі әлсіз болып танылады. Заңда тек қосалқы репродуктивті технологияларды пайдалануға құқығы бар адамдар мен құрсақ ананың өзара қарым-қатынасы олардың арасында жасалатын нотариаттық куәландыруға жататын жазбаша мәмілемен реттеледі делінген¹⁶. Бірақ оның мазмұнына қойылатын талаптар мен елеулі ережелер белгіленбеген.

Грузия Республикасында құрсақ аналық мәмілесі арнайы нормативтік құқықтық актімен немесе арнайы баппен реттелмеген. Құрсақ аналықты қолдану арқылы балалы болу ережелері тек жанама түрде денсаулық сақтау туралы заңнан туындайды¹⁷. Тәжірибеде генетикалық ата-аналар мен құрсақ ана арасындағы қарым-қатынастар Азаматтық кодекстің жалпы ережелеріне сай жасалған құрсақ аналық мәмілесімен реттеледі.

Калифорния штатының Отбасы кодексі баланы көтеру мен босану келісімінде оның жасалған күні, ата-аналар мен құрсақ ана туралы толық мәліметтер, донорлардың жасушаларын қолданған жағдайларын қоспағанда жасанды ұрықтандыруда қолданылған жыныс жасушалары қолданған тұлғалар жайлы ақпарат, қосалқы репродуктивті әдістер мен технологияларға, жүктілік пен босану кезінде құрсақ ана мен туылған балаға көрсетілген медициналық қызметке, сондай ақ құрсақ ананың өмірі мен денсаулығын сақтандыруға жұмсалған қаражат шығындарын өтеу тәртібі мен шарттары көрсетілуі қажет¹⁸.

Украинаның заңнамасында құрсақ аналық мәмілесінің мазмұны мен елеулі ережелеріне қатысты арнайы бап жоқ. Мәселен, Отбасы кодексінде құрсақ аналықтың көмегімен туылған балалардың заңды ата-анасын тану (123-бап)¹⁹, Азаматтық кодекске сүйене, кәмелетке толған азаматтар медициналық айғақтарға байланысты қосалқы репродуктивті әдістер мен технологияларға жүгінеді²⁰, денсаулық сақтау заңы бойынша әйелдер жасанды ұрықтандыру мен ұрықты жатыр қуысына тасымалдау құқығына ие²¹, қосалқы репродуктивті медицина саласын реттейтін бұйрықта құрсақ аналықты жүзеге асырудың медициналық, рәсімдік және ұйымдастырушылық тұстары бекітілген²², азаматтық хал актілерін мемлекеттік тіркеу туралы бұйрығында құрсақ анадан туылған балаларды мемлекеттік тіркеуді реттеудің тәртібі көрсетілген²³. Украиналық заңгерлердің пайымдауынша мәміле міндетті түрде құрсақ ананың туылған баланы оның генетикалық ата-аналарына тапсырудан бас тарту немесе генетикалық ата-аналардың туылған баладан бас тарту, олардың құрсақ анаға төленуге тиесілі қаражатты төлемеу, сондай ақ бір немесе одан көп балалардың туылу, баланың өлі туылуы немесе босанғаннан кейін өлуі, құрсақ ананың жүктілікті үзгісі келген жағдайларын қарастыруы қажет [6; 76].

Ендігі кезекте Қазақстанда қазіргі таңда қалыптасқан құрсақ аналықтың шарттық тәжірибесіне назар аударсақ. ҚР аумағында соңғы 5 жылда жасалған нотариалды куәландырылған

¹⁵ О вспомогательных репродуктивных технологиях: закон Республики Беларусь от 7 янв. 2012 г. № 341-3 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11200341>.

¹⁶ О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека: закон Республики Армения от 26 дек. 2002 г. № ЗР-474 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=26621.

¹⁷ Law of Georgia on Health Care, 1997 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/29980/37/en/pdf>.

¹⁸ California Family Code, July 13, 1992 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=FAM&division=12.&title=&part=7.&chapter=&article=.

¹⁹ Права и обязанности матери, отца ребенка: раздел 3 Семейного кодекса Украины [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://meget.kiev.ua/kodeks/semejnyy-kodeks/razdel-3/>.

²⁰ Гражданский кодекс Украины: от 16 янв. 2003 г. № 435-IV [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418568#pos=377;-51.

²¹ Основы законодательства Украины о здравоохранении: закон Украины от 19 нояб. 1992 г. № 2801-XII [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://prg.kz/document/?doc_id=30454044.

²² Об утверждении Порядка применения вспомогательных репродуктивных технологий в Украине: приказ Министерства здравоохранения Украины от 9 сент. 2013 г. № 787 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://prg.kz/document/?doc_id=31466690#pos=5;201.

²³ Об утверждении Правил государственной регистрации актов гражданского состояния в Украине: приказ Министерства юстиции Украины от 18 окт. 2000 г. № 52/5 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://prg.kz/document/?doc_id=30477068.

құрсақ аналық мәмілелердің мазмұнымен танысу барысында заңнамада көрсетілген елеулі ережелерден өзге көбіне тараптардың әртүрлі негізсіз себептермен шарттық міндеттерін орындамау жағдайларын, оларға қолданатын айыппұл мен келтірілген моральдық залалдардың көлемі мен тәртібін, жүкті әйелдерге арналған нұсқаулықты, сондай ақ жүктілік пен босанудың асқынуына байланысты құрсақ ананың жатырын, аналық бездерін, түтіктері мен мойынын алып тастау немесе оның қайтыс болуы кезіндегі өтемақы төлемдерін кездестіруге болады.

Біз тек кейбір құрсақ аналық мәмілелерде құрсақ ананың өмірі мен денсаулығын жазатайым оқиғалардан ерікті әлеуметтік сақтандыру көзделгенін байқадық. Ал, құрсақ ананың қайтыс болуы жағдайында пайда алушы туралы мәліметтер көрсетілген. Сонымен қатар, олардың мазмұнында мәміленің негізгі мәні мен басты мақсаты дұрыс анықталып көрсетілген.

Қорытынды. Құрсақ аналық мәмілесінің мазмұны мынадай елеулі ережелерді қамтуы қажет.

Біріншіден, мәміленің негізгі мәнін, яғни жүктілікті көтеру және мерзімінен бұрын босануды қоса алғанда, жасанды ұрықтандыруды қолдану арқылы өмір сүруге қабілеттілігі бар баланың туылуын.

Екіншіден, мәміленің басты мақсатын – жасанды ұрықтандыру арқылы пайда болған жүктілікті көтеруді, мерзімінен бұрын босануды қоса алғанда баланы тууды және оны генетикалық ата-аналарға тапсыруды.

Үшіншіден, мәміленің елеулі ережелерін бұзған, тараптардың өз міндеттерін орындамаған немесе тиісінше орындамаған жағдайларында туындайтын жауаптылық, соның ішінде төленетін айыппұлдар мен моральдық зиян келтірілген залалдардың көлемін.

Төртіншіден, жүктілік пен босану және босанғаннан кейінгі уақытта құрсақ ананың өмірі мен денсаулығын әлеуметтік сақтандыруын.

Бесіншіден, жасанды ұрықтандыру мен ұрықты жатыр қуысына тасымалдаудың салдарынан туындаған асқынулар үшін репродуктивті медицина ұйымының жауапкершілігін.

Алтыншыдан, құрсақ ананың генетикалық ата-аналардың қосалқы репродуктивті әдістер мен технологияларды қолдану үшін кеткен барлық материалдық шығындар мен оларға келтірілген моральдық зияндарды өтеу шартымен мәміледе көзделген жүктілікті көтеру мен баланы босану міндетінен ұрықты оның жатыр қуысына тасымалдауына дейін бас тарту құқығын.

Жетіншіден, осы мәміленің талаптары Тараптар арасында мәміленің нотариаттық нысанда куәландырылғанға дейінгі туындаған құқықтық қатынастарға қолданылатынын.

Сегізіншіден, құрсақ аналық арқылы туылған балаларды арнайы есепке алу мақсатында генетикалық ата-аналар репродуктивті медицина ұйымына баланың туылуы туралы ақпаратты хабарлауды.

Авторлардың құрсақ аналық мәмілесінің мазмұны мен елеулі ережелеріне қатысты берген ұсыныстары биологиялық ата-аналардың және құрсақ аналардың құқықтары мен міндеттерінің көлемін белгілеуге, оларға қолданатын жауапкершілік шаралары мен шектерін нақтылауға, олардың өздерінің шарттық міндеттемелерін тиісінше орындауына ықпалын тигізеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Kaur, R. Surrogacy in India: Legal, Ethical, and Social Dimensions / R. Kaur, et al. // Journal of Neonatal Surgery. – 2025. – № 14 (12s). – Pp. 684-686.
2. Horsey, K. The future of surrogacy: a review of current global trends and national landscapes / K. Horsey // Reproductive BioMedicine. – 2024. – Vol. 48. Issue 5. – Pp. 1-16.
3. Нұрмағанбет, Е.Т. Қазақстан Республикасында қосалқы репродуктивтік әдістер мен технологиялар арқылы репродуктивті құқықтарды жүзеге асырудың құқықтық реттелуі / Е.Т. Нұрмағанбет, Э.О. Тойлыбекова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2026. – № 1 (39). – 30-40 б.
4. Цыдыпова, Н.В. Договор суррогатного материнства: анализ правовой природы договора суррогатного

материнства, его существенных условий и последствий нарушения договора / Н.В. Цыдыпова // Вопросы российской юстиции. – 2025. – Вып. 37. – С. 246-255.

5. Парайдин уулу, Ш. Кыргыз Республикасынын мыйзамдары менен карын энелик институтун укуктук жөнгө салуу / Ш. Парайдин уулу // ОШ мамлекеттик университетинин Жарчысы. Укук. – 2023. – № 2 (3). – Рр. 6-11.

6. Новицька, М.М. Прогаліні у нормативно-правовому регулюванні сурогатного материнства в Україні та аналіз досвіду зарубіжних країн / М.М. Новицька, А.В. Кожушко // Правові горизонти. – 2020. – № 22 (35). – Рр. 76-81.

References:

1. Kaur, R. Surrogacy in India: Legal, Ethical, and Social Dimensions / R. Kaur, et al. // Journal of Neonatal Surgery. – 2025. – № 14 (12s). – Рр. 684-686.

2. Horsey, K. The future of surrogacy: a review of current global trends and national landscapes / K. Horsey // Reproductive BioMedicine. – 2024. – Vol. 48. Issue 5. – Рр. 1-16.

3. Nymaranbet, E.T. Қазақстан Республикасында қосалқы репродуктивтік әдістер мен технологиялар арқылы репродуктивті құқықтарды зhyzege asyрудың құқықтық реттелуі / E.T. Nymaranbet, Je.O. Tojlybekova // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2026. – № 1 (39). – 30-40 b.

4. Cydypova, N.V. Dogovor surrogatnogo materinstva: analiz pravovoj prirody dogovora surrogatnogo materinstva, ego sushhestvennyh uslovij i posledstvij narusheniya dogovora / N.V. Cydypova // Voprosy rossijskoj justicii. – 2025. – Vyp. 37. – S. 246-255.

5. Parajdin uulu, Sh. Kyrgyz Respublikasynyn myjzamdary menen karyn jenelik institutun ukuktuk zhonge saluu / Sh. Parajdin uulu // OSh mamlekettik universitetinin Zharchysy. Ukuk. – 2023. – № 2 (3). – Рр. 6-11.

6. Novic'ka, M.M. Progalini u normativno-pravovomu reguljuvanni surogatnogo materinstva v Ukraïni ta analiz dosvidu zarubizhnih kraïn / M.M. Novic'ka, A.V. Kozhushko // Pravovi gorizonti. – 2020. – № 22 (35). – Рр. 76-81.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Эльвира Бекболатқызы Аблаева – С.Д. Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медициналық университетінің «Х. Досмұхамедов атындағы қоғамдық денсаулық сақтау» Мектебінің медициналық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, e-mail: ablaeva_1981@mail.ru, orcid.org/0009-0002-3124-1248.

Аблаева Эльвира Бекболатовна – ассоциированный профессор кафедры медицинского права Школы «Общественное здравоохранение имени Х. Досмухамедова» Казахского национального медицинского университета имени С.Д. Асфендиярова, кандидат юридических наук, e-mail: ablaeva_1981@mail.ru, orcid.org/0009-0002-3124-1248.

Ablaeva Elvira Bekbolatovna – Associate Professor of the Department of Medical Law at the H. Dosmukhamedov School of Public Health at the S.D. Asfendiyarov Kazakh National Medical University, Candidate of Law Sciences, e-mail: ablaeva_1981@mail.ru, orcid.org/0009-0002-3124-1248.

Салтанат Бақытжанқызы Саутбаева – Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университетінің экономика және құқық факультетінің құқықтану кафедрасының аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: salt_1979@mail.ru, orcid.org/0000-0003-0726-5477.

Саутбаева Салтанат Бақытжановна – старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета экономики и права Актобинского регионального университета имени К. Жубанова, магистр юридических наук, e-mail: salt_1979@mail.ru, orcid.org/0000-0003-0726-5477.

Sautbayeva Saltanat Bakytzhanovna – Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence Faculty of Economics and Law at Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Master of Law Sciences, e-mail: salt_1979@mail.ru, orcid.org/0000-0003-0726-5477.

А.С. Куатова

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье критически анализируется современное состояние коллизионно-правового механизма регламентации трансграничных семейных союзов. На основе изучения национального законодательства и международных обязательств выявлены системные дефекты отечественной нормативной базы, приводящие к возникновению «хромающих» брачно-семейных статусов. Особое внимание уделено деструктивным последствиям доминирования принципа места совершения акта и игнорированию личного закона иностранного гражданина. Рассмотрены социальные предпосылки интернационализации семейной сферы под влиянием глобализационных процессов и миграционных потоков. Авторами обоснован институциональный статус государства в Гагской конференции по международному частному праву и доказана несостоятельность ратификации некоторых устаревших соглашений. В качестве решения предложены конкретные рекомендации по реформированию профильного кодекса, направленные на восстановление двусторонних привязок, внедрение оговорки о публичном порядке и переориентацию векторов международного сотрудничества на актуальные глобальные конвенции.

Ключевые слова: Кодекс о браке (супружестве) и семье; Минская конвенция; коллизионная норма; признание разводов; имущественный спор; автономия воли; суверенная юрисдикция; семейное право.

А.С. Куатова

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ШЕТЕЛДІК ЭЛЕМЕНТІ БАР НЕКЕ-ОТБАСЫЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ШАРТТЫЛЫҒЫ

Аннотация. Мақалада трансшекаралық отбасылық одақтарды реттеудің коллизиялық-құқықтық тетігінің қазіргі жай-күйіне сыни талдау жасалады. Ұлттық заңнама мен халықаралық міндеттемелерді зерделеу негізінде «ақсандаған» неке-отбасылық мәртебелердің туындауына алып келетін отандық нормативтік-құқықтық базаның жүйелі кемшіліктері анықталды. Құқықтық акт жасалған жер қағидатының басымдығынан және шетелдік азаматтың жеке заңының ескерілмеуінен туындайтын келеңсіз салдарларға ерекше назар аударылды.

Жаһандану процестері мен көші-қон ағындарының ықпалымен отбасы саласындағы қатынастардың интернационалдануына негіз болған әлеуметтік алғышарттар қарастырылды. Авторлар мемлекеттің Халықаралық жеке құқық жөніндегі Гаага конференциясындағы институционалдық мәртебесін негіздеп, жекелеген ескірген келісімдерді ратификациялаудың орынсыздығын дәлелдейді.

Мәселені шешу мақсатында салалық кодексті реформалауға қатысты нақты ұсынымдар ұсынылды. Олар екіжақты коллизиялық байламдарды қалпына келтіруге, жария тәртіп туралы ескертпені енгізуге және халықаралық ынтымақтастықтың бағыттарын қазіргі заманғы өзекті жаһандық конвенцияларға бағдарлауға бағытталған.

Түйінді сөздер: Неке (ерлі-зайыптылық) және отбасы туралы кодекс; Минск конвенциясы; коллизиялық норма; некені бұзуды тану; мүліктік дау; ерік автономиясы; егемен юрисдикция; отбасы құқығы.

A.S. Kuatova

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

LEGAL REGULATION AND SOCIAL CONDITIONALITY OF MARITAL AND FAMILY RELATIONS WITH A FOREIGN ELEMENT IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The study provides a critical analysis of the current conflict-of-laws mechanism regulating cross-border family unions. Based on an examination of national legislation and international obligations, systemic defects in the domestic regulatory framework that lead to the emergence of “limping” marital and family statuses are identified. Particular attention is paid to the destructive consequences of the dominance of the *lex loci celebrationis* principle and the disregard for the personal law of foreign citizens. The social prerequisites for the internationalization of the family sphere under the influence of globalization processes and migration flows are examined. The authors substantiate the state's institutional status in the Hague Conference on Private International Law and prove the invalidity of ratifying certain obsolete agreements. As a solution, specific recommendations are proposed for reforming the profile code aimed at restoring bilateral choice-of-law rules, introducing a public policy exception, and reorienting international cooperation vectors toward relevant global conventions.

Keywords: Code on Marriage; Minsk Convention; conflict-of-laws rule; recognition of divorces; property dispute; autonomy of will; sovereign jurisdiction; family law.

Введение. В условиях современного мирового сообщества наблюдается неизменная тенденция к интеграции и сотрудничеству государств, что проявляется не только на политическом уровне, но и на бытовом – в области семьи и брака [1; 5]. Глобализация, активная миграция населения и рост международной мобильности приводят к тому, что семейно-брачные отношения, осложненные иностранным элементом, становятся все более распространенным явлением как в мире, так и в Казахстане [2; 36].

Для нашего государства данная тематика приобретает особую остроту в связи с наличием нескольких групп участников таких отношений: этнических репатриантов (кандасов), граждан стран СНГ и граждан дальнего зарубежья [3; 47]. Увеличение количества трансграничных союзов требует четкого правового механизма их признания и регулирования [3; 48]. Подобное динамичное развитие диктует необходимость формирования четкой, сбалансированной и системно упорядоченной коллизионной структуры, способной гарантировать защиту законных прав всех участников трансграничных семейных союзов.

Существующее брачно-семейное законодательство Республики Казахстан (далее – РК) (Кодекс «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-IV, далее – КоБС РК) подвергается серьезной научной критике [4]. Исследователи отмечают, что «с принятием действующего Кодекса произошла «вживисекция» норм международного частного права: были утрачены четкие двусторонние коллизионные привязки, что привело к правовой неопределенности. Отсутствие разграничения между формой и условиями заключения брака существенно затрудняет правоприменительную практику» [5; 228].

«Соответственно, несовершенство национальных норм и расхождения в законодательстве разных стран создают угрозу появления «хромающих» браков и разводов – ситуаций, при которых правовой статус союза признается в одном государстве, но отрицается в другом» [5; 228]. Это порождает ряд юридических проблем: от определения применимых норм права до признания иностранных судебных решений [6].

Международные браки часто сопряжены с конфликтами, касающимися раздела имущества, взыскания алиментов и определения места жительства детей [6]. Исследование социальной обусловленности таких браков позволяет глубже понять причины правовых конфликтов и предложить эффективные пути совершенствования норм КоБС РК [5; 230].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого научно-теоретического переосмысления положений Раздела VII КоБС РК, детекции его скрытых

коллизийных дефектов, а также выработки стратегических векторов гармонизации национального законодательства с международными обязательствами Казахстана, вытекающими из Минской конвенции 1993 года.

Материалы и методы. Источниками данного исследования является комплексная система, состоящая из правовых актов, правоприменительной практики и научной литературы. Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов, обеспечивающих всесторонний анализ проблем. Сравнительно-правовой метод является ключевым и применяется в том числе для сопоставления норм казахстанского семейного законодательства с положениями международных конвенций (Гаагских, Минской и Кишиневской), а также с законодательством зарубежных государств. Это позволяет выявить специфику национальных подходов и обосновать необходимость гармонизации прав.

Результаты, обсуждение. «Анализ условий и порядка заключения браков с иностранными элементами в Республике Казахстан выявляет сложную взаимосвязь между национальным законодательством и нормами международного частного права. Согласно источникам, текущее регулирование характеризуется переходом к приоритету закона места совершения акта (*lex loci celebrationis*)» [4]. Государственная регистрация брака граждан РК с иностранцами или лицами без гражданства осуществляется в соответствии с КоБС РК. «Брак регистрируется в государственных органах (Государственной корпорации «Правительство для граждан») на общих основаниях либо в дипломатических представительствах или консульских учреждениях иностранного государства, гражданином которого является иностранец¹. Брак заключается по истечении 15 календарных дней после подачи заявления и требует личного присутствия лиц, вступающих в брак. Срок может быть сокращен или увеличен при наличии уважительных причин (беременность, рождение ребенка)»². Использование портала электронного правительства (*egov.kz*) позволяет ускорить подачу документов и сделать процесс более прозрачным.

Для заключения брака необходимо соблюдение ряда требований, распространяющихся на всех участников, независимо от их гражданства. К этим требованиям относятся добровольность (обязательное полное согласие мужчины и женщины), брачный возраст (в брак на общих основаниях разрешено вступать с 18 лет, но возможно снижение не более чем на два года при наличии исключительных обстоятельств), отсутствие препятствий (запрещены однополые браки, браки между кровными родственниками, а также при наличии у вступающих в брак другого зарегистрированного брака либо признании одного из лиц недееспособным)³. Форма и порядок заключения брака на территории РК определяются исключительно законодательством Казахстана [5; 229]. Согласно статье 228 КоБС РК, «иностранец должен представить разрешение на брак от компетентного органа своей страны, если этого требует его национальное право. Однако если такое разрешение отсутствует, брак все равно может быть зарегистрирован в РК по настоянию заявителей, при условии разъяснения рисков непризнания союза на родине иностранца»⁴.

«Для апатридов, постоянно проживающих в Казахстане, условия заключения брака определяются законодательством РК. При этом ученые указывают на «бессмысленность» этой нормы в текущей редакции, так как она утратила характер двусторонней коллизийной привязки к государству постоянного места жительства, которая существовала в законе 1998 года» [4]. Для браков граждан РК за границей требуется соблюдение лишь двух статей Кодекса (возраст и препятствия), в то время как браки между иностранцами признаются, только если они не

¹ Кодекс Республики Казахстан О браке (супружестве) и семье от 26 дек. 2011 г. № 518-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

противоречат всему законодательству РК. Брак не будет признан в Казахстане, если он фундаментально противоречит правопорядку страны (например, полигамные или однополые союзы), даже если он действителен по личному закону иностранца. Таким образом, «современное законодательство РК стремится к унификации процедур через применение национальных норм (*lex loci celebrationis*), минимизируя влияние личного закона иностранного гражданина на условия действительности брака внутри страны. Исследователи подчеркивают необходимость восстановления четких двусторонних коллизионных норм для предотвращения возникновения «хромающих» браков» [5; 229].

Научный анализ трансграничных семейных институтов требует строгого разграничения между социологическим понятием «межэтнический брак» (союз между гражданами одного государства, представляющими разные этнические группы) и юридической категорией «брак с иностранным элементом» (правоотношение, осложненное участием иностранного гражданина либо апатрида). Использование в качестве доказательства роста трансграничных браков внутренних статистических индикаторов (например, данных о том, что доля смешанных браков в РК составляет около 18,2%)⁵ методологически некорректно, поскольку эти цифры отражают локальные демографические процессы внутри казахстанского общества. Истинные социальные предпосылки актуализации исследуемого института лежат в плоскости масштабных геополитических и миграционных сдвигов:

- экономическая и профессиональная иммиграция: ежегодное присутствие зарубежных специалистов (прежде всего из КНР, Турции, РФ) создает объективную межличностную среду;
- процессы этнической репатриации: возвращение кандасов, имеющих семейные связи за пределами РК, порождает массив актов, требующих легализации;
- развитие глобальных коммуникационных платформ: виртуализация знакомств минимизировала географические барьеры, но одновременно повысила риски юридической незащищенности участников трансграничных союзов [7].

Правовые последствия заключения и расторжения браков с иностранным элементом охватывают широкий спектр имущественных и неимущественных отношений, требующих особой защиты прав участников в условиях пересечения различных правовых систем. Брак в большинстве правовых систем налагает на супругов определенные обязательства, такие как взаимная поддержка, забота и имущественные права [5; 229]. В РК иностранцы и лица без гражданства, вступающие в брак с гражданами, приобретают семейные права и обязанности наравне с гражданами Казахстана в вопросах заключения и расторжения брака, алиментов и прав на имущество [3; 48]. Брак, заключенный за пределами РК с соблюдением законодательства места регистрации, признается действительным в Казахстане при условии отсутствия фундаментальных препятствий. «Что касается разрешения имущественных споров в международных браках, то они являются одними из самых сложных (*«la famosissima quaestio»*). По общему правилу РК, имущественные права супругов определяются законодательством государства, где они имеют совместное место жительства. При его отсутствии применяется закон последнего совместного места жительства или право РК. К отношениям по поводу недвижимости чаще всего применяется право страны, где эта недвижимость находится (*lex rei sitae*)». Супруги могут изменить законный режим, заключив брачный договор. В международных браках стороны имеют право самостоятельно избрать применимое право для договора (принцип автономии воли), если они не имеют общего гражданства или места жительства [1; 16].

Текущий режим регламентации брачных союзов с иностранным участием на территории Казахстана подчинен принципу *lex loci celebrationis*. Согласно национальным нормам,

⁵ Казахстанцы все чаще вступают в межэтнические браки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inform.kz/ru/kazhantantsi-vse-chashe-vstupayut-v-mezhetnicheskie-braki-9e9ab0>.

материальные условия, форма и порядок заключения брака определяются исключительно по казахстанскому праву. Данный подход вызывает обоснованную критику в правовой доктрине. Академик М.К. Сулейменов характеризует данные законодательные новеллы как деструктивное разрушение международного частного семейного права, указывая на эклектичную форму изложения статьи 228 КоБС РК [4]. Законодатель проигнорировал классическое разделение между формой брака (подчиняющейся закону места совершения) и материальными условиями его заключения, которые должны координироваться с личным законом субъекта (*lex patriae* — для иностранцев, *lex domicilii* — для лиц без гражданства) [8].

Подчинение правоспособности иностранца только нормам КоБС РК ведет к правовым коллизиям. Пункт 1 статьи 228 КоБС РК обязывает иностранного гражданина предоставить разрешение компетентного органа своего государства, но тут же нивелирует это требование, позволяя регистрировать брак по настоянию заявителей при отсутствии такого документа [1]. В итоге союз, заключенный в РК без соблюдения условий личного закона иностранного супруга, признается внутри страны, но автоматически становится недействительным («хромым») на его родине [9]. На этот коллизионный изъян и общую эклектичность отечественного законодательства в сфере МЧП справедливо указывает академик М.Т. Сарсембаев, подчеркивая, что игнорирование личного закона иностранного гражданина (*lex patriae*) при оценке его брачной правоспособности неизбежно порождает правовую неопределенность и нарушает баланс между национальным суверенитетом и международными стандартами правовой помощи [10; 314]. Более того, статья 230 КоБС РК содержит скрытый дисбаланс: брак граждан РК за границей признается при соблюдении всего двух императивных условий (возраст и отсутствие препятствий), тогда как брак иностранцев за пределами Казахстана признается только в случае, если он не противоречит всему массиву национального законодательства РК. Подобное тотальное вмешательство в чужую суверенную юрисдикцию противоречит базовым основам МЧП, если только речь не идет о защите публичного порядка (*ordre public*) [8; 114].

Также ключевым теоретическим узлом коллизионной проблемы выступает игнорирование прямой нестыковки между национальным законом и международными обязательствами РК. Казахстан выступает участником Минской конвенции 1993 года⁶. Статья 26 данного международного договора прямо провозглашает: «Условия заключения брака определяются для каждого из будущих супругов законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой он является...»⁷. Таким образом, ратифицированный международный инструмент требует применения классического принципа *lex patriae*.

Далее рассмотрим институциональный статус Казахстана в НССН.

В юридической периодике долгое время присутствовало ошибочное мнение об удаленности РК от процессов Гагской конференции (НССН) [2; 37]. В действительности Казахстан с 14 июня 2017 года является официальным членом НССН и участвует в восьми Гагских конвенциях и Протоколе. Четыре из них регулируют семейные и детские правоотношения (Конвенции 1980⁸, 1993⁹, 2007¹⁰ гг. и Протокол 2007¹¹ г.).

⁶ О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 31 марта 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B930005100_.

⁷ Там же.

⁸ 28: Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=24>.

⁹ 33: Convention of 29 May 1993 on Protection of Children and Co-operation in Respect of Intercountry Adoption [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=69>.

¹⁰ 38: Convention of 23 November 2007 on the International Recovery of Child Support and Other Forms of Family Maintenance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=131>.

¹¹ 39: Protocol of 23 November 2007 on the Law Applicable to Maintenance Obligations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=133>.

Этот статус позволяет критически переосмыслить традиционную рекомендацию о необходимости ратификации Казахстаном Гагской конвенции 1978 года о заключении браков. Официальный аудит данных НССН показывает, что за 35 лет эта конвенция привлекла всего трех участников (Австралия, Люксембург, Нидерланды) и фактически признана международным сообществом нежизнеспособной. Следовательно, призыв к ее подписанию методологически несостоятелен. Более продуктивным вектором выступает ратификация Гагской конвенции 1970 года о признании разводов (более 20 участников), способной решить проблему трансграничных расторжений браков, а также расширение сети двусторонних соглашений о правовой помощи со странами интенсивного миграционного обмена, не входящими в СНГ (КНР, Турция, ОАЭ, Иран), что обеспечит защиту имущественных прав граждан по принципу *lex rei sitae*. Как подчеркивают современные европейские исследователи (М. Ни Шуллеван, К. Триммингс), «Конвенция 1970 года, несмотря на свой возраст, демонстрирует высокую доктринальную гибкость и выступает эффективным наднациональным инструментом, гармонизирующим разрозненные семейные правовые порядки в эпоху миграционных кризисов. Это подтверждает целесообразность интеграции Казахстана в данную международную систему для минимизации рисков появления «хромяющих» разводов» [11]. В то же время зарубежная доктрина обращает внимание на то, что наднациональная коллизионная унификация не должна ограничиваться лишь формальным признанием актов гражданского состояния, но должна учитывать специфику реализации личных прав супругов при столкновении различных правовых культур [12; 112].

Заключение. Рост числа международных браков очевиден и обусловлен глобальной мобильностью и миграцией населения. Проведенный анализ свидетельствует о необходимости модернизации норм Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» в связи с чем предлагается:

1. Изменить редакцию статьи 228 КоБС РК, закрепив разделение привязок: «1. Форма и порядок заключения брака (супружества) на территории Республики Казахстан определяются законодательством Республики Казахстан. 2. Условия заключения брака (супружества) определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака, с соблюдением требований статей 10 и 11 настоящего Кодекса».

2. Модернизировать статью 230 КоБС РК, исключив избыточное требование соответствия браков иностранцев за рубежом всему законодательству РК, заменив его оговоркой о публичном порядке (*ordre public*).

3. Сместить международно-правовой вектор РК с нереализуемой Конвенции 1978 года на ратификацию Гагской конвенции 1970 года о признании разводов и форсирование двусторонних договоров со стратегическими партнерами (КНР, Турция, ОАЭ).

Список использованной литературы:

1. Иловайский, И.Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом: учебно-методическое пособие / И.Б. Иловайский. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления, 2022. – 169 с.

2. Азретбергенова, И.Ж. Шетелдік элементтің қатысуымен некелерді реттеудің халықаралық стандарттары / И.Ж. Азретбергенова, Д. Кескин // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің ХАБАРШЫСЫ. «Юриспруденция» сериясы. – 2024. – № 4 (78). – 34-42 б.

3. Tatarinova, L.F. Problems of applying the norms of the family legislation of the Republic of Kazakhstan to the legal relations arising from the registration of a marriage complicated by a foreign element / L.F. Tatarinova // International relations and international law Journal. – 2019. – № 4 (88). – Pp. 45-51.

4. М.К. Сулейменов. Почему Кодекс о браке и семье стремится уничтожить международное семейное право? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=35107632&pos=114;157.

5. Азретбергенова, И.Ж. Международные браки: правовые проблемы семейно-брачных отношений с иностранным элементом / И.Ж. Азретбергенова, Б.А. Тайторина, М.Т. Бейсенбаева // Вестник института законодательства и правовой информации РК. – 2025. – Том 80. № 1. – С. 220-231.

6. Barkat, A. Cross Border Issues in International Divorce: A Legal Understanding / A. Barkat, R. Anjum, A.A. Jato // Journal of Development and Social Sciences (JDSS). – 2025. – Vol. 6. No. 1. – Pp. 518-528.
7. Parashar, M. Cross-Border Marriages and Divorces: Navigating Legal and Social Challenges [Электронный ресурс]. / M. Parashar, V. Chaudhary // Innovative Journal of Applied Science. – 2025. – № 02 (02). – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/392362259_Cross-Border_Marriages_and_Divorces_Navigating_Legal_and_Social_Challenges.
8. Богуславский, М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. – 7-е изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 704 с.
9. Марышева, Н.И. Международное частное семейное право / Н.И.Марышева. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2021. – 288 с.
10. Сарсембаев, М.Т. Международное частное право: учебник / М.Т. Сарсембаев. – Алматы: Жеті жарғы, 2016. – 448 с.
11. Ni Shuilleabhain, M. The Hague Convention on the Recognition of Divorces and Legal Separations 1970: An Effective Mechanism for Regulating Divorce Post-Brexit? / M. Ni Shuilleabhain, K. Trimmings // International Journal of Law, Policy and the Family. – 2024. – Vol. 38. Is. 1. – Pp. 1-22.
12. Murphy, J. International Dimensions of Family Law / J. Murphy. – Manchester: Manchester University Press, 2023. – 256 p.

References:

1. Ilovajskij, I.B. Pravovoe regulirovanie brachno-semejnyh otnoshenij s inostrannym jelementom: uchebno-metodicheskoe posobie / I.B. Ilovajskij. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravlenija, 2022. – 169 s.
2. Azretbergenova, I.Zh. Sheteldik jelementtiń katusuymen nekelerdi retteudiń halykaralyq standarttary / I.Zh. Azretbergenova, D. Keskin // Abaj atyndary QazYPU-ńıń HABARShYSY. «Jurisprudenciya» serijasy. – 2024. – № 4 (78). – 34-42 b.
3. Tatarinova, L.F. Problems of applying the norms of the family legislation of the Republic of Kazakhstan to the legal relations arising from the registration of a marriage complicated by a foreign element / L.F. Tatarinova // International relations and international law Journal. – 2019. – № 4 (88). – Pp. 45-51.
4. M.K. Sulejmenov. Pochemu Kodeks o brake i sem'e stremitsja unichtozhit' mezhdunarodnoe semejnoe pravo? [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://prg.kz/document/?doc_id=35107632&pos=114;157.
5. Azretbergenova, I.Zh. Mezhdunarodnye braki: pravovye problemy semejno-brachnyh otnoshenij s inostrannym jelementom / I.Zh. Azretbergenova, B.A. Tajtorina, M.T. Bejsenbaeva // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. – 2025. – Tom 80. № 1. – S. 220-231.
6. Barkat, A. Cross Border Issues in International Divorce: A Legal Understanding / A. Barkat, R. Anjum, A.A. Jato // Journal of Development and Social Sciences (JDSS). – 2025. – Vol. 6. No. 1. – Pp. 518-528.
7. Parashar, M. Cross-Border Marriages and Divorces: Navigating Legal and Social Challenges [Jelektronnyj resurs]. / M. Parashar, V. Chaudhary // Innovative Journal of Applied Science. – 2025. – № 02 (02). – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/392362259_Cross-Border_Marriages_and_Divorces_Navigating_Legal_and_Social_Challenges.
8. Boguslavskij, M.M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik / M.M. Boguslavskij. – 7-e izd. – М.: Norma: INFRA-М, 2024. – 704 с.
9. Marysheva, N.I. Mezhdunarodnoe chastnoe semejnoe pravo / N.I.Marysheva. – М.: Juridicheskaja firma «Kontrakt», 2021. – 288 с.
10. Sarsembaev, M.T. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik / M.T. Sarsembaev. – Almaty: Zheti zharry, 2016. – 448 с.
11. Ni Shuilleabhain, M. The Hague Convention on the Recognition of Divorces and Legal Separations 1970: An Effective Mechanism for Regulating Divorce Post-Brexit? / M. Ni Shuilleabhain, K. Trimmings // International Journal of Law, Policy and the Family. – 2024. – Vol. 38. Is. 1. – Pp. 1-22.
12. Murphy, J. International Dimensions of Family Law / J. Murphy. – Manchester: Manchester University Press, 2023. – 256 p.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР/СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Алемгуль Советовна Куатова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы, философия докторы (PhD), e-mail: alema1309@mail.ru, orcid.org/0000-0003-3834-5031.

Куатова Алемгуль Советовна – Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: alema1309@mail.ru, orcid.org/0000-0003-3834-5031.

Kuatova Alemgul Sovetovna – the Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: alema1309@mail.ru, orcid.org/0000-0003-3834-5031.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ КРИМИНОЛОГИЯ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW

https://doi.org/10.52425/25187252_2026_41_36
ӘОЖ 343.2

К.Ж. Агибаева*, Г.М. Атаханова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚЫЛМЫСҚА ЖАНАСУ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ ЖӘНЕ ЦИФРЛЫҚ ҚОҒАМ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ЕРЕКШЕЛІГІ

Аннотация. Мақала қылмысқа жанасу институтының құқықтық табиғатын және оның цифрландыру жағдайындағы ерекшеліктерін зерттеуге арналған. Зерттеуде формальды-логикалық, жүйелі-құрылымдық және салыстырмалы-құқықтық әдістер қолданылды. Эмпирикалық базаны 2020-2025 жылдардағы Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 432, 433, 434-баптары бойынша қылмыстық статистика деректері және 2021-2025 жылдары шығарылған 50 сот актісі құрады. Зерттеу нәтижесінде қылмысқа жанасудың негізгі белгілері айқындалып, оны қылмысқа қатысушылықтан ажыратудың негізгі өлшемдері белгіленді. Сот практикасын талдау қылмысты жасырудың немесе ол туралы хабарламаудың дербес сипаты мен алдын ала қылмыстық пиғылдың болмауы іс-әрекетті дұрыс саралау үшін маңызды екенін көрсетті. Мақалада цифрландыру жағдайындағы қылмысқа жанасу институтының трансформациясы және «қылмыстарды виртуалды жасыру» феномені қарастырылады. Авторлар цифрлық технологиялардың қылмысты жасыру тәсілдерін күрделендіретінін атап өтіп, қылмысқа жанасу институтын жетілдіру қылмыстық құқықты дамытудың маңызды бағыты деген қорытындыға келеді.

Түйінді сөздер: қылмысқа жанасушылық; қылмыс туралы хабарламау; қылмыстық құқық; киберқылмыс; қылмыстық жауаптылық; қылмысқа қатысушылық; виртуалды жасыру; цифрландыру.

К.Ж. Агибаева, Г.М. Атаханова

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы института прикосновенности к преступлению и его особенностей в условиях цифровизации. В исследовании применены формально-логический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. Эмпирическую базу составили данные уголовной статистики по статьям 432, 433 и 434 Уголовного кодекса Республики Казахстан за 2020-2025 гг., а также 50 судебных актов, вынесенных в 2021-2025 гг. В результате исследования определены основные признаки прикосновенности к преступлению и установлены основные критерии ее разграничения с соучастием в преступлении. Анализ судебной практики показал значение самостоятельного характера сокрытия или несообщения о преступлении и отсутствия предварительного преступного умысла для правильной квалификации. В статье рассматриваются трансформация института прикосновенности к преступлению в условиях цифровизации и феномен «виртуального сокрытия преступлений». Авторы отмечают, что цифровые технологии усложняют способы сокрытия преступлений, и приходят к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования института прикосновенности к преступлению как важного направления развития уголовного права.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению; несообщение о преступлении; уголовное право; киберпреступность; уголовная ответственность; соучастие в преступлении; виртуальное сокрытие; цифровизация.

K.Zh. Agibayeva, G.M. Atakhanova

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL CONNIVANCE AND ITS FEATURES IN A DIGITAL SOCIETY

Abstract. The article examines the legal nature of criminal connivance and its features under conditions of digitalization. The study applies formal-logical, systemic-structural, and comparative legal methods. The empirical basis consists of criminal statistics on Articles 432, 433, and 434 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan for 2020-2025, as well as 50 judicial acts issued in 2021-2025. The study identifies the principal features of criminal connivance and establishes the key criteria for distinguishing it from complicity in crime. The analysis of judicial practice demonstrates the importance of the independent nature of concealment or failure to report a crime and the absence of prior criminal intent for proper legal qualification. The article also examines the transformation of criminal connivance under conditions of digitalization and the phenomenon of “virtual concealment of crimes”. The authors note that digital technologies complicate methods of crime concealment and conclude that further improvement of the institution of criminal connivance is an important direction for the development of criminal law.

Keywords: institution of involvement in crime; failure to report a crime; criminal law; cybercrime; criminal liability; complicity in crime; virtual concealment; digitalization.

Kіріспе. Қылмысқа жанасу институты өзінің ежелгі тарихына және XVII ғасырдан бастап отандық құқықтанушылар тарапынан белсенді түрде зерттеліп келе жатқанына қарамастан, әлі күнге дейін толық шешімін таппаған және ғылыми ортада кеңінен талқыланып жүрген мәселелердің бірі болып табылады. Оның құқықтық табиғаты жөнінде бірыңғай көзқарас қалыптаспаған. Қазіргі кезеңдегі құқық ғылымында қылмысқа қатысу институтына баса назар аудару үрдісі байқалады, себебі кей жағдайларда жанасу қылмысқа қатысудың құрамдас бөлігі ретінде қарастырылады. Бұдан бөлек, қылмыстық сот ісін жүргізу тәжірибесінде де көбінесе қылмысқа қатысу жағдайлары жиі кездеседі.

Қылмысқа жанасу үшін жауаптылықты көздейтін нормалардың практикалық қолданылуын бағалау мақсатында 2020-2025 жылдары ҚР ҚК-нің 432, 433 және 434-баптары бойынша тіркелген және сотқа жолданған қылмыстық құқық бұзушылықтардың динамикасы талданды¹. 2020-2025 жылдары аталған баптар бойынша барлығы 477 қылмыстық құқық бұзушылық тіркеліп, оның 279-ы сотқа жолданған. Ұсынылған деректер қылмысқа жанасқаны үшін жауапкершілік туралы қылмыстық-құқықтық нормаларды қолдану практикалық маңызын сақтайтынын көрсетеді.

Тарихтың әртүрлі кезеңдерінде жанасу мәселесін зерттеумен қылмыстық құқық саласындағы көптеген отандық және шетелдік ғалымдар айналысқан.

Материалдар мен әдістер. Мақалада формальды-логикалық, жүйелі-құрылымдық және салыстырмалы-құқықтық әдістер қолданылды. Олар қылмысқа жанасудың негізгі белгілерін, оның нысандарын және сыбайлас қатысудан айырмашылықтарын айқындауға мүмкіндік берді. Зерттеудің эмпирикалық базасын 2020-2025 жылдары ҚР ҚК-нің 432, 433 және 434-баптарын қолдануға қатысты 50 сот актісі құрады. Сонымен қатар қылмыстық заңнама, Жоғарғы Соттың нормативтік қаулысы және ғылыми жарияланымдар талданды.

Нәтижелер, талқылау. Қылмысқа жанасу институты – қылмыстық құқықтың маңызды құрамдас бөліктерінің бірі. Оның тарихи қалыптасуы қылмысты жасыру, ол туралы хабарламау және қылмыстың ашылуына кедергі келтіретін өзге де әрекеттер үшін жауаптылық нормаларымен байланысты. Қазіргі қылмыстық-құқықтық доктринада бұл институттың мазмұны мен шектері жөнінде әртүрлі ғылыми көзқарастар қалыптасқан. Қазақстан Республикасының

¹ «Тіркелген қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы» № 1-М есебінің нысаны // Құқықтық статистика [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/kz/statistics>.

заңнамасында қылмысқа жанасу Жалпы бөлімде дербес институт ретінде бекітілмегенімен, оның жекелеген нысандары ҚК-нің Ерекше бөліміндегі нормаларда көрініс тапқан².

Өз кезегінде, осы тақырыпты зерттеген әрбір ғалым өзіндік анықтамасын береді. Жанасу мәселесін зерттеген авторлар осы институтты талдаудың әртүрлі аспектілеріне назар аударады және өздерінің ғылыми көзқарастарын ұсынады. Енді осы ұғымның әртүрлі анықтамаларын қарастырайық.

Н.К. Кустова қылмысқа жанасудың нысандары мен құқықтық табиғатын қарастыра отырып, оның аса ауыр қылмыстарды жасыру; басқа адамдар қылмыстық жолмен алған ақша қаражатын немесе өзге де мүлікті заңдастыру (жылыстату); қылмыстық жолмен алынған мүлікті біле тұра сатып алу немесе сату; дайындалып жатқан немесе жасалып жатқан қылмысқа жол беру; сондай-ақ дайындалып жатқан немесе жасалған қылмыс туралы хабарламау сияқты түрлерін ажыратады [1]. Сонымен қатар автор қылмысқа жанасуды: «қылмысқа қатысушы болып табылмайтын адамның кінәлі, құқыққа қайшы және қоғамдық қауіпті әрекеттері; ол қылмыс жасаған адамдарды қылмыстық жауапкершілікке тарту, қылмыстардың алдын алу және ашу жөніндегі қызмет саласындағы қоғамдық қатынастарға қол сұғады, басқа тұлғаның қылмыс жасауына мүмкіндік туғызуға немесе басқа тұлға жасаған қылмыстық іс-әрекетті жасыруға, не сол тұлғаға қылмыстық жауаптылықтан жалтаруға жәрдем көрсетуге бағытталады» деген анықтамасын береді [2].

А.Н. Ағыбаев қылмысқа жанасушылықты «қылмыс істеуге өздері қатыспаған адамдардың сол істелген қылмысты жасыру, істелгелі жатқан немесе істелгені, анық қылмысты хабарламау туралы қасақана іс-әрекеттері немесе заң бойынша қылмысқа қарсы күрес жүргізуге міндетті адамдардың қылмысты әрекет туралы тиісті орындарға хабарламауы, я болмаса, сол әрекеттерге кедергі келтірмейтін әрекетсіздіктер» деп түсіндіреді [3].

Осы көзқарастарды жинақтай отырып, қылмысқа жанасудың негізгі белгілеріне: 1) тұлғаның негізгі қылмыстың орындаушысы немесе сыбайлас қатысушысы болмауы; 2) негізгі қылмыспен объективтік байланысының болуы; 3) қылмысты жасыруға, хабарламауға немесе оның ашылуына кедергі келтіруге бағытталған мінез-құлық; 4) кінәнің қасақана нысаны жатады.

Өзінің ғылыми еңбегінде В.А. Очередыко қылмысқа жанасуды бірнеше өлшем бойынша жіктейді. Автор жасалу тәсіліне қарай оны физикалық, интеллектуалды және аралас түрлерге, хронологиялық өлшем бойынша посткриминалдық және параллель жанасушылыққа, ал тұлғаның құқықтық мәртебесі мен қызметтік өкілеттіктерін пайдалануына қарай жалпы (қоғамдық-қылмыстық) жанасушылық және қызметтік (лауазымдық) жанасушылыққа бөледі [4].

Зерттеудің эмпирикалық құрамдас бөлігін тереңдету мақсатында ҚР ҚК-нің 432, 433, 434-баптарын қолдануға байланысты қылмыстық істер бойынша сот практикасына талдау жүргізілді. Зерттелген іріктемеге Қазақстан Республикасының соттары 2021-2025 жылдары шығарған 50 сот актісі енгізілді. Бұл жіктеулер жанасу институтының мазмұнын тереңірек және жан-жақты зерттеуге, сондай-ақ оның құқықтық табиғатын, әлеуметтік қауіптілігі мен түрлік ерекшеліктерін нақты анықтауға мүмкіндік береді.

Сот материалдарын талдау практикада қылмысқа жанасушылықтың объективтік мазмұны әртүрлі мінез-құлық нысандары арқылы жүзеге асырылатынын көрсетеді. ҚР ҚК-нің 432-бабы бойынша сараланған істерде соттар қылмыскерді, қылмыс құралдары мен іздерін, қылмыстық жолмен алынған заттарды, сондай-ақ жасалған қылмыстың өзге де мән-жайларын жасыруға бағытталған әрекеттерді қарастырған. Жекелеген істерде мұндай әрекеттер мәйіттің орнын ауыстыру немесе жасыру, ұрланған мүлікті жасыру, қаржылық құжаттарға жалған мәліметтер

² Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі: Қазақстан Республикасының Кодексі 2014 ж. 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>.

енгізу және негізгі қылмыстың мән-жайларын анықтауды қиындатуға бағытталған өзге де әрекеттер түрінде көрініс тапқан.

ҚР ҚК-нің 433-бабына байланысты істер бойынша сот практикасы арнайы субъектінің болуымен сипатталатын қылмысқа жанасушылықтың ерекше нысанын көрсетеді. Зерттелген сот актілерінде қылмыстық құқық бұзушылық туралы хабарламаларды тіркеу тәртібін қасақана бұзу, азаматтардың арыздарын жою немесе жасыру, есепке алу мәліметтерін бұрмалау, сондай-ақ қылмыс туралы ақпаратты ресми есептен шығаруға немесе оған тиісті құқықтық баға берілуіне кедергі келтіруге бағытталған лауазымды адамдардың өзге де әрекеттері анықталған. Бұл санаттағы істер қылмысқа жанасушылықтың институционалдық нысандарын сипаттау үшін ерекше маңызға ие, өйткені қылмысты жасыру қызметтік жағдайды және соған байланысты ұйымдастырушылық мүмкіндіктерді пайдалану арқылы жүзеге асырылады.

ҚР ҚК-нің 434-бабы бойынша сот актілері негізінен белгілі болған қылмыс туралы қасақана хабарламау жағдайларына байланысты. Қаралған жекелеген істерде мұндай әрекетсіздік тиісті адамдар болған оқиға туралы ақпаратқа ие болып, қылмыс туралы құзыретті мемлекеттік органға хабарлау мүмкіндігі болғанына қарамастан, зорлық-зомбылық фактілерін, оның ішінде кәмелетке толмағандардың жыныстық тиіспеушілігіне қарсы қылмыстарды қасақана жасыру түрінде көрініс тапқан.

Қаралған істерді салыстыру сот практикасына ортақ белгіні – адамның негізгі қылмысқа қатысты мінез-құлқының дербестігін анықтауға мүмкіндік береді. Қылмысқа жанасушылық үшін қылмыстық жауаптылық туралы мәселе жасалған қылмысты жасыруға немесе ол туралы қасақана хабарламауға бағытталған әрекетке не әрекетсіздікке қатысты туындайды. Осыған байланысты мінез-құлықтың уақыттық сипаттамасы қылмысқа жанасушылық пен сыбайлас қатысушылықты ажыратуда елеулі мәнге ие.

Сот актілері негізгі қылмысты орындаушымен алдын ала сөз байласудың болмауының да маңызын көрсетеді. Егер тиісті адам бастапқы қылмыстық ниетті іске асыруға қатыспаса және оның әрекеті негізгі қылмыс жасалғаннан кейін пайда болса, оның мінез-құлқына қылмыстық-құқықтық баға дербес беріледі. Керісінше, алдын ала сөз байласудың болуы және негізгі қылмысты жасауға жәрдемдесу адамның әрекетін сыбайлас қатысу туралы ережелерді ескере отырып бағалауды талап етеді.

Жүргізілген талдау нәтижесінде, біздің ойымызша, қылмысқа жанасу – негізгі қылмысты жасауға алдын ала қатыспаған және оны жасауға бағытталған бастапқы қылмыстық ниеті болмаған тұлғаның қылмыс жасалғаннан кейін немесе одан тәуелсіз түрде қылмысты жасыруға, ол туралы хабарламауға не оның ашылуына кедергі келтіруге бағытталған қасақана әрекеті немесе әрекетсіздігі болып табылады. Қылмысқа жанасуды қылмысқа қатысушылықтан ажыратуда әрекеттің жасалу уақыты, тұлғаның бастапқы қылмыстық ниетінің мазмұны және оның негізгі қылмыспен функционалдық байланысының сипаты негізгі өлшемдер болып табылады.

Қоғамды цифрландыру және ақпараттық технологиялардың дамуы қылмыс жасау тәсілдерімен қатар оларды жасыру нысандарын да өзгертуде. Цифрлық ортада қылмысты анықтау, дәлелдеу және оған қатысы бар тұлғаларды айқындау күрделене түсуде, бұл қылмысқа жанасу институтын жаңа қырынан қарастыруды талап етеді.

2025 жылғы 8 қыркүйектегі Қазақстан Республикасы Президенті Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Жолдауында киберқылмыс пен жаңа түрдегі алаяқтыққа қарсы іс-қимыл үшін қылмыстық заңнаманы және құқық қорғау практикасын цифрлық талаптарға бейімдеу қажеттігі атап көрсетілді. Осыған байланысты қылмысқа жанасу институтын

цифрландыру жағдайында зерттеу ерекше өзектілікке ие³. Қазіргі ғылыми зерттеулерде трансұлттық киберқылмыстарға тиімді қарсы іс-қимыл жасау халықаралық ынтымақтастықты кеңейтусіз және қылмыстық істер бойынша өзара құқықтық көмек көрсету туралы екіжақты және көпжақты шарттарды жетілдіруге мүмкін еместігі атап көрсетіледі [5].

Цифрландыру үдерістері қылмыс жасау тәсілдерін ғана емес, оларды жасыру нысандарын да күрделендіріп отыр. Ақпараттық-коммуникациялық технологиялар қылмыскерлерге «цифрлық іздерді» жоюға, деректерді бұрмалауға және құқық қорғау органдарын жүйелі түрде адастыруға кең мүмкіндік береді [6]. Бұл жағдайда қылмыстық желілер «паразиттік платформалық қылмыс» моделін қолданып, заңды цифрлық инфрақұрылымдарды өз әрекеттерін бүркемелеу үшін пайдаланады [7]. Осыған байланысты ғылыми әдебиетте «қылмыстарды виртуалды жасыру» (virtual criminal connivance) ұғымын енгізу өзекті болып табылады. Ол цифрлық ортада ақпаратты өзгертуге немесе жоюға бағытталған қасақана әрекеттерді ғана емес, сонымен қатар бақылаудан жалтарудың «манипуляция» және «бөгеу» сияқты күрделі қарсы стратегияларын қамтиды.

Алайда, Радина Стоикова (2021) ескерткендей, деректерді жаппай жинауға және талдауға негізделген жаңа тергеу әдістері бірқатар қауіптерді, соның ішінде дәлелдемелерді манипуляциялау және кінәсіздік презумпциясын бұзу тәуекелдерін тудырады [8]. Тергеу органдарының технологияларға шамадан тыс сенуі «де-факто кінәлілік презумпциясына» немесе дәлелдеу ауыртпалығының жәбірленушіге ауысуына әкеп соғуы мүмкін. Сондықтан, виртуалды жасыру әрекеттерін криминализациялау барысында Дуглас Хьюсак (2007) атап өткендей, легитимді цифрлық қызметтерді негізсіз шектемейтін және жеке жауапкершілік қағидаттарын сақтайтын теңгерімді тәсіл қажет [9].

Өз кезегінде, қылмыстарды виртуалды жасыру дәстүрлі «қылмысқа жанасу» түсінігін кеңейтеді, оған қылмысты тікелей жасаудан тыс, бірақ оны жасыруға бағытталған цифрлық деректерді, инфрақұрылымды және алгоритмдерді манипуляциялау әрекеттерін енгізеді. Бұл мәселе құқықтық реттеуді одан әрі жетілдіруді және оны цифрлық шындық жағдайларына бейімдеуді талап етеді.

Қылмысқа виртуалды жанасу санатын дамыту үшін нормативтік негіз Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2016 жылғы 22 желтоқсандағы № 14 «Соттардың қылмысқа қатыстылық пен қылмыстық құқық бұзушылыққа дем берушілік үшін жауаптылық туралы заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы» Нормативтік қаулысы болып табылады⁴. Қаулының 6-тармағында электрондық хаттарды, электрондық-цифрлық құжаттарды, хат алмасуларды, файлдарды, сондай-ақ электрондық-цифрлық ақпарат тасығыштарын жою қылмыс іздері мен басқа да дәлелдемелерді жасыру әрекеттерінің мысалы ретінде көрсетілген. Осылайша, қолданыстағы сот интерпретациясы виртуалды жанасуды қылмыстық құқық бұзушылықтың дербес құрамы ретінде емес, қылмысқа жанасудың дәстүрлі түрлерін жүзеге асырудың цифрлық формасының доктриналық сипаттамасы ретінде қарастыруға мүмкіндік беретін жеке цифрлық жасыру әдістерін қамтиды.

Б. Байжановтың қылмыстық ісі қылмысқа жанасудың цифрлық нысандарын практикалық тұрғыдан іске асыру мүмкіндігін көрсететін мысал болып табылады⁵. Аталған іс шеңберінде аса ауыр қылмыстың іздерін жасыруға бағытталған сот белгілеген әрекеттердің қатарында

³ Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Жасанды интеллект дәуіріндегі Қазақстан: өзекті мәселелер және оны түбегейлі цифрлық өзгерістер арқылы шешу» атты Қазақстан халқына Жолдауы [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-zhasandy-intellekt-dauirindegi-kazakstan-ozekti-maseleler-zhane-ony-tubegeyli-cifirlyk-ozgerister-arkyly-sheshu-881957>.

⁴ Соттардың қылмысқа қатыстылық пен қылмыстық құқық бұзушылыққа дем берушілік үшін жауаптылық туралы заңнаманы қолдануының кейбір мәселелері туралы: Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2016 ж. 22 желтоқсандағы № 14 нормативтік қаулысы [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P160000014S>.

⁵ Приговор по делу Бишимбаева и Байжанова: разъяснение Верховного суда [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.zakon.kz/pravo/6434072-prigovor-po-delu-bishimbaeva-i-bayzhanova-razyasnenie-verkhovnogo-suda.html>.

бейнебақылау камераларындағы жазбаларды жою, камераны ажырату және жәбірленушінің ұялы телефонын басқа орынға ауыстыру сияқты әрекеттер болған. Б. Байжанов Қазақстан Республикасы ҚК-нің 432-бабында көзделген аса ауыр қылмысты алдын ала уәде етілмеген жасырғаны үшін кінәлі деп танылды. Кейіннен 2026 жылғы мамырда кассациялық сот төменгі сатыдағы соттардың сот актілерін өзгеріссіз қалдырды⁶. Бұл мысал қарастырылып отырған тұжырымдама үшін ерекше маңызға ие, өйткені ол қылмысты жасырудың тек материалдық іздерге ықпал ету арқылы ғана емес, сонымен қатар дәлелдемелік маңызы бар цифрлық ақпаратқа әсер ету жолымен де жүзеге асырылуы мүмкін екенін көрсетеді. Бұл ретте мұндай әрекеттер қылмыстық құқық бұзушылықтың жаңа құрамын негізсіз қалыптастырмай, қолданыстағы қылмысты жасыру конструкциясы шеңберінде сараланады. Осыған байланысты аталған іс қылмысқа жанасудың цифрлық тәсілдерін қылмыстық-құқықтық тұрғыдан одан әрі доктриналық пайымдау қажеттілігін айқындайтын практикалық мысал ретінде қарастырылуы мүмкін.

Осылайша, қылмысқа жанасу институты қылмыстық-құқықтық қорғау жүйесінің маңызды элементі болып қала отырып, цифрлық шындықты ескере отырып қарастырылуы керек. Бұл заңнамалық кемшіліктерді анықтауға, құқық бұзушылықтардың дұрыс саралануын қамтамасыз етуге және қылмыспен күресудің жаңа тәсілдерін ұсынуға мүмкіндік береді.

Қорытынды. Жүргізілген зерттеу қылмысқа жанасу институтының қылмыстық құқық жүйесінде маңызды теориялық және практикалық мәнге ие екенін көрсетті. Оның құқықтық табиғаты қылмысқа қатысушылықтан дербес, бірақ негізгі қылмыспен тығыз байланысты, қасақана жасалатын әрекет (немесе әрекетсіздік) ретінде айқындалады, ол қылмысты жасыруға, хабарламауға немесе оған жол беруге бағытталады. Сот практикасын талдау оны қылмысқа қатысушылықтан ажыратуда алдын ала сөз байласудың болмауы, бастапқы қылмыстық ниеттің қалыптаспауы және жасыру немесе хабарламау әрекетінің дербес туындауы маңызды екенін айқындады.

Цифрландыру жағдайында қылмысқа жанасудың жаңа нысандары қалыптасып отыр. Бұл цифрлық деректер мен ақпараттық жүйелерді пайдалану арқылы қылмысты жасыруды қылмысқа виртуалды жанасудың көрінісі ретінде қарастыру қажеттігін көрсетеді. Осыған байланысты оның құқықтық белгілерін нақтылау және цифрлық ортадағы жасыру тәсілдерін құқықтық бағалау тетіктерін жетілдіру қажет.

Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің қаржыландыруымен іске асырылудағы «Цифрлық технологияларды пайдалану арқылы жүзеге асырылатын қылмыстарда жанасудың (қылмыстарды жасыру, виртуалдық жасыру) теориялық және тәжірибелік мәселелері» (AP3272752919674495) гранттық ғылыми жоба аясында дайындалды.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Кустова, Н.К. К вопросу о дефиниции прикосновенности к преступлению. Проблемы развития правовой системы России: материалы III междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2018. – 102 с.
2. Ағыбаев, А.Н. Қылмыстық құқық: оқулық, жалпы бөлім / А.Н. Ағыбаев. – Алматы: Жеті жарғы, 2011. – 178 б.
3. Кустова, Н.К. Институт прикосновенности к преступлению: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Н.К. Кустова. – Краснодар, 2019. – 49 с.
4. Очередыко, В.А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / В.А. Очередыко. – Краснодар, 2020. – 21 с.
5. Ашимбаев, Д.А. Киберқылмыстар: халықаралық ынтымақтастық қажеттілігі мен құқықтық реттеу жолдары / Д.А. Ашимбаев, Г.И. Тогизбаев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2026. – № 1. – 123-130 б.

⁶ Суд огласил решение в отношении Байжанова. [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6517803-sud-oglasil-reshenie-v-otnoshenii-bayzhanova.html>.

6. Salehi, K. Artificial Intelligence and crime detection: A critical review / K. Salehi, S. Khiyaban Habib Zadeh, S. Sabbar // *Journal of Cyberspace Studies*. – 2026. – № 10 (1). – Pp. 181-197.
7. Ștefănoaia, M. AI in crime prediction: current trends and challenges. [Электрондық ресурс]. / M. Ștefănoaia, M. Rus // *Proceedings of the World Conference on Security Studies*. – 2025. – Vol. 2, No. 1. – Айналыс режимі: <https://doi.org/10.33422/worldsecurityconf.v2i1.1189>.
8. Stoykova, R. Digital evidence: Unaddressed threats to fairness and the presumption of innocence / R. Stoykova // *Computer Law & Security Review*. – 2021. – Vol. 42. – 105575.
9. Donoso, A. Douglas Husak, Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law / A. Donoso // *Criminal Law and Philosophy*. – 2010. – Vol. 4. – Pp. 99-104.

References:

1. Kustova, N.K. K voprosu o definicii prikosnovennosti k prestupleniju. Problemy razvitiya pravovoj sistemy Rossii: materialy III mezhdunar. nauch.-prakt.konf. – Krasnodar, 2018. – 102 s.
2. Ағыбаев, А.Н. Қылмыстық құқық: оқулық. жалпы бөлім / А.Н. Ағыбаев. – Алматы: Zheti zharғы, 2011. – 178 b.
3. Kustova, N.K. Institut prikosnovennosti k prestupleniju: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye aspekty // avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. / N.K. Kustova. – Krasnodar, 2019. – 49 s.
4. Ochered'ko, V.A. Ugolovno-pravovoe znachenie prikosnovennosti k prestupleniju: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. / V.A. Ochered'ko. – Krasnodar, 2020. – 21 s.
5. Ashimbaev, D.A. Kiberkylmystar: halykaralyq yntymaktastyq kazhettiligi men құқықтық retteu zholdary / D.A. Ashimbaev, G.I. Togizbaev // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2026. – № 1. – 123-130 b.
6. Salehi, K. Artificial Intelligence and crime detection: A critical review / K. Salehi, S. Khiyaban Habib Zadeh, S. Sabbar // *Journal of Cyberspace Studies*. – 2026. – № 10 (1). – Pp. 181-197.
7. Ștefănoaia, M. AI in crime prediction: current trends and challenges [Jelektrondық resurs] / M. Ștefănoaia, M. Rus // *Proceedings of the World Conference on Security Studies*. – 2025. – Vol. 2, No. 1. – Айналыс режимі: <https://doi.org/10.33422/worldsecurityconf.v2i1.1189>.
8. Stoykova, R. Digital evidence: Unaddressed threats to fairness and the presumption of innocence / R. Stoykova // *Computer Law & Security Review*. – 2021. – Vol. 42. – 105575.
9. Donoso, A. Douglas Husak, Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law / A. Donoso // *Criminal Law and Philosophy*. – 2010. – Vol. 4. – Pp. 99-104.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS:

Карина Женисовна Агибаева – әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің докторанты, e-mail: agibayevakarina@gmail.com, orcid.org/0009-0004-4719-8912.

Агибаева Карина Женисовна – докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, e-mail: agibayevakarina@gmail.com, orcid.org/0009-0004-4719-8912.

Agibayeva Karina Zhenisovna – Doctoral Student at Al-Farabi Kazakh National University, e-mail: agibayevakarina@gmail.com, orcid.org/0009-0004-4719-8912.

Гүлзагира Махатовна Атаханова – әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің қылмыстық құқық, қылмыстық іс жүргізу құқығы және криминалистика кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: atakan73@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2747-2772.

Атаханова Гүлзагира Махатовна – профессор кафедры уголовного права, уголовно-процессуального права и криминалистики Казахского национального университета имени аль-Фараби, кандидат юридических наук, e-mail: atakan73@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2747-2772.

Atakhanova Gulzagira Makhatovna – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Law Sciences, e-mail: atakan73@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2747-2772.

А.А. Гаитов¹, А.Б. Бауберикова^{2*}

¹Казахский национальный аграрный исследовательский университет, г. Алматы, Республика Казахстан

²Таразский региональный университет имени М.Х. Дулати, г. Тараз, Республика Казахстан

МОДЕЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье проведено сравнительно-правовое исследование современных моделей законодательной дифференциации уголовной ответственности. На основе анализа уголовного законодательства зарубежных государств выявлены основные подходы к построению системы дифференциации уголовной ответственности, определены особенности их законодательной организации и современные тенденции развития. Обосновано, что различия между национальными моделями обусловлены не столько набором отдельных уголовно-правовых институтов, сколько характером их системного взаимодействия и ролью в определении объема уголовной ответственности. Исследована действующая модель Республики Казахстан, определены ее особенности и направления дальнейшего совершенствования с учетом зарубежного опыта. Сделан вывод о целесообразности оценки модели законодательной дифференциации уголовной ответственности через степень системной согласованности ее основных механизмов, обеспечивающей последовательную реализацию принципов законности, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности; уголовное законодательство; модель дифференциации; индивидуализация уголовной ответственности; уголовная политика.

А.А. Гаитов¹, А.Б. Бауберикова²

¹Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²М.Х. Дулати атындағы Тараз өңірлік университеті, Тараз қ. Қазақстан Республикасы

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚТЫ ЗАҢНАМАЛЫҚ САРАЛАУ МОДЕЛЬДЕРІ: ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН ҮШІН ПЕРСПЕКТИВАЛАР

Аннотация. Мақалада қылмыстық жауаптылықты заңнамалық саралаудың заманауи модельдеріне салыстырмалы-құқықтық зерттеу жүргізілген. Шет мемлекеттердің қылмыстық заңнамасын талдау негізінде қылмыстық жауаптылықты саралау жүйесін қалыптастырудың негізгі тәсілдері айқындалып, олардың заңнамалық құрылымының ерекшеліктері мен қазіргі даму үрдістері анықталған. Ұлттық модельдер арасындағы айырмашылықтар жекелеген қылмыстық-құқықтық институттардың жиынтығымен емес, олардың жүйелік өзара байланысының сипаты және қылмыстық жауаптылық көлемін айқындаудағы рөлімен анықталатыны негізделген. Қазақстан Республикасының қолданыстағы моделі зерттеліп, оның ерекшеліктері мен шетелдік тәжірибені ескере отырып одан әрі жетілдіру бағыттары айқындалған. Қылмыстық жауаптылықты заңнамалық дифференциациялау моделін оның негізгі тетіктерінің жүйелік келісімділік деңгейі тұрғысынан бағалаудың орындылығы туралы қорытынды жасалған, өйткені мұндай келісімділік заңдылық, әділеттілік және қылмыстық жауаптылықты даралау қағидаттарының дәйекті іске асырылуын қамтамасыз етеді.

Түйінді сөздер: қылмыстық жауаптылықты саралау; қылмыстық заңнама; саралау моделі; қылмыстық жауаптылықты даралау; қылмыстық саясат.

A.A. Gaitov¹, A.B. Bauberikova²

¹Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

²M.Kh. Dulaty Taraz Regional University, Taraz, the Republic of Kazakhstan

MODELS OF LEGISLATIVE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR KAZAKHSTAN

Abstract. The article presents a comparative legal study of contemporary models of the legislative differentiation of criminal liability. Based on an analysis of the criminal legislation of foreign states, it identifies the principal approaches to structuring systems of criminal liability differentiation, examines the specific features of their legislative design, and reveals current development trends. It is substantiated that the differences between national models are determined not so much by the set of individual criminal law institutions as by the nature of their systemic interaction and their role in determining the scope of criminal liability. The current model of the Republic of Kazakhstan is examined, and its distinctive features and directions for further improvement in light of foreign experience are identified. The study concludes that the model of legislative differentiation of criminal liability should be assessed through the degree of systemic coherence of its principal mechanisms. Such an approach ensures the consistent implementation of the principles of legality, justice, and the individualization of criminal liability.

Keywords: differentiation of criminal liability; criminal legislation; differentiation model; individualization of criminal liability; criminal policy.

Введение. Развитие уголовного законодательства в последние десятилетия характеризуется усложнением механизмов правового регулирования. Современные уголовные кодексы предусматривают систему законодательных средств, позволяющих учитывать характер и степень общественной опасности деяния, форму вины, особенности личности виновного, стадию совершения преступления, его последствия, а также поведение лица после совершения преступления. В этих условиях дифференциация уголовной ответственности становится одним из ключевых инструментов реализации принципов справедливости, соразмерности и индивидуализации уголовно-правового воздействия.

Несмотря на общность указанных целей, государства используют различные способы построения системы дифференциации уголовной ответственности. В одних правовых системах определяющее значение имеет законодательная классификация преступлений, в других – система санкций и пределы судебного усмотрения, в-третьих – институты освобождения от уголовной ответственности, деятельного раскаяния, возмещения причиненного вреда и иные механизмы, позволяющие изменять объем уголовно-правового воздействия. Это свидетельствует о формировании различных моделей законодательной дифференциации уголовной ответственности, отражающих особенности национальной уголовной политики и правовой традиции [1].

В научной литературе основное внимание уделяется исследованию отдельных институтов уголовного права, выступающих средствами дифференциации уголовной ответственности. Вместе с тем комплексные сравнительно-правовые исследования, посвященные выявлению общих закономерностей построения законодательных моделей дифференциации уголовной ответственности, представлены значительно реже. Между тем именно такой подход позволяет объективно оценить эффективность различных способов уголовно-правового регулирования и определить возможности использования зарубежного опыта при совершенствовании национального законодательства.

Для Республики Казахстан (далее – РК) данная проблематика приобретает особую актуальность в условиях дальнейшего развития уголовного законодательства. Исследование современных зарубежных моделей законодательной дифференциации уголовной ответственности позволяет определить место отечественной модели среди существующих подходов и обосновать

направления ее дальнейшего совершенствования с учетом лучших зарубежных законодательных решений.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили действующее уголовное законодательство РК и зарубежных государств, международные документы, а также научные труды, посвященные вопросам дифференциации уголовной ответственности.

В исследовании использованы сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы, позволившие выявить современные модели законодательной дифференциации уголовной ответственности и определить перспективы совершенствования уголовного законодательства РК.

Результаты, обсуждение.

Современные модели законодательной дифференциации уголовной ответственности в зарубежных государствах

Дифференциация уголовной ответственности является одним из фундаментальных средств реализации принципов справедливости и индивидуализации уголовно-правового воздействия. Ее содержание заключается в законодательном установлении различных правовых последствий в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного деяния, формы вины, особенностей субъекта преступления, стадии преступной деятельности и иных юридически значимых обстоятельств. В современном уголовном праве она реализуется посредством системы взаимосвязанных законодательных механизмов, включающих классификацию уголовных правонарушений, построение санкций, институты неоконченного преступления, соучастия, множественности уголовных правонарушений, обстоятельства, влияющие на назначение наказания, а также основания освобождения от уголовной ответственности и наказания [2].

Анализ уголовного законодательства зарубежных государств показывает, что указанные механизмы используются практически во всех современных правовых системах, однако их значение и место в системе уголовного закона существенно различаются. Особенности сочетания отдельных институтов позволяют говорить о существовании различных моделей законодательной дифференциации уголовной ответственности.

Различия между национальными моделями законодательной дифференциации уголовной ответственности обусловлены не только особенностями юридической техники, но и различными подходами к пониманию задач уголовного закона. В государствах континентальной правовой семьи традиционно приоритетное значение придается законодательной определенности и системности уголовно-правового регулирования. В связи с этим законодатель стремится максимально подробно закрепить критерии, влияющие на объем уголовной ответственности, обеспечивая единообразие их применения. Напротив, в государствах англосаксонской правовой семьи большее значение придается судебному усмотрению, позволяющему учитывать индивидуальные особенности каждого уголовного дела при сохранении общих законодательных ориентиров. Вместе с тем развитие современного уголовного законодательства свидетельствует о постепенном сближении указанных подходов. Континентальные государства расширяют возможности индивидуализации уголовной ответственности посредством учета все большего числа юридически значимых обстоятельств, тогда как государства англосаксонской правовой семьи последовательно совершенствуют законодательные критерии назначения наказания. В результате различия между национальными правовыми системами постепенно сходятся с уровня отдельных уголовно-правовых институтов на уровень их системной организации, что и обусловило формирование различных моделей законодательной дифференциации уголовной ответственности [3].

Так, уголовный закон Германии основывается на разграничении преступлений (*Verbrechen*) и проступков (*Vergehen*), причем данная классификация оказывает непосредственное влияние на применение большинства институтов Общей части уголовного права, включая ответственность за покушение, сроки давности уголовного преследования и отдельные правила назначения наказания (§§ 12-13, 23, 46, 46а, 78-78с Уголовного кодекса Германии)¹. Во Франции системообразующее значение имеет деление уголовно наказуемых деяний на *crimes*, *delits* и *contraventions*, определяющее виды наказаний, пределы уголовной ответственности и особенности применения ряда уголовно-правовых институтов (ст.ст. 111-1–111-5, 131-1–131-18 Уголовного кодекса Франции)². Напротив, в Англии и Уэльсе законодательная классификация преступлений не играет столь определяющей роли, а основным средством дифференциации выступает система санкций и широкие пределы судебного усмотрения, закрепленные в Sentencing Act 2020³. В Соединенных Штатах Америки значительное влияние на построение уголовного законодательства оказали положения Model Penal Code, предусматривающие комплексное регулирование категорий преступлений, форм вины, стадий преступной деятельности и общих принципов назначения наказания (§§ 1.04, 2.02, 5.01, 6.01 Model Penal Code)⁴. В Швейцарии и Австрии законодательная дифференциация строится на сочетании классификации преступлений, системы санкций и детальной регламентации правил назначения наказания, учитывающих степень вины, личность виновного и его поведение после совершения преступления (ст.ст. 47-54 Уголовного кодекса Швейцарии⁵; §§ 32-35 Уголовного кодекса Австрии)⁶.

Сопоставление указанных законодательных решений позволяет выделить три основные модели законодательной дифференциации уголовной ответственности.

Первая модель основана на системообразующей роли классификации преступлений. Категория преступления выступает основным критерием, определяющим применение большинства институтов Общей части уголовного права, включая пределы наказания, сроки давности, возможность освобождения от уголовной ответственности и иные уголовно-правовые последствия. Наиболее последовательно такой подход реализован в Германии и Франции, где классификация преступлений обеспечивает внутреннюю согласованность уголовного законодательства [4].

Вторая модель характеризуется преобладающим значением института назначения наказания. Законодатель устанавливает сравнительно широкие пределы санкций, предоставляя суду возможность учитывать совокупность обстоятельств совершенного преступления и личности виновного. При этом законодательная классификация преступлений сохраняет самостоятельное значение, однако не определяет функционирование всей системы уголовно-правового регулирования. Подобная модель характерна прежде всего для государств англосаксонской правовой семьи, включая Англию и Уэльс, а также отдельные штаты США.

Наиболее заметной современной тенденцией является формирование комплексной модели законодательной дифференциации уголовной ответственности, основанной на сочетании нескольких взаимосвязанных критериев. В подобных правовых системах категории преступлений, система санкций, формы вины, стадии преступной деятельности, особенности субъекта преступления, множественность уголовных правонарушений, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также основания освобождения от уголовной ответственности рассматриваются

¹ Strafgesetzbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

² Code pénal. France. 01 Sep 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.informea.org/en/content/legislation/code-penal-0>.

³ Sentencing Act 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/17/contents>.

⁴ Model Penal Code [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ebsco.com/research-starters/law/model-penal-code>.

⁵ Swiss Criminal Code [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2017/11/Switzerland-Penal-Code-2017.pdf>.

⁶ Criminal Code (Strafgesetzbuch, StGB) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://policehumanrightsresources.org/content/uploads/2016/08/Criminal-Code-Austria-1998.pdf?x19059>.

как элементы единой системы. Именно такой подход получил развитие в уголовном законодательстве Швейцарии, Австрии, Финляндии, Нидерландов и ряда других европейских государств [5].

Характерной особенностью современного уголовного законодательства является последовательное расширение значения позитивного посткриминального поведения лица. Во многих государствах добровольное возмещение причиненного ущерба, примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние и сотрудничество с органами правосудия рассматриваются как самостоятельные критерии законодательной дифференциации уголовной ответственности [6]. Так, возможность смягчения наказания либо отказа от его назначения предусмотрена в Германии при добровольном возмещении причиненного вреда и достижении соглашения с потерпевшим (§ 46a Уголовного кодекса Германии)⁷. Аналогичные подходы используются во Франции, Швейцарии, Австрии и Финляндии, где поведение лица после совершения преступления учитывается при определении объема уголовной ответственности (ст.ст. 132-1, 132-24 Уголовного кодекса Франции⁸; ст. 47 Уголовного кодекса Швейцарии⁹; §§ 34-35 Уголовного кодекса Австрии¹⁰; глава 6 Уголовного кодекса Финляндии)¹¹.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ свидетельствует, что современные модели законодательной дифференциации уголовной ответственности различаются не набором отдельных уголовно-правовых институтов, а особенностями их системной организации и функционального взаимодействия. Современная тенденция развития уголовного законодательства заключается в постепенном переходе к комплексной модели, обеспечивающей наиболее последовательное сочетание принципов законности, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Выявленные особенности современных зарубежных моделей позволяют объективно оценить место РК в системе существующих подходов к законодательной дифференциации уголовной ответственности и определить перспективные направления развития национального уголовного законодательства.

Модель законодательной дифференциации уголовной ответственности в РК и направления ее совершенствования

Анализ действующего уголовного законодательства РК¹² свидетельствует, что отечественная модель законодательной дифференциации уголовной ответственности по своей структуре соответствует современным тенденциям развития зарубежного уголовного права. В отличие от правовых порядков, в которых доминирующее значение имеет один из механизмов дифференциации уголовной ответственности, казахстанское уголовное законодательство основано на комплексном использовании взаимосвязанных уголовно-правовых институтов, совместное функционирование которых обеспечивает последовательную индивидуализацию уголовной ответственности.

Система законодательной дифференциации уголовной ответственности в РК имеет многоуровневый характер. Первоначальная дифференциация осуществляется посредством законодательной классификации уголовных правонарушений и построения системы санкций Особенной части Уголовного кодекса. Дальнейшая конкретизация объема уголовной

⁷ Strafgesetzbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

⁸ Code pénal. France. 01 Sep 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.informea.org/en/content/legislation/code-penal-0>.

⁹ Swiss Criminal Code [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2017/11/Switzerland-Penal-Code-2017.pdf>.

¹⁰ Criminal Code (Strafgesetzbuch, StGB) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://policehumanrightsresources.org/content/uploads/2016/08/Criminal-Code-Austria-1998.pdf?x19059>.

¹¹ The Criminal Code of Finland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/cld/uploads/res/document/fin/the-criminal-code-of-finland_html/Criminal_code_of_Finland.pdf.

¹² Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252.

ответственности обеспечивается положениями Общей части, регулирующими ответственность за неоконченное преступление, соучастие, множественность уголовных правонарушений, формы вины, особенности субъекта преступления, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, а также институтами освобождения от уголовной ответственности и наказания. Тем самым законодатель использует практически весь комплекс механизмов, характерных для современных зарубежных моделей дифференциации уголовной ответственности [7; 35].

Сравнение с зарубежным законодательством показывает, что казахстанская модель занимает промежуточное положение между континентальной моделью, основанной на системообразующей роли классификации преступлений, и моделью, ориентированной на расширенное судебное усмотрение при назначении наказания. Как и в Германии и Франции, уголовное законодательство РК использует категории уголовных правонарушений в качестве одного из важнейших критериев построения системы уголовной ответственности. Одновременно, подобно законодательству Англии, Швейцарии и ряда других государств, значительная роль отводится индивидуализации уголовной ответственности посредством учета обстоятельств совершения преступления, личности виновного и его поведения после совершения преступления. В результате формируется комплексная модель, сочетающая преимущества различных зарубежных подходов.

Особенностью казахстанской модели является последовательное расширение механизмов, позволяющих учитывать позитивное посткриминальное поведение лица. Наряду с традиционными институтами назначения наказания законодатель предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, выполнением иных предусмотренных законом условий, а также использование специальных оснований освобождения применительно к отдельным категориям преступлений. Тем самым уголовное законодательство постепенно усиливает восстановительные элементы уголовной политики, сохраняя при этом значение принципов законности, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что дальнейшее совершенствование уголовного законодательства РК целесообразно связывать не с увеличением количества самостоятельных оснований дифференциации уголовной ответственности, а с дальнейшим развитием их системного взаимодействия. Перспективным представляется более последовательное согласование законодательных критериев, используемых при категоризации уголовных правонарушений, построении санкций, назначении наказания, применении институтов освобождения от уголовной ответственности и учете позитивного посткриминального поведения лица. Такой подход позволит обеспечить более высокий уровень внутренней согласованности уголовного закона без изменения его концептуальных основ [8; 20].

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что эффективность модели законодательной дифференциации уголовной ответственности определяется не количеством используемых уголовно-правовых институтов, а последовательностью их взаимодействия в рамках единой системы уголовного закона. В этой связи дальнейшее развитие уголовного законодательства РК должно быть ориентировано на сохранение комплексного характера действующей модели при одновременном совершенствовании взаимосвязей между ее отдельными элементами. Такой подход позволит обеспечить стабильность уголовного законодательства, повысить предсказуемость уголовно-правового регулирования и наиболее полно реализовать принципы законности, справедливости, равенства перед законом и индивидуализации уголовной ответственности.

Заключение. Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сделать вывод, что современное развитие уголовного законодательства характеризуется переходом от

использования отдельных средств дифференциации уголовной ответственности к формированию комплексных законодательных моделей, основанных на системном взаимодействии уголовно-правовых институтов. Сравнение уголовного законодательства Германии, Франции, Англии, США, Швейцарии, Австрии и других государств показывает, что различия между национальными правовыми порядками обусловлены не столько набором используемых механизмов дифференциации уголовной ответственности, сколько их местом в общей конструкции уголовного закона и характером взаимосвязи между ними. Именно особенности законодательного построения определяют специфику национальной модели и степень ее соответствия современным требованиям уголовной политики.

Проведенный анализ позволил выделить три основные модели законодательной дифференциации уголовной ответственности. Первая основана на системообразующей роли классификации преступлений, определяющей применение большинства институтов Общей части уголовного права. Вторая характеризуется преобладающим значением института назначения наказания и широкими пределами судебного усмотрения. Наиболее распространенной современной тенденцией является формирование комплексной модели, в которой категории уголовных правонарушений, система санкций, формы вины, стадии преступной деятельности, особенности субъекта преступления, институты освобождения от уголовной ответственности и иные законодательные механизмы функционируют как взаимосвязанные элементы единой системы. Такая модель обеспечивает более гибкое определение объема уголовной ответственности при сохранении принципов законности, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Исследование действующего уголовного законодательства РК свидетельствует, что отечественная модель в целом соответствует указанной тенденции. Законодатель использует многоуровневую систему дифференциации уголовной ответственности, в которой последовательно сочетаются классификация уголовных правонарушений, дифференциация санкций, институты Общей части уголовного права, а также специальные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания. Это позволяет учитывать не только объективные признаки совершенного деяния, но и форму вины, особенности субъекта преступления, стадию преступной деятельности, множественность уголовных правонарушений, посткриминальное поведение лица и иные обстоятельства, имеющие значение для определения объема уголовной ответственности.

Вместе с тем результаты сравнительно-правового анализа показывают, что дальнейшее развитие уголовного законодательства должно быть ориентировано не на постоянное расширение количества самостоятельных оснований дифференциации уголовной ответственности, а на совершенствование их системного взаимодействия. Эффективность законодательной модели определяется не числом уголовно-правовых институтов, а степенью их согласованности, при которой каждый механизм выполняет самостоятельную функцию, одновременно дополняя остальные элементы системы. Именно такой подход обеспечивает предсказуемость уголовно-правового регулирования, последовательную реализацию принципов законности, справедливости, равенства перед законом и индивидуализации уголовной ответственности.

Одним из основных результатов проведенного исследования является обоснование целесообразности оценки моделей законодательной дифференциации уголовной ответственности не через содержание отдельных уголовно-правовых институтов, а через особенности их системной организации. Такой подход позволяет рассматривать национальное уголовное законодательство как целостную систему взаимосвязанных законодательных решений, определить место РК среди современных зарубежных моделей и более объективно оценить перспективы дальнейшего развития уголовного законодательства.

Практическое значение проведенного исследования заключается в возможности использования предложенного подхода при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства РК. Развитие отечественной модели законодательной дифференциации уголовной ответственности целесообразно осуществлять на основе сохранения ее комплексного характера, обеспечивая последовательную взаимосвязь категорий уголовных правонарушений, системы санкций, правил назначения наказания, институтов освобождения от уголовной ответственности и иных законодательных механизмов, определяющих объем уголовной ответственности. Именно комплексность и внутренняя согласованность законодательного регулирования представляются наиболее перспективным направлением дальнейшего развития уголовного законодательства в условиях современных тенденций мировой уголовно-правовой политики.

Список использованной литературы:

1. Lea Johnston, E. Diminished criminal responsibility: A multinational comparative review / E. Lea Johnston, et al. // International Journal of Law and Psychiatry. – 2023. – Vol. 91. – Art. 101919.
2. T. Kirchengast. Proportionality in Sentencing and the Restorative Justice Paradigm: Just Deserts for Victims and Defendants Alike? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://classic.austlii.edu.au/au/journals/UNSWLRS/2009/15.html?utm_source=chatgpt.com&__cf_chl_f_tk=M6EkasdhWpyztWsYjrxbg0CfxQuc_nzlQQ5T4ELB88I-1783087053-1.0.1.1-0yzJRNqGYxYXtyEjDPm3Xpc5KPigBq.Aqt.d8Vib0w8.
3. Jehle, J.-M. Dealing with Dangerous Offenders in Europe. A Comparative Study of Provisions in England and Wales, Germany, the Netherlands, Poland and Sweden / J.-M. Jehle, et al. // Criminal Law Forum. – 2021. – Vol. 32. – Pp. 181-245.
4. Cheng, K.K.-Y. Testing the Drugs' Sentencing Guidelines: A Comparison between England and Wales and Hong Kong / K.K.-Y. Cheng, S. Ri, N. Pushkarna // Asian Journal of Comparative Law. – 2022. – № 17. – Pp. 167-190.
5. Coverdale, H.B. Putting Proportional Punishment into Perspective [Электронный ресурс]. / H.B. Coverdale // Criminal Law and Philosophy. – 2024. – Режим доступа: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10198891/7/Coverdale_s11572-024-09736-5.pdf?utm_source=chatgpt.com.
6. Manwaring, J. Proportionality's Lower Bound riminal / J. Manwaring // Law and Philosophy. – 2021. – № 15. – Pp. 393-405.
7. Сулеймен, Д.Д. Проступок и новая классификация правонарушений: за и против / Д.Д. Сулеймен // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2020. – № 1 (15). – С. 33-39.
8. Каженов, Е.Е. Уголовные правонарушения против личности (общее состояние отдельные вопросы совершенствования законодательства) / Е.Е. Каженов, А.С. Каженова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2020. – № 1 (15). – С. 17-26.

References:

1. Lea Johnston, E. Diminished criminal responsibility: A multinational comparative review / E. Lea Johnston, et al. // International Journal of Law and Psychiatry. – 2023. – Vol. 91. – Art. 101919.
2. T. Kirchengast. Proportionality in Sentencing and the Restorative Justice Paradigm: Just Deserts for Victims and Defendants Alike? [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://classic.austlii.edu.au/au/journals/UNSWLRS/2009/15.html?utm_source=chatgpt.com&__cf_chl_f_tk=M6EkasdhWpyztWsYjrxbg0CfxQuc_nzlQQ5T4ELB88I-1783087053-1.0.1.1-0yzJRNqGYxYXtyEjDPm3Xpc5KPigBq.Aqt.d8Vib0w8.
3. Jehle, J.-M. Dealing with Dangerous Offenders in Europe. A Comparative Study of Provisions in England and Wales, Germany, the Netherlands, Poland and Sweden / J.-M. Jehle, et al. // Criminal Law Forum. – 2021. – Vol. 32. – Pp. 181-245.
4. Cheng, K.K.-Y. Testing the Drugs' Sentencing Guidelines: A Comparison between England and Wales and Hong Kong / K.K.-Y. Cheng, S. Ri, N. Pushkarna // Asian Journal of Comparative Law. – 2022. – № 17. – Pp. 167-190.
5. Coverdale, H.B. Putting Proportional Punishment into Perspective [Jelektronnyj resurs]. / H.B. Coverdale // Criminal Law and Philosophy. – 2024. – Rezhim dostupa: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10198891/7/Coverdale_s11572-024-09736-5.pdf?utm_source=chatgpt.com.
6. Manwaring, J. Proportionality's Lower Bound riminal / J. Manwaring // Law and Philosophy. – 2021. – № 15. – Pp. 393-405.
7. Sulejmen, D.D. Prostupok i novaja klassifikacija pravonarushenij: za i protiv / D.D. Sulejmen // Құқық қорғау органдары Академиясының Жаршысы. – 2020. – № 1 (15). – С. 33-39.

8. Kazhenov, E.E. Ugolovnye pravonarusheniya protiv lichnosti (obshhee sostojanie otdel'nye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva) / E.E. Kazhenov, A.S. Kazhenova // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2020. – № 1 (15). – S. 17-26.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Алишер Анаитович Гаитов – Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: gaitov.alisher@mail.ru, orcid.org/0009-0008-0147-9435.

Гаитов Алишер Анаитович – ассоциированный профессор кафедры права Казахского национального аграрного исследовательского университета, кандидат юридических наук, e-mail: gaitov.alisher@mail.ru, orcid.org/0009-0008-0147-9435.

Gaitov Alisher Anaitovich – Associate Professor of the Department of Law Kazakh National Agrarian Research University, Candidate of Law Sciences, e-mail: gaitov.alisher@mail.ru, orcid.org/0009-0008-0147-9435.

Айжан Баубериковна Бауберикова – М.Х. Дулати атындағы Тараз өңірлік университетінің қылмыстық құқық және процесс кафедрасының аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: satanov19661966@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3530-769X.

Бауберикова Айжан Баубериковна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Таразского регионального университета имени М.Х. Дулати, магистр юридических наук, e-mail: satanov19661966@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3530-769X.

Bauberikova Aizhan Bauberikovna – Senior Lecturer of Department of Criminal Law and Process M.Kh. Dulaty Taraz Regional University, Master of Law Sciences, e-mail: satanov19661966@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3530-769X.

N.Sh. Zhempiisov

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF LIABILITY FOR CRIMINAL OFFENSES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Abstract. This article provides a retrospective analysis of the formation and development of the system of criminal liability for offenses (crimes) in the sphere of economic activity in the Republic of Kazakhstan.

In the course of the study, the author examines the evolution of legislation, starting from the Soviet period (Criminal Code of the Kazakh Soviet Socialist Republic of 1959), through the stage of the establishment of independence (Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of 1997), to its modern state (Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of 2014).

The paper emphasizes the interconnection between the transformation of the state's economic system and the modernization of criminal law standards. Particular attention is paid to the processes of humanization, decriminalization, and the introduction of the somewhat controversial institution of criminal infractions.

Based on the results of the retrospective analysis of domestic criminal legislation concerning liability for offenses (crimes) in the sphere of economic activity in the Republic of Kazakhstan, conclusions and proposals are formulated aimed at a prospective and consistent modification of the modern criminal law policy of the Republic of Kazakhstan in the economic field through a phased transformation of the criminal law framework for ensuring the state's economic security.

Keywords: criminal law; economic criminal offenses; economic crime; retrospective analysis; Criminal Code of the Kazakh Soviet Socialist Republic; Criminal Code of the Republic of Kazakhstan; decriminalization; economic activity; economic security.

Н.Ш. Жемпиисов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҒЫНДАҒЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚЫЗМЕТ САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАР ҮШІН ЖАУАПТЫЛЫҚ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ: РЕТРОСПЕКТИВТІК ТАЛДАУ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасындағы экономикалық қызмет саласындағы құқық бұзушылықтар (қылмыстар) үшін қылмыстық жауаптылық институтының қалыптасуы мен даму процесіне ретроспективалық талдау жүргізіледі.

Зерттеу барысында автор заңнаманың эволюциясын кеңестік кезеңнен (Қазақ КСР-нің 1959 жылғы ҚК) бастап, тәуелсіздіктің қалыптасу кезеңі (Қазақстан Республикасының 1997 жылғы ҚК) арқылы қазіргі жағдайына (Қазақстан Республикасының 2014 жылғы ҚК) дейін қарастырған.

Жұмыста мемлекеттің экономикалық жүйесінің трансформациясы мен қылмыстық-құқықтық нормалардың жаңғыртылуы арасындағы өзара байланыс баса айтылады. Мақалада ізгілендіру, декриминализациялау процестеріне және белгілі бір дәрежеде даулы болып табылатын қылмыстық теріс қылықтар институтын енгізуге ерекше назар аударылған.

Қазақстан Республикасындағы экономикалық қызмет саласындағы құқық бұзушылықтар (қылмыстар) үшін жауаптылық туралы отандық қылмыстық заңнамаға жүргізілген ретроспективалық талдау нәтижелері бойынша мемлекеттің экономикалық қауіпсіздігін қамтамасыз етудің қылмыстық-құқықтық жүйесін кезең-кезеңімен түрлендіру арқылы экономикалық саладағы Қазақстан Республикасының қазіргі қылмыстық-құқықтық саясатын келешекте және жүйелі түрде өзгертуге бағытталған тұжырымдар мен ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: қылмыстық құқық; экономикалық қылмыстық құқық бұзушылықтар; экономикалық қылмыс; ретроспективалық талдау; Қазақ Кеңестік Социалистік Республикасының Қылмыстық кодексі; Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі; декриминализациялау; экономикалық қызмет; экономикалық қауіпсіздік.

Н.Ш. Жемпиисов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косыы, Республика Казахстан*

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ процесса формирования и развития института уголовной ответственности за правонарушения (преступления) в сфере экономической деятельности в Республике Казахстан.

В ходе исследования автором рассмотрена эволюция законодательства, начиная с советского периода (Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 г.) через этап становления независимости (Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 г.) до современного состояния (Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г.).

В работе подчеркивается взаимосвязь между трансформацией экономической системы государства и модернизацией уголовно-правовых норм. Особое внимание в статье уделено процессам гуманизации, декриминализации и, введению в некотором роде, спорного института уголовных проступков.

По итогам проведенного ретроспективного анализа отечественного уголовного законодательства об ответственности за правонарушения (преступления) в сфере экономической деятельности в Республике Казахстан сформулированы выводы и предложения, направленные на перспективное и последовательное изменение современной уголовно-правовой политики Республики Казахстан в экономической сфере путем поэтапной трансформации уголовно-правовой системы обеспечения экономической безопасности государства.

Ключевые слова: уголовное право; экономические уголовные правонарушения; экономическое преступление; ретроспективный анализ; Уголовный кодекс Казахской Советской Социалистической Республики; Уголовный кодекс Республики Казахстан; декриминализация; экономическая деятельность; экономическая безопасность.

Introduction. It is well known that the evolution of criminal law (as with any branch and field of public knowledge) in every state is inextricably linked to the nature of its socio-economic structure.

As the foundation of the social and state life of any country, the economy sets the trajectory for the entire spectrum of social, economic, geopolitical, informational, legal, and other policies.

For instance, according to Paragraph 4 of Article 60 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan: “Draft laws introduced by way of legislative initiative of the Government of the Republic of Kazakhstan for the purpose of operational response to conditions that pose a threat to the life and health of the population, the constitutional order, the protection of public order, and the economic security of the country, shall be considered by the Kurultai immediately”¹, this underscores the critical importance of a socio-legal response to the aforementioned conditions and the threats arising from them, in order to ensure the timely security of the population, society, and the state as a whole.

Thus, in the current Constitution of the Republic of Kazakhstan of the Republic of Kazakhstan, the legislator has placed the issues of the state's economic security on a par with other most priority and important directions and institutions for the development of a full-fledged society and state.

Along with this, Subparagraph 1) of Article 65 of the Constitution of Kazakhstan stipulates that “The Government shall elaborate the main directions of the state's socio-economic policy, its defense capability, security, and public order, and organize their implementation”².

¹ Constitution of the Republic of Kazakhstan: the Constitution was adopted by the national referendum on March 15, 2026 [Electronic resource].

– Access mode: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K2600000000>.

² In the same place.

The above task of the Government is undoubtedly its most vital and key obligation in implementing the strategic ideas of the Head of State and the people of Kazakhstan, which determine the main directions of its domestic and foreign policy.

Furthermore, under conditions of accelerated technological and, accordingly, socio-economic development (*utilizing the capabilities of artificial intelligence*), Kazakhstan is following the path of creating special zones and cities of accelerated economic development for the common good (*including for the purpose of attracting direct investment*).

Thus, according to Paragraph 6 of Article 5 of the Constitution: “For the purpose of accelerated economic development of individual regions of the Republic of Kazakhstan, a special legal regime in the financial sphere or a special legal regime of a 'city of accelerated development' may be established in accordance with constitutional laws. Said special legal regimes may provide for specific features of public administration and the functioning of the judicial system”³.

At the same time, while creating appropriate conditions and opportunities for the socio-economic development of individuals, society, and the state, Kazakhstan must also “take care” of the security issues of the entire system of social relations, including protecting entities in Kazakhstan from various types of both semi-criminal and criminal infringements.

Consequently, the economy (*economic relations*) also plays a significant role in the development of the state's criminal law policy, determining which forms of behavior are recognized as socially dangerous and which are socially useful or neutral.

In this regard, a retrospective analysis of criminal liability for economic acts holds particular scientific and practical interest for the Republic of Kazakhstan, as over a relatively short historical period, the country made a transition from a strictly centralized planned economy to an open market system integrated into global economic processes.

The relevance of the study is driven by the need to understand the patterns in the development of legal norms that ensure the security of economic relations. Understanding how the legislator's conceptual approaches to protecting the economic system have evolved allows for an assessment of the effectiveness of existing norms and prediction of further directions for modernizing criminal law policy.

The primary goal of the publication is a systematic retrospective analysis of the emergence, formation, and transformation of criminal law institutions that protect economic relations in Kazakhstan, identifying the interconnection between state reforms and criminal law innovations.

The objectives of the article are to analyze the genesis and historical stages in the development of legislation on liability for economic criminal offenses in Kazakhstan (from 1959 to the present), to examine select statistical data from the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan (CPS&SR GPO RK) related to the topic of research, and to develop specific, evidence-based recommendations to improve the regulatory framework and law enforcement practice in counteracting economic crime in Kazakhstan.

Materials and methods. During the preparation of the article, a historical-legal (retrospective) method of analysis was applied to examine the history of the development of Kazakhstani legislation on liability for economic criminal offenses. In addition, the use of the logical method allowed for an analysis of scientific literature and the provisions of domestic legislation on specific issues of ensuring economic security, leading to several proposals for improving national legislation in the area under study.

Results, discussion. The dynamic development of market relations, the consistent integration of the Republic of Kazakhstan into the global economic space, and the regular emergence of new financial-digital instruments require adequate and flexible legal regulation.

³ Constitution of the Republic of Kazakhstan: the Constitution was adopted by the national referendum on March 15, 2026 [Electronic resource]. – Access mode: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K2600000000>.

The institution of criminal liability for offenses in the sphere of economic activity serves as a vital element in ensuring the state's economic security.

The current state of Chapter 8 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (CC RK) is the result of a long evolution. Studying the historical trajectory of this institution (retrospective analysis) makes it possible not only to understand the legislator's logic, but also to identify systemic patterns necessary for the further improvement of the state's Criminal Law policy.

Within the framework of this article, the examination of the historical path of criminal liability for offenses in the sphere of economic activity covers the period from 1959 (Soviet period) to the present, considering that in the modern sense, the Criminal Law and, accordingly, the theory of domestic criminal law as an independent branch of the national legal system began to take shape and develop in 1959.

Undoubtedly, the development of criminal law during earlier periods of Kazakhstan's development (the pre-Soviet period and the Soviet period prior to 1959) is also important and holds special interest for researchers; however, this could serve as the basis for a separate comprehensive study.

Given that the development of any area (sphere) of legislation as a branch of law passes through distinct stages, this article focuses on these specific phases.

The Soviet Period (Criminal Code of the Kazakh SSR of July 22, 1959) as the Starting Point for the Formation of the National Criminal Law System of Kazakhstan. On January 1, 1960, an independent Criminal Code dated July 22, 1959, was brought into force in Kazakhstan for the first time, marking the beginning of the creation of the fundamental principles of Kazakhstani Criminal Law.

The Criminal Code of the Kazakh SSR of July 22, 1959, was created as a code of a socialist state that did not permit political, ideological, or economic pluralism.

In its original version, the tasks of the Code were defined as the protection of the Soviet social and state system, socialist property, the person and rights of citizens, and the entire socialist legal order against criminal infringements.

As the renowned Soviet and Russian legal scholar B.V. Volzhenkin rightly noted: “One of the main legally protected objects was the socialist economic system, characterized by the primacy of socialist property, centralized management of the economy based on state plan assignments, the virtual absence of competition, and administrative methods for solving economic problems” [1; 38].

The 1959 Criminal Code contained a dedicated Chapter VI entitled “Economic Crimes”.

In addition, several elements of crimes infringing upon the procedure for conducting economic activity were provided for in Chapter I (“State Crimes”) among the so-called other state crimes (smuggling (Art. 64), manufacturing or uttering counterfeit money or securities (Art. 73), and illegal operations involving currency transactions (Art. 74)⁴ [1].

Analyzing the elements of economic crimes under the 1959 Criminal Code, as well as under the codes of other Soviet republics, “Soviet criminologists unanimously asserted that the generic object of economic crimes was the socialist economy (variations: the socialist procedure for conducting the Soviet economy; the proper functioning of the socialist national economy; public relations that arise in the course of economic activity and express the interests of the development of the national economy, etc.)” [1; 39].

At the same time, the most common approach to systematizing economic crimes in legal literature was classifying them according to the spheres of economic activity in which they were committed.

Thus, the following categories were identified:

⁴ Уголовный кодекс Казахской ССР: от 22 июля 1959 г. (утратил силу) [Electronic resource]. – Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K590002000_.

- general types of economic crimes (private entrepreneurial activity, commercial brokerage);
- crimes in the field of industry (manufacturing sub-standard products, illegal use of a trademark, etc.);
- crimes in the field of agriculture (violation of veterinary rules, violation of rules established for combating plant diseases and pests, etc.);
- crimes in the field of natural resource usage (illegal logging, illegal hunting, illegal engagement in fishing and other aquatic harvesting trades, etc.);
- crimes in the field of finance (forgery of postage stamps and transport tickets, violation of rules for mineral exploration and extraction);
- crimes in the field of trade (speculation, defrauding customers and clients).

During that period of social relations, the primary protected object was the Soviet economic order based on the state plan.

The concept of “entrepreneurship” or “private initiative” was absent in Soviet law or was interpreted exclusively as a negative, anti-social phenomenon.

Activities that constitute the foundation of a market economy today (trade, brokerage, foreign exchange operations, private production) were treated as crimes against the economic system under the 1959 Criminal Code of the Kazakh SSR.

Characteristic elements of crimes under the 1959 Criminal Code of the KazSSR included:

- Speculation (Art. 168 of the CC KazSSR): The purchase and resale of goods or other items for profit (enrichment). The legislator penalized citizens for seeking to profit from price differences, which directly contradicted the nature of free trade;
- Private Entrepreneurial Activity and Commercial Brokerage (Art. 144 of the CC KazSSR): Engaging in private entrepreneurship using state, cooperative, or other public forms was recognized as a dangerous infringement on planned discipline;
- Illegal Operations Involving Foreign Currency Values (Art. 74 of the CC KazSSR): The state foreign exchange monopoly was protected with exceptional severity, up to the application of the death penalty under aggravating circumstances;
- Padding and Other Distortions of State Statistical Reporting (Art. 151-1 of the CC KazSSR): A specific crime element protecting the accuracy of state statistics and accounting data, alongside other types of economic crime elements.

Sanctions for these crimes carried a heavy punitive orientation: long terms of imprisonment, confiscation of property, and mandatory internal exile. Thus, the repressive apparatus of the 1959 CC KazSSR was aimed at suppressing any manifestations of market relations.

Interestingly, during the period when the 1959 Criminal Code of the Kazakh SSR was in effect, the legal regulation of criminal liability for offenses in the economic sphere underwent a greater number of changes than any other chapter of the code. This is due to the fact that when faced with certain negative phenomena, threats, and risks in economic activity (which grew in number as the crisis of the socialist system deepened), the state primarily attempted to resolve them through administrative rather than economic measures, including repressive ones.

The 1997 Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: A Transitional Stage and Adaptation to the Market

With the collapse of the USSR, the adoption of the Declaration of State Sovereignty, and subsequently the 1995 Constitution of the Republic of Kazakhstan, the foundation of the state changed fundamentally. In particular, the 1995 Constitution enshrined the equal status of state and private property (Paragraph 1 of Article 6) and freedom of entrepreneurial activity (Paragraph 4 of Article 26). This widespread transition to market relations in Kazakhstan created an urgent need for an entirely new Criminal Law.

This became the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 1997, which entered into force on January 1, 1998⁵.

Fundamental innovations of the 1997 CC RK:

1. Terminological and Conceptual Shift: The term “economic crimes” (*хоз. преступления*) was replaced by Chapter 7 (“Crimes in the Sphere of Economic Activity”). For the first time, the legitimate rights of entrepreneurs were protected by law.

2. Full Decriminalization of Certain “Outdated” Soviet Crime Elements: Criminal liability for speculation, private entrepreneurship, and violation of the state currency monopoly was abolished.

3. Criminalization of New Market Delicts (Violations): The legislator introduced liability for acts infringing upon fair competition and the financial system:

- Illegal entrepreneurship and illegal banking activity;
- Pseudo-entrepreneurship;
- Intentional, fraudulent, and fictitious bankruptcy;
- Tax evasion by organizations and individuals;
- Money laundering and concealment of illicit property;
- Manufacturing or uttering counterfeit money or securities, among others.

The 1997 Criminal Code accomplished its goal of adapting the legal system to the “wild” market of the 1990s. Over time, however, its drawbacks became evident: an excessive punitive bias toward business, frequent adjustments to damage thresholds (large and particularly large scale), and ambiguities in statutory language.

As noted by S.M. Rakhmetov, a prominent scholar of Kazakhstani criminal law: “During the relatively short period the 1997 Criminal Code was in effect (from 1998 to 2015), amendments and additions were made to its provisions by 80 Laws of the Republic of Kazakhstan. Only 48 out of 95 articles of the General Part (50.5%) and 27 out of 298 articles of the Special Part of the Criminal Code (9%) retained their original wording” [2].

Modernization and Humanization (Period of 2011-2014)

During this period, the state adopted a course toward decriminalizing economic offenses that did not pose a high degree of public danger, as well as reducing the repressive weight of the law on law-abiding entrepreneurs.

In this regard, S.M. Rakhmetov stated: “By the Law dated January 18, 2011, the following articles were excluded from Chapter 7 of the Criminal Code (Crimes in the Sphere of Economic Activity): Art. 195 (Persistent Evasion of Accounts Payable Settlement); Art. 197 (Persistent Violation of the Procedure for Conducting Public Bids, Auctions, and Tenders); Art. 201 (Bribery of Participants and Organizers of Professional Sports and Commercial Entertainment Competitions); Art. 223 (Defrauding Consumers); Art. 225 (Registration of Illegal Nature-Use Transactions). Sanctions under 29 articles were modified toward lighter penalties for crimes in the sphere of economic activity” [3, p. 60].

Thus, from 2011 to 2014, the legislation of Kazakhstan underwent several stages of consistent humanization:

1. Implementation of Economic “Compensators” of Punishment: For the majority of economic crimes, the legislator prioritized financial sanctions (multiple fines).

Exemption from Criminal Liability upon Compensation of Damage: A mechanism was introduced under which a person who has committed an economic criminal offense for the first time (for example, under Article 221 of the Criminal Code, “Monopolistic Activity”) is exempted from criminal liability if they voluntarily compensate for the damage caused and pay a fine to the budget.

⁵ Code of the Republic of Kazakhstan dated July 16, 1997 № 167. Expired by the Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V [Electronic resource]. – Access mode: https://adilet.zan.kz/eng/docs/K970000167_.

2. Raising the Damage Thresholds for Large and Particularly Large Scale Damage: Factoring in inflation processes and the actual volume of business transactions made it possible to avoid unreasonable prosecution of entrepreneurs for minor amounts of accounts receivable or tax arrears.

At the same time, Mark Button, Branislav Hock, and David Shepherd reasonably point out: “Despite an increasing number of international legal instruments emerging with the aim of mitigating economic crime, the primary responsibility for the enforcement of laws and regulations lies in the hands of nation states. By enforcement we mean investigations, prosecution, and the sanctioning of individuals and corporations for violations of economic crime laws and regulations” [4; 227].

A New Stage: The 2014 Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and Modern Trends.

The adoption of the current Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014⁶ marked a conceptual “reform” of domestic criminal law.

Chapter 8 (“Criminal Offenses in the Sphere of Economic Activity”) underwent a deep transformation:

- Introduction of a two-tier system of criminal offenses: The introduction of the institution of “criminal infractions” made it possible to transfer the least dangerous economic acts from the category of crimes to infractions, which excludes a criminal record;

- Decriminalization of certain provisions: A number of economic criminal offense elements were excluded from the Criminal Law, including the widely known (especially to entrepreneurs) article on “Pseudo-entrepreneurship” (decriminalized in 2017, with certain unlawful elements transferred to provisions governing the issuance of fictitious invoices);

- Countering new threats: The legislator shifted focus toward protecting the digital ecosystem and combating the shadow economy (e.g., criminalizing illegal actions with cryptocurrencies, issuing fictitious invoices, creating financial pyramids, etc.).

As reasonably stated in the Concept of Legal Policy of the Republic of Kazakhstan until 2030, “in light of modern challenges and threats, including those involving IT technologies, criminal legislation should be improved on a continuous basis, including by introducing a separate offense provision establishing liability for the use of artificial intelligence for criminal purposes”⁷.

Conclusion. Based on the foregoing, the retrospective analysis demonstrates that over the years of independence, the institution of liability for economic criminal offenses in Kazakhstan has evolved from rigid state paternalism and the prohibition of private initiative to the creation of a flexible system for protecting competition and entrepreneurial freedom.

Not infrequently, business freedom and the absence of proper oversight are perceived by some entrepreneurs as an opportunity to engage in large-scale fraud. As Petter Gottschalk wrote in his work “Partners in Economic Crime: Corporate Convenience by Cartel Membership”: “Sometimes several companies offered their products to the same customer to create an impression of competition among them. However, they had already agreed in advance who was to receive the contract. If Company A were to have the contract, then Company A presented an offer to the customer that was quite expensive. The customer waited for more affordable offers from the competitors. Instead, as agreed within the cartel, the competitors presented offers that were even more expensive. So, the customer had no other choice but to accept the offer from Company A. Sometimes in public construction projects, such as government buildings, several construction companies are involved in the work. However, they have agreed in advance how to share the work” [5].

A brief summary of official statistics regarding registered criminal offenses in the sphere of economic activity for the years 2008, 2015, and 2025:

⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V [Electronic resource]. – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

⁷ Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента Республики Казахстан от 15 окт. 2021 г. № 674 [Electronic resource]. – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>.

According to data from the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, 5,485 crimes in the sphere of economic activity were registered during the 12 months of 2008 (the earliest data available on the CLS&SR website); 8,857 cases of economic criminal offenses were recorded in 2015 (the first full year the 2014 Criminal Code of the RK was in effect); and 944 cases were registered in 2025⁸. Thus, official statistics on registered economic criminal offenses demonstrate an initial surge in such acts during the first year of the 2014 Criminal Code, followed by a subsequent decline in registration due to several specific reasons (large-scale humanization, business protection measures, specific geopolitical and geoeconomic conditions, etc.).

The modern criminal law policy of the Republic of Kazakhstan in the economic sphere is based on a balance of two vectors:

1. Humanization: The 2014 Criminal Code of the RK fixed a conceptual shift from a punitive model to a compensatory one. Imprisonment ceased to be the sole or predominant response measure to economic criminal offenses. The priority is to minimize the use of custodial sentences against entrepreneurs, provided there is full compensation for material damage.

2. Economic Security: Countering large-scale threats, such as the outflow (export) of capital abroad, money laundering, and the creation of financial pyramids.

Further development of domestic legal thought should focus on refining the conceptual framework of the Criminal Law, drawing a clear boundary between civil delicts and criminal offenses, and optimizing the institution of criminal infractions to prevent latent “pressure” on small and medium-sized business entities.

List of used literature:

1. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 765 с.
2. С.М. Рахметов. Основные этапы развития уголовного законодательства Республики Казахстан // ИС «Параграф» [Electronic resource]. – Access mode: https://prg.kz/document/?doc_id=33417649&pos=44;59.
3. Рахметов, С.М. Система преступлений в сфере экономической деятельности по уголовному законодательству Республики Казахстан / С.М. Рахметов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2011. – № 3 (23). – С. 60-66.
4. Button, M. Economic Crime: From Conception to Response / M. Button, B. Hock, D. Shepherd. – New York, NY: Routledge, 2022. – 315 p.
5. Gottschalk, P. Partners in Economic Crime: Corporate Convenience by Cartel Membership / P. Gottschalk. – BI Norwegian Business School. New Jersey, 2026. – 274 p.

References:

1. Volzhenkin, B.V. Prestuplenija v sfere jekonomicheskoy dejatel'nosti po ugovolnomu pravu Rossii / B.V. Volzhenkin. – SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2007. – 765 s.
2. S.M. Rahmetov. Osnovnye jetapy razvitija ugovolnogo zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan // IS «Paragraf» [Electronic resource]. – Access mode: https://prg.kz/document/?doc_id=33417649&pos=44;59.
3. Rahmetov, S.M. Sistema prestuplenij v sfere jekonomicheskoy dejatel'nosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Respubliki Kazahstan / S.M. Rahmetov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. – 2011. – № 3 (23). – S. 60-66.
4. Button, M. Economic Crime: From Conception to Response / M. Button, B. Hock, D. Shepherd. – New York, NY: Routledge, 2022. – 315 p.
5. Gottschalk, P. Partners in Economic Crime: Corporate Convenience by Cartel Membership / P. Gottschalk. – BI Norwegian Business School. New Jersey, 2026. – 274 p.

⁸ Отчет № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях // Правовая статистика [Electronic resource]. – Access mode: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Назарбек Шаруанұлы Жемпиисов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы құқық қорғау органдары академиясының Жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институты арнайы заң пәндері кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, e-mail: oxbridge23@gmail.com, orcid.org/0009-0009-2563-0838.

Жемпиисов Назарбек Шаруанович – профессор кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, e-mail: oxbridge23@gmail.com, orcid.org/0009-0009-2563-0838.

Zhempissov Nazarbek Sharuanovich – Professor of the Department of Special Legal disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, e-mail: oxbridge23@gmail.com, orcid.org/0009-0009-2563-0838.

Ш.Р. Жумагулова, Э.О. Тойлыбекова*

Кызылординский университет имени Коркыт Ата, г. Кызылорда, Республика Казахстан

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ НАСИЛИЯ

Аннотация. Рассматриваются этические и моральные аспекты борьбы с домашним насилием. Домашнее насилие – это не только юридическая проблема, но и сложное социальное явление, затрагивающее моральные ценности, духовные ориентиры и этические нормы современного общества. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав человека, соблюдения принципов справедливости, равенства и укрепления института семьи. Анализируются причины и последствия насилия в семье, раскрывается роль общества, государства, образовательных и религиозных институтов в формировании нетерпимости к любым проявлениям агрессии. Изучаются этические принципы оказания помощи пострадавшим, важность моральной поддержки и создания эффективной системы социальной и психологической реабилитации. Подчеркивается необходимость развития культуры ненасилия, формирования общественного сознания, основанного на уважении, эмпатии, взаимной ответственности. Поднимаются вопросы формирования этического поведения в семье и воспитания подрастающего поколения в духе гуманизма и взаимного уважения. Отмечается значимость просветительской деятельности и участия СМИ в изменении общественного восприятия проблемы насилия. Делается вывод о том, что борьба с домашним насилием должна опираться не только на правовые механизмы, но и на духовно-нравственные основы общества.

Ключевые слова: домашнее насилие; этика; мораль; права человека; семейные ценности; защита жертв; профилактика насилия.

Ш.Р. Жұмағұлова, Э.О. Тойлыбекова

Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда қ., Қазақстан Республикасы

ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚ КӨРІНІСТЕРІНЕ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ МОРАЛЬДЫҚ-ЭТИКАЛЫҚ ҚЫРЛАРЫ

Аннотация. Мақалада тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрестің моральдық-этикалық қырлары қарастырылады. Тұрмыстық зорлық-зомбылық тек құқықтық мәселе ғана емес, сонымен қатар қазіргі қоғамның моральдық құндылықтарын, рухани бағдарларын мен этикалық нормаларын қамтитын күрделі әлеуметтік құбылыс болып табылады. Адам құқықтарын қорғауға, әділеттілік пен теңдік қағидаттарын сақтауға, сондай-ақ отбасы институтын нығайтуға ерекше назар аударылады. Тұрмыстық зорлық-зомбылықтың себептері мен салдары талданып, агрессияның кез келген көрінісіне төзбеушілік көзқарасты қалыптастырудағы қоғамның, мемлекеттің, білім беру және діни институттардың рөлі ашылады. Жәбірленушілерге көмек көрсетудің этикалық қағидаттары, моральдық қолдаудың және тиімді әлеуметтік-психологиялық оңалту жүйесін құрудың маңыздылығы зерделенеді. Зорлық-зомбылыққа жол бермеу мәдениетін дамыту, құрметке, эмпатия мен өзара жауапкершілікке негізделген қоғамдық сананы қалыптастыру қажеттілігі атап өтіледі. Отбасында әдепке негізделген мінез-құлықты қалыптастыру және өскелең ұрпақты гуманизм мен өзара құрмет рухында тәрбиелеу мәселелері қарастырылады. Зорлық-зомбылық мәселесіне қоғамдық көзқарасты өзгертудегі ағартушылық қызмет пен бұқаралық ақпарат құралдарының рөлі атап өтіледі. Зерттеу нәтижесінде тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қарсы күрес тек құқықтық тетіктерге ғана емес, қоғамның рухани-адамгершілік негіздеріне де сүйенуге тиіс деген қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: тұрмыстық зорлық-зомбылық; этика; мораль; адам құқықтары; отбасылық құндылықтар; жәбірленушілерді қорғау; зорлық-зомбылықтың алдын алу.

Sh.R. Zhumagulova, E.O. Toilybekova

Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, the Republic of Kazakhstan

SOCIAL, LEGAL, MORAL, AND ETHICAL ASPECTS OF COMBATING VIOLENCE

Abstract. This article examines the ethical and moral aspects of combating domestic violence. Domestic violence is not only a legal issue but also a complex social phenomenon affecting moral values, spiritual guidelines, and ethical norms of modern society. Particular attention is paid to the protection of human rights, adherence to the principles of justice, equality, and strengthening the institution of the family. The causes and consequences of domestic violence are analyzed, revealing the role of society, the state, educational and religious institutions in fostering intolerance to any manifestations of aggression. The article examines the ethical principles of providing assistance to victims, the importance of moral support, and the creation of an effective system of social and psychological rehabilitation. The need to develop a culture of non-violence and foster a public consciousness based on respect, empathy, and mutual responsibility is emphasized. Particular attention is paid to the development of ethical behavior in the family and the upbringing of the younger generation in the spirit of humanism and mutual respect. The importance of educational activities and the participation of the media in changing public perceptions of violence is noted. The conclusion is that the fight against domestic violence must be based not only on legal mechanisms but also on the spiritual and moral foundations of society. Finally, it is noted that only the joint efforts of all social institutions and the strengthening of the population's moral culture can ensure effective violence prevention.

Keywords: domestic violence; ethics; morality; human rights; family values; victim protection; violence prevention.

Введение. В рамках настоящего исследования насилие рассматривается как сложный социально-правовой и морально-этический феномен, проявляющийся в различных формах физического, психологического, сексуального, экономического и иного принудительного воздействия на личность. Вместе с тем основное внимание уделяется домашнему насилию как одной из наиболее распространенных и социально опасных форм насилия, наиболее ярко демонстрирующей взаимосвязь правовых, нравственных и культурных факторов. Анализ домашнего насилия используется в качестве базовой модели для исследования влияния морально-этических норм на предупреждение насильственного поведения и защиту пострадавших лиц.

Насилие не ограничивается физической силой, но может принимать различные формы, включая психологическое давление, экономическое принуждение и эмоциональное насилие [1].

В настоящее время многие страны принимают законодательные меры по борьбе с домашним насилием. Однако корни этой проблемы лежат не только в правовой сфере, но и тесно связаны с морально-этическими нормами в обществе. Во многих культурах существует установка «не вмешиваться в семейные дела», из-за чего жертвам сложно обратиться за помощью. Кроме того, в некоторых случаях общественные традиции или гендерные стереотипы способствуют оправданию насилия или его восприятию как нормального явления.

По мнению казахстанских исследователей, когда совершается домашнее насилие или возникает угроза его совершения, оно приобретает латентный характер. Причиной тому служат безразличие членов семьи, несообщение правоохранительным органам или близким из-за страха, нежелания иждивенцев лишаться семейного дохода и др. Поэтому в целях усиления механизмов защиты жертв насилия С.А. Августхан, Р.А. Медиев предлагают криминализировать угрозу, совершенную в семейно-бытовых отношениях или в отношении материально зависимых людей [2; 78].

С этической точки зрения домашнее насилие является несправедливостью и грубым нарушением прав человека. Его профилактика и борьба с ним должны основываться на следующих принципах:

1. Защита прав человека. Жизнь, свобода и неприкосновенность каждого человека важны. Жертвы насилия часто остаются беззащитными и неспособными защитить себя или обратиться за помощью. Поэтому общество обязано защищать и поддерживать их.

2. Принцип справедливости. Необходимо создать культуру нулевой терпимости к актам насилия и обеспечить привлечение виновных к ответственности. Это должно осуществляться не только в рамках закона, но и на уровне общественного мнения.

3. Общественная ответственность. Борьба с домашним насилием – это обязанность не только правоохранительных органов, но и каждого гражданина, став свидетелем насилия, он должен помогать жертвам и участвовать в решении проблемы.

4. Равенство и справедливость. Гендерное, социальное и экономическое неравенство являются одной из основных причин домашнего насилия. Жертвами такого насилия часто становятся женщины, дети, пожилые люди и люди с ограниченными возможностями. Эту проблему можно предотвратить, предоставив равные права и возможности всем членам общества.

5. Возрождение семейных ценностей. Для профилактики насилия в семье необходимо развивать культуру взаимного уважения, любви и поддержки. Обучение детей важности ненасильственного общения с раннего возраста является одним из самых эффективных способов предотвращения насилия в будущем.

6. Необвинения жертв. В некоторых обществах существует тенденция обвинять людей, ставших жертвами насилия, или оправдывать их действия. Из-за такого несправедливого подхода жертвам сложно обратиться за помощью. Общество должно защищать и поддерживать их.

Современное общество переживает значительные изменения в восприятии феномена насилия. Если ранее насилие рассматривалось преимущественно как отклонение от социальных норм и нарушение правопорядка, то в условиях развития информационного пространства происходит нормализация и эстетизация насилия, особенно в медиа и массовой культуре. По телевидению, радио и, особенно, в социальных сетях часто можно увидеть демонстрацию деструктивного поведения людей, что, в свою очередь, способствует формированию у других негативных установок и терпимости к насилию либо, напротив, культуры ненасилия. Внедрение этико-правовых механизмов профилактики агрессии и жестокости имеет важное значение в борьбе с любыми формами насилия.

Особо подчеркнем, что сейчас социальные сети стали тем местом, в котором развиваются различные виртуальные формы насилия, которые требуют выработки соответствующих норм поведения в онлайн-пространстве, к примеру, публичная травля или осуждение, написание провокационных комментариев, навязчивое преследование, создание фейковых аккаунтов, исключение жертвы из каналов или групп, культура отмены личности или деятельности человека, распространение личной информации и многое другое.

Таким образом, исследование динамики общественного восприятия насилия и влияния медиа- и культурных дискурсов на моральные оценки позволяет более глубоко понять причины и последствия агрессивного поведения, а также сформулировать эффективные пути противодействия ему на уровне общественного сознания.

Материалы и методы. Методологическую основу настоящего исследования составляют методы факторного и сравнительного анализа, а также метод обобщения. Факторный анализ применялся для выявления совокупности социальных, культурных, правовых и морально-этических факторов, оказывающих влияние на распространение насилия и эффективность мер его предупреждения. Особое внимание уделялось оценке роли общественных установок, стереотипов поведения, уровня правовой культуры и нравственных ценностей в формировании толерантности либо нетерпимости к насильственным практикам. Эти методы позволили выявить ключевые моральные и этические ориентиры, лежащие в основе практики противодействия насилию, и сопоставить подходы, применяемые в различных правовых и социокультурных контекстах.

На теоретическом уровне были использованы методы анализа, синтеза и дедукции, что обеспечило системное осмысление сущности насилия как социального явления и механизмов его этической оценки. Метод анализа позволил выделить отдельные элементы исследуемой проблемы, включая правовые, моральные и социальные аспекты противодействия насилию. Метод синтеза обеспечил их объединение в единую концептуальную модель, отражающую взаимосвязь права, морали и общественного сознания. Дедуктивный метод использовался при переходе от общих теоретических положений о природе насилия и социального контроля к формулированию выводов относительно роли морально-этических механизмов в предупреждении насильственного поведения.

В работе рассматривается комплексный междисциплинарный подход, сочетающий правовые, философские, социологические и психологические аспекты. Правовой аспект исследования был направлен на анализ нормативных механизмов противодействия насилию и защиты прав пострадавших лиц. Философский аспект позволил рассмотреть категории добра, справедливости, ответственности и человеческого достоинства как ценностную основу неприятия насилия. Социологический подход использовался для оценки влияния общественных норм, традиций и социальных стереотипов на восприятие различных форм насилия. Психологический аспект обеспечил понимание индивидуальных механизмов агрессивного поведения, виктимизации и формирования эмпатии как фактора профилактики насилия. Такой подход позволяет не только рассмотреть юридические меры борьбы с насилием, но и выявить их соответствие нормам морали, общественным ожиданиям и ценностным установкам. Особое внимание уделяется этико-правовому балансу между защитой прав жертвы, соблюдением прав правонарушителя и общественным восприятием справедливости.

Использование указанных методов способствует более глубокому пониманию роли этики и морали в формировании эффективной и гуманной системы противодействия насилию.

Обзор литературы по вопросам морали и этики в борьбе с проявлениями насилия охватывает как международные исследования, так и отечественные научные работы. Так, в своих трудах В.Ф. Федоренко, Н.В. Кудрявцева, А.В. Смирнов акцентируют внимание именно на этических и моральных аспектах борьбы с насилием. Авторы подчеркивают важную роль морально-этических норм в формировании культуры ненасилия и определяют предельно допустимые способы реагирования на различные формы проявления насилия. Особое внимание ими уделено морально-этическим дилеммам, которые возникают при защите прав жертв насилия и соблюдении прав насильников-правонарушителей.

Также хотелось бы отметить труды казахстанских исследователей – Ж.Т. Абдуллаевой, М.А. Касымова, А.С. Нурмагамбетовой, в которых исследуются морально-этические аспекты борьбы с насилием, влияние сложившихся в обществе культуры поведения и религиозных традиций на отношение людей к насилию, а также предприняты попытки в определении направлений государственной политики в сфере профилактики и противодействия насилию.

Результаты, обсуждение. Обсуждение социально-правовых и морально-этических аспектов хотелось бы начать с того, что насилие, как правильно подметили исследователи, является весьма деликатной и сложной темой исследования, связанной со сложностью определения его масштабов и характера, классификацией форм насилия, выявлением факта насилия, измерением его уровня и объема. В этой связи исследователи при изучении методологических и этических проблем в исследовании насилия отметили необходимость совместной разработки и принятия универсальных стандартов поведения человека, ориентированных на защиту прав и свобод человека, не допускающих унижения его чести и достоинства [3; 77].

Аналогичное мнение высказано и другими исследователями. Так, М.Э. Ди Марко,

Д. Роулэндс в исследованиях, затрагивающих деликатные темы, особенно насилие и жестокое обращение, рекомендуют переходить к открытому этическому диалогу, используя рефлексивный и контекстно-чувствительный подход к этическим исследованиям. В частности, авторы предлагают создавать институциональные пространства для этического самоанализа, пересмотреть роль комитетов по научной этике, рассматривать этику как взаимосвязанный и итеративный процесс, уделять особое внимание позиционности и властным отношениям, содействовать междисциплинарному и межкультурному диалогу и признавать важность эмоционального труда [4; 9,10].

Социально-правовой аспект насилия заключается в том, что любые его формы проявления в обществе сейчас рассматриваются как противоправные и запрещенные деяния, а проступки или преступление – это и есть социальное явление. Как правило, в виде социального явления насилие определяется как форма взаимодействия между собой людей и их модель поведения в обществе, в процессе чего возможно причинение друг другу психических страданий, физических увечий и смертельных травм, обусловленных различными причинами и условиями, среди которых уровень правовой культуры, способы воспитания, сложившиеся образы социальных групп и многое другое. Вместе с тем насилие также есть противоправное и запрещенное законами явление, ущемляющее права, ограничивающее свободу, лишаящее блага, осуждаемое и порицаемое государством.

Рассматривая домашнее насилие с этической точки зрения, следует упомянуть, что оно является не личной проблемой каждого человека. Оно служит показателем духовно-нравственного и социокультурного уровня населения. Соответственно, чтобы устранить домашнее насилие или свести его к минимуму, необходимо предпринять меры воздействия на поведение и сознание с целью их корректировки. Затрагивая семейные ценности, необходимо подчеркнуть, что моральные принципы также имеют большое значение в борьбе с домашним насилием. Семья должна быть местом любви и уважения, семейные отношения должны основываться на взаимопонимании и поддержке. Этический аспект домашнего насилия, кроющийся в осуждении обществом домашнего насилия, восприятии его в качестве деструктивного явления, проявлении сострадания к жертвам насилия, способствует борьбе с домашним насилием [5].

Этические и моральные нормы требуют реализации мер по борьбе с домашним насилием, среди которых, во-первых, повышение осведомленности населения – проведение просветительской работы, разъясняющей вред насилия; во-вторых, оказание юридической и психологической помощи – поддержка пострадавших через специальные центры и горячие линии; в-третьих, продвижение семейных ценностей в системе образования – обучение детей и молодежи культуре ненасильственного общения.

Домашнее насилие является одной из самых острых и сложных социальных проблем современного общества. Это негативно влияет не только на отдельных людей, но и на стабильность и развитие всего общества. Хотя существуют правовые инструменты для прекращения насилия, необходимы также комплексные меры с моральной и этической точки зрения для кардинального решения этой проблемы.

Создание в обществе культуры нулевой терпимости к домашнему насилию является обязанностью каждого гражданина. Для этого важно прежде всего объяснить, что никакая форма насилия не может быть оправдана. Во многих случаях жертвы вынуждены скрывать свое положение от общества, поскольку сталкиваются с обвинениями, упреками или безразличием. Чтобы изменить такое отношение, необходимо повышать правовую и нравственную грамотность людей.

Современное общество сталкивается с устойчивым ростом различных форм насилия, в том

числе физического, психологического, экономического, особенно цифрового. Несмотря на усилия государства и правозащитных структур, уровень агрессии в социальных коммуникациях и публичном пространстве остается высоким.

Главная проблема заключается в недостаточном осмыслении морально-этических оснований борьбы с насилием. Чаще всего противодействие рассматривается через юридическую или социальную призму, тогда как вопросы нравственной ответственности, допустимости применения силы и границ морального наказания остаются второстепенными.

Также наблюдается разрыв между теоретическими этическими принципами и их практическим применением в образовании, медиа, воспитании и законодательстве.

Отсутствует целостная этическая система, регулирующая поведение человека в условиях цифрового общества, где насилие приобретает новые формы: кибербуллинг, онлайн-агрессия, манипуляции и цифровое давление [6].

В ходе исследования были выявлены ключевые морально-этические проблемы, возникающие при противодействии проявлениям насилия. При анализе законодательной базы и обзоре научной литературы по данной тематике было установлено, что в качестве действенных мер по защите жертв насилия и соблюдению прав насильников-правонарушителей важную роль играют этические принципы. Наряду с этим определено, что требуется системный и междисциплинарный подход в решении морально-этических проблем противодействия различным формам насилия. На взгляд авторов данной доктрины, насилие следует рассматривать как социально-правовое и морально-этическое явление, которое является изменчивым в силу ценностных ориентаций общества. Здесь важно отметить, что в этой части особое значение приобретает этическое просвещение в обществе, представляющееся главным направлением эмоционально-ценностного развития личности, ориентированное на формирование нулевой терпимости к насилию, имеющее потребность именно в образовательной среде, в которой первоначально закладываются основы морально-этического поведения.

Особое внимание должно уделяться цифровой среде, которая стала новой площадкой проявления агрессии и насилия. Для минимизации рисков кибербуллинга и онлайн-агрессии требуется разработка и внедрение этических стандартов поведения в интернете, а также создание механизмов общественного контроля и саморегулирования контента в социальных сетях.

Важную роль в изменении общественного сознания могут сыграть средства массовой информации и искусство. Через кино, литературу, социальную рекламу и культурные инициативы возможно формирование позитивных моральных установок и продвижение идей гуманизма и уважения к личности.

Кроме того, значимым направлением является разработка этико-правовых стандартов, способных объединить юридические и моральные критерии оценки поведения. Это позволит более эффективно регулировать общественные отношения и формировать ответственное отношение личности к последствиям своих действий.

Таким образом, комплексное сочетание философского, правового, психологического и социокультурного подходов может обеспечить более глубокое понимание природы насилия и способствовать формированию целостной системы профилактики, основанной на принципах морали, гуманизма и уважения к человеческой жизни.

Особое внимание уделялось роли образования и воспитания в формировании этического сознания, что способствует профилактике насилия на ранних стадиях. Практика показывает, что программы, включающие обучение уважению прав человека и развитию эмпатии, имеют высокий потенциал для снижения уровня насилия.

Обобщая результаты, можно отметить необходимость дальнейшего развития междисциплинарных исследований, направленных на интеграцию этических, правовых и

психологических подходов для создания эффективных и гуманистических моделей противодействия насилию.

Заключение. По итогам исследования социально-правовых и морально-этических аспектов борьбы с проявлениями насилия установлено, что нельзя побороть насилие, не принимая во внимание сложившиеся в той или иной культуре моральные и этические нормы, определяющие восприятие справедливости и допустимые способы взаимодействия людей. Поиск и установление баланса между защитой прав жертв насилия и соблюдением прав обвиняемых-насильников есть важный критерий, определяющий степень общественного доверия к правоохранительным органам и судебной власти.

При этом установлено, что эффективность противодействия насилию определяется не только уровнем правового регулирования, но и степенью сформированности в обществе устойчивых морально-этических установок, которые трансформируются в модели поведения через социальные институты, такие как семья, образование и средства массовой информации.

Наряду с этим исследование показало, что важное значение имеет также междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать социальные, правовые, моральные, этические и психологические аспекты рассматриваемой проблемы. В целом выбранный подход способствует формированию комплексных и гуманистических стратегий профилактики и реагирования на насилие. Комплексный междисциплинарный подход создал предпосылки для разработки целостных стратегий профилактики насилия, основанных на интеграции правовых, морально-этических, воспитательных и культурных механизмов воздействия. Такие стратегии предполагают не только ужесточение юридической ответственности, но и формирование у личности внутренней моральной установки на отказ от насилия, развитие эмпатии, толерантности и уважения к человеческому достоинству. Важную роль при этом играет система образования, средства массовой информации и культурные институты, способные влиять на общественное сознание и способствовать укреплению этических основ социального взаимодействия [7].

Реализация указанных стратегий возможна посредством комплекса практических мер, включающих: внедрение программ правового и этического просвещения в систему образования; развитие профилактических курсов, направленных на формирование культуры ненасильственного поведения; усиление роли школьных и семейных психологических служб в раннем выявлении факторов риска насилия; расширение практики медиации и восстановительных процедур при конфликтах; проведение общественных информационных кампаний, направленных на изменение социальных стереотипов, оправдывающих насилие; а также повышение квалификации специалистов социальной и образовательной сфер в вопросах профилактики насилия.

Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшей работы по совершенствованию этико-правовых норм, а также развитию программ воспитания и образования, направленных на формирование моральной ответственности и уважения к правам человека в обществе.

Проблема насилия в современном обществе требует не только правовых и социальных решений, но и глубокого осмысления с точки зрения этики и морали. Этические нормы служат ориентиром в определении допустимого поведения, тогда как нравственные ценности формируют личную ответственность каждого человека. Борьба с насилием невозможна без формирования устойчивых моральных установок, таких как уважение к личности, сострадание, справедливость и взаимопомощь. Этические и нравственные аспекты борьбы с насилием лежат в самом фундаменте человеческих взаимоотношений. Насилие – это проявление деградации моральных устоев, и противостоять ему возможно лишь через воспитание гуманизма, милосердия и уважения к человеческой жизни. Важно понимать, что подавление насилия силой – лишь

временное решение, тогда как этическое переосмысление ценностей способно изменить саму суть взаимоотношений в обществе.

В заключение следует отметить, что борьба с домашним насилием не должна ограничиваться только законодательными мерами. Каждый член общества должен чувствовать моральную и этическую ответственность и вносить свой вклад в создание культуры, ориентированной на жизнь без насилия. Формирование такой культуры предполагает системное воздействие на общественное сознание через образовательные, семейные и информационные институты, что позволяет постепенно снижать уровень терпимости к насилию и закреплять модели ненасильственного поведения. Если мы сможем искоренить насилие не только в рамках закона, но и на уровне общественного сознания, у нас появится возможность создать безопасное и справедливое общество для будущих поколений.

Таким образом, этика и нравственность играют ключевую роль в профилактике насилия, формируя культуру мирного сосуществования. Только объединяя усилия государства, общества и каждого индивида на основе нравственных принципов, можно достичь устойчивого снижения уровня насилия и построения гуманного общества.

Список использованной литературы:

1. Рахметов, С.М. Проблемы совершенствования законодательства Республики Казахстан по противодействию семейно-бытовому насилию / С.М. Рахметов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 5 (63). – С. 127-134.
2. Августхан, С.А. Қазақстан Республикасындағы тұрмыстық зорлық-зомбылықпен байланысты қорқытудың кейбір мәселелері / С.А. Августхан, Р.А. Медиев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – 73-79 б.
3. Fraga, S. Methodological and ethical challenges in violence research / S. Fraga // Porto Biomed J. – 2016. – № 1 (2). – Pp. 77-80.
4. Di Marco, M.H. Multiples Ethical Dialogues in Domestic Abuse-Related Deaths and Perpetrator Studies: Attending to Complexity / M.H. Di Marco, J. Rowlands // International Journal of Qualitative Methods. – 2025. – Vol. 24. – Pp. 1-11.
5. Нурмагамбетова, А.С. Моральные ценности и их роль в профилактике насилия среди молодежи / А.С. Нурмагамбетова // Педагогика и социология. – 2020. – № 4. – С. 56-63.
6. Сариев, С.Т. Насилие в Казахстане: социокультурные и правовые аспекты / С.Т. Сариев и др. // Вестник социологии. – 2019. – № 2. – С. 89-101.
7. Абдуллаева, Ж.Т. Культурно-религиозные аспекты восприятия насилия в Казахстане / Ж.Т. Абдуллаева // Социология и право. – 2022. – № 1. – С. 23-34.

References:

1. Rahmetov, S.M. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan po protivodejstviyu semejno-bytovomu nasiliyu / S.M. Rahmetov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2020. – № 5 (63). – S. 127-134.
2. Avgusthan, S.A. Qazakstan Respublikasyndary tırmystyq zorlyq-zombylykpen bajlanysty qorqytudyn kejbir мәселелери / S.A. Avgusthan, R.A. Mediev // Qұқық қорғау organdary akademijasynyn Zharshysy. – 2024. – № 2 (32). – 73-79 b.
3. Fraga, S. Methodological and ethical challenges in violence research / S. Fraga // Porto Biomed J. – 2016. – № 1 (2). – Pp. 77-80.
4. Di Marco, M.H. Multiples Ethical Dialogues in Domestic Abuse-Related Deaths and Perpetrator Studies: Attending to Complexity / M.H. Di Marco, J. Rowlands // International Journal of Qualitative Methods. – 2025. – Vol. 24. – Pp. 1-11.
5. Nurmagambetova, A.S. Moral'nye cennosti i ih rol' v profilaktike nasilija sredi molodezhi / A.S. Nurmagambetova // Pedagogika i sociologija. – 2020. – № 4. – S. 56-63.
6. Sariev, S.T. Nasilie v Kazahstane: sociokul'turnye i pravovye aspekty / S.T. Sariev i dr. // Vestnik sociologii. – 2019. – № 2. – S. 89-101.
7. Abdullaeva, Zh.T. Kul'turno-religioznyye aspekty vosprijatija nasilija v Kazahstane / Zh.T. Abdullaeva // Sociologija i pravo. – 2022. – № 1. – S. 23-34.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шолпан Рүстемқызы Жұмағұлова – Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің аға оқытушысы, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: jumagulova_sholpan@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2033-6260.

Жұмағұлова Шолпан Рүстемовна – старший преподаватель Кызылординского университета имени Коркыт Ата, кандидат юридических наук, e-mail: jumagulova_sholpan@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2033-6260.

Zhumagulova Sholpan Rustemovna – Senior Lecturer Korkyt Ata Kyzylorda University, Candidate of Law Sciences e-mail: jumagulova_sholpan@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2033-6260.

Эльмира Орынтайқызы Тойлыбекова – Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің қауымдастырылған профессоры, философия докторы (PhD), e-mail: elmira-01-1981@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9301-9626.

Тойлыбекова Эльмира Орынтаевна – ассоциированный профессор Кызылординского университета имени Коркыт Ата, доктор философии (PhD), e-mail: elmira-01-1981@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9301-9626.

Toilybekova Elmira Oryntaevna – Associate Professor Korkyt Ata Kyzylorda University, PhD, e-mail: elmira-01-1981@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9301-9626.

Е.К. Кайрулла

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ, ОБОСНОВАННОГО РИСКА И ПРЕСТУПНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовые критерии разграничения врачебной ошибки, обоснованного профессионального риска, медицинского инцидента, невиновного причинения вреда и преступной неосторожности медицинского работника. Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью правовой оценки неблагоприятных последствий медицинского вмешательства, сложностью установления причинной связи, а также необходимостью разграничения объективно допустимого профессионального риска и виновного нарушения обязательных требований безопасности. Цель исследования заключается в разработке последовательной модели уголовно-правовой оценки поведения медицинского работника с учетом стандартов оказания медицинской помощи, конкретной клинической ситуации, характера допущенного нарушения, предвидения последствий и реальной возможности их предотвращения. Предлагаемый подход позволяет дифференцировать случаи добросовестного профессионального решения, медицинского инцидента и преступной неосторожности, исключая как необоснованную криминализацию врачебной деятельности, так и фактическое освобождение от уголовной ответственности при наличии установленных законом признаков состава уголовного правонарушения и надлежащих оснований для ее наступления.

Ключевые слова: медицинский работник; врачебная ошибка; медицинский инцидент; обоснованный риск; преступная неосторожность; профессиональная обязанность; причинная связь; уголовная ответственность; безопасность пациента.

Е.Қ. Қайрулла

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

МЕДИЦИНАЛЫҚ ҚЫЗМЕТ САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚ: ДӘРІГЕРЛІК ҚАТЕНІ, НЕГІЗДІ ТӘУЕКЕЛДІ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ АБАЙСЫЗДЫҚТЫ АЖЫРАТУ

Аннотация. Мақалада дәрігерлік қатені, негізді кәсіптік тәуекелді, медициналық оқыс оқиғаны, кінәсіз зиян келтіруді және медицина қызметкерінің қылмыстық абайсыздығын ажыратудың қылмыстық-құқықтық өлшемдері зерттеледі. Зерттеудің өзектілігі медициналық араласудың қолайсыз салдарын құқықтық бағалаудағы біркелкіліктің болмауымен, себептік байланысты анықтаудың күрделілігімен, сондай-ақ объективті түрде жол берілетін кәсіптік тәуекел мен қауіпсіздіктің міндетті талаптарын кінәлі түрде бұзудың аражігін ажырату қажеттілігімен айқындалады. Зерттеудің мақсаты медициналық көмек көрсету стандарттарын, нақты клиникалық жағдайды, жол берілген бұзушылықтың сипатын, салдардың туындау мүмкіндігін алдын ала болжауды және олардың алдын алудың нақты мүмкіндігін ескере отырып, медицина қызметкерінің іс-әрекетіне қылмыстық-құқықтық баға берудің дәйекті моделін әзірлеу болып табылады. Ұсынылған тәсіл дәрігердің адал кәсіби шешім қабылдаған жағдайларын, медициналық оқыс оқиғаны және қылмыстық абайсыздықты ажыратуға мүмкіндік береді. Бұл ретте дәрігерлік қызметті негізсіз криминализациялауға да, қылмыстық құқық бұзушылық құрамының заңда белгіленген белгілері және қылмыстық жауаптылықтың туындауына тиісті негіздер болған кезде медицина қызметкерін іс жүзінде қылмыстық жауаптылықтан босатуға да жол берілмейді.

Түйінді сөздер: медицина қызметкері; дәрігерлік қателік; медициналық оқыс оқиға; негізді тәуекел; қылмыстық абайсыздық; кәсіби міндет; себептік байланыс; қылмыстық жауаптылық; пациент қауіпсіздігі.

Y.K. Kairulla

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

CRIMINAL LIABILITY IN THE FIELD OF MEDICAL ACTIVITY: THE DISTINCTION BETWEEN MEDICAL ERROR, REASONABLE RISK AND CRIMINAL NEGLIGENCE

Abstract. The article examines the criminal law criteria for distinguishing between medical error, justified professional risk, medical incident, innocent infliction of harm, and criminal negligence on the part of a medical worker. The relevance of the study is due to the ambiguity in the legal assessment of adverse consequences of medical intervention, the difficulty of establishing a causal relationship, and the need to distinguish between objectively permissible professional risk and culpable violation of mandatory safety requirements. The aim of the study is to develop a consistent model for the criminal law assessment of a medical worker's conduct, taking into account the standards of medical care, the specific clinical situation, the nature of the violation committed, the foreseeability of the consequences, and the real possibility of preventing them. The proposed approach makes it possible to differentiate between cases of conscientious professional decision-making, medical incidents, and criminal negligence, thereby avoiding both the unjustified criminalization of medical practice and the actual exemption from criminal liability when the statutory elements of a criminal offense are present and there are proper grounds for imposing liability.

Keywords: medical worker; medical error; medical incident; reasonable risk; criminal negligence; professional duty; causation; criminal liability; patient safety.

Введение. Уголовно-правовая оценка медицинской деятельности представляет собой одну из наиболее сложных областей правоприменения. В Республике Казахстан (далее – РК) основным специальным уголовно-правовым основанием ответственности медицинских и фармацевтических работников является статья 317 Уголовного кодекса (далее – РК) за невыполнение или ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного отношения к ним, если деяние повлекло предусмотренный законом вред здоровью или смерть человека по неосторожности¹.

Параллельно законодательство о здравоохранении использует категорию медицинского инцидента. В действующих Правилах определения случаев медицинского инцидента он характеризуется как событие, связанное с оказанием медицинской помощи в соответствии со стандартами и применением разрешенных технологий, оборудования и инструментов, обусловленное отклонением от нормального функционирования организма пациента и способное причинить вред или привести к смерти, за исключением случаев, предусмотренных административным и уголовным законодательством². С октября 2024 года в стране также действует страхование профессиональной ответственности медицинских работников³. Страховой случай связывается с причинением вреда жизни и здоровью пациента вследствие медицинской деятельности, тогда как медицинский инцидент прямо исключен из числа страховых случаев. Указанные изменения свидетельствуют о формировании смешанной модели реагирования на вред, причиненный в сфере здравоохранения. Наряду с уголовным преследованием развиваются страховые, компенсационные, экспертные и внутренние механизмы управления качеством.

Вместе с тем появление новых категорий не устраняет вопроса о границах уголовной ответственности. Напротив, возникает необходимость установить соотношение врачебной ошибки, медицинского инцидента, оправданного профессионального риска, невиновного

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 24.07.2026 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

² О здоровье народа и системе здравоохранения: от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК: (с изм. и доп. по сост. на 24.07.2026 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360>.

³ Об утверждении Правил страхования профессиональной ответственности медицинских работников: приказ Министра здравоохранения РК от 24 июля 2024 г. № 58 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034803>.

причинения вреда и преступной неосторожности. В казахстанской юридической литературе данная проблема получила развитие в трудах ученых, выделявших несчастный случай, врачебную ошибку и профессиональное преступление, а также указывавших на трудности установления причинной связи [1]; [2]. Современные исследования обращают внимание на отсутствие законодательных определений терминов «врачебная ошибка» и «медицинская ошибка» и на необходимость их четкого разграничения с медицинским инцидентом и противоправным поведением. В сравнительном исследовании других отечественных ученых анализируются признаки ответственности медицинского работника в Казахстане и США, содержание статьи 317 УК РК и значение надлежащего экспертного исследования [3].

В российской доктрине проводилось комплексное исследование невиновного причинения вреда, медицинского риска, ответственности за причинение смерти и вреда здоровью и конкуренции уголовно-правовых норм [4]. Обосновывается необходимость применения принципа «ultima ratio», согласно которому уголовное наказание должно оставаться крайней мерой и использоваться прежде всего применительно к наиболее серьезным формам профессиональной неосторожности [5]. Также указывается на отсутствие единства подходов к определению врачебной ошибки [6].

За рубежом преобладающей становится тенденция перехода от автоматического поиска индивидуально виновного лица к анализу совокупности человеческих, организационных, технических и информационных факторов. Концепция справедливой культуры безопасности предполагает различное реагирование на добросовестную человеческую ошибку, рискованное поведение и сознательное либо грубое пренебрежение безопасностью. Всемирная организация здравоохранения в Глобальном плане действий по обеспечению безопасности пациентов на 2021-2030 гг. ориентирует государства на предупреждение устранимого вреда, системное обучение на неблагоприятных событиях и формирование культуры безопасности⁴.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили положения УК РК, Кодекса РК «О здоровье народа и системе здравоохранения», подзаконных актов о медицинских инцидентах, страховании профессиональной ответственности и деятельности независимой экспертной комиссии, а также научные публикации казахстанских и зарубежных авторов.

В исследовании использованы формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и логико-семантический методы, позволившие сопоставить нормы уголовного законодательства с законодательством о здравоохранении и страховании профессиональной ответственности, изучить тенденции ограничения уголовной репрессии и развития компенсационных механизмов, а также проанализировать основные понятия в сфере уголовной ответственности медицинских работников.

Результаты, обсуждение. Термин «врачебная ошибка» не имеет однозначного содержания, поэтому для уголовно-правовой оценки определяющее значение имеет не сам факт неблагоприятного результата, а причины и условия его наступления. Если неправильное профессиональное решение обусловлено объективной клинической неопределенностью и при соблюдении необходимой степени внимательности и осторожности медицинский работник не имел реальной возможности действовать иначе, вина исключается. Напротив, нарушение обязательных мер предосторожности при наличии возможности предвидеть и предотвратить вред может свидетельствовать о преступной небрежности. Врачебную ошибку в уголовно-правовом смысле целесообразно рассматривать как объективно неправильное профессиональное решение, принятое при добросовестном исполнении обязанностей, но обусловленное неполнотой объективно доступной информации, атипичным течением заболевания либо иной неустранимой

⁴ World Health Organization. Global Patient Safety Action Plan 2021-2030: Towards Eliminating Avoidable Harm in Health Care. Geneva: World Health Organization, 2021. – 86 p.

клинической неопределенностью. Медицинский инцидент характеризуется отсутствием дефекта оказания медицинской помощи и обусловленностью неблагоприятного исхода объективными особенностями состояния или реакции организма пациента. При этом квалификация события как медицинского инцидента не исключает необходимости самостоятельной правовой оценки обстоятельств его наступления.

Обоснованный риск отличается от врачебной ошибки осознанным допущением вероятности причинения вреда ради достижения общественно полезной лечебной цели. В соответствии со статьей 36 УК РК такой риск является правомерным, если поставленная цель не могла быть достигнута менее опасным способом и были приняты достаточные меры для предотвращения вреда. Его обоснованность определяется соразмерностью ожидаемой пользы и возможного вреда, научной обоснованностью вмешательства, квалификацией медицинского работника и достаточностью мер по предупреждению осложнений.

Информированное согласие пациента имеет существенное правовое значение, однако не является самостоятельным основанием правомерности вмешательства и не устраняет ответственности за необоснованные или запрещенные действия. В экстренной ситуации невозможность получения согласия не исключает правомерности вмешательства, если промедление создавало непосредственную угрозу жизни пациента.

Для признания риска обоснованным необходима оценка ситуации на момент принятия решения, а не после наступления результата. Если врач выбрал один из нескольких научно допустимых методов, обосновал выбор состоянием пациента и принял достаточные меры безопасности, последующее осложнение не превращает риск в преступную неосторожность. Если же опасный метод был выбран без необходимости, при наличии равноэффективного и существенно более безопасного варианта либо без элементарных мер контроля, ссылка на профессиональный риск является необоснованной. В современных научных трудах также подтверждается актуальность разработки самостоятельных критериев обоснованности медицинского риска и отсутствие достаточной определенности в отраслевом законодательстве [7].

Преступная неосторожность предполагает наличие как объективного, так и субъективного основания ответственности. Объективный критерий выражается в том, что медицинский работник должен был предвидеть соответствующее последствие, поскольку такая обязанность вытекала из его профессионального статуса, правил медицинской науки, клинической ситуации и конкретно выполняемой функции. Субъективный критерий означает, что он реально мог предвидеть и предотвратить последствие с учетом квалификации, опыта, физического и психического состояния, доступной информации, времени, оборудования и организационных условий.

Формула «должен был и мог предвидеть» требует совместного применения обоих критериев. Одной ссылки на стандарт или клинический протокол недостаточно, если доказано, что в конкретной ситуации исполнение соответствующего требования было объективно невозможно. В то же время отсутствие оборудования либо персонала не должно автоматически исключать вину, если медицинский работник мог своевременно организовать перевод пациента, вызвать более квалифицированного специалиста, отказаться от не относящегося к его компетенции вмешательства или предпринять иные доступные действия.

Неосторожная вина может проявляться в самонадеянности и небрежности. При самонадеянности медицинский работник осознает вероятность вредного результата, но без достаточных оснований рассчитывает его предотвратить. Например, он распознает признаки опасного осложнения, однако продолжает вмешательство, полагаясь на собственный опыт и не обеспечив необходимые меры контроля. При небрежности лицо не предвидит последствие, хотя

должно и может его предвидеть. Типичным проявлением является игнорирование клинического признака, обязательного обследования или противопоказания, которое было доступно для обнаружения медицинским работником соответствующей квалификации.

Для квалификации по статье 317 УК РК недостаточно установить общее «ненадлежащее оказание медицинской помощи». Требуется определить конкретную профессиональную обязанность, ее нормативный либо научно-медицинский источник, содержание необходимого действия, фактически допущенное отклонение и его значение для наступившего результата. Профессиональная обязанность может вытекать из закона, стандарта организации медицинской помощи, клинического протокола, должностной инструкции, правил эксплуатации оборудования, условий лицензирования, распределения функций в медицинской бригаде или общепризнанного профессионального правила.

При этом клинический протокол не должен механически приравниваться к уголовно-правовому запрету. Медицинская помощь по своему характеру предполагает индивидуализацию, а протокол не всегда способен учесть все особенности конкретного пациента. Отступление от протокола может быть обоснованным состоянием пациента и не образовывать нарушения. И наоборот, формальное соблюдение протокола не всегда исключает ответственность, если медицинский работник видел опасные индивидуальные обстоятельства, требовавшие дополнительных действий. Необходимо устанавливать, было ли правило обязательным применительно к конкретной ситуации и являлось ли отклонение существенным с позиции безопасности пациента.

Особое значение имеет установление причинной связи. В медицинских делах вред может быть обусловлен совокупностью факторов, связанных с заболеванием, особенностями организма, действиями медицинских работников, поведением пациента и недостатками организации помощи. Поэтому причинная связь не может выводиться лишь из того, что медицинское вмешательство предшествовало ухудшению состояния пациента.

Для уголовной ответственности необходимо установить, что конкретное нарушение создало либо существенно увеличило недопустимый риск наступления того последствия, которое фактически произошло, и что надлежащее выполнение обязанности с достаточной степенью медицинской обоснованности могло предотвратить результат. Если последствие наступило бы и при безупречном оказании помощи вследствие тяжести заболевания либо непредотвратимой реакции организма, причинная связь между дефектом и последствием отсутствует либо не достигает уголовно-правового значения.

Нельзя признавать причиной смерти любой выявленный недостаток оформления медицинской документации, несвоевременность действия, не повлиявшую на прогноз, или отступление от второстепенного требования. Уголовно значимым является только такое нарушение, которое связано с механизмом причинения конкретного вреда. Необходимо разграничивать причину результата, условие его наступления и обстоятельство, не имевшее существенного влияния.

Подводя итоги можно предложить следующую последовательную модель уголовно-правовой оценки медицинского деяния. На первоначальном этапе устанавливается точное содержание профессиональной обязанности конкретного лица. Абстрактное указание на обязанность «оказать качественную помощь» должно быть заменено описанием того, какое диагностическое, лечебное, организационное либо контрольное действие требовалось совершить. На следующем этапе клиническая ситуация реконструируется на момент принятия решения. Учитываются сведения, которыми располагал или должен был располагать работник, срочность, состояние пациента, результаты обследований, возможность консультации, уровень учреждения, наличие оборудования и допустимые альтернативы. Информация, полученная позднее, не должна

искусственно переноситься в прошлое. Далее устанавливается наличие существенного отклонения от требуемого поведения с учетом не только формального соблюдения документов, но и медицинской обоснованности решения. Оцениваются возможность предвидения и предотвращения последствий, профессиональная обязанность их предвидеть, и реальная способность работника принять необходимые меры. Затем определяется причинная связь с учетом течения заболевания, поведения пациента, действий других лиц, технических и организационных факторов. По результатам событие может быть квалифицировано как медицинский инцидент или казус, невиновная врачебная ошибка, обоснованный риск либо преступная неосторожность. Последняя имеет место при существенном нарушении конкретной обязанности, если работник должен был и мог предвидеть и предотвратить вред.

Предложенная модель позволяет избежать как объективного вменения, основанного лишь на неблагоприятном исходе, так и чрезмерно широкого признания любого ошибочного решения врачебной ошибкой, исключаящей уголовную ответственность. Научная дискуссия показывает, что термин «врачебная ошибка» целесообразно применять не как готовое основание освобождения от ответственности, а как исходную характеристику неправильного профессионального решения. Его окончательная уголовно-правовая оценка должна зависеть от наличия вины. В этом отношении заслуживает поддержки позиция ученых, предлагающих четкие критерии разграничения невиновного причинения вреда, медицинского риска и неосторожного преступления [8]. Одновременно следует учитывать аргумент о необходимости ограничения уголовной репрессии наиболее серьезными случаями профессиональной неосторожности и развития гражданско-правовых и внесудебных способов возмещения вреда [5; 119]. Сравнительный материал также не подтверждает того, что простое усиление юридической ответственности обязательно улучшает качество медицинской помощи. Систематический обзор трудов американских исследователей медицинского права показал, что повышение риска деликтной ответственности не обнаруживало устойчивой связи с улучшением качества и результатов медицинской помощи [9]. Все это не означает необходимости отказа от ответственности, но свидетельствует о недостаточности репрессивного механизма как самостоятельного инструмента безопасности пациентов.

Современная концепция справедливой культуры безопасности исходит из того, что обычная человеческая ошибка, рискованная привычка и сознательное пренебрежение очевидной опасностью требуют разных форм реагирования. Добросовестная ошибка должна в первую очередь становиться основанием для анализа процессов, обучения и изменения условий работы. Рискованное поведение требует коррекции профессиональной практики и управленческих решений. Уголовная или строгая дисциплинарная реакция сохраняет значение в отношении грубого, сознательного или заведомо опасного поведения. Как отмечают норвежские профессора в области интенсивной терапии и безопасности пациентов, переход от обвинения к обучению требует рассмотрения здравоохранения как сложной системы, в которой неблагоприятное событие редко объясняется одним действием одного лица [10].

В этой связи показательным является опыт Австралии, где врачебная ошибка как таковая не образует самостоятельного основания уголовной ответственности. Ответственность наступает за преступную небрежность, то есть за существенное отступление от стандарта разумной осторожности, создавшее высокий риск смерти или тяжкого вреда и по степени общественной опасности заслуживающее уголовного наказания⁵. Такое разграничение способствует своевременному выявлению медицинских ошибок и снижает заинтересованность медицинских работников в их сокрытии. Австралийская модель предусматривает обязательное открытое

⁵ Criminal Trial Courts Bench Book [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.judcom.nsw.gov.au/publications/benchbks/criminal/manslaughter.html>.

информирование пациента, регистрацию случаев причинения вреда и потенциально опасных событий, анализ индивидуальных и системных причин происшествия, а также принятие мер, направленных на предупреждение его повторения⁶. При этом обязательное уведомление профессионального регулятора требуется не при каждой ошибке, а при существенном отступлении от принятых профессиональных стандартов, создающем риск причинения вреда пациентам⁷. Целью данного механизма является не освобождение от ответственности, а получение достоверной информации об ошибках, выявление недостатков организации медицинской помощи и принятие мер, предупреждающих их повторение. Тем самым уголовное преследование сохраняется для наиболее опасных форм профессиональной неосторожности, тогда как добросовестная ошибка используется как основание для обучения и совершенствования системы безопасности пациентов.

Системный подход имеет непосредственное уголовно-правовое значение. Дефицит персонала, чрезмерная продолжительность дежурства, отсутствие лекарственных средств, неисправность оборудования, недостатки маршрутизации, несвоевременная передача информации и ошибочное распределение обязанностей могут существенно ограничивать возможность конкретного медработника предотвратить вред. Данные обстоятельства не должны автоматически исключать индивидуальную ответственность, но подлежат обязательному исследованию при установлении критерия «мог предвидеть и предотвратить». Одновременно необходимо рассматривать ответственность руководителей и иных лиц, решения которых создали опасные организационные условия.

Показательно развитие законодательства Казахстана о страховании профессиональной ответственности как механизм защиты права пациента на возмещение вреда, позволяющего сочетать обязательность страхования, участие единого страхового пула и независимое рассмотрение требований⁸. Данная модель формирует альтернативу ситуации, при которой пациент вынужден добиваться компенсации преимущественно через уголовное преследование врача. Вместе с тем страховое решение и заключение независимой экспертной комиссии не должны предопределять уголовно-правовую оценку, поскольку задачи компенсационного и уголовного производств различаются.

В уголовном процессе центральную роль обычно играет комиссионная судебно-медицинская экспертиза. Эксперт вправе устанавливать медицинское состояние пациента, характер и существенность дефекта, соответствие действий медицинским знаниям, вероятность предотвращения последствия и медицинский механизм причинения вреда. Однако вопросы о наличии преступной неосторожности, обоснованного риска, виновности и состава уголовного правонарушения являются правовыми и относятся к компетенции органа уголовного преследования и суда.

Европейский суд по правам человека подчеркивает значение эффективной и независимой системы установления обстоятельств медицинского вреда, качества экспертных заключений и способности национальных органов дать мотивированную оценку полученным медицинским данным⁹. При этом международные стандарты не требуют применения уголовного преследования к каждому случаю медицинской небрежности. Государство обязано обеспечить эффективную систему защиты, которая в зависимости от обстоятельств может включать гражданские, дисциплинарные и уголовные средства.

⁶ Australian Open Disclosure Framework. Sydney: ACSQHC, 2026. – 39 p.

⁷ Mandatory reporting and managing concerns about registered health practitioners [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ahpra.gov.au/Notifications/Mandatory-reporting>.

⁸ Об утверждении правил определения случаев (событий) медицинского инцидента, их учета и анализа: приказ Министра здравоохранения РК от 22 окт. 2020 г. № КР ДСМ-147/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021511>.

⁹ European Court of Human Rights. Key Theme – Article 2: Medical Negligence Strasbourg: Registry of the European Court of Human Rights, 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/medical-negligence>.

Перспективным направлением становится ответственность при использовании искусственного интеллекта. Ошибочный диагноз или лечебная рекомендация могут быть обусловлены не только действиями врача, но и качеством исходных данных, ошибкой разработчика, дефектом медицинского изделия, непрозрачностью алгоритма, неправильной интеграцией системы в работу учреждения либо недостаточной подготовкой персонала. По мнению казахстанских ученых-юристов, ответственность необходимо распределять с учетом степени автономности искусственного интеллекта и роли медицинской организации, изготовителя и врача. Международный систематический обзор также показывает отсутствие единой модели распределения ответственности и особую сложность оценки непрозрачных алгоритмов [11].

Применение искусственного интеллекта не должно приводить ни к автоматической ответственности врача за любой алгоритмический сбой, ни к полному переносу ответственности на разработчика. Необходимо определить, являлась ли система сертифицированным медицинским изделием, входила ли ее рекомендация в стандарт медицинской помощи, имел ли врач возможность проверить вывод, были ли очевидны признаки ошибки, кто обеспечивал качество данных, и кто принимал окончательное клиническое решение. Если врач разумно использовал одобренную систему в пределах инструкции и не располагал основаниями сомневаться в результате, его уголовная ответственность за скрытый технический дефект представляется необоснованной. В случае, когда рекомендация явно противоречила клиническим данным, а медицинский работник без проверки механически ее исполнил, возможна оценка его поведения как неосторожного.

Заключение. Подводя итоги, можно сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики. В частности, целесообразно разработать нормативное постановление Верховного Суда РК по вопросам рассмотрения уголовных дел в данной сфере. Принятие такого постановления позволит обеспечить единообразие судебной практики, уточнить критерии ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, конкретизировать требования к установлению нарушенного профессионального правила, определить подходы к оценке действий медицинского работника, разграничить медицинскую и юридическую причинную связь, раскрыть критерии преступной небрежности, определить условия применения статьи 36 УК РК к медицинскому риску и пределы компетенции судебно-медицинского эксперта. Наряду с этим представляется необходимым уточнить формулировку статьи 317 УК РК. Термины «небрежное» и «недобросовестное отношение» имеют оценочный характер, тогда как основанием уголовной ответственности должно выступать существенное нарушение конкретной профессиональной обязанности, совершенное по неосторожности и находящееся в причинной связи с наступившими последствиями. Такое уточнение повысит правовую определенность и позволит сосредоточить оценку на конкретном поведении медицинского работника.

Список использованной литературы:

1. Жаппарова, А.С. Врачебные ошибки: понятийный аппарат и юридические последствия [Электронный ресурс]. / А.С. Жаппарова // Astana Medical Journal. – 2026. – Т. 126, № 3. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/408312945_Medical_errors_Conceptual_framework_and_legal_consequences.
2. Тлембаева, Ж.У. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников как механизм защиты права на охрану здоровья / Ж.У. Тлембаева // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2025. – Т. 80, № 3. – С. 317-324.
3. Seidanov, A. Legal Liability of a Physician for Providing Inadequate Medical Care to a Patient: Analysis of Approaches Based on the Examples of Kazakhstan and the United States / A.A. Seidanov, et al. // Access to Justice in Eastern Europe. – 2024. – Vol. 7, № 3. – Pp. 410-438.
4. Парог, А.И. Медицинское уголовное право: монография; / А.И. Парог и др. – Москва: Проспект, 2022. –

5. Кратенко, М.В. Пределы криминализации врачебных ошибок: подходы в российском и зарубежном праве / М.В. Кратенко // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 7. – С. 119-132.
6. Малышева, Ю.Ю. Генезис понятия врачебной ошибки и его отражение в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве / Ю.Ю. Малышева // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – № 4 (19). – С. 36-50.
7. Свередюк, М.Г. Уголовная ответственность в сфере здравоохранения: региональный аспект / М.Г. Свередюк // Медицинское право. – 2023. – № 1. – С. 16-19.
8. Рарог, А.И. Медицинский риск в уголовном праве / А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 321-331.
9. Mello, M.M. Malpractice Liability and Health Care Quality: A Review / M.M. Mello, et al. // JAMA. – 2020. – Vol. 323, № 4. – Pp. 352-366.
10. Brattebø, G. Errors in Medicine: Punishment versus Learning Medical Adverse Events Revisited - Expanding the Frame / G. Brattebø, H.K. Flaatten // Current Opinion in Anaesthesiology. – 2023. – Vol. 36, № 2. – Pp. 240-245.
11. Тлембаева, Ж.У. Проблемы регулирования ответственности при использовании искусственного интеллекта в здравоохранении / Ж.У. Тлембаева, Р.С. Жалтырбаева // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2026. – Т. 81, № 2. – С. 334-343.
12. Cestonaro, C. Defining Medical Liability When Artificial Intelligence Is Applied on Diagnostic Algorithms: A Systematic Review / C. Cestonaro, et al. // Frontiers in Medicine. – 2023. – Vol. 10. – Art. 1305756.

References:

1. Zhapparova, A.S. Vrachebnye oshibki: ponjatijnyj apparat i juridicheskie posledstviya [Elektronnyj resurs] / A.S. Zhapparova // Astana Medical Journal. – 2026. – Т. 126, № 3. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/408312945_Medical_errors_Conceptual_framework_and_legal_consequences (data obrashhenija: 24.07.2026).
2. Tlembaeva, Zh.U. Strahovanie professional'noj otvetstvennosti medicinskih rabotnikov kak mehanizm zashhity prava na ohranu zdorov'ja / Zh.U. Tlembaeva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2025. – Т. 80, № 3. – С. 317-324.
3. Seidanov, A. Legal Liability of a Physician for Providing Inadequate Medical Care to a Patient: Analysis of Approaches Based on the Examples of Kazakhstan and the United States / A.A. Seidanov, et al. // Access to Justice in Eastern Europe. – 2024. – Vol. 7, № 3. – Pp. 410-438.
4. Rarog, A.I. Medicinskoe ugovnoe pravo: monografija; / A.I. Rarog i dr. – Moskva: Prospekt, 2022. – 576 s.
5. Kratenko, M.V. Predely kriminalizacii vrachebnyh oshibok: podhody v rossijskom i zarubezhnom prave / M.V. Kratenko // Zhurnal rossijskogo prava. – 2023. – Т. 27, № 7. – С. 119-132.
6. Malysheva, Ju.Ju. Genezis ponjatija vrachebnoj oshibki i ego otrazhenie v otechestvennom i zarubezhnom ugovnom zakonodatel'stve / Ju.Ju. Malysheva // Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya. – 2022. – № 4 (19). – С. 36-50.
7. Sveredjuk, M.G. Ugolovnaja otvetstvennost' v sfere zdavoohranenija: regional'nyj aspekt / M.G. Sveredjuk // Medicinskoe pravo. – 2023. – № 1. – С. 16-19.
8. Rarog, A.I. Medicinskij risk v ugovnom prave / A.I. Rarog, T.G. Ponjatovskaja // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 321-331.
9. Mello, M.M. Malpractice Liability and Health Care Quality: A Review / M.M. Mello, et al. // JAMA. – 2020. – Vol. 323, № 4. – Pp. 352-366.
10. Brattebø, G. Errors in Medicine: Punishment versus Learning Medical Adverse Events Revisited - Expanding the Frame / G. Brattebø, H.K. Flaatten // Current Opinion in Anaesthesiology. – 2023. – Vol. 36, № 2. – Pp. 240-245.
11. Tlembaeva, Zh.U. Problemy regulirovanija otvetstvennosti pri ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v zdavoohranenii / Zh.U. Tlembaeva, R.S. Zhaltyrbaeva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2026. – Т. 81, № 2. – С. 334-343.
12. Cestonaro, C. Defining Medical Liability When Artificial Intelligence Is Applied on Diagnostic Algorithms: A Systematic Review / C. Cestonaro, et al. // Frontiers in Medicine. – 2023. – Vol. 10. – Art. 1305756.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Еркін Қайруллаұлы Қайрулла – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Ведомствоаралық ғылыми-зерттеу институты Қылмыстық саясат және криминология проблемаларын зерттеу орталығының бастығы, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: anara_erken@mail.ru, orcid.org/0009-0006-1497-8239.

Кайрулла Еркин Кайруллович – начальник Центра исследования проблем уголовной политики и криминологии Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, e-mail: anara_erken@mail.ru, orcid.org/0009-0006-1497-8239.

Kairulla Yerkin Kairullovich – Head of the Center for the Study of Problems Criminal Policy and Criminology of the Interdepartmental Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Law Sciences, e-mail: anara_erken@mail.ru, orcid.org/0009-0006-1497-8239.

М.К. Каримова^{1*}, Д.А. Секенов²

¹*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косы, Республика Казахстан*

²*Главная военная прокуратура Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан*

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПРЕВЕНТИВНОЙ РАБОТЫ В АРМИИ: СИСТЕМНЫЙ И ЦИФРОВОЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ ГИБЕЛИ И ТРАВМАТИЗМА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к профилактике гибели и травматизма военнослужащих в контексте реализации конституционных гарантий охраны жизни и здоровья личности. Анализируется трансформация превентивной работы в армии от формально-количественной модели к системному управлению рисками. Раскрывается значение принципа «Закон и порядок» как институциональной основы модернизации превентивной политики в военной сфере.

Особое внимание уделяется криминологическим, кадровым и психологическим факторам предупреждения правонарушений. Исследуется роль цифровизации как инструмента проактивного контроля и аналитического мониторинга факторов риска. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и технологические решения. Показана взаимосвязь профилактики гибели военнослужащих с обеспечением дисциплины и обороноспособности государства. Делается вывод о формировании в Республике Казахстан системной модели превентивной работы, ориентированной на дальнейшее поступательное развитие.

Ключевые слова: профилактика; воинская служба; гибель военнослужащих; травматизм; управление рисками; цифровизация; дисциплина; правопорядок.

М.К. Каримова¹, Д.Ә. Секенов²

¹*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосы қ., Қазақстан Республикасы*

²*Қазақстан Республикасы Бас әскери прокуратурасы, Астана қ., Қазақстан Республикасы*

ӘСКЕРДЕГІ ПРЕВЕНТИВТІК ЖҰМЫСТЫҢ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ МОДЕЛІ: ӘСКЕРІ ҚЫЗМЕТШІЛЕРДІҢ ҚАЗА БОЛУЫ МЕН ЖАРАҚАТТАНУЫНЫҢ АЛДЫН АЛУДЫҢ ЖҮЙЕЛІ ЖӘНЕ ЦИФРЛЫҚ ТӘСІЛІ

Аннотация. Мақалада әскери қызметшілердің қаза болуы мен жарақаттануының алдын алу мәселесі адамның өмірі мен денсаулығын қорғауға қатысты конституциялық кепілдіктер аясында қарастырылады. Әскердегі профилактикалық жұмыстың формалды-сандық үлгіден тәуекелдерді жүйелі басқару моделіне көшу үдерісі талданады. «Заң және тәртіп» қағидаты әскери саладағы профилактикалық саясатты жаңғыртудың институционалдық негізі ретінде бағаланады.

Құқық бұзушылықтардың алдын алудағы криминологиялық, кадрлық және психологиялық факторларға ерекше назар аударылады. Цифрландырудың проактивті бақылау және тәуекелдерді талдамалық мониторингтеу құралы ретіндегі рөлі ашып көрсетіледі. Құқықтық, ұйымдастырушылық және технологиялық шешімдерді біріктіретін кешенді тәсілдің қажеттілігі негізделеді. Әскери қызметшілердің қаза болуының алдын алу, әскери тәртіп және мемлекеттің қорғаныс қабілеті арасындағы өзара байланыс айқындалады. Зерттеу нәтижесінде Қазақстан Республикасында одан әрі дәйекті дамытуға бағдарланған превентивтік жұмыстың жүйелі моделі қалыптасып келе жатқаны туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: профилактика; әскери қызмет; әскери қызметшілердің қаза болуы; жарақаттану; тәуекелдерді басқару; цифрландыру; тәртіп; заң және тәртіп.

M.K. Karimova¹, D.A. Sekenov²

¹*The Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kossy, the Republic of Kazakhstan*

²*Main Military Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan*

MODERN MODEL OF PREVENTIVE WORK IN THE ARMED FORCES: A SYSTEMIC AND DIGITAL APPROACH TO THE PREVENTION OF DEATH AND INJURIES AMONG MILITARY PERSONNEL

Abstract. The article examines contemporary approaches to preventing deaths and injuries among military personnel in the context of constitutional guarantees of the right to life and health protection. It analyzes the transformation of preventive work in the armed forces from a formal quantitative model to a systemic risk management approach. The principle of “Law and Order” is considered as an institutional foundation for modernizing preventive policy in the military sphere.

Particular attention is paid to criminological, personnel, and psychological factors in the prevention of offenses. The role of digitalization as a tool for proactive control and analytical risk monitoring is explored. The necessity of an integrated approach combining legal, organizational, and technological solutions is substantiated. The interrelation between the prevention of servicemen's deaths, military discipline, and national defense capability is demonstrated. The study concludes that a systemic preventive model is being formed in the Republic of Kazakhstan, oriented toward further progressive development.

Keywords: prevention; military service; deaths of servicemen; injuries; risk management; digitalization; discipline; law and order.

Введение. Охрана жизни и здоровья человека является одной из базовых конституционных ценностей и фундаментальной обязанностью государства. Право на жизнь и право на охрану здоровья имеют универсальный характер и подлежат обеспечению вне зависимости от социального статуса или вида деятельности гражданина. Их реализация выступает не только показателем уровня правового государства, но и критерием эффективности публичного управления.

В условиях воинской службы значение данных гарантий приобретает особую специфику. Военнослужащий, исполняя обязанность по защите страны, действует в среде повышенных физических, психоэмоциональных и профессиональных рисков. Это объективно усиливает ответственность государства за создание безопасных условий службы и формирование действенной системы предупреждения негативных последствий.

Вступая в сферу особых публично-правовых отношений, характеризующихся режимностью, подчиненностью и ограничением ряда свобод, военнослужащий вправе рассчитывать на обеспечение баланса между служебной необходимостью и защитой его личных прав. Соответственно, профилактика гибели и травматизма должна рассматриваться не как вспомогательное направление дисциплинарной практики, а как структурный элемент конституционно гарантированной защиты личности в условиях военной организации.

Нарушение данного баланса имеет последствия, выходящие за рамки индивидуального вреда. Правонарушения в воинской среде (насилие, неуставные взаимоотношения, грубые нарушения мер безопасности, суицидальные проявления) обладают повышенной общественной опасностью, поскольку затрагивают оборонную организацию государства. Они оказывают влияние на морально-психологическое состояние подразделений, уровень управляемости и доверия к командованию, что в конечном итоге отражается на боеспособности армии.

Каждый случай насилия либо гибели военнослужащего приобретает общественный резонанс, выходящий за пределы воинского коллектива. В условиях информационной открытости и цифровизации публичного пространства подобные факты оперативно становятся предметом общественного обсуждения, что негативно влияет на престиж воинской службы и уровень доверия граждан к институтам обороны. Тем самым правонарушения в войсках получают не

только внутреннее дисциплинарное, но и внешнее социально-политическое измерение.

В этой связи обеспечение сохранности жизни и здоровья военнослужащих находится на пересечении нескольких взаимосвязанных плоскостей: конституционной защиты прав личности, поддержания воинской дисциплины, укрепления морально-психологической устойчивости и обеспечения обороноспособности государства. Недооценка любого из указанных элементов повышает риск системных деформаций в управлении армией.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использованы нормативные правовые акты, межведомственные программные документы, а также аналитические материалы военных ведомств и органов военной прокуратуры.

В работе применены методы анализа и синтеза, системный и сравнительно-правовой методы, а также элементы криминологического и управленческого анализа.

Результаты, обсуждение. С научной точки зрения рассматриваемая проблематика требует комплексного анализа, сочетающего правовую оценку, криминологическое исследование факторов риска и управленческое моделирование профилактической деятельности. Только интеграция указанных подходов позволяет сформировать устойчивую систему предупреждения гибели и травматизма военнослужащих, способную одновременно обеспечивать защиту их прав и реализацию стратегических интересов государства в сфере обороны и безопасности.

Логическим продолжением такого междисциплинарного подхода выступает обращение к базовым ценностным ориентирам государственной политики. В своем ежегодном Послании народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» Президент Республики Казахстан К.К. Токаев прямо выделил принцип «Закон и порядок» как основу общественной безопасности и устойчивого развития государства, поставив его в центр национальной повестки и стратегии укрепления социального порядка и доверия граждан к институтам власти¹. Эта установка закрепляет нормативный приоритет законности не только как юридической категории, но и как управленческого стандарта государственного строительства.

Именно в этом контексте принцип «Закон и порядок» приобретает прикладное содержание в военной сфере. В условиях воинской службы он трансформируется из общегосударственной идеологической установки в нормативно и организационно оформленную модель обеспечения дисциплины, правопорядка и безопасности личного состава. Реализация данного принципа в армии предполагает не декларативную нулевую терпимость к правонарушениям, а последовательное выстраивание институциональных механизмов, направленных на минимизацию криминогенных факторов, устранение причин и условий девиантного поведения и переход к проактивному управлению рисками в воинской среде.

Практическим выражением реализации данного подхода стало инициирование органами военной прокуратуры межведомственной программы «Закон и порядок в армии», что отражает стремление к модернизации профилактической модели и переходу к более системному управлению рисками. Она ориентирована на упорядочение функций субъектов профилактики, развитие межведомственной координации и формирование единых подходов к предупреждению правонарушений в войсках.

Анализ практики показывает, что на протяжении длительного периода профилактическая деятельность оценивалась преимущественно по количественным показателям – числу проведенных мероприятий и проверок. Такой подход создавал видимость интенсивной работы, но не всегда обеспечивал соразмерное снижение уровня правонарушений и травматизма, что

¹ Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazhastana-spravedlivyy-kazhastan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014>.

обосновывало необходимость перехода к качественно-аналитической модели оценки эффективности профилактики.

Криминологическая теория предупреждения преступности исходит из приоритета воздействия на причины и условия противоправного поведения, а не из количественных показателей профилактической активности. В.Н. Кудрявцев подчеркивал, что устранение криминогенных факторов должно предшествовать и сопровождать применение уголовно-правовых мер, иначе противодействие преступности приобретает реактивный характер [1]. Соответственно, политика, ориентированная преимущественно на фиксацию и пресечение уже совершенных деяний, не обеспечивает устойчивого превентивного эффекта.

В воинской среде формализация профилактики нередко выражалась в механическом доведении норм законодательства без анализа реальных конфликтных ситуаций и без учета психологических особенностей личного состава. Подобный подход ограничивался информационным воздействием и не затрагивал глубинные механизмы формирования девиантного поведения, особенно в условиях адаптационных трудностей новобранцев в закрытом коллективе.

Необходимость пересмотра прежних методологических ориентиров подтверждается современными научными подходами, акцентирующими внимание на социально-психологических характеристиках целевых групп. Отказ от количественно-формальной модели в пользу системного анализа факторов риска выступает ключевым условием повышения эффективности профилактики в войсках.

Предупреждение преступности возможно лишь при комплексном подходе, объединяющем организационные, правовые и психологические компоненты. Применительно к военной сфере это означает необходимость четкого распределения компетенций, координации действий субъектов профилактики и выстраивания единых алгоритмов взаимодействия. Отсутствие системности и размытость ответственности неизбежно снижают результативность предпринимаемых мер и препятствуют формированию устойчивой превентивной политики.

Существенной проблемой являлось отсутствие единых стандартов учета травматизма и инцидентов в воинской среде. Различия в квалификации и регистрации происшествий обуславливали неоднородность статистических данных, что затрудняло выявление объективных тенденций и формирование обоснованных управленческих решений. С научной точки зрения подобная ситуация ведет к искажению эмпирической базы криминологического анализа.

В этой связи особого внимания заслуживает проблема латентности правонарушений в воинской среде. В криминологической литературе латентность рассматривается как показатель недостаточности контроля и несовершенства учетной системы. В.В. Лунеев отмечал, что скрытая часть преступности искажает статистическую картину и препятствует выработке адекватной профилактической политики, поскольку управленческие решения принимаются на основе неполных данных [2]. В военной сфере риски латентности особенно значимы, поскольку могут маскировать системные проблемы, связанные с неуставными взаимоотношениями и нарушениями мер безопасности.

Не менее важным является кадровый аспект профилактики. В условиях единоначалия личность командира оказывает определяющее влияние на морально-психологический климат подразделения. Недостаточная профессиональная и коммуникативная подготовка способна формировать предпосылки для применения упрощенных, в том числе силовых моделей управления, что повышает конфликтный потенциал в коллективе.

Теория социального научения А. Бандуры объясняет закрепление агрессивных форм поведения через механизм наблюдения и воспроизводства моделей, демонстрируемых значимыми фигурами [3]. При отсутствии должной оценки и пресечения подобных практик формируется

устойчивая девиантная субкультура. В этой связи повышение квалификации офицеров и развитие управленческой культуры, основанной на уважении прав подчиненных и соблюдении законности, выступают криминологически обоснованной мерой профилактики.

Психологический фактор также оказывает существенное влияние на уровень девиантного поведения. Военная служба сопряжена с адаптационными нагрузками и включением личности в жестко регламентированную систему социальных отношений. Классические исследования Э. Дюркгейма выявили зависимость между степенью социальной интеграции и риском суицидального поведения [4]. Перенос данных положений на военную среду позволяет рассматривать как недостаточную интеграцию военнослужащего в коллектив, так и чрезмерную формализацию отношений в качестве потенциальных факторов риска, требующих системного профилактического реагирования.

В условиях военной службы адаптационные трудности, социальная изоляция, высокая степень нормативной регламентации и физические нагрузки могут усиливать внутренние кризисные состояния. При отсутствии своевременной диагностики и профессиональной поддержки подобные состояния способны трансформироваться в устойчивые деструктивные установки. В этой связи профилактика суицидального поведения должна рассматриваться как системная задача, включающая раннее выявление признаков дезадаптации, формирование доверительной среды и снижение стигматизации обращения за психологической помощью.

Повышение квалификации военных психологов, внедрение методов ранней диагностики и развитие конфиденциальных каналов обратной связи соответствуют положениям первичной и вторичной профилактики: первая направлена на устранение факторов риска, вторая – на своевременную коррекцию формирующихся отклонений. Их сочетание формирует основу психологической безопасности личного состава.

Принятые программные документы в сфере профилактики отражают переход к системной модели управления рисками, ориентированной на устранение институциональных пробелов. Унификация регламентов учета, разграничение компетенций и развитие межведомственного взаимодействия способствуют формированию более прозрачной и управляемой системы.

Одновременно развитие указанной модели происходит в русле общегосударственного курса на цифровую трансформацию управления. Цифровизация рассматривается на высшем государственном уровне как инструмент повышения прозрачности, подотчетности и эффективности публичных институтов. Глава государства в своих выступлениях неоднократно подчеркивал необходимость широкого внедрения цифровых решений в сферу государственного управления, включая правоохранительный и оборонный сегмент, как средства усиления контроля, аналитики и профилактики правонарушений [5]. В данном контексте цифровые технологии становятся не вспомогательным элементом, а структурным компонентом современной управленческой модели.

Практическим отражением указанного курса в военной сфере стало внедрение в войсках программы «Цифровая профилактика», ориентированной на интеграцию технологических инструментов в систему предупреждения правонарушений, гибели и травматизма военнослужащих.

Данная программа предусматривает комплекс организационных и технических мероприятий, включая унификацию цифрового учета происшествий, расширение систем видеонаблюдения, развитие аналитических модулей обработки данных, создание защищенных каналов обратной связи и формирование единого контура мониторинга факторов риска. Тем самым цифровая трансформация получила институциональное закрепление в рамках специализированного программного документа, что усиливает системный характер превентивной работы и способствует формированию проактивной ее модели.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в последние годы в системе органов военного управления и уголовного преследования сформирован комплекс мер, направленных на снижение гибели и травматизма военнослужащих, а также на общее укрепление правопорядка в воинской среде. Реализуемые межведомственные программы отражают стремление к институциональному упорядочению профилактической деятельности, внедрению единых регламентов, усилению межведомственного взаимодействия и интеграции современных цифровых инструментов контроля.

Важным этапом стало осмысление профилактики не как совокупности разрозненных мероприятий, а как системной деятельности, включающей правовые, организационные, психологические и технологические компоненты. Формирование единых подходов к учету травматизма, уточнение компетенции субъектов профилактики, развитие механизмов обратной связи, повышение квалификации психологов и командного состава свидетельствуют о переходе к более структурированной модели управления рисками.

Одновременно цифровизация профилактической деятельности открывает новые возможности для раннего выявления отклонений, анализа факторов риска и повышения прозрачности управленческих процессов. При этом на первый план постепенно выходит задача гармоничного сочетания технологических инструментов с воспитательной и управленческой работой, ориентированной на формирование доверия, дисциплины и правовой культуры личного состава.

Вместе с тем профилактика гибели и травматизма в воинской среде по своей природе является динамическим процессом, требующим постоянного анализа, адаптации и совершенствования. Социальные изменения, трансформация ценностных установок молодежи, развитие цифровых технологий и усложнение управленческих задач объективно обуславливают необходимость дальнейшего развития профилактической модели.

Заключение. Таким образом, современная модель профилактики правонарушений, гибели и травматизма среди военнослужащих формируется как комплексная система управления рисками, основанная на научных положениях криминологии, психологии и теории государственного управления. Реализация программных документов в русле принципа «Закон и порядок» создает институциональную основу для дальнейшего поступательного развития данной системы.

Представляется, что последующее совершенствование системы может быть связано с углублением методологии оценки эффективности профилактических мероприятий, расширением аналитического мониторинга факторов риска, дальнейшей интеграцией цифровых данных в единую управленческую среду, а также укреплением кадрового потенциала командного состава. Особое значение сохраняет развитие психологической составляющей профилактики, направленной на своевременную диагностику дезадаптации и поддержку военнослужащих в период службы.

Список использованной литературы:

1. Кудрявцев, В.Н. Причины преступности / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1972. – 53 с.
2. Лунеев, В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – М.: Норма, 1997. – 298 с.
3. Bandura, A. Social Learning Theory / A. Bandura. – New York: General Learning Press, 1977. – 78 p.
4. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд (пер. А.Н. Ильинского, под ред. В.А. Базарова). Издание Н.П. Карбасникова / Э. Дюркгейм. – СПб, 1912. – 21 с.
5. A. Birbayeva. President Tokayev Urges Unified Digital System for Kazakhstan's Law Enforcement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://astanatimes.com/2026/01/president-tokayev-urges-unified-digital-system-for-kazakhstans-law-enforcement/?ysclid=mm98galw7z994572510>.

References:

1. Kudrjavcev, V.N. Prichiny prestupnosti / V.N. Kudrjavcev. – M.: Juridicheskaja literatura, 1972. – 53 s.
2. Luneev, V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii / V.V. Luneev. – M.: Norma, 1997. – 298 s.
3. Bandura, A. Social Learning Theory / A. Bandura. – New York: General Learning Press, 1977. – 78 p.
4. Djurkgejm, Je. Samoubijstvo: sociologicheskij jetjud (per. A.N. Il'inskogo, pod red. V.A. Bazarova). Izdanie N.P. Karbasnikova / Je. Djurkgejm. – SPb, 1912. – 21 s.
5. A. Birbayeva. President Tokayev Urges Unified Digital System for Kazakhstan's Law Enforcement [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://astanatimes.com/2026/01/president-tokayev-urges-unified-digital-system-for-kazakhstans-law-enforcement/?ysclid=mm98galw7z994572510>.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Меруерт Каримовна Каримова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, ұлттық қауіпсіздік және әскери іс магистрі, e-mail: meruert.karimova@mail.ru, orcid.org/0009-0001-3624-7094.

Каримова Меруерт Каримовна – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр национальной безопасности и военного дела, e-mail: meruert.karimova@mail.ru, orcid.org/0009-0001-3624-7094.

Karimova Meruert Karimovna – Doctoral Student at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of National Security and Military Affairs, e-mail: meruert.karimova@mail.ru, orcid.org/0009-0001-3624-7094.

Дастан Әбдіқадырұлы Секенов – Қазақстан Республикасы Бас әскери прокурор, философия докторы (PhD), e-mail: dastan.sekenov75@gmail.com, orcid.org/0009-0007-4762-7977.

Секенов Дастан Абдикадырович – Главный военный прокурор Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: dastan.sekenov75@gmail.com, orcid.org/0009-0007-4762-7977.

Sekenov Dastan Abdykadyrovich – Chief Military Prosecutor of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: dastan.sekenov75@gmail.com, orcid.org/0009-0007-4762-7977.

М.С. Омирова¹, М.Е. Балгожина^{2*}

¹*Қарағандинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

²*Академия управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан*

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ОБОСНОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА

Аннотация. В статье рассматривается обоснованность криминализации провокации преступления в Республике Казахстан после введения самостоятельного состава, предусмотренного статьей 412-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Цель исследования – определить, соответствует ли специальный уголовно-правовой запрет критериям общественной опасности и потребностям правоприменительной практики. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы; сопоставлены положения статей 412-1 и 417 Уголовного кодекса Республики Казахстан, зарубежные подходы к правовой оценке провокации преступления и провокационных действий сотрудников правоохранительных органов, а также данные правоприменительной практики за 2020-2025 гг. Установлено, что статистическая малочисленность зарегистрированных фактов не исключает повышенной латентности и общественной опасности провокационных действий. Самостоятельная норма позволяет точнее квалифицировать соответствующие деяния, разграничивать их с иными должностными и процессуальными правонарушениями и укреплять гарантии законности. Сделан вывод об обоснованности сохранения специального уголовно-правового запрета на провокацию преступления.

Ключевые слова: криминализация; уголовный запрет; латентность; законность; специальная норма; оперативная деятельность; искусственное обвинение; правоприменительная практика.

М.С. Омирова¹, М.Е. Балгожина²

¹*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы*

²*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Басқару академиясы, Астана қ., Қазақстан Республикасы*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ҚЫЛМЫС ЖАСАУҒА АРАНДАТУДЫ КРИМИНАЛИЗАЦИЯЛАУ: ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЫЙЫМНЫҢ НЕГІЗДІЛІГІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасында Қылмыстық кодекстің 412-1-бабында көзделген дербес құрам енгізілгеннен кейін қылмыс жасауға арандатуды криминализациялаудың негізділігі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – арнайы қылмыстық-құқықтық тыйымның қоғамдық қауіптілік өлшемдеріне және құқық қолдану практикасының қажеттіліктеріне сәйкестігін айқындау. Зерттеуде формальды-зандық, салыстырмалы-құқықтық және статистикалық әдістер қолданылды; Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 412-1 және 417-баптарының ережелері, қылмысқа арандатуды және құқық қорғау органдары қызметкерлерінің арандатушылық әрекеттерін құқықтық бағалаудың шетелдік тәсілдері, сондай-ақ 2020-2025 жылдардағы құқық қолдану практикасының деректері салыстырылды. Тіркелген фактілер санының аз болуы арандатушылық әрекеттердің жоғары латенттілігі мен қоғамдық қауіптілігін жоққа шығармайтыны анықталды. Дербес норма тиісті әрекеттерді неғұрлым дәл саралауға, оларды өзге лауазымдық және процестік құқық бұзушылықтардан ажыратуға және заңдылық кепілдіктерін күшейтуге мүмкіндік береді. Қылмыс жасауға арандатуға қатысты арнайы қылмыстық-құқықтық тыйымды сақтаудың негізділігі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: криминализация; қылмыстық тыйым; латенттілік; заңдылық; арнайы норма; жедел қызмет; жасанды айыптау; құқық қолдану практикасы.

M.S. Omirova¹, M.E. Balgozhina²

¹Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Karaganda, the Republic of Kazakhstan

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan

CRIMINALIZATION OF PROVOCATION OF A CRIME IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: JUSTIFICATION OF THE CRIMINAL LAW PROHIBITION

Abstract. The article examines the justification for criminalizing provocation of a crime in the Republic of Kazakhstan after the introduction of the separate offence under Article 412-1 of the Criminal Code. The study aims to determine whether this special criminal-law prohibition meets the criteria of public danger and the needs of law-enforcement practice. Formal-legal, comparative-legal and statistical methods were used; Articles 412-1 and 417 of the Criminal Code, foreign approaches to entrapment and police provocation, and enforcement data for 2020–2025 were compared. The study shows that the small number of registered cases does not exclude the high latency and public danger of provocative acts. A separate norm enables more precise qualification, distinction from other official and procedural offences, and stronger guarantees of legality. The authors conclude that maintaining a special criminal-law prohibition on provocation of a crime is justified.

Keywords: criminalization; criminal prohibition; latency; legality; special norm; operational activity; fabricated accusation; enforcement practice.

Введение. Появление в уголовном законе Республики Казахстан (далее – РК) самостоятельного состава «Провокация преступления» (ст. 412-1 УК РК) поставило перед теорией и практикой не только вопрос о пределах допустимой оперативной деятельности, но и более общий вопрос – о достаточности оснований самой криминализации такого деяния. Для казахстанской уголовно-правовой доктрины эта проблематика остается сравнительно новой: специальных исследований немного, а правоприменительная практика пока не обладает устойчивостью. Поэтому обсуждение статьи 412-1 Уголовного кодекса РК (далее – УК РК) не сводится к технической квалификации. По существу речь идет о том, насколько самостоятельный запрет соответствует критериям общественной опасности, усиливает определенность уголовно-правовой оценки и служит охране интересов правосудия и укреплению доверия к правоохранительным органам. Цель исследования состоит в оценке обоснованности самостоятельной криминализации провокации преступления и ее значения для правоприменительной практики.

Сложность оценки усугубляется небольшим количеством зарегистрированных фактов. Официальные данные за 2020-2025 гг. показывают, что деяния с признаками составов преступлений, предусмотренных статьями 412-1 и 417 УК РК, выявлялись в единичных случаях. В частности, по статье 417 УК РК в 2020-2025 гг. зарегистрировано соответственно 0, 1, 2, 0, 1 и 0 фактов, а по статье 412-1 УК РК – 0, 0, 7, 2, 4 и 2 факта¹. Однако малочисленность зарегистрированных деяний сама по себе не устраняет ни общественную опасность подобных действий, ни вероятность их высокой латентности. Напротив, в сфере, где речь идет о действиях представителей правоохранительных органов, либо в контексте оперативной деятельности скрытость таких нарушений обычно выше, чем общеуголовных посягательств.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе сочетания диалектического, формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного и статистического методов. Диалектический подход использовался как общий исследовательский ориентир при оценке взаимосвязи между уголовным запретом провокационной деятельности, ее общественной

¹ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» / Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://qamqor.gov.kz/crimestat/files/2025/11/19/202511_1m_00900__ru.xlsx.

опасностью и задачами охраны прав личности в уголовном процессе. Формально-юридический метод применялся при анализе конструкции статей 412-1 и 417 УК РК, их диспозиций, признаков субъекта и объекта, а также при сопоставлении с иными составами должностных и процессуальных преступлений. Сравнительно-правовой метод позволил соотнести казахстанскую модель с зарубежными подходами к entrapment, police provocation и agent provocateur.

Источниковую базу составили национальное уголовное законодательство, официальные статистические данные, международные акты, практика Европейского суда по правам человека по вопросам полицейской провокации, зарубежное законодательство, а также научные труды казахстанских, российских и иностранных авторов. Вопросы критериев криминализации и общей оценки общественной опасности исследуемого деяния анализировались с опорой на работы по проблемам уголовно-правового запрета. Подходы к квалификации специальных норм и пределам их соотношения с общими составами учитывались на основе исследований, посвященных уголовно-правовым гарантиям безопасности процессуальных отношений.

Проблемы латентности, искусственного обвинения и недопустимых форм провокационной деятельности оценивались с учетом работ, раскрывающих злоупотребление государственным ресурсом и профессиональные риски правоохранительной практики. Самостоятельный сравнительный блок составили англоязычные публикации, посвященные границам государственного вмешательства, процессуальным последствиям entrapment и моделям правовой оценки искусственно созданного преступления. Отдельно изучены труды, рассматривающие провокацию в сфере незаконного оборота наркотиков и иных латентных преступлений.

Использование совокупности указанных методов позволило определить, отвечает ли криминализация провокации преступления требованиям общественной опасности и необходимости специальной нормы; сопоставить национальное и зарубежное понимание entrapment; оценить потребность правоприменительной практики в самостоятельном уголовно-правовом обеспечении статьи 412-1 УК РК, а также выявить наиболее типичные категории провоцируемых преступлений. Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке оснований криминализации провокации преступления с учетом статистических и сравнительно-правовых данных.

Результаты, обсуждение. Низкие показатели регистрации провокации преступления сами по себе еще не дают оснований для вывода о ненужности самостоятельного уголовного запрета. Как отмечает Л.М. Прокументов, отсутствие выраженной статистической распространенности не может автоматически рассматриваться как довод в пользу декриминализации либо как признак необоснованности криминализации [1; 228]. Поэтому при оценке статьи 412-1 УК РК значение имеет не столько число зарегистрированных эпизодов, сколько характер причиняемого вреда, степень подрыва доверия к правосудию и влияние на законность правоприменительной практики.

Сомнения относительно необходимости специальной нормы обычно основываются на двух основных направлениях. Первое связано с тезисом о том, что провокационные действия могут быть охвачены общими составами должностных преступлений или преступлений против правосудия.

Однако уголовно-правовая теория допускает формулирование специальных норм и при наличии общей нормы, если это позволяет точнее обозначить охраняемое благо, снять квалификационную неопределенность и сделать правоприменительную практику более прозрачной [2; 188].

Проблема усугубляется высоким уровнем латентности. С.А. Воронцова справедливо отмечает, что подобные деяния нередко направлены не только на фиксацию преступления, но и на компрометацию лица [3; 9].

О.В. Губанова приводит данные, свидетельствующие о заметной терпимости части

сотрудников правоохранительных органов к использованию провокационных приемов [4; 3].

Сходные выводы делает и А.А. Мастерков, указывая на сохранение в профессиональной среде установки на допустимость провокационного воздействия [5; 11].

Казахстанские исследователи также обращают внимание на то, что «гонка за показателями» негативно влияет на содержание оперативной деятельности и создает благоприятную почву для искажения ее законных целей [6; 5]. При таком сочетании факторов латентность провокационной деятельности закономерно оказывается высокой, а правоприменительная практика – фрагментарной.

Сравнительно-правовой материал показывает, что проблема provocation и entrapment решается в различных правовых порядках неодинаково, однако в центре дискуссии почти всегда находятся пределы допустимого государственного вмешательства и последствия искусственно созданного преступления.

Несмотря на то, что можно признать обоснованной гипотезу относительно стабилизации аксиологических аспектов правоохранительной деятельности на современном этапе, очевидно, что окончательно преодолеть подобные установки не представляется возможным. И в данном случае будет справедливым отметить, что в ряде случаев полностью исключать некоторые допустимые формы провокации, очевидно, также нельзя, поскольку оперативно-розыскная деятельность нередко связана с такими рисками, в рамках которых провокация преступления может оказаться меньшим ущербом (этот вопрос заслуживает самостоятельного рассмотрения, в связи с чем в рамках данной статьи не будет подвергнут подробному анализу). В данном аспекте вполне уместно замечание Ю.П. Гармаева, согласно которому, «изучение следственной и оперативно-розыскной практики последних лет демонстрирует одну из негативных тенденций, часто проявляющуюся в деятельности правоохранительных органов. Речь идет о пассивности, безынициативности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, допускаемых не просто «отдельными следователями и оперуполномоченными в ряде случаев». Налицо весьма опасная по своей сущности и масштабам закономерность» [7]. То есть включение нормы о провокации преступления (ст. 412-1 УК РК) ориентировано на адекватную уголовно-правовую реакцию на случаи явного нарушения основ и ценностей профессиональной деятельности в сфере уголовного судопроизводства, но не должно расцениваться как фактор сдерживания активной и наступательной деятельности по выявлению и пресечению преступлений.

Безусловно, криминальный мир подвергается серьезным качественным и количественным трансформациям, вследствие которых нередко встает вопрос относительно необходимости более активного, наступательного вмешательства со стороны правоохранительных органов. Однако, как писал известный юрист Н.С. Таганцев по поводу оценки провокационной деятельности, «ссылка на служебные обязанности сама по себе несостоятельна уже потому, что никакой закон не уполномочивает и не может уполномочить кого-либо на подобную деятельность. Обязанность полиции состоит в раскрытии совершенных преступлений или предупреждении готовящихся; но и в том и другом случае эта деятельность не имеет ничего общего с созданием новых преступлений и преступных попыток» [8; 349]. И данный постулат не меняется с течением времени, хотя, как уже было отмечено ранее, не могут быть полностью исключены частные ситуации, при которых провокация может оказаться «меньшим злом», однако такие ситуации должны быть соответствующим образом и детально оформлены в рамках правового поля, а также реализовываться в форме непротиворечивой и единообразной правоприменительной практики.

Имеются явные дефекты судебно-следственной практики, которые могут быть преодолены посредством формулировки специальной нормы; квалификация по общей норме снижает статистическую информативность относительно случаев совершения тех или иных специфических деяний (в частности, отражение случаев провокации преступления в общей

статистике случаев превышения власти или должностных полномочий) [9; 19].

Х.Л. Хо рассматривает state entrapment через призму границ допустимого вмешательства государства в формирование преступного поведения [10].

Л. Леванон связывает оценку police entrapment с вопросами законности, справедливости процесса и уголовно-политической целесообразности [11].

Д.Дж. Хилл, С.К. Маклеод и А. Тэньи акцентируют внимание на концептуальных границах entrapment как самостоятельного правового явления [12].

Немецкий материал, обобщенный Ф. Герлиц и соавторами, показывает, что правовая оценка Tatprovokation тесно связана с судебным контролем за действиями государства [13].

Г. Коффи анализирует, как проактивная intelligence-led policing влияет на границы допустимого провокационного воздействия [14].

Т.Дж. Мичели рассматривает entrapment и criminal solicitation в контексте экономического обоснования уголовно-правового запрета [15].

Показателен и зарубежный законодательный опыт. В ряде юрисдикций провокация рассматривается как основание для освобождения от ответственности или как фактор, существенно влияющий на итоговое решение суда.

Л. Леванон подчеркивает, что подобные модели всегда связаны с поиском баланса между эффективностью пресечения преступлений и запретом на искусственное создание преступной ситуации [11].

Г. Коффи показывает, что наибольшие трудности возникают там, где провокационные приемы включаются в повседневную оперативную практику без достаточного внешнего контроля [14].

Экономико-правовой ракурс проблемы отражен и в работе Т. Дж. Мичели, который связывает допустимость entrapment с пределами легитимного государственного принуждения [15].

Отсюда вытекает и вопрос о круге провоцируемых преступлений. В учебной литературе по уголовному праву обычно подчеркивается, что наиболее типичны случаи провокации в сферах коррупции, незаконного оборота наркотиков и иных латентных деяний, выявление которых тесно связано с оперативной деятельностью [16; 4].

В.Е. Тонков, анализируя дела о незаконном обороте наркотиков, указывает на высокую вероятность подмены документирования преступления искусственным созданием его внешних признаков [17; 155].

И.А. Жарких также отмечает, что именно в делах о наркотических средствах вопросы разграничения законной оперативной деятельности и провокации возникают особенно часто [18; 78].

Напротив, провокация убийства, причинения тяжкого вреда здоровью и иных насильственных преступлений представляется нетипичной и в большинстве случаев несовместимой с задачами законной правоохранительной деятельности. Следовательно, самостоятельный уголовный запрет провокационной деятельности имеет собственное содержание и не сводится к дублированию уже известных составов. Его назначение состоит в пресечении злоупотребления государственным ресурсом, исключении искусственного обвинения и формировании такой правоприменительной практики, при которой оперативная деятельность соотносится с требованиями законности, а не с результативностью любой ценой.

Для казахстанской дискуссии важны и публикации, посвященные скрытым проверкам на добропорядочность как антикоррупционному инструменту. Они показывают, что граница между допустимой профилактической проверкой и провокационным воздействием требует особенно осторожной правовой настройки [19; 36].

Современные зарубежные исследования также подтверждают сохраняющуюся актуальность проблемы: Д. Дж. Хилл, С.К. Маклеод и А. Таньи рассматривают государственное entrapment в контексте этических границ скрытой полицейской деятельности [20], а А. Хаджийска систематизирует критерии полицейской провокации в практике национальных судов и Европейского суда по правам человека [21].

Закключение. Исходя из представленных статистических данных можно сделать вывод о том, что, во-первых, деяния, предусмотренные статьями 412-1 и 417 УК РК, представлены единичными случаями.

Во-вторых, по статье 412-1 УК РК регистрируется сравнительно больше случаев, чем по статье 417 УК РК. В данном случае важно отметить одно весьма значимое обстоятельство, которое существенным образом отличает состав статьи 412-1 от состава статьи 417 УК РК и по причине которого последняя в действующей редакции не может быть признана специальной нормой по отношению к статье 412-1 УК РК. Изначально использование законодателем термина «провокация» применительно к обоим составам может привести к мнению, что статья 417 УК РК после включения статьи 412-1 УК РК выполняет именно функцию специальной нормы. Более того, в таком случае сам факт обособленного существования статьи 417 УК РК становился бы сомнительным, коль скоро законодатель посчитал необходимым установить общий уголовно-правовой запрет, не конкретизируя характер преступлений, которые могут быть совершены по причине провокационного воздействия.

В-третьих, криминализация провокации преступления оправдана не только потребностями квалификации, но и задачей укрепления аксиологических основ правоприменительной практики. Специальная норма позволяет точнее фиксировать случаи искусственного обвинения, повышает качество уголовно-правовой оценки и демонстрирует недопустимость достижения процессуального результата посредством провокационного воздействия.

В-четвертых, наиболее вероятной сферой проявления provocation и entrapment остаются коррупционные, наркотические и иные латентные преступления, выявление которых традиционно сопряжено с активной оперативной деятельностью. Это требует дальнейшей теоретической разработки критериев разграничения допустимых оперативных мероприятий и запрещенной провокационной деятельности.

Следовательно, решение казахстанского законодателя о включении статьи 412-1 УК РК в текст уголовного закона следует признать обоснованным. Его значение состоит в укреплении законности, защите прав личности от искусственного обвинения и формировании более предсказуемой правоприменительной практики в сфере противодействия преступности. В практическом плане целесообразно обеспечить единообразное применение статьи 412-1 УК РК и систематическое обобщение соответствующей правоприменительной практики.

Список использованной литературы:

1. Прокументов, Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности / Л.М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 227-230.
2. Лобанова, Л.В. Уголовно-правовые гарантии безопасности участников процессуальных отношений нуждаются в совершенствовании / Л.В. Лобанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 182-190.
3. Воронцова, С.А. О недопустимости использования правоохранительными органами метода провокации в борьбе с преступностью / С.А. Воронцова // Юристъ-Правоведъ. – 2011. – № 3 (46). – С. 5-14.
4. Губанова, О.В. Особенности расследования провокации взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Губанова. – Воронеж, 2006. – 28 с.
5. Мастерков, А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Мастерков. – Владивосток, 2000. – 18 с.
6. Абдирова, Г.А. Организационные основы оперативно-аналитической работы органов внутренних дел Республики Казахстан / Г.А. Абдирова, А.Д. Дарменов // Хабаршы-Вестник. – 2025. – № 1 (87). – С. 4-9.

7. Гармаев, Ю.П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений / Ю.П. Гармаев // Российский следователь. – 2016. – № 2. – С. 6-12.
8. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. – Санкт-Петербург, 1902. – 815 с.
9. Дизер, О.А. Провокация преступления: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Дизер. – Омск, 2022. – 23 с.
10. Ho, H.L. State entrapment / H.L. Ho // Legal Studies. – 2011. – Vol. 31. Issue 1. – Pp. 71-95.
11. Levanon, L. The law of police entrapment: critical evaluation and policy analysis / L. Levanon // Criminal Law Forum. – 2016. – Vol. 27. Issue 1. – Pp. 35-73.
12. Hill, D.J. The concept of entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Criminal Law and Philosophy. – 2018. – Vol. 12. Issue 4. – Pp. 539-554.
13. Görlitz, F. “Tatprovokation” – The legal issue of entrapment in Germany and possible solutions / F. Görlitz, et al. // German Law Journal. – 2019. – Vol. 20. Issue 4. – Pp. 496-509.
14. Coffey, G. Proactive intelligence-led policing shading the boundaries of entrapment: an assessment of how common law jurisdictions have responded / G. Coffey // Athens Journal of Law. – 2023. – Vol. 9. Issue 1. – Pp. 59-88.
15. Miceli, T.J. Criminal solicitation, entrapment, and the enforcement of law / T.J. Miceli // International Review of Law and Economics. – 2007. – Vol. 27. Issue 2. – Pp. 258-268.
16. Провокация преступлений в теории и практике уголовного права: учеб. пособие; под ред. А.А. Чистякова, Г.С. Шкабина. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 62 с.
17. Тонков, В.Е. Квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на стадии судебного разбирательства: монография / В.Е. Тонков. – Белгород: БелГУ, 2008. – 214 с.
18. Жарких, И.А. Провокация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств / И.А. Жарких // Вестник Восточно-Сибирского университета МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 78-91.
19. Жолдасбаев, Д.Н. Тайная проверка на добропорядочность (Integrity Check) как антикоррупционный инструмент: международный опыт и перспективы внедрения / Д.Н. Жолдасбаев, А.Б. Казбекова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 4 (34). – С. 36-45.
20. Hill, D.J. Policing, undercover policing and “dirty hands”: the case of state entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Philosophical Studies. – 2024. – Vol. 181. Issue 4. – Pp. 689-714.
21. Hadzhiyska, A. Police Provocation in the Practice of the Bulgarian Courts and the European Court of Human Rights / A. Hadzhiyska // Law Journal of New Bulgarian University. – 2024. – Vol. 20. Issue 2. – Pp. 34-41.

References:

1. Prozumentov, L.M. Rasprostranennost' dejanij kak fakul'tativnyj priznak ih obshhestvennoj opasnosti / L.M. Prozumentov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 429. – S. 227-230.
2. Lobanova, L.V. Ugolovno-pravovye garantii bezopasnosti uchastnikov processual'nyh otnoshenij nuzhdajutsja v sovershenstvovanii / L.V. Lobanova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jurisprudencija. – 2012. – № 2 (17). – S. 182-190.
3. Voroncova, S.A. O nedopustimosti ispol'zovaniya pravoohranitel'nymi organami metoda provokacii v bor'be s prestupnost'ju / S.A. Voroncova // Jurist#-Pravoved#. – 2011. – № 3 (46). – S. 5-14.
4. Gubanova, O.V. Osobennosti rassledovaniya provokacii vzjatki libo kommercheskogo podkupa: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O.V. Gubanova. – Voronezh, 2006. – 28 s.
5. Masterkov, A.A. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty provokacionnoj dejatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A.A. Masterkov. – Vladivostok, 2000. – 18 s.
6. Abdirova, G.A. Organizacionnye osnovy operativno-analiticheskoy raboty organov vnutrennih del Respubliki Kazakhstan / G.A. Abdirova, A.D. Darmanov // Habarshy-Vestnik. – 2025. – № 1 (87). – S. 4-9.
7. Garmaev, Ju.P. Princip nastupatel'nosti v vyjavlenii i rassledovanii prestuplenij / Ju.P. Garmaev // Rossijskij sledovatel'. – 2016. – № 2. – S. 6-12.
8. Tagancev, N.S. Russkoe ugovnoe pravo / N.S. Tagancev. – Sankt-Peterburg, 1902. – 815 s.
9. Dizier, O.A. Provokacija prestuplenija: ugovno-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O.A. Dizier. – Omsk, 2022. – 23 s.
10. Ho, H.L. State entrapment / H.L. Ho // Legal Studies. – 2011. – Vol. 31. Issue 1. – Pp. 71-95.
11. Levanon, L. The law of police entrapment: critical evaluation and policy analysis / L. Levanon // Criminal Law Forum. – 2016. – Vol. 27. Issue 1. – Pp. 35-73.
12. Hill, D.J. The concept of entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Criminal Law and Philosophy. – 2018. – Vol. 12. Issue 4. – Pp. 539-554.
13. Görlitz, F. “Tatprovokation” – The legal issue of entrapment in Germany and possible solutions / F. Görlitz, et al. // German Law Journal. – 2019. – Vol. 20. Issue 4. – Pp. 496-509.

14. Coffey, G. Proactive intelligence-led policing shading the boundaries of entrapment: an assessment of how common law jurisdictions have responded / G. Coffey // Athens Journal of Law. – 2023. – Vol. 9. Issue 1. – Pp. 59-88.
15. Miceli, T.J. Criminal solicitation, entrapment, and the enforcement of law / T.J. Miceli // International Review of Law and Economics. – 2007. – Vol. 27. Issue 2. – Pp. 258-268.
16. Provokacija prestuplenij v teorii i praktike ugovolnogo prava: ucheb. posobie; pod red. A.A. Chistjakova, G.S. Shkabina. – Rjazan': Rjazanskij filial Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ja. Kikotja, 2016. – 62 s.
17. Tonkov, V.E. Kvalifikacija prestuplenij v sfere nezakonного oborota narkotikov na stadii sudebnogo razbiratel'stva: monografija / V.E. Tonkov. – Belgorod: BelGU, 2008. – 214 s.
18. Zharkih, I.A. Provokacija prestuplenij v sfere nezakonного oborota narkoticheskikh sredstv / I.A. Zharkih // Vestnik Vostochno-Sibirskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (96). – S. 78-91.
19. Zholdasbaev, D.N. Tajnaja proverka na dobroporjadocnost' (Integrity Check) kak antikorrupcionnyj instrument: mezhdunarodnyj opyt i perspektivy vnedrenija / D.N. Zholdasbaev, A.B. Kazbekova // Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy. – 2024. – № 4 (34). – S. 36-45.
20. Hill, D.J. Policing, undercover policing and “dirty hands”: the case of state entrapment / D.J. Hill, S.K. McLeod, A. Tanyi // Philosophical Studies. – 2024. – Vol. 181. Issue 4. – Pp. 689-714.
21. Hadzhiyska, A. Police Provocation in the Practice of the Bulgarian Courts and the European Court of Human Rights / A. Hadzhiyska // Law Journal of New Bulgarian University. – 2024. – Vol. 20. Issue 2. – Pp. 34-41.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мансура Сагидуллаевна Омирова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясының докторанты, ұлттық қауіпсіздік және әскери іс магистрі, e-mail: omirova7m7s7@mail.ru, orcid.org/0009-0002-6709-8359.

Омирова Мансура Сагидуллаевна – докторант Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, магистр национальной безопасности и военного дела, e-mail: omirova7m7s7@mail.ru, orcid.org/0009-0002-6709-8359.

Omirova Mansura Sagidullaevna – Doctoral Student at the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Master of National Security and Military Affairs, e-mail: omirova7m7s7@mail.ru, orcid.org/0009-0002-6709-8359.

Майгуль Егеубаевна Балгожина – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Басқару академиясының арнайы пәндер кафедрасының профессоры, философия докторы (PhD), e-mail: maigul.balgozhina@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9269-2966.

Балгожина Майгуль Егеубаевна – профессор кафедры специальных дисциплин Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан, доктор философии (PhD), e-mail: maigul.balgozhina@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9269-2966.

Balgozhina Maigul Egeubaevna – Professor of the Department of Special Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: maigul.balgozhina@mail.ru, orcid.org/0009-0002-9269-2966.

Е.Н. Рахманова

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПИРАТСТВУ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ В РОССИИ, КАЗАХСТАНЕ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан и Азербайджанской Республики, устанавливающего ответственность за пиратство (ст. 227 УК РФ, 271 УК РК) и морской разбой (ст. 219.1.3 УК АР). Исследуются содержание и структура составов пиратства/морского разбоя в указанных странах, особенности их пространственного действия и соотношение с международно-правовым понятием пиратства, а также санкции за совершение данных деяний. Особое внимание уделяется правовым проблемам, возникающим вследствие специфики правового режима Каспийского моря как замкнутого водного объекта, и особенностям квалификации нападения на суда в данном регионе. На основе проведенного анализа формулируются предложения по гармонизации национальных уголовно-правовых норм и развитию многостороннего сотрудничества прикаспийских государств в борьбе с пиратством.

Ключевые слова: Каспийское море; пиратство; уголовный кодекс; морское право; морской разбой; уголовная ответственность; ЮНКЛОС.

Е.Н. Рахманова

*В.М. Лебедев атындағы Ресей мемлекеттік Әділет университетінің Солтүстік-Батыс филиалы,
Санкт-Петербург қ., Ресей Федерациясы*

РЕСЕЙДЕ, ҚАЗАҚСТАНДА ЖӘНЕ ӘЗІРБАЙЖАНДА КАСПИЙ ТЕҢІЗІНДЕГІ ТЕҢІЗ ҚАРАҚШЫЛЫҒЫНА ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛ

Аннотация. Мақалада теңіз қарақшылығы үшін жауаптылықты белгілейтін Ресей Федерациясының, Қазақстан Республикасының және Әзербайжан Республикасының қылмыстық заңнамасына салыстырмалы талдау жүргізіледі (Ресей Федерациясы Қылмыстық кодексінің 227-бабы, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 271-бабы, Әзербайжан Республикасы Қылмыстық кодексінің 219.1.3-бабы). Аталған мемлекеттердің заңнамасында көзделген теңіз қарақшылығы құрамдарының мазмұны мен құрылымы, тиісті қылмыстық-құқықтық нормалардың кеңістікте қолданылу ерекшеліктері, олардың теңіз қарақшылығының халықаралық-құқықтық ұғымымен арақатынасы, сондай-ақ осы іс-әрекеттерді жасағаны үшін көзделген санкциялар зерттеледі. Каспий теңізінің тұйық су айдыны ретіндегі құқықтық режимінің ерекшеліктерінен туындайтын құқықтық мәселелерге, сондай-ақ осы өңірде кемелерге жасалған шабуылдарды саралау ерекшеліктеріне ерекше назар аударылады. Жүргізілген талдау негізінде ұлттық қылмыстық-құқықтық нормаларды үйлестіру және Каспий маңы мемлекеттерінің теңіз қарақшылығына қарсы күрестегі көпжақты ынтымақтастығын дамыту жөнінде ұсыныстар тұжырымдалады.

Түйінді сөздер: Каспий теңізі; қарақшылық; қылмыстық кодекс; теңіз құқығы; теңіз қарақшылығы; қылмыстық жауаптылық; ЮНКЛОС.

E.N. Rakhmanova

*North-Western branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation*

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO PIRACY IN THE CASPIAN SEA IN RUSSIA, KAZAHSTAN AND AZERBAIJAN

Abstract. This author offers a comparative analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, and the Republic of Azerbaijan, establishing liability for piracy (Article 227 of the Criminal Code of

the Russian Federation, Article 271 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan) and robbery at sea (Article 219.1.3 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan). It examines the content and structure of piracy/robbery offenses in these countries, the specifics of their spatial application and their relationship with the international legal concept of piracy, as well as the sanctions for committing these acts. Particular attention is paid to the legal issues arising from the specific legal regime of the Caspian Sea as an enclosed body of water, and the specifics of classifying attacks on vessels in this region. Based on this analysis, proposals are formulated for the harmonization of national criminal law norms and the development of multilateral cooperation among the Caspian states in the fight against piracy.

Keywords: Caspian Sea; piracy; criminal code; maritime law; sea robbery; criminal liability; UNCLOS.

Введение. Каспийское море – крупнейший в мире внутренний водоем, расположенный к востоку от Кавказских гор и к западу от Центральной Азии. Из-за своих размеров и солености, отсутствия связи с Мировым океаном оно одновременно считается и морем, и озером. Эта двойственность отражена в Конвенции о правовом статусе Каспийского моря¹, которая закрепляет его уникальный правовой режим. Статус Каспийского моря, обладающего одновременно чертами морского и озерного бассейна и находящегося в совместном пользовании прикаспийских государств, а также интенсивность хозяйственного освоения (морские коммуникации, добыча углеводородов, рыболовство) обуславливают необходимость эффективной уголовно-правовой защиты судоходства, в том числе от пиратства, негативно влияющего на его развитие и угрожающего жизни и здоровью моряков и пассажиров, представляющего угрозу продовольственной безопасности и потенциально вредного для окружающей среды [1]. Генеральный секретарь Международной морской организации (ИМО) Арсенио Домингес во время обсуждения актуальных угроз глобальному миру и безопасности, состоявшемуся в Совбезе ООН, подчеркнул в этой связи, что «безопасность международных морских перевозок имеет фундаментальное значение для экономической стабильности в мире»².

Несмотря на то, что основное внимание мирового сообщества сосредоточено прежде всего на таких регионах, как Западный Индийский океан, Гвинейский залив и Юго-Восточная Азия³, проблема безопасности судоходства актуальна и для закрытых морей, таких как Каспийское море. Именно поэтому 8 октября 2025 года Иран, Россия, Казахстан и Азербайджан подписали «Всеобъемлющее соглашение о стратегическом сотрудничестве в Каспийском море»⁴.

Морской разбой и пиратские нападения на Каспии оказывали серьезное влияние на межгосударственные отношения прикаспийских держав, затрагивая в том числе российско-персидские связи и торговые маршруты, еще в XVIII–XIX вв. [2]; [3]. В наше время в Каспийском море также периодически происходят вооруженные нападения на пограничные катера и рыболовецкие суда, что позволяет говорить о наличии элементов «локального пиратства» и вооруженного морского разбоя и сегодня⁵.

Несмотря на глобальный характер проблемы, вопросы пиратства освещаются в научной литературе неравномерно. Большинство работ посвящены пространственно-временному моделированию морских нападений [4]; [5]; [6] и эволюции пиратства в отдельных регионах мира, включая Россию [7]; [8]. Вместе с тем сравнительно-правовой анализ национальных систем уголовной ответственности за пиратство в прикаспийских странах в современной научной

¹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (Заклучена в г. Актау, 12.08.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53319/.

² Открытые дебаты высокого уровня в Совете Безопасности ООН: Безопасность на море – профилактика, инновации и международное сотрудничество для решения возникающих проблем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imo.org/ru/mediacentre/secretarygeneral/pages/address-to-un-security-council-9977-meeting.aspx>.

³ Совбез ООН обсудил проблему безопасности морских торговых перевозок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2025/08/1466181>.

⁴ Прикаспийские государства подписали всеобъемлющий документ о стратегическом сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.ara.az/aziya/prikaspiiskie-gosudarstva-podpisali-vseobemlyushhii-dokument-o-strategicheskome-sotrudnicestve-623602>.

⁵ В акватории Каспийского моря впервые за много лет активизировались пираты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2008/05/29/piraty-kaspii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F.

доктрине практически отсутствует, что предопределяет актуальность и научную новизну настоящего исследования.

Материалы и методы. Нормативно-правовую основу исследования составили Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 года и специализированные документы Международной морской организации (ИМО) и ООН в сфере противодействия морской преступности, а также уголовное законодательство прибрежных государств – Российской Федерации (далее – РФ) (ст. 227 УК РФ), Республики Казахстан (далее – РК) (ст. 271 УК РК) и Азербайджанской Республики (далее – АР) (ст. 219.1.3 УК АР)⁶. Эмпирическую основу – статистические отчеты международных организаций и аналитические материалы по обеспечению безопасности в Каспийском регионе. Теоретическая основа исследования опирается на труды зарубежных и российских ученых.

В работе использован формально-юридический метод для анализа составов пиратства в уголовных кодексах России, Казахстана и Азербайджана, их санкций и квалифицирующих признаков. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении национальных моделей пиратства, выявлении совпадений и расхождений в пространственных критериях и объеме уголовно-правовой охраны судоходства на Каспии.

Результаты, обсуждение. Каспийский регион отличается сложным международно-правовым режимом, сочетающим характеристики внутреннего моря и межгосударственного водоема, что порождает трудности в применении классического международного понятия пиратства, основанного на критерии «открытого моря» и пространств вне юрисдикции государств. Уголовные кодексы изучаемых нами прикаспийских государств предусматривают ответственность за пиратство/морской разбой, но в них по-разному решаются вопросы территориального действия закона и соотношения с иными составами преступлений против безопасности судоходства и собственности [9].

Классическое определение пиратства закреплено в статье 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (ЮНКЛОС), в которой актами пиратства признаются неправомерные насильственные действия, совершаемые в личных целях экипажем или пассажирами частновладельческого судна в открытом море либо в месте, находящемся вне юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме иных морских зон⁷. Статья 105 Конвенции ООН 1982 года распространила на данные деяния принцип универсальной юрисдикции, указав, что «любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат либо судно, или летательный аппарат, захваченные посредством пиратских действий и находящиеся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество».

В отличие от Конвенции ООН 1982 года, Актауская Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, принятая в 2018 году, не содержит дефиницию «пиратство». Данный пробел представляется значимым, учитывая закрепленный в статье Конвенции 2018 года принцип обеспечения безопасности и стабильности в регионе. Несмотря на то, что Каспийское море юридически не является открытым, а его дно разграничено на национальные сектора, режим поверхностных вод предполагает свободу судоходства за пределами 15 миль территориальных вод. В этой зоне суда находятся под исключительной юрисдикцией государства флага, что в

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/;

Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 08.03.2026 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252;

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: от 30 дек. 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670.

⁷ Legal Framework for the Repression of Piracy Under UNCLOS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/piracy/piracy_legal_framework.htm.

отсутствие ответственности за пиратство, создает определенные проблемы для реализации принципа региональной безопасности.

Пиратство в уголовном законодательстве РФ

В соответствии с частью 1 статьи 227 УК РФ пиратством признается нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения, наказываемое лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. Объектом посягательства выступает безопасность судоходства и собственность, а объективная сторона выражается в нападении на судно как на единый транспортный объект, сопряженном с насилием или угрозой насилия и преследующем корыстную цель. Квалифицированные составы закреплены в частях 2 и 3 статьи 227 УК РФ и предусматривают ответственность за пиратство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (лишение свободы от восьми до двенадцати лет со штрафом), и пиратство, совершенное организованной группой либо повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (лишение свободы от десяти до пятнадцати лет).

Важное значение для толкования пространственных пределов действия статьи 227 УК РФ имеет позиция, содержащаяся в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2011 № 1-011-20. Высшая судебная инстанция разъяснила, что нападение на судно, совершенное вне территориального моря любого государства, следует квалифицировать как пиратство⁸. Тем самым, правоприменитель де-факто имплементировал признак «открытого моря», содержащийся в Конвенции ООН 1982 года, восполняя диспозицию статьи 227 УК РФ, в которой отсутствует указание на место совершения преступления [10; 44]. И поскольку Каспийское море с международной точки зрения нельзя считать ни морем, ни озером, так как несмотря на наличие соленой воды и размеров, почти сопоставимых с размерами Черного моря, у него нет естественных связей с другими морями и океанами [11; 137], статья 227 УК РФ фактически не применима в этом регионе. Это связано во многом и с тем, что значительная часть судоходных маршрутов и объектов нефтегазовой инфраструктуры сосредоточена в границах национальных секторов и территориальных вод, в результате чего совершаемые на них нападения не соответствуют международно-правовому критерию совершения деяния «вне пределов юрисдикции какого-либо государства» (признак открытого моря). Вследствие чего данные деяния принято квалифицировать по смежным составам преступлений (угон судна, террористический акт, преступления против собственности и т.п.), что не только препятствует унификации подходов прикаспийских государств к обеспечению морской безопасности, но и блокирует возможность реализации принципа универсальной юрисдикции в отношении лиц, совершающих нападения на судоходство на Каспии за пределами 15 морских миль территориальных вод и 10 миль для рыболовства.

Пиратство в уголовном законодательстве РК

Согласно части 1 статьи 271 УК РК, пиратством признается «нападение на морское или речное судно с целью завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения». За данное деяние устанавливается наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества. Уже в основном составе преступления казахстанский законодатель закрепил конфискацию имущества в качестве обязательного дополнительного наказания, что усиливает превентивный и карательный потенциал уголовно-правовой защиты судоходства.

Часть 2 статьи 271 УК РК предусматривает ответственность за пиратство, совершенное неоднократно либо с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия,

⁸ Решение Верховного Суда: Определение № 1-011-20 от 22 июня 2011 г. Судебной коллегии по уголовным делам, кассация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/suddoc/cf45aad48df4fe81a82d86de5ac9d816/>.

наказываемое лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества. Часть 3 статьи 271 УК РК квалифицирует пиратство, совершенное преступной группой либо повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, с назначением лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Важным в данном случае, по нашему мнению, является то, что статья 271 УК РК, так же как и статья 227 УК РФ, привязана к «открытому морю», что порождает правовой пробел применительно к совершению данного преступления на Каспийском море.

Уголовная ответственность за морской разбой в УК АР

В 2001 году уголовное законодательство АР было дополнено статьей 291-1 «Морской разбой». Объективная сторона основного состава преступления заключается в насильственном нападении на морские или речные суда с целью завладения имуществом, сопряженным с насилием либо угрозой его применения. Квалифицирующие признаки, так же как и в УК РФ и УК РК, построены по принципу возрастания общественной опасности: вторая часть предусматривает ответственность за деяния, совершенные группой лиц или с применением оружия; третья часть охватывает наиболее тяжкие формы, такие как совершение деяния организованной группой или преступным сообществом, а также случаи наступления тяжких последствий, включая смерть по неосторожности. Особо следует подчеркнуть высокую суровость санкций за особо квалифицированный состав – вплоть до пожизненного лишения свободы.

По мнению азербайджанских специалистов, использование понятия «морской разбой» больше соответствует характеру данного деяния [12; 12] и международно-правовому определению, содержащемуся в Конвенции ООН по морскому праву. Объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность морского и речного судоходства, собственность является дополнительным непосредственным объектом, так же как здоровье и жизнь человека. Объективная сторона выражается в нападении на морское или речное судно с применением насилия или угрозой его применения. Обязательным признаком субъективной стороны является цель совершения деяния – завладение чужим имуществом, находящимся на борту судна.

В отличие от уголовного законодательства России и Казахстана, характеризующегося более универсальными формулировками принципа территориальности, статья 11.2 УК АР содержит детальный перечень пределов действия уголовного закона, устанавливая, что он распространяется на деяния, совершенные не только в пределах сухопутной территории и воздушного пространства, но и в территориальных водах, а также в национальном секторе Каспийского моря и в границах исключительной экономической зоны Республики. И хотя универсальная юрисдикция, согласно ЮНКЛОС, действует только в отношении пиратства, совершенного в открытом море, которым Каспийское море не является, но применение статьи 219.1 УК АР в связке со статьей 11.3 УК АР позволяет обойти данное ограничение.

Сравнительный уголовно-правовой анализ защиты Каспийского моря от пиратства

Как видно из приведенного выше анализа уголовно-правовых норм российская правоприменительная практика фактически связывает пиратство с совершением нападения вне территориальных вод какого-либо государства, то есть на открытом море, что сближает статью 227 УК РФ с международной моделью пиратства, но резко ограничивает ее применимость в условиях Каспийского моря. УК РК не содержит привязки к открытым водам, допуская тем самым квалификацию нападений на суда во внутренних водах и национальных секторах как пиратство, что расширяет сферу применения нормы и позволяет прямо распространять ее действие на деяния, совершаемые в казахстанской части Каспийского моря. Азербайджанский подход, использующий принцип флага и элементы универсальной юрисдикции, делает акцент на принадлежности судна и международном характере преступления, дополняя территориальный

критерий персональным и функциональным.

Заметно также различие в формулировках диспозиций рассматриваемых уголовно-правовых норм и положений Конвенции об открытом море, согласно которой пиратство охватывает не только посягательство на собственность, но и любой неправомерный акт насилия или задержания.

Уголовное законодательство трех стран формулируют понятие пиратства/морского разбоя узко, ограничивая его нападением на морское судно с целью завладения чужим имуществом. Все уголовно-правовые нормы содержат квалифицированные и особо квалифицированные составы.

Сравнительный анализ санкций за пиратство также выявляет различия в походах к установлению уголовной ответственности за данное преступление в рассматриваемых государствах. Если российский законодатель ограничивает максимальный предел наказания за пиратство пятнадцатью годами лишения свободы (ст. 227 УК РФ), уголовный закон РК, помимо лишения свободы, предусматривает обязательную конфискацию имущества как дополнительный вид наказания во всех частях статьи 271 УК РК, то Азербайджан, исключив конфискацию имущества, ужесточил уголовную ответственность за морской разбой до пожизненного лишения свободы в случае совершения данного преступления организованной группой или наступления тяжких последствий.

Но основное отличие рассматриваемых подходов заключается в степени интернационализации норм о пиратстве. Российский и казахстанский подходы формально ориентированы на международную модель, но, учитывая особенности правового статуса Каспийского моря как замкнутого водоема, эта позиция приводит к тому, что часть реальных угроз безопасности судоходства на Каспии выпадает из сферы непосредственного применения статьи 227 УК РФ и статьи 271 УК РК и переводится в плоскость иных составов преступлений, тем самым фактически обеспечивая более высокую степень уголовно-правовой защищенности судоходства в региональном контексте. Азербайджанский подход в наибольшей мере учитывает международный характер пиратства через закрепление универсальной юрисдикции по признаку флага и жесткую санкционную политику.

Заключение. Результаты сравнительного анализа показывают, что защита акватории Каспийского моря от актов пиратства/морского разбоя обеспечивается на стыке национального законодательства и международного права. Основным критерием для разграничения квалификации является географический признак места совершения преступления, который позволяет отграничить пиратство, совершаемое в открытом море и вне юрисдикции государства, от вооруженного разбойного нападения на суда на море. Деяния, совершенные в территориальных или архипелажных водах, выходят за рамки конвенционального понимания пиратства, содержащегося в статье 101 Конвенции ЮНКЛОС, и подлежат квалификации как разбой, согласно соответствующим статьям национального уголовного законодательства⁹.

При этом подходы России, Казахстана и Азербайджана к определению пиратства и его пространственным пределам различаются. Статья 227 УК РФ и статья 271 УК РК, ориентированные на международный критерий открытого моря, оказываются недостаточно адаптированными к особенностям Каспия, в результате чего нападения на суда могут квалифицироваться по иным составам преступлений. Азербайджанская модель сочетает расширенную юрисдикцию по признаку флага и жесткие санкции за организованное морское пиратство, подчеркивая тем самым международный характер данной категории преступлений.

С учетом выявленных различий и общей тенденции к сохранению высокого уровня пиратских угроз для мирового судоходства представляется необходимым совершенствование

⁹ Доклад Комиссии международного права. Семьдесят четвертая сессия (24 апреля – 2 июня и 3 июля – 4 августа 2023 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/ru/a/78/10>.

специальных региональных механизмов борьбы с пиратством на Каспийском море. Целесообразно, на наш взгляд, инициировать заключение многостороннего соглашения прикаспийских государств, в котором было бы согласовано понятие «пиратство на Каспийском море», определены критерии юрисдикции, механизмы передачи виновных лиц и оказания правовой помощи, а также процедуры совместных операций по пресечению нападений на суда. Это позволило бы прикаспийским государствам гармонизировать национальные уголовные нормы о пиратстве или морском разбое применительно к особенностям правового режима Каспия, в том числе путем уточнения пространственных признаков состава преступления и выработки согласованных критериев разграничения пиратства и иных преступлений против безопасности судоходства.

Список использованной литературы:

1. Jin, J. Techera, E. Strengthening Universal Jurisdiction for Maritime Piracy Trials to Enhance a Sustainable Anti-Piracy Legal System for Community Interests / J. Jin, E. Techera // Sustainability. – 2021. – № 13 (13). – 7268.
2. Перетятко, А.Ю. Микроисторическое исследование морского разбоя на Каспийском море в николаевскую эпоху / А.Ю. Перетятко // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2025. – № 70 (4). – С. 974-993.
3. Торопичин, И.В. Борьба с пиратством в Каспии в 1730-1740 г.г. / И.В. Торопичин // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 10. – С. 59-63.
4. Marchione, E. Modelling maritime piracy: A spatial approach / E. Marchione, S. Johnson, A. Wilson // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2014. – № 17 (2). – Pp. 1-9.
5. Townsley, M. Space-time dynamics of maritime piracy / M. Townsley, A. Oliveira // Security Journal. – 2015. – № 28 (3). – Pp. 217-229.
6. Tsioufis, M. Discovering maritime-piracy hotspots: a study based on AHP and spatio-temporal analysis / M. Tsioufis, et al. // Annals of Operations Research. – 2024. – № 335. – Pp. 861-883.
7. Gold, A. The unexpected consequences of the COVID-19 pandemic on maritime crime: Evidence from Indonesia and Nigeria / A. Gold, A. Phayal, B. Prins // International Area Studies Review. – 2023. – № 26 (1). – Pp. 7-23.
8. Saradzhyan, S. The Dynamics of Russia's Response to the Piracy Threat / S. Saradzhyan // Connections: The Quarterly Journal. – 2010. – № 9 (3). – Pp. 19-44.
9. Ю.С. Ромашев. Актуальные международно-правовые проблемы борьбы с пиратством и вооруженным разбоем на море: сб. междунар. пр. статьи памяти А.Л. Колодкина / Сост.: Колодкин Р.А., Пунжин С.М. – М.: Статут, 2014. – С. 312-331.
10. Галиев, Р.С. Борьба с морским пиратством. Международно-правовой аспект: монография / Р.С. Галиев. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. – 168 с.
11. Нуцалханов, Г.Н. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 года в свете международного права / Г.Н. Нуцалханов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. № 1А. – С. 132-142.
12. Салимов, К. Морской разбой: проблемы квалификации и ответственности в международном и уголовном праве Азербайджанской Республики / К. Салимов, Ш. Самедова // Право и политология. – 2013. – № 23. – С. 12-17.

References:

1. Jin, J. Techera, E. Strengthening Universal Jurisdiction for Maritime Piracy Trials to Enhance a Sustainable Anti-Piracy Legal System for Community Interests / J. Jin, E. Techera // Sustainability. – 2021. – № 13 (13). – 7268.
2. Peretjat'ko, A.Ju. Mikroistoricheskoe issledovanie morskogo razboja na Kaspijskom more v nikolaevskuju jepohu / A.Ju. Peretjat'ko // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. – 2025. – № 70 (4). – S. 974-993.
3. Toropicin, I.V. Bor'ba s piratstvom v Kaspii v 1730-1740 g.g. / I.V. Toropicin // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 2011. – № 10. – S. 59-63.
4. Marchione, E. Modelling maritime piracy: A spatial approach / E. Marchione, S. Johnson, A. Wilson // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2014. – № 17 (2). – Pp. 1-9.
5. Townsley, M. Space-time dynamics of maritime piracy / M. Townsley, A. Oliveira // Security Journal. – 2015. – № 28 (3). – Pp. 217-229.
6. Tsioufis, M. Discovering maritime-piracy hotspots: a study based on AHP and spatio-temporal analysis / M. Tsioufis, et al. // Annals of Operations Research. – 2024. – № 335. – Pp. 861-883.
7. Gold, A. The unexpected consequences of the COVID-19 pandemic on maritime crime: Evidence from Indonesia and Nigeria / A. Gold, A. Phayal, B. Prins // International Area Studies Review. – 2023. – № 26 (1). – Pp. 7-23.
8. Saradzhyan, S. The Dynamics of Russia's Response to the Piracy Threat / S. Saradzhyan // Connections: The

Quarterly Journal. – 2010. – № 9 (3). – Pp. 19-44.

9. Ju.S. Romashev. Aktual'nye mezhdunarodno-pravovye problemy bor'by s piratstvom i vooruzhennym razboem na more: sb. mezhdunar. pr. stat'i pamjati A.L. Kolodkina / Sost.: Kolodkin R.A., Punzhin S.M. – M.: Statut, 2014. – S. 312-331.

10. Galiev, R.S. Bor'ba s morskim piratstvom. Mezhdunarodno-pravovoj aspekt: monografija / R.S. Galiev. – Barnaul: Barnaul'skij juridicheskij institut MVD Rossii, 2015. – 168 s.

11. Nucalhanov, G.N. Konvencija o pravovom statuse Kaspijskogo morja ot 12 avgusta 2018 goda v svete mezhdunarodnogo prava / G.N. Nucalhanov // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2019. – Tom 9. № 1A. – S. 132-142.

12. Salimov, K. Morskoj razboj: problemy kvalifikacii i otvetstvennosti v mezhdunarodnom i ugolovnom prave Azerbajdzhanskoj Respubliki / K. Salimov, Sh. Samedova // Pravo i politologija. – 2013. – № 23. – S. 12-17.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Екатерина Николаевна Рахманова – В.М. Лебедев атындағы Ресей мемлекеттік сот төрелігі университетінің Солтүстік-Батыс филиалының қылмыстық құқық кафедрасының меңгерушісі, заң ғылымдарының докторы, доцент, e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com, orcid.org/0000-0003-4602-4676.

Рахманова Екатерина Николаевна – заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com, orcid.org/0000-0003-4602-4676.

Rakhmanova Ekaterina Nikolaevna – Head of the Department of Criminal Law of the North-Western Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Doctor of Law Sciences, Associate Professor, e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com, orcid.org/0000-0003-4602-4676.

А.Е. Сарбасов

*Алматинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есболатова,
г. Алматы, Республика Казахстан*

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И СВЯЗИ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено актуальной проблеме уголовно-правового регулирования нарушений правил эксплуатации информационных систем в условиях стремительной цифровизации общества и расширения сферы применения информационно-коммуникационных технологий. Рост зависимости государства, бизнеса и граждан от цифровой инфраструктуры сопровождается увеличением числа правонарушений, связанных с обработкой, хранением, передачей и защитой компьютерной информации. В работе представлен комплексный анализ законодательных подходов к криминализации противоправных деяний в указанной сфере на примере Республики Казахстан и зарубежных государств. Особое внимание уделено сравнительно-правовому исследованию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение правил эксплуатации информационных систем, несанкционированный доступ к информации, а также иные посяательства на информационную безопасность. Детально рассматриваются развитие и современное состояние законодательства Республики Казахстан, выявляются пробелы правового регулирования и анализируется зарубежный опыт с целью выработки предложений по совершенствованию национального уголовного законодательства.

Ключевые слова: информационная безопасность; киберпреступность; уголовная ответственность; уголовное законодательство; цифровизация; нарушение правил эксплуатации; компьютерная информация; криминализация; программное обеспечение; защита информации.

А.Е. Сарбасов

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Есболатов атындағы Алматы академиясы,
Алматы қ., Қазақстан Республикасы*

АҚПАРАТТАНДЫРУ ЖӘНЕ БАЙЛАНЫС САЛАСЫНДАҒЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАНЫ ЖЕТІЛДІРУ МӘСЕЛЕСІ ТУРАЛЫ

Аннотация. Осы зерттеу қоғамның қарқынды цифрлануы және ақпараттық-коммуникациялық технологияларды қолдану аясының кеңеюі жағдайында ақпараттандыру объектілерін пайдалану қағидаларын бұзуды қылмыстық-құқықтық реттеудің өзекті мәселесіне арналған. Мемлекеттің, бизнестің және азаматтардың цифрлық инфрақұрылымға тәуелділігінің артуы компьютерлік ақпаратты өндеуге, сақтауға, беруге және қорғауға байланысты құқық бұзушылықтар санының өсуімен қатар жүруде. Жұмыста Қазақстан Республикасы мен шет мемлекеттердің мысалында аталған саладағы құқыққа қайшы іс-әрекеттерді криминализациялауға қатысты заңнамалық тәсілдерге кешенді талдау жүргізіледі. Ақпараттандыру объектілерін пайдалану қағидаларын бұзғаны, ақпаратқа құқыққа сыйымсыз қол жеткізгені, сондай-ақ ақпараттық қауіпсіздікке өзге де қол сұғушылықтар жасағаны үшін жауаптылықты көздейтін қылмыстық-құқықтық нормаларды салыстырмалы-құқықтық зерттеуге ерекше назар аударылады. Қазақстан Республикасы заңнамасының дамуы мен қазіргі жай-күйі егжей-тегжейлі қарастырылып, құқықтық реттеудегі олқылықтар анықталады және ұлттық қылмыстық заңнаманы жетілдіру жөнінде ұсыныстар әзірлеу мақсатында шетелдік тәжірибе талданады.

Түйінді сөздер: ақпараттық қауіпсіздік; киберқылмыстылық; қылмыстық жауаптылық; қылмыстық заңнама; цифрландыру; пайдалану қағидаларын бұзу; компьютерлік ақпарат; криминализация; бағдарламалық қамтылым; ақпаратты қорғау.

A.E. Sarbassov

*The Almaty Academy of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Yesbulatov,
Almaty, the Republic of Kazakhstan*

ON THE ISSUE OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD OF INFORMATIZATION AND COMMUNICATIONS

Abstract. This study is devoted to the urgent issue of criminal law regulation of violations of the rules for the operation of information systems in the context of the rapid digitalization of society and the expanding use of information and communication technologies. The growing dependence of the state, business, and citizens on digital infrastructure is accompanied by an increase in the number of offenses related to the processing, storage, transmission, and protection of computer information. The paper presents a comprehensive analysis of legislative approaches to the criminalization of unlawful acts in this area, using the Republic of Kazakhstan and foreign states as examples. Particular attention is paid to a comparative legal study of criminal law provisions establishing liability for violations of the rules for the operation of information systems, unauthorized access to information, and other infringements on information security. The development and current state of the legislation of the Republic of Kazakhstan are examined in detail, gaps in legal regulation are identified, and foreign experience is analyzed in order to develop proposals for improving national criminal legislation.

Keywords: information security; cybercrime; criminal liability; criminal legislation; digitalization; violation of operating rules; computer information; criminalization; software; information protection.

Введение. В условиях стремительной цифровизации общественных отношений информационные системы (далее – ИС) становятся неотъемлемой частью деятельности государства, бизнеса и граждан.

Развитие современных цифровых технологий способствовало оптимизации процессов предоставления государственных услуг, обеспечению удаленного доступа к финансовым операциям, обработке персональных данных и функционированию критически важных инфраструктур. Параллельно с расширением цифрового пространства наблюдается увеличение числа преступлений и правонарушений, связанных с нарушением правил эксплуатации ИС.

Согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (далее – РК), в 2025 году было зарегистрировано 215 уголовных правонарушений в сфере информатизации и связи. Этот показатель демонстрирует существенный рост по сравнению с 2024 годом, когда было зафиксировано 38 аналогичных деяний, что составляет увеличение на 465,8%¹.

Данная динамика свидетельствует о возрастающей общественной опасности нарушений в сфере информатизации и наглядно подтверждает острую необходимость совершенствования уголовно-правовых механизмов их предупреждения.

Как отмечают зарубежные авторы, последствия киберинцидентов выходят за рамки финансовых убытков одной организации и затрагивают общественные интересы, в связи с чем требуется усиление правовых механизмов защиты цифровой инфраструктуры, так как исследуемая область знаний рассматривает кибербезопасность не только как техническую, но и как социально-правовую ответственность организаций [1].

Несмотря на наличие исследований, посвященных киберпреступности, несанкционированному доступу к информации и использованию вредоносного программного обеспечения, вопросы уголовной ответственности за нарушение правил эксплуатации ИС разработаны недостаточно. В законодательстве РК отсутствует самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за такие деяния, тогда как в ряде зарубежных государств соответствующие составы уже закреплены.

¹ Отчет №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Правовая статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

Нарушения правил информационной безопасности нередко совершаются лицами, имеющими законный доступ к системам, а нарушение внутренних правил эксплуатации остается одной из наиболее сложных форм цифровых правонарушений для правовой квалификации, что демонстрирует особую роль поведения лиц, имеющих легитимный доступ к информационным ресурсам [2].

Научная новизна исследования заключается в выявлении пробела в уголовном законодательстве РК и обосновании необходимости введения самостоятельной нормы, устанавливающей ответственность за нарушение правил эксплуатации ИС с учетом зарубежного опыта.

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: в какой мере действующая модель уголовно-правовой охраны информационных систем в Республике Казахстан позволяет реагировать на общественно опасные нарушения правил их эксплуатации лицами, имеющими правомерный доступ, и какие элементы зарубежных моделей могут быть использованы для устранения выявленного пробела без избыточной криминализации? Для ответа на данный вопрос последовательно сопоставляются объект правовой охраны, субъект деяния, характер нарушения, обязательность наступления последствий, форма вины и способы дифференциации ответственности.

Вместе с тем вопрос о самостоятельной уголовной ответственности именно за нарушение правил эксплуатации ИС правомерным пользователем при наступлении общественно опасных последствий остается недостаточно разработанным. Указанное обстоятельство обуславливает наличие исследовательского пробела, на восполнение которого направлена настоящая работа.

Материалы и методы. Исследование выполнено в рамках формально-юридического и сравнительно-правового подходов. На первом этапе были определены нормы законодательства РК, регулирующие ответственность за нарушения в сфере информатизации и эксплуатации ИС. На втором этапе отобраны зарубежные правовые порядки, в которых предусмотрены специальные составы, позволяющие сопоставить различные модели криминализации. На третьем этапе нормы сравнивались по единым критериям: объект правовой охраны; специальный или общий субъект; характер запрещенного деяния; обязательность наступления общественно опасных последствий; форма вины; критерии дифференциации ответственности и санкций.

Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления элементов составов правонарушений и преступлений. Формально-юридический метод использовался при анализе статей 207, 210 УК РК, статьи 641 Кодекса об административных правонарушениях РК (далее – КоАП РК) и сопоставимых зарубежных норм. Системный и логико-юридический методы позволили выявить их взаимосвязи и обосновать наличие нормативного пробела.

Нормативную основу исследования составили законодательство Казахстана, Узбекистана, России, Беларуси и Украины, а также положения права Европейского союза. Выбор указанных государств обусловлен наличием сопоставимых норм об ответственности за нарушения правил эксплуатации информационных систем и различиями в подходах к ее дифференциации.

Результаты. Законодательная система РК в сфере информационной безопасности представляет собой многоуровневый комплекс нормативных актов, направленных на защиту цифровых активов и противодействие киберугрозам.

Ключевым актом, определяющим информационную безопасность как элемент национальной безопасности РК, является Закон «О национальной безопасности Республики Казахстан». Его положения конкретизируются «Едиными требованиями в области информационно-коммуникационных технологий и информационной безопасности», устанавливающими обязательные требования для государственных органов и организаций с государственным участием.

Наряду с этим, существенное значение имеет Закон «О персональных данных и их защите», который подробно регламентирует порядок обработки конфиденциальной информации о физических лицах. Данный закон определяет условия получения информированного согласия от субъектов персональных данных, устанавливает ограничения на сроки хранения такой информации и возлагает на операторов обязанность по применению сертифицированных средств защиты.

Особое внимание также уделяется процедурам уведомления уполномоченного органа о выявленных фактах нарушений, что формирует основу для механизма оперативного реагирования на возникающие инциденты².

По состоянию на сегодняшний день ситуация в сфере защиты персональных данных стала одним из ключевых факторов социальной обеспокоенности в Казахстане, влияющих на эффективность обеспечения информационной безопасности государства. Особенно это стало заметно на фоне событий последних лет, когда практически ежеквартально в медиапространстве стали говорить об утечках конфиденциальных данных казахстанцев [3].

Уголовное законодательство РК предусматривает ответственность за несанкционированный доступ, незаконное присвоение, уничтожение и изменение информации, нарушение функционирования ИС, кибермошенничество, а также создание, распространение и использование вредоносного программного обеспечения.

В связи с этим перед наукой и правоприменительной практикой стоит задача объяснить особенности современной киберпреступности, спрогнозировать ее уровни с целью создания эффективного инструментария поиска и обработки различных информационных данных [4].

Административное регулирование в сфере информационной безопасности осуществляется статьями 637-641 КоАП РК. В частности, статья 641 устанавливает ответственность за нарушение правил эксплуатации ИС, возлагая ее в т.ч. на субъектов, специально уполномоченных обеспечивать безопасность³.

Примечательно, что в законодательстве ряда стран аналогичные нарушения квалифицируются как уголовные преступления, однако мера ответственности за них варьируется.

Осознавая глобальный масштаб киберугроз, государства, в том числе Узбекистан, активно разрабатывают специализированное законодательство. Ядром уголовно-правового реагирования Республики Узбекистан (далее – РУз) на нарушения в цифровой сфере с 1994 года является статья о нарушении правил информатизации (первоначально ст. 174 Уголовного кодекса (далее – УК), ныне ст. 278¹ УК РУз). Ее включение демонстрирует прогрессивность и своевременность подхода законодателя. Эта норма, устанавливающая уголовную ответственность за причинение существенного вреда из-за несоблюдения правил создания и эксплуатации ИС, легла в основу главы о компьютерных преступлениях (2007 г.), расширившей перечень криминализированных деяний. Параллельно, для менее опасных проступков, в Кодекс об административной ответственности введена статья 155. Внесенные в 2024 году дополнения в уголовное законодательство (ст.ст. 278⁸-278⁹), касающиеся противоправных деяний в сфере криптовалютных технологий, свидетельствуют о формировании сбалансированной модели. Данная модель включает в себя как репрессивные и превентивные меры, так и нормы, ориентированные на защиту национального цифрового суверенитета⁴.

Одним из направлений реформирования признается применение опыта стран с более

² О защите персональных данных и их защите: закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm>.

³ Об административных правонарушениях: кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: от 22 сент. 1994 г. № 2012-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110.

развитой системой права в сфере информатизации, что включает введение уголовной ответственности за системные нарушения правил эксплуатации ИС и установление критериев «крупного ущерба» с учетом затрат на восстановление данных и упущенной выгоды.

Уголовное законодательство Российской Федерации (далее – РФ) четко выделяет ответственность за нарушение установленных правил эксплуатации и доступа в сфере компьютерной информации и сетей. Общая норма (ст. 274 УК РФ) предусматривает наказание за такие нарушения, повлекшие крупный ущерб или тяжкие последствия. При этом для наиболее важных объектов критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) введена отдельная, значительно более строгая норма (ст. 274.1 УК РФ). Она специально предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации и доступа к системам КИИ, повлекшее причинение вреда, устанавливая за это максимально суровые наказания вплоть до 10 лет лишения свободы⁵.

Уголовное законодательство Республики Беларусь (далее – РБ) устанавливает ответственность за нарушение правил эксплуатации компьютерных систем и сетей (ст. 355 УК РБ). Данная норма предусматривает наказание за причинение существенного вреда в виде ущерба информационной безопасности, финансовых потерь или сбоев в работе систем, при этом санкция предусматривает штраф, исправительные работы или ограничение свободы до двух лет. В случае тяжких последствий применяется квалифицированный состав с наказанием до семи лет лишения свободы. Особенностью является ограниченный круг субъектов – лица, имеющие правомерный доступ к системам (администраторы, ИТ-специалисты), что отражает принцип повышенной ответственности и дифференциации наказаний⁶.

Таким образом, конструкция статьи 355 УК РБ демонстрирует сбалансированный подход к криминализации рассматриваемых деяний, сочетая превентивную функцию уголовного закона с требованием соразмерности наказания степени общественной опасности содеянного.

Статьи 362 и 363 УК Украины имеют свои определенные особенности в установлении уголовной ответственности за правонарушения в сфере компьютерной информации и эксплуатации ИС. Данные нормы демонстрируют относительно менее строгий подход законодателя в отношении лиц, обладающих правом доступа к информации или ответственных за эксплуатацию систем, нежели уголовное законодательство ряда зарубежных стран.

Статья 362 УК Украины предусматривает ответственность за несанкционированное воздействие на компьютерную информацию лицом, имеющим к ней правомерный доступ. Часть 1 охватывает модификацию, уничтожение или блокирование информации и предусматривает штраф либо исправительные работы до двух лет без лишения свободы. Часть 2 устанавливает ответственность за неправомерный перехват или копирование информации, повлекшие ее утечку, с возможностью лишения свободы до трех лет и дополнительного лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. При наличии квалифицирующих признаков, включая повторность, совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или причинение значительного ущерба, наказание ужесточается до лишения свободы на срок от трех до шести лет.

Статья 363 УК Украины предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации компьютерных систем, сетей электросвязи или защиты обрабатываемой в них информации, если деяние совершено лицом, ответственным за эксплуатацию, и повлекло существенный вред. Особенностью данной нормы является отсутствие такого наказания за данные деяния, как лишение свободы даже при наступлении существенного вреда. В качестве

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 09 июня 1999 г. № 275-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.

наказания предусмотрены штраф, пробационный надзор или ограничение свободы до трех лет с возможным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Состав правонарушения является материальным, поскольку обязательным условием ответственности выступает наступление существенного вреда. Такой подход свидетельствует о менее строгой уголовно-правовой реакции по сравнению с нарушениями правил безопасности в иных критических сферах⁷.

На основе Директивы (ЕС) 2018/1972 (Европейский кодекс электронных коммуникаций) государства-члены обязаны установить эффективные механизмы ответственности за несоблюдение требований безопасности, включая принудительные меры и санкции. Директива прямо требует от государств-членов создать национальные правовые механизмы, обеспечивающие соблюдение правил безопасности.

Это включает:

1. Наделение компетентных органов широкими надзорными и принудительными полномочиями (проверки, предписания, запрос информации, обязательные аудиты, расследования).

2. Обязательное введение мер ответственности (административные или иные санкции) для операторов, которые:

- не принимают надлежащих технических и организационных мер безопасности;
- не уведомляют своевременно о значительных инцидентах;
- не информируют пользователей о существенных угрозах;
- не выполняют законные предписания компетентных органов⁸.

Таким образом, Директива не просто устанавливает правила безопасности, но императивно обязывает государства-члены обеспечить их соблюдение через национальные системы принуждения и ответственности. Конкретная форма санкций определяется национальным законодательством.

Сравнительный анализ показал, что во всех рассмотренных правовых системах охраняются безопасность информации и информационных систем, а субъектом нарушения правил эксплуатации, как правило, выступает лицо, имеющее правомерный доступ к системе или ответственное за ее эксплуатацию. Уголовная ответственность преимущественно связывается с наступлением существенного вреда или иных тяжких последствий. Казахская модель отличается отсутствием самостоятельного уголовно-правового состава за нарушение правил эксплуатации информационных систем.

Обсуждение. Основное различие заключается в характере юридической реакции на последствия нарушения. Поэтому криминализация таких деяний должна предусматривать ответственность не за формальное нарушение правил, а за нарушение, совершенное специальным субъектом и повлекшее общественно опасные последствия.

В условиях конкурентного рынка коммерческие организации нередко отдают приоритет скорости вывода цифровых продуктов на рынок и снижению издержек, откладывая внедрение комплексных мер кибербезопасности на поздние этапы разработки. Исследователи указывают, что недостаточная определенность механизмов юридической ответственности за уязвимости ИС фактически снижает мотивацию субъектов цифрового рынка к реализации принципа «*security by design*», что, в свою очередь, способствует росту числа цифровых инцидентов и нарушений информационной безопасности [5].

⁷ Уголовный кодекс Украины: от 05 апр. 2001 г. № 2341-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&pos=3336;-57#pos=3336;-57.

⁸ Consolidated text: Directive (EU) 2018/1972 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 establishing the European Electronic Communications Code [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02018L1972-20181217>.

Высокий уровень цифровизации упрощает получение гражданами услуг, позволяя им избегать сложных и длительных бюрократических процедур, но предполагаемый массированный сбор данных, в том числе персонального характера, в совокупности с недостаточным контролем за сбором и обработкой такой информации способствует многочисленным утечкам данных [6].

Анализ показывает, что правовое регулирование подобных правонарушений зависит от страны. В РК сегодня особенно значим перенос повседневности в цифровое пространство. Гарантировать безопасность в этой области – прямая задача специально назначенных уполномоченных лиц и ведомств.

Ответственность субъектов за нарушения информационной безопасности играет ключевую роль в правовом регулировании ИТ-сферы. Хотя за несоблюдение требований по защите данных предусмотрена дисциплинарная, гражданская и административная ответственность, действующее законодательство не устанавливает уголовного наказания за такие нарушения.

В научной литературе подчеркивается, что стремительное развитие цифровых технологий сопровождается пропорциональным ростом киберугроз, что объективно требует совершенствования нормативно-правовой базы в сфере кибербезопасности. В частности, в исследовании зарубежных авторов отмечается, что увеличение масштабов цифровых рисков обуславливает необходимость модернизации уголовного законодательства, а также разработки новых механизмов юридической ответственности за противоправные деяния в цифровой среде [7].

В научной литературе отсутствует единый подход к пределам уголовно-правового вмешательства в цифровой сфере. Исследователи подчеркивают необходимость правовой определенности и четкого установления признаков криминализируемого деяния [8], а казахстанские авторы — адаптации зарубежного опыта к национальному законодательству [9]. Полученные результаты соответствуют этим подходам: уголовная ответственность связывается со специальным субъектом и наступлением юридически значимых последствий. Однако стоит отметить, что хотя законодательство РК предусматривает различные меры ответственности за нарушения в информационной сфере, УК РК не содержит отдельной статьи, предусматривающей ответственность именно за несоблюдение правил информатизации. Отсутствие прямой нормы частично компенсируется иными положениями УК.

Статья 207 УК РК нацелена на умышленные деяния, приведшие к сбою работы ИС. Отягчающими обстоятельствами являются нарушения на критической инфраструктуре, группой лиц или с тяжкими последствиями. Объектом преступления является защита общественных отношений в сфере безопасности ИС (целостность, конфиденциальность) и интересов владельцев.

Статья 210 УК РК фокусируется на создании или изменении вредоносного ПО, предназначенного для незаконного воздействия на данные или работу систем или устройств. Особо выделяются случаи злоупотребления служебным положением для доступа к критическим ресурсам.

Административная ответственность за несоблюдение единых требований в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и информационной безопасности РК прямо установлена законодательством РК. В частности, пункт 2 части 1 статьи 641 КоАП РК предусматривает санкции за нарушение обязательных стандартов и правил, утвержденных в области ИКТ и защиты информации. Единые требования представляют собой нормативно закреплённый комплекс мер и правил, направленных на обеспечение безопасности, совместимости и надежности ИС и инфраструктуры на национальном уровне. Таким образом, любое отступление субъектов от предписанных данных требований при осуществлении

деятельности, связанной с ИКТ или обработкой информации, является самостоятельным составом административного правонарушения по указанной статье, независимо от наступления вредных последствий.

Заключение. Учитывая вышеуказанное, хотелось бы отметить, что отечественное законодательство нуждается в доработке в части установления уголовной ответственности за нарушения законодательства сфере информатизации.

Статья 641 КоАП РК предусматривает ответственность за нарушение обязательных требований, однако не охватывает случаи причинения существенного общественно опасного вреда. Зарубежный опыт показывает, что разграничение административной и уголовной ответственности основывается прежде всего на тяжести последствий и особенностях субъекта. Поэтому криминализация таких деяний должна учитывать их общественную опасность, правовую определенность и соразмерность. С учетом выявленного пробела в правовом регулировании целесообразно инкорпорировать часть 1 пункта 2 статьи 641 КоАП РК в УК, сформулировав ее в следующей редакции: *«Нарушение правил эксплуатации информационных систем или сетей лицом, имеющим доступ к данной системе или сети, если это повлекло по неосторожности уничтожение, блокирование либо модификацию компьютерной информации, – относится к категории преступлений небольшой тяжести».*

Состав данной статьи должен быть материальным, с квалифицирующим признаком в виде крупного или особо крупного ущерба. Под ущербом следует понимать не только прямые потери, но и упущенную выгоду, расходы на восстановление систем и данных, а также затраты на внедрение нового программного обеспечения. Введение нормы в УК РК (в виде статьи 207-1 УК РК) обеспечит восполнение пробела в уголовно-правовой охране информационной безопасности и будет соответствовать международным тенденциям развития законодательства в условиях цифровизации.

Список использованной литературы:

1. Khan, W.N. Is Cybersecurity a Social Responsibility? / W.N. Khan, J.K. Lee, S. Liu // Information Systems Frontiers. – 2025. – Vol. 27. – Pp. 1367-1391.
2. Balagopal, N. Exploring the factors influencing information security policy compliance and violations: A systematic literature review / N. Balagopal, S.K. Mathew // Computers & Security. – 2024. – Vol. 147. – 104062.
3. Ерболатов, Е.Е. Проблемы и перспективы правового регулирования обработки биометрических данных / Е.Е. Ерболатов, С.К. Жетписов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 4 (34). – С. 26-36.
4. Smith, G.J.D. The challenges of doing criminology in the big data era: towards a digital and data-driven approach / G.J.D. Smith // British Journal of Criminology. – 2017. – Vol. 57. Iss. 2. – Pp. 259-274.
5. Kianpour, M. More than malware: unmasking the hidden risk of cybersecurity regulations / M. Kianpour, S. Raza // Int. Cybersecur. Law Rev. – 2024. – № 5. – Pp. 169-212.
6. Амиров, А.М. Состояние и перспективы применения цифровых технологий в борьбе с преступностью / А.М. Амиров, А.В. Сырбу // «Хабаршы-Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2025. – № 1 (87). – С. 278-284.
7. E. Ok, J. Aria, D. Jose, C. Diego. The Impact of Cybersecurity Laws on Legal Procedures and Case Law. – 2025 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.scribd.com/document/950227063/bymostaphar2?utm_source=chatgpt.com.
8. Ауешова, Б.Т. Comparative analysis of the legislative experience of the Republic of Kazakhstan and foreign countries in the field of criminal law protection of information security / Б.Т. Ауешова, А.А. Утенова, Г.К. Изтурганова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2025. – № 1 (80). – С. 135-146.
9. Qin, X. Three Important Issues in the Legislation of Cyber Data Crime / X. Qin // Journal of Beijing Institute of Technology (Social Sciences Edition). – 2024. – Vol. 26, No. 1. – Pp. 140-147.

References:

1. Khan, W.N. Is Cybersecurity a Social Responsibility? / W.N. Khan, J.K. Lee, S. Liu // Information Systems Frontiers. – 2025. – Vol. 27. – Pp. 1367-1391.
2. Balagopal, N. Exploring the factors influencing information security policy compliance and violations: A systematic literature review / N. Balagopal, S.K. Mathew // Computers & Security. – 2024. – Vol. 147. – 104062.
3. Erbolatov, E.E. Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya obrabotki biometricheskikh dannyh / E.E. Erbolatov, S.K. Zhetpisov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 4 (34). – S. 26-36.
4. Smith, G.J.D. The challenges of doing criminology in the big data era: towards a digital and data-driven approach / G.J.D. Smith // British Journal of Criminology. – 2017. – Vol. 57. Iss. 2. – Pp. 259-274.
5. Kianpour, M. More than malware: unmasking the hidden risk of cybersecurity regulations / M. Kianpour, S. Raza // Int. Cybersecur. Law Rev. – 2024. – № 5. – Pp. 169-212.
6. Amirov, A.M. Sostojanie i perspektivy primeneniya cifrovyyh tehnologij v bor'be s prestupnost'ju / A.M. Amirov, A.V. Syrbu // «Habarshy-Vestnik» Karagandinskoy akademii MVD RK im. B. Bejsenova. – 2025. – № 1 (87). – S. 278-284.
7. E. Ok, J. Aria, D. Jose, C. Diego. The Impact of Cybersecurity Laws on Legal Procedures and Case Law. – 2025 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://ru.scribd.com/document/950227063/bymostaphar2?utm_source=chatgpt.com (data obrashheniya: 27.08.2026).
8. Aueshova, B.T. Comparative analysis of the legislative experience of the Republic of Kazakhstan and foreign countries in the field of criminal law protection of information security / B.T. Aueshova, A.A. Utenova, G.K. Izturganova // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazakhstan. – 2025. – № 1 (80). – S. 135-146.
9. Qin, X. Three Important Issues in the Legislation of Cyber Data Crime / X. Qin // Journal of Beijing Institute of Technology (Social Sciences Edition). – 2024. – Vol. 26, No. 1. – Pp. 140-147.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Алихан Ержанұлы Сарбасов – М. Есболатов атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі Алматы академиясының қылмыстық құқық және криминология кафедрасының оқушысы, ұлттық қауіпсіздік және әскери істер магистрі, e-mail: alihosarbas@gmail.com, orcid.org/0009-0008-4725-4776.

Сарбасов Алихан Ержанович – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Алматинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Есбулатова, магистр национальной безопасности и военного дела, e-mail: alihosarbas@gmail.com, orcid.org/0009-0008-4725-4776.

Sarbassov Alikhan Erzhanovich – Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology at the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Yesbulatov, Master of National Security and Military Affairs, e-mail: alihosarbas@gmail.com, orcid.org/0009-0008-4725-4776.

В.В. Хасанова^{1*}, А.Р. Шегебаева²

¹*Актюбинский юридический институт Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Букенбаева,
г. Актюбе, Республика Казахстан*

²*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АНАЛИЗ, КЛАССИФИКАЦИЯ, МЕРЫ УГОЛОВНО- ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются основные параметры характеристики уголовных правонарушений против информационной безопасности несовершеннолетних, а также обосновывается методология теоретической и практико-ориентированной классификации посягательств данного вида. Отсутствие в казахстанском уголовном законе самостоятельной группы (групп) уголовных правонарушений, связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних, расценивается как заметный пробел.

С учетом темпов возрастания роли информационно-коммуникационного фактора в криминальной детерминации и поведении обоснована практическая целесообразность и востребованность обособления отдельной группы (групп) уголовных правонарушений, связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних. При этом за основу принята позиция, что сопоставление понятия «информационная безопасность» только с фактором информационно-коммуникационного воздействия исключает из сферы исследования и учета значительную группу уголовных правонарушений данного вида.

Ключевые слова: информационная безопасность; несовершеннолетний; уголовное правонарушение; информационное воздействие; объект преступления; классификация; сепарирование; виктимологическая профилактика; особые требования; посткриминальная стадия.

В.В. Хасанова¹, А.Р. Шегебаева²

¹*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Бөкенбаев атындағы Ақтөбе заң институты,
Ақтөбе қ., Қазақстан Республикасы*

²*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРДЫҢ АҚПАРАТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІГІНЕ ҚАРСЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАР: ТАЛДАУ, ЖІКТЕУ, ҚЫЛМЫСТЫҚ- ҚҰҚЫҚТЫҚ ШАРАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада кәмелетке толмағандардың ақпараттық қауіпсіздігіне қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтарды сипаттайтын негізгі параметрлер зерттеліп, осы түрдегі қол сұғушылықтарды теориялық және практикалық-бағдарлы жіктеудің әдіснамасы негізделді. Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасында кәмелетке толмағандарға теріс ақпараттық ықпал етумен байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтардың дербес тобының (топтарының) болмауы елеулі олқылық ретінде бағаланады.

Қылмыстық детерминация мен мінез-құлықтағы ақпараттық-коммуникациялық фактор рөлінің арту қарқынын ескере отырып, кәмелетке толмағандарға теріс ақпараттық ықпал етумен байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтардың жеке тобын (топтарын) бөліп қарастырудың практикалық тұрғыдан орындылығы мен қажеттілігі негізделді. Бұл ретте «ақпараттық қауіпсіздік» ұғымын тек ақпараттық-коммуникациялық ықпал ету факторымен байланыстыру осы түрдегі қылмыстық құқық бұзушылықтардың елеулі тобын зерттеу және есепке алу аясынан тыс қалдырады деген ұстаным негізге алынады.

Түйінді сөздер: ақпараттық қауіпсіздік; кәмелетке толмаған адам; қылмыстық құқық бұзушылық; ақпараттық ықпал ету; қылмыстық құқық бұзушылық объектісі; жіктеу; бөліп қарастыру; виктимологиялық профилактика; ерекше талаптар; посткриминалдық кезең.

V.V. Khassanova¹, A.R. Shegebayeva²

¹The Aktobe Law Institute The Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev, Aktobe, the Republic of Kazakhstan

²The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, the Republic of Kazakhstan

CRIMINAL OFFENSES AGAINST THE INFORMATION SECURITY OF MINORS: ANALYSIS, CLASSIFICATION, AND CRIMINAL-LAW RESPONSE MEASURES

Abstract. The article examines the main parameters characterizing criminal offenses against information security of minors and substantiates the methodology for theoretical and practice-oriented classification of this type of encroachment. The absence in the Kazakh criminal law of an independent group (groups) of criminal offenses related to negative information influence on minors is regarded as a significant gap. Considering the increasing role of the information and communication factor in criminal determination and behavior, the practical feasibility and demand for separating a distinct group (groups) of criminal offenses related to negative information influence on minors are substantiated.

At the same time, the article adopts the position that comparing the concept of «information security» only with the factor of information and communication influence excludes a significant group of criminal offenses of this type from the scope of research and consideration.

Keywords: information security; minor; criminal offense; information impact; crime object; classification; separation; victimological prevention; special requirements; post-criminal stage.

Введение. В контексте уголовно-правового механизма обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних достаточно сложно определиться с кругом деяний, криминализированных действующим уголовным законодательством, которые можно отнести к релевантной группе общественно опасных посягательств, в качестве объекта которых выступает именно информационная безопасность несовершеннолетних. При этом данный самостоятельный объект уголовно-правовой охраны вообще не обособляется в структуре Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК). Вместе с тем в статье 3 УК РК сконструирован ряд перечней составов уголовных правонарушений, которые вне достаточно статичной структуры УК РК, основанной на категории «родовой объект преступления», образуют самостоятельные общности деяний, объединенные неким внеструктурным объектом (данный термин вполне обоснованно введен в научный оборот казахстанским исследователем Ж.Б. Жолжаксыновым) [1; 91].

В уголовно-правовой теории категория объекта преступления по-прежнему остается одной из наиболее изучаемых, что совершенно обоснованно: объект преступления является базовой категорией, определяющей качественную характеристику того или иного уголовно-правового запрета. В этом смысле показательным является исследование В.В. Мальцева, в котором раскрывается значение объекта преступления для конструирования различных видов составов преступлений [2]. С.И. Улезько предложил категорию «интегрированный объект», призванную отразить объединение в рамках одной структурной единицы уголовного закона весьма разнородных по своему характеру деяний [3; 110]. Вместе с тем ранее упомянутый «внеструктурный объект» определяется тем, что он формируется не в контексте структуры уголовного закона, а по совершенно иным параметрам объединения деяний в группы, что стало весьма характерным для казахстанского уголовного закона.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормы уголовного и иного законодательства РК, регулирующие вопросы информационной безопасности, защиты несовершеннолетних от вредоносной информации и профилактики правонарушений; официальные статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК о несовершеннолетних потерпевших за 2025 год; отечественная и

зарубежная научная литература по вопросам трактовки объекта преступления, понятия информационной безопасности несовершеннолетних, онлайн-рисков, кибербуллинга, виктимизации и посткриминальной защиты несовершеннолетних потерпевших.

Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный, статистический методы, а также методы доктринального анализа, классификации, типологизации. Формально-юридический метод позволил предметно исследовать нормы действующего УК РК, касающиеся уголовно-правовых запретов в отношении негативного информационного воздействия на несовершеннолетних и сформулировать предложения по дополнению редакции статьи 98-3 УК РК; системно-структурный метод дал возможность подкрепить уголовно-правовые вопросы психолого-криминологическими и иными аспектами; доктринальный анализ применялся при исследовании современных теоретических подходов к формированию действенного механизма предупреждения и посткриминальной защиты несовершеннолетних, пострадавших от негативного информационного воздействия. Методы классификации и типологизации дали возможность обосновать самостоятельные группы уголовных правонарушений, связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних, для их включения в структуру статьи 3 УК РК.

Результаты, обсуждение. К настоящему времени казахстанский законодатель в статье 3 УК РК сконструировал следующие группы уголовных правонарушений, объединенных именно «внеструктурным» объектом: 1) преступления, связанные с торговлей людьми (п. 1-1); 2) преступления, связанные с насилием в отношении несовершеннолетних (п. 18-1); 3) коррупционные преступления (п. 29); 4) террористические преступления (п. 40); 5) экстремистские преступления (п. 39); 6) преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (п. 42)¹. В этой связи есть все основания для постановки вопроса о формировании самостоятельного перечня уголовных правонарушений, связанных с посягательствами на информационную безопасность несовершеннолетних, особенно если он будет способствовать определенной систематизации мер уголовно-правового воздействия. Так, к примеру, отдельные вопросы «информационного дистанцирования» уже поднимались в работах казахстанских исследователей, однако они касаются преимущественно частных вопросов посткриминальных практик [4; 17].

Последовательный анализ норм уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что к перечню преступлений, связанных с посягательством на информационную безопасность несовершеннолетних, может быть отнесено значительное количество составов преступлений. Для удобства восприятия и оценки данный перечень можно ранжировать по специфике негативной информации и ее последствиям для потерпевшего: 1) информация, способствующая деликтолизации и (или) криминализации несовершеннолетнего лица (ст.ст. 132, 133, 134, 299, 299-1, 312, 404 УК РК); 2) информация, приводящая к психическому напряжению, психологической фрустрации, в т.ч. к проявлению различных форм аутоагрессии (ст.ст. 105, 119, 140, 141, 313-1 УК РК); 3) информация, формирующая у несовершеннолетних лиц различные формы социально-деструктивного мышления и поведения (ст.ст. 174, 179, 180, 182, 183, 256, 259 УК РК); 4) информация, оказывающая негативное воздействие на нравственные основы личности несовершеннолетнего лица (ст.ст. 121-1, 124, 144; 313, 316 УК РК). В приведенной классификации следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что негативное информационное воздействие усматривается не только в деяниях, механизм которых предполагает использование информационно-коммуникационных ресурсов, но и в тех посягательствах, которые совершаются в режиме оффлайн. Кроме того, за основу принимается

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=31575252.

также выраженная негативная «сигнальная» функция целого ряда форм криминального поведения, то есть уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних рассматривается в широком аспекте.

Как показывает анализ зарубежных источников по рассматриваемому вопросу, классификация посягательств на информационную безопасность несовершеннолетних преимущественно базируется на криминологическом критерии, нежели на формализованном определении составов преступлений в уголовном законе. В частности, через категорию онлайн-рисков для детей выделяют сексуализированное и иное агрессивное воздействие, а в рамках видовой дифференциации – кибербуллинг, «контакт с незнакомцем», сексуализированную переписку (sexting), порнографию [5]. В некоторых публикациях осуществляется сопоставление сексуализированного воздействия и кибербуллинга [6], в других приводится развернутая типологизация кибербуллинга на следующие виды: публикация враждебных, запугивающих сообщений (flaming или roasting); оскорбительное преследование (harassment); унижение (denigration); распространение порочащих сведений (defamation); разглашение личной информации (outing); оскорбительные шутки (jokes); онлайн-сексуальные домогательства; навязчивое онлайн-преследование (cyberstalking) [7]. На базе рисков строится также иная классификация, ориентированная на младшие возрастные группы: просмотр неприемлемого или «взрослого» контента, кибербуллинг, взаимодействие с незнакомцами, доступ к материалам и играм, не соответствующим возрасту, ненадлежащий маркетинг, давление с целью понуждения к передаче фото или личных сведений, а также иные формы негативного «интернет-опыта» [8]. При этом прямо отмечается, что наиболее разработаны к настоящему времени вопросы сексуализированного онлайн-воздействия, остальные формы по-прежнему остаются недостаточно ранжированными [9].

Однако ранее отмеченная практика казахстанского законодателя все-таки представляется более удачным решением вопроса. При этом следует определиться с понятием «информационная безопасность», поскольку, несмотря на значительное количество источников по вопросам защиты несовершеннолетних, данный термин нечасто подвергается авторской дефиниции. Большинство исследований, касающихся информационной безопасности несовершеннолетних, ориентированы преимущественно на оценку воздействия информационно-коммуникационных ресурсов, включая сеть Интернет. Действительно, массовое информационное воздействие потенциально более опасно, но только исключительно в контексте количественного фактора потенциальных пострадавших; однако информационное воздействие офлайн обладает собственными параметрами общественной опасности, которые применительно к конкретной ситуации могут представлять собой даже более опасные формы.

В большинстве теоретических исследований термин «информационная безопасность несовершеннолетних» определяется через категорию «состояние защищенности» [10; 181]; [11; 18], а отличаются данные определения в основном описательным конструктом. В отдельных исследованиях понятия информационной безопасности несовершеннолетних вообще используются как обобщенные дефиниции, не учитывающие специфику подростковой ментальности [12; 274]. В соответствии с пунктом 5 статьи 4 Закона РК № 527-IV от 6 января 2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан» информационная безопасность определяется как «состояние защищенности информационного пространства Республики Казахстан, а также прав и интересов человека и гражданина, общества и государства в информационной сфере от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое развитие и информационная независимость страны»². Понятие «информационная

² О национальной безопасности Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 6 янв. 2012 г. № 527-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527>.

безопасность» используется также и в пункте 7 статьи 1 Закона РК № 418-V «О кибербезопасности», однако в данном случае предполагается исключительно технологический аспект³. В специальном законодательном акте, касающемся вопросов защиты детей от вредоносной информации, указано, что «информационная безопасность детей» должна оцениваться как «обеспечение защиты прав и законных интересов детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴. Таким образом, объединяющим признаком во всех этих определениях является акцент на том, что информационная безопасность несовершеннолетних представляет собой состояние защищенности от вредоносного информационного воздействия (в Законе РК № 169-VI от 2 июля 2018 г. понятие оценивается как некий механизм, однако в рамках анализируемого аспекта все-таки более релевантно понимание именно как состояния защищенности).

По результатам проведенного исследования более верным и полным определением понятия «информационная безопасность» представляется следующее: *совокупность инструментов, разработанных и применяемых для обеспечения сепарирования несовершеннолетних лиц от информации негативно-деструктивного свойства, определения круга лиц, ответственных за нарушение запретов, связанных с информационным воздействием на несовершеннолетних лиц, а также для последующих восстановительно-реабилитирующих мероприятий в отношении лица, пострадавшего от данного воздействия*. При отсутствии претензий на универсальность данного определена, следует отметить отдельные значимые признаки, которые существенным образом отличают его от всех ранее приведенных: 1) указание именно на сепарирование несовершеннолетних от вредоносной информации, что гораздо конкретнее отражает специфику соответствующего механизма, нежели обобщенный термин «защита», поскольку требуется именно сепарация, а не осуществление иных мероприятий защитного характера (разъяснение, подготовка к восприятию, формирование устойчивости и т.д.); 2) акцент на том, что информационная безопасность предполагает также и выявление лиц, которые своим общественно опасным поведением допустили нарушение благополучия несовершеннолетнего лица; 3) в понятие информационной безопасности включаются также меры посттравматической поддержки несовершеннолетнего лица.

Возвращаясь к ранее представленной классификации, следует отметить, что все включенные в нее составы могут быть одновременно поделены на 2 большие группы, которые уже могут подвергаться более предметной оценке именно с точки зрения применения тех или иных защитных правовых механизмов. Критерием данной группировки будет выступать такой признак, как адресность или неопределенность информационного воздействия. Исходя из данного критерия к первой группе (адресного информационного воздействия) должны быть отнесены статьи 105, 115-1, 119, 121-1, 132, 133, 134, 140, 141, 144, 259, 299, 299-1 УК РК (ст. 316 УК РК также в целом, может быть отнесена к данной группе). Остальные уголовные правонарушения, включенные в сконструированный ранжированный перечень, следует отнести к деяниям, оказывающим негативное информационное воздействие в отношении неопределенного круга лиц.

В рамках данной статьи не ставится задача сопоставления понятий «потерпевший» и «жертва», поскольку в теории уже сложился консенсус относительно более широкого объема второго понятия. Если же обратиться к статданным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК по потерпевшим в рамках представленного перечня за 2025 год, то по статьям 115-1, 133, 144, 259, 299, 299-1, 316 УК РК данные по

³ О кибербезопасности: закон Республики Казахстан от 24 нояб. 2015 г. № 418-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418>.

⁴ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: закон Республики Казахстан от 2 июля 2018 г. № 169-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000169>.

количеству потерпевших несовершеннолетних представлены нулевыми показателями (при этом по ст. 316 УК РК вопрос об установлении потерпевшего вообще является неоднозначным). В контексте статей 121-1, 124, 132, 134, 140, 141, исходя из характера посягательств, в качестве потерпевших выступают исключительно несовершеннолетние. По иным статьям пропорциональные данные представлены следующим образом (первая цифра – количество, в скобках – процент по отношению к общему количеству пострадавших физических лиц): статья 105 – 80 (21,4%); статья 119 – 4 (3,1%)⁵. Учитывая то обстоятельство, что общий процент потерпевших-несовершеннолетних за 2025 год составил чуть менее 4%, следует признать, что в рамках статьи 105 УК РК показатель является критически высоким.

Специфика составов, которые включают деяния, сопряженные с негативным информационным воздействием на неопределенный круг лиц, заключается в том, что в каждом конкретном случае будет достаточно сложно установить, имеются ли пострадавшие от этих действий из числа несовершеннолетних. В связи с этим в данном случае уголовно-правовые меры противодействия ограничиваются самим законодательным запретом, а весь спектр профилактических мероприятий находится в сегменте иных приемов воздействия. При этом казахстанскими авторами высказывается мнение, что для повышенной защиты несовершеннолетних в уголовно-правовой сфере необходимо универсальное указание данного возрастного параметра потерпевшего («несовершеннолетний») в перечне обстоятельств,отягчающих уголовную ответственность и наказание, а не только параметра «малолетний», как имеет место в действующей редакции пункта 7 части 1 статьи 54 УК РК [13; 171]. Совершенно иначе обстоит дело с приведенным перечнем, в рамках которого предполагается адресное негативное информационное воздействие. Анализ механизма любого из деяний, включенных в перечень, приводит к закономерному выводу, что они преимущественно предполагают продолжаемое воздействие (хотя возможны и одноактные действия). В ряде случаев длительность негативно-информационного воздействия может достигать критических величин (в частности, по ст.ст. 105, 115-1, 119, 124 и др.). И в подобных ситуациях между виновным лицом и потерпевшим образуется особое негативное взаимодействие, которое может не прерваться даже по факту обнаружения виновного лица и его привлечения к уголовной ответственности. Конечно же, в посткриминальной стадии воздействие, скорее всего, будет иметь другое содержательное наполнение (например, запугивание, угрозы относительно опровержения ранее данных показаний и т.п.), однако оно по-прежнему будет иметь характер негативного информационного давления.

В контексте анализируемого аспекта обратимся к конструкции статьи 98-3 УК РК, введенной Законом РК от 15 апреля 2024 года № 72-VIII⁶, согласно которой к лицу, признанному виновным, при назначении наказания либо при освобождении от уголовной ответственности или наказания судом могут быть установлены особые требования к поведению на срок от 3 месяцев до 1 года. Данная статья фактически является свидетельством того, что определенный каркас для обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних лиц в посткриминальной стадии имеется. Здесь следует с сожалением констатировать, что в пункте 21 статьи 1 Закона РК № 245-VIII от 30 декабря 2025 года «О профилактике правонарушений» понятие «виктимологическая профилактика» ограничивается указанием на предупреждение рисков стать потерпевшим от преступления, не распространяя его на предупреждение повторной травматизации и виктимизации. Это идет вразрез с устоявшимся пониманием в

⁵ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 11.06.2026).

⁶ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: закон Республики Казахстан от 15 апр. 2024 г. № 72-VIII [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072> (дата обращения: 11.06.2026).

виктимологической науке относительно того, что важна профилактика не только первичной, но вторичной виктимности [14; 54]. В обоснование важности распространения виктимологической профилактики на посткриминальную стадию исследователи в качестве примера приводят в том числе конкретные случаи, когда отсутствие должной защиты приводило к совершению повторного, более тяжкого преступления в отношении того же потерпевшего [15; 19].

Применительно к ранее упомянутой статье 98-3 УК РК обращает на себя внимание формулировка особого требования к поведению в пункте 1 части 1: «вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать потерпевшего, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи»⁷. Здесь обращают на себя внимание следующие обстоятельства: во-первых, соответствующее особое требование к поведению явно ориентировано на случаи семейно-бытового насилия, хотя на это нет соответствующего прямого указания; во-вторых, особо следует обратить внимание на формулировку «вопреки воле потерпевшего», которая применительно к несовершеннолетним потерпевшим едва ли может быть признана удовлетворительной.

В данном случае следует учитывать особые параметры оценки несовершеннолетних в качестве жертв преступлений, в том числе в контексте негативного информационного воздействия. Как на предкриминальной стадии обычно отмечается особая категория виктимности несовершеннолетних в плане негативного информационного воздействия в силу самых различных факторов, обусловленных возрастом, так и в посткриминальном периоде отмечается гораздо большая предрасположенность стать жертвой в будущем [16; 9]. Тема посткриминальной поддержки несовершеннолетних после негативного информационного воздействия (в особенности, преступлений сексуализированного характера, совершенных онлайн) очень активно поднимается в зарубежных публикациях. В частности, отмечается необходимость удаления из сети фото и изображений интимного характера, а также принудительное удаление аккаунта правонарушителя (что, очевидно, должно снизить риски дальнейших контактов) [17]. Интересны также мнения относительно того, что последствия воздействия онлайн часто являются более пролонгированными в посткриминальной стадии, чем последствия от офлайн-посягательств (авторы отмечают, что 72,2% профильных специалистов в противодействии сексуализированному насилию указали на данное обстоятельство) [18]. Заключительный акцент особенно значим в контексте данного теоретического анализа, поскольку он свидетельствует о значимости принятия мер на посткриминальной стадии и может служить основой для формулировки ключевых выводов в рамках данной статьи.

Заключение. Итогом осуществленного в статье анализа являются следующие основные выводы. Во-первых, имеются все основания к тому, чтобы в статье 3 УК РК сформулировать обособленный перечень преступлений, обязательно или потенциально связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних. Во-вторых, статья 98-3 УК РК должна быть дополнена новой частью 1-1 следующего содержания: *«При совершении уголовного правонарушения, сопряженного с негативным информационным воздействием на несовершеннолетнего, если действия виновного лица носили неоднократный характер, устанавливается особое требование к поведению данного лица в виде запрета на любые формы контактов с потерпевшим, независимо от воли последнего».*

⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=31575252.

Список использованной литературы:

1. Жолжаксынов, Ж.Б. Насильственные преступления и пути их предупреждения: дис. ...д-ра философ. (PhD): 6D030300 / Ж.Б. Жолжаксынов. – Караганда, 2019. – 216 с.
2. Мальцев, В.В. Объект преступления в уголовном законодательстве и в теории уголовного права: постановка проблемы / В.В. Мальцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2010. – № 2 (13). – С. 136-145.
3. Улезько, С.И. Основы классификации объекта преступления по вертикали в современном российском уголовном праве / С.И. Улезько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1. – С. 108-111.
4. Базарбаева, А.Б. Пробационный контроль: проблемы теории, законодательства и практики: дис. ... д-ра философ. (PhD): 6D030300 / А.Б. Базарбаева. – Костанай, 2024. – 215 с.
5. Livingstone, S. Annual Research Review: Harms experienced by child users of online and mobile technologies: The nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age / S. Livingstone, et al. // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2014. – № 55 (6). – Pp. 635-654.
6. Copp, J.E. Online sexual harassment and cyberbullying in a nationally representative sample of teens: Prevalence, predictors, and consequences / J.E. Copp, E.A. Mumford, B.G. Taylor // Journal of Adolescence. – 2021. – № 93. – Pp. 202-211.
7. Zhang, W. Cyberbullying definitions and measurements in children and adolescents: Summarizing 20 years of global efforts / W. Zhang, et al. // Frontiers in Public Health. – 2022. – Vol. 10. – Art. 1000504.
8. Gath, M. Digital media in early childhood: risk factors for online harm and psychosocial correlates / M. Gath, C. Swit // Frontiers in Developmental Psychology. – 2024. – Vol. 2. – Art. 1390276.
9. Sampedro-Ferreirós, L. Technology-Facilitated Sexual Violence among Adolescents and Young People: A Systematic Review of Reviews [Электронный ресурс]. / L. Sampedro-Ferreirós, et al. // Adolescent Research Review. – 2026. – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40894-026-00281-x>.
10. Сустина, Т.И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: дис. ...канд. юрид. наук / Т.И. Сустина. – М., 2023. – 234 с.
11. Сеидов, Р.З. Административно-правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети «Интернет»: дис. ...канд. юрид. наук / Р.З. Сеидов. – М., 2025. – 321 с.
12. Дзанагова, М.К. Информационная безопасность несовершеннолетних: понятие и принципы / М.К. Дзанагова, М.М. Бетеева // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 273-274.
13. Филипец, О.Б. Некоторые вопросы ужесточения уголовной ответственности и наказания за посягательства на несовершеннолетних / О.Б. Филипец // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 168-174.
14. Майоров, А.В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности: монография / А.В. Майоров. – Челябинск, 2013. – 182 с.
15. Гарманов, В.М. Значение предупреждения вторичной виктимизации потерпевших в деятельности сотрудников полиции / В.М. Гарманов // Виктимология. – 2015. – № 3 (5). – С. 18-23.
16. Аптикеева, Л.Р. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий / Л.Р. Аптикеева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2020. – № 1 (224). – С. 6-13.
17. Mathews, B. Disclosure of online child sexual victimisation: Findings from the Australian Child Maltreatment Study / B. Mathews, et al. // Child Abuse & Neglect. – 2025. – № 165. – 107493.
18. Hamilton-Giachritsis, C. Technology assisted child sexual abuse: Professionals' perceptions of risk and impact on children and young people / C. Hamilton-Giachritsis, et al. // Child Abuse & Neglect. – 2021. – № 19 (Part 1). – 104651.

References:

1. Zholzhaksynov, Zh.B. Nasil'stvennye prestupleniya i puti ih preduprezhdeniya: dis. ...d-ra filosof. (PhD): 6D030300 / Zh.B. Zholzhaksynov. – Karaganda, 2019. – 216 s.
2. Mal'cev, V.V. Ob'ekt prestupleniya v ugovnom zakonodatel'stve i v teorii ugovnogo prava: postanovka problemy / V.V. Mal'cev // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jurisprudenciya. – 2010. – № 2 (13). – S. 136-145.
3. Ulez'ko, S.I. Osnovy klassifikacii ob'ekta prestupleniya po vertikali v sovremennom rossijskom ugovnom prave / S.I. Ulez'ko // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. – 2011. – № 1. – S. 108-111.
4. Bazarbaeva, A.B. Probacionnyj kontrol': problemy teorii, zakonodatel'stva i praktiki: dis. ... d-ra filosof. (PhD): 6D030300 / A.B. Bazarbaeva. – Kostanaj, 2024. – 215 s.
5. Livingstone, S. Annual Research Review: Harms experienced by child users of online and mobile technologies: The nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age / S. Livingstone, et al. // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2014. – № 55 (6). – Pp. 635-654.
6. Copp, J.E. Online sexual harassment and cyberbullying in a nationally representative sample of teens:

Prevalence, predictors, and consequences / J.E. Copp, E.A. Mumford, B.G. Taylor // *Journal of Adolescence*. – 2021. – № 93. – Pp. 202-211.

7. Zhang, W. Cyberbullying definitions and measurements in children and adolescents: Summarizing 20 years of global efforts / W. Zhang, et al. // *Frontiers in Public Health*. – 2022. – Vol. 10. – Art. 1000504.

8. Gath, M. Digital media in early childhood: risk factors for online harm and psychosocial correlates / M. Gath, C. Swit // *Frontiers in Developmental Psychology*. – 2024. – Vol. 2. – Art. 1390276.

9. Sampedro-Ferreirós, L. Technology-Facilitated Sexual Violence among Adolescents and Young People: A Systematic Review of Reviews [Elektronnyj resurs]. / L. Sampedro-Ferreirós, et al. // *Adolescent Research Review*. – 2026. – Rezhim dostupa: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40894-026-00281-x>.

10. Sustina, T.I. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih v uslovijah cifrovoj transformacii obshhestva: dis. ...kand. jurid. nauk / T.I. Sustina. – M., 2023. – 234 s.

11. Seidov, R.Z. Administrativno-pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih v seti «Internet»: dis. ...kand. jurid. nauk / R.Z. Seidov. – M., 2025. – 321 s.

12. Dzanagova, M.K. Informacionnaja bezopasnost' nesovershennoletnih: ponjatie i principy / M.K. Dzanagova, M.M. Beteeva // *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*. – 2020. – № 3 (183). – S. 273-274.

13. Filipec, O.B. Nekotorye voprosy uzhestochenija ugovnoj otvetstvennosti i nakazaniya za posjagatel'stva na nesovershennoletnih / O.B. Filipec // *Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы*. – 2024. – № 2 (32). – S. 168-174.

14. Majorov, A.V. Konceptual'nye osnovy viktimologicheskogo protivodejstvija prestupnosti: monografija / A.V. Majorov. – Cheljabinsk, 2013. – 182 s.

15. Garmanov, V.M. Znachenie preduprezhdenija vtorichnoj viktimizacii poterpevshih v dejatel'nosti sotrudnikov policii / V.M. Garmanov // *Viktimologija*. – 2015. – № 3 (5). – S. 18-23.

16. Aptikieva, L.R. Posledstvija psihologicheskogo nasiliya dlja raznyh vozrastnyh kategorij / L.R. Aptikieva // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2020. – № 1 (224). – S. 6-13.

17. Mathews, B. Disclosure of online child sexual victimisation: Findings from the Australian Child Maltreatment Study / B. Mathews, et al. // *Child Abuse & Neglect*. – 2025. – № 165. – 107493.

18. Hamilton-Giachritsis, C. Technology assisted child sexual abuse: Professionals' perceptions of risk and impact on children and young people / C. Hamilton-Giachritsis, et al. // *Child Abuse & Neglect*. – 2021. – № 19 (Part 1). – 104651.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Виктория Валентиновна Хасанова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі М. Бөкенбаев атындағы Ақтөбе заң институтының әкімшілік құқық және ПО әкімшілік қызмет кафедрасы бастығының орынбасары, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: vikakiper85@bk.ru, orcid.org/0000-0001-5579-1565.

Хасанова Виктория Валентиновна – заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД Актюбинского юридического института Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Буkenbayeva, магистр юридических наук, e-mail: vikakiper85@bk.ru, orcid.org/0000-0001-5579-1565.

Khassanova Victoriya Valentinovna – Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbayev, Master of Law Sciences, e-mail: vikakiper85@bk.ru, orcid.org/0000-0001-5579-1565.

Айгерім Рысбайқызы Шегебаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының арнайы заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru, orcid.org/0009-0003-1318-3635.

Шегебаева Айгерім Рысбаевна – старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru, orcid.org/0009-0003-1318-3635.

Shegebaeva Aigerim Rysbayevna – Senior Lecturer at the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru, orcid.org/0009-0003-1318-3635.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СОТ-САРАПТАМА ҚЫЗМЕТІ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERTISE

https://doi.org/10.52425/25187252_2026_41_121

УДК 343.98

А.Т. Булатова

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

СИТУАЦИОННО-РОЛЕВОЙ ПОДХОД В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье исследуются особенности следственной деятельности, осуществляемой в условиях ограниченного времени и недостатка информации. Отмечается, что непредсказуемость поведения участников следственных действий может приводить к тактическим ошибкам, что в конечном итоге снижает результативность расследования. Целью исследования является научное обоснование ситуационно-ролевого подхода как концептуальной основы психологического прогнозирования. Автор доказывает, что данный подход выступает эффективным эвристическим средством, позволяющим преодолеть избыточность информации путем интеграции разрозненных признаков личности в укрупненные конструкты – прогностически значимые роли. В ходе работы сделан вывод о том, что использование разработанного алгоритма ролевого моделирования существенно повышает точность прогноза (содействия или противодействия) по сравнению с интуитивными методами. Основные выводы подчеркивают необходимость внедрения научно обоснованных прогностических моделей в практику для минимизации следственных ошибок и оптимизации тактического воздействия на участников расследования.

Ключевые слова: юридическая психология; следственные действия; психологический прогноз; поведение участников; расследование; правосознание.

А.Т. Булатова

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ТЕРГЕУ ӘРЕКЕТТЕРІНЕ ҚАТЫСУШЫЛАРДЫҢ МІНЕЗ-ҚҰЛҚЫН БОЛЖАУДАҒЫ ЖАҒДАЙТТЫҚ-РӨЛДІК ТӘСІЛ

Аннотация. Мақалада уақыттың шектеулілігі және ақпараттың жеткіліксіздігі жағдайында жүзеге асырылатын тергеу қызметінің ерекшеліктері зерттеледі. Тергеу әрекеттеріне қатысушылардың мінез-құлқын алдын ала болжаудың қиындығы тактикалық қателіктерге әкеп соғуы және соның салдарынан тергеп-тексерудің нәтижелілігін төмендетуі мүмкін екені атап өтіледі. Зерттеудің мақсаты – жағдаяттық-рөлдік тәсілді психологиялық болжаудың тұжырымдамалық негізі ретінде ғылыми тұрғыдан негіздеу. Автор аталған тәсіл тұлғаның жекелеген белгілерін неғұрлым ірі құрылымдарға – болжау үшін маңызы бар рөлдерге біріктіру арқылы шамадан тыс ақпарат көлемін ықшамдауға мүмкіндік беретін тиімді эвристикалық құрал екенін негіздейді. Зерттеу барысында әзірленген рөлдік модельдеу алгоритмін қолдану интуитивтік әдістермен салыстырғанда қатысушының тергеп-тексеруге жәрдемдесуі немесе оған қарсы іс-қимыл жасауы жөніндегі болжамның дәлдігін едәуір арттыратыны туралы қорытынды жасалды. Зерттеудің негізгі тұжырымдары тергеу қателіктерін барынша азайту және тергеп-тексеруге қатысушыларға тактикалық ықпал етуді оңтайландыру мақсатында практикаға ғылыми негізделген болжамдық модельдерді енгізу қажеттігін көрсетеді.

Түйінді сөздер: заң психологиясы; тергеу әрекеттері; психологиялық болжам; қатысушылардың мінез-құлқы; тергеп-тексеру; құқықтық сана.

A.T. Bulatova

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

SITUATIONAL-ROLE APPROACH IN PREDICTING THE BEHAVIOR OF PARTICIPANTS IN INVESTIGATIVE ACTIONS

Abstract. The article examines the issue of high information uncertainty and time deficit in investigative activities. Primary attention is focused on the unpredictability of the behavior of participants in investigative actions, which often leads to tactical errors and a decrease in the quality of the investigation. The purpose of the study is the scientific substantiation of the situational-role approach as a conceptual basis for psychological forecasting. The author proves that this approach serves as an effective heuristic tool, allowing the overcoming of information redundancy by integrating disparate personality traits into consolidated constructs – predictively significant roles. In the course of the work, it was concluded that the use of the developed role modeling algorithm significantly increases the accuracy of the forecast (cooperation or opposition) compared to intuitive methods. The main findings emphasize the need to implement scientifically substantiated predictive models into practice to minimize investigative errors and optimize tactical influence on the participants of the investigation.

Keywords: legal psychology; investigative actions; psychological forecast; participant behavior; investigation; legal consciousness.

Введение. Современный этап развития правоохранительной системы характеризуется качественными изменениями преступности, что требует неуклонного повышения уровня профессиональной квалификации сотрудников. Так, по данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, только за январь-октябрь 2025 гг. количество преступлений в сфере информатизации и связи выросло на 86,1% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, а число лиц, их совершивших, увеличилось в 4,3 раза¹, что наглядно иллюстрирует стремительную трансформацию криминальной среды и обуславливает актуальность совершенствования прогностического инструментария следователя.

Профессиональная деятельность по расследованию преступлений представляет собой целенаправленный процесс восстановления прошлого события по следам, обнаруженным в настоящем. В рамках этого процесса контакт следователя с участниками следственных действий является центральным элементом, определяющим успех установления истины. Одной из наиболее сложных задач, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов, является необходимость предвидеть реакции и действия лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса. Следственная деятельность протекает в условиях высокой степени информационной неопределенности, активного противодействия со стороны заинтересованных лиц и постоянного дефицита времени. В таких обстоятельствах следователь часто не имеет возможности в полной мере изучить психологические особенности участников следственных действий и объективно оценить их возможное поведение [1]. Это неизбежно ведет к совершению тактических ошибок, снижению качества расследования и нарушению прав участников процесса [2].

Проблематика рассматриваемого вопроса крайне актуальна и обусловлена тем, что в условиях жестких временных рамок психологический прогноз поведения участников следственных действий часто носит «случайный» характер. Недостаточная психологическая компетентность отдельных сотрудников и медленное внедрение научных знаний в практику досудебного производства создают существенный разрыв между возможностями юридической психологии и реальными потребностями следствия [3; 218]. Также необходимо преодолеть информационную избыточность путем разработки алгоритмов, позволяющих следователю «экономно» осуществлять прогноз [1]. В юридической психологии проблема построения

¹ Как Казахстан борется с киберпреступностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inform.kz/ru/kak-kazakhstan-boretsya-skiiberprestupnostyu-69892a>.

психологического прогноза именно в рамках предварительного следствия остается недостаточно концептуально разработанной, несмотря на острую потребность практики.

Одним из наиболее перспективных инструментов для решения этой задачи выступает ситуационно-ролевой подход. Он позволяет интегрировать множество разрозненных признаков личности участника в укрупненные конструкты – прогностически значимые роли, что минимизирует риск субъективных искажений и повышает точность тактического воздействия [4; 4]. Таким образом, научное обоснование этого подхода имеет не только теоретическую значимость для юридической психологии, но и прямую практическую ценность для оптимизации деятельности органов досудебного расследования.

Материалы и методы. Теоретическую основу работы составили фундаментальные концепции юридической и социальной психологии, позволяющие интерпретировать поведение участников следственных действий:

- теория морального развития используется для анализа ценностных ориентаций участников. Поведение участников следственных действий рассматривается через призму трех уровней (доконвенционального, конвенционального и постконвенционального), что позволяет прогнозировать готовность лица к соблюдению правовых норм в зависимости от его внутренней этической мотивации²;

- психология лжи П. Экмана выступает основой для диагностики неискренности. Внимание акцентируется на выявлении признаков «утечки» информации через невербальные каналы и анализе несоответствия эмоциональных проявлений речевым высказываниям, при этом учитывается, что стресс от ситуации допроса может искажать физиологические реакции [5];

- модель каузальной атрибуции применяется для изучения того, как следователи и участники приписывают причины действиям окружающих. Анализ вариаций (консенсус, отчетливость, постоянство) позволяет понять механизмы формирования субъективного мнения о виновности или намеренности поступков [6];

- когнитивные модели (модель «истории» Р. Хэсти и др.) позволяют рассматривать процесс дачи показаний как конструирование связного рассказа, основанного не только на фактах, но и на личном опыте участника [7].

Использован комплекс общенаучных и специальных методов.

Сравнительно-правовой анализ: данный метод позволил сопоставить отечественные подходы к психологическому прогнозированию с зарубежным опытом [8; 42].

Психологическое моделирование: на основе ситуационно-ролевого подхода рассматривается прогностическая модель поведения участников следственных действий. Метод позволил интегрировать разрозненные психологические признаки личности в укрупненные конструкты – роли (например, «равнодушный», «коварный», «признающий вину»), что минимизирует информационную избыточность и повышает точность прогноза [4].

Результаты, обсуждение. Понимание психологических механизмов, детерминирующих поведение лиц в уголовном процессе, требует обращения к фундаментальным социально-психологическим теориям. В современной юридической психологии поведение участников следственных действий трактуется не как случайная или мгновенная реакция на происходящее, а как следствие процессов восприятия, осмысления и оценки информации, протекающих под влиянием личностных особенностей и сформировавшихся установок.

Одной из наиболее влиятельных теорий, объясняющих процесс осмысления событий участниками (особенно присяжными и свидетелями), является модель «истории» (Р. Хэсти, С. Пенрод, Н. Пеннингтон). Согласно этой модели, участник не просто механически запоминает

² Теория морального развития Кольберга // Большая российская энциклопедия, 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/teoriia-moral-nogo-razvitiia-kol-berga-03d017>.

факты, а активно конструирует связный рассказ, объединяя доказательства, полученные в ходе следствия, со своим жизненным опытом и знаниями о типичных сценариях поведения [7]. История признается «хорошей», если она обладает последовательностью, завершенностью и правдоподобием. Выбранная участником «история» служит фильтром: информация, соответствующая ей, усваивается лучше, а противоречащие факты могут игнорироваться. «...При построении «модели истории» участники процесса опираются не только на факты, но и на эмоциональную оценку ситуации. Н. Фейгенсон в исследовании доказывает, что специфические эмоциональные состояния участников (гнев, страх, сочувствие) выступают детерминантами приписывания ответственности и вины, что необходимо учитывать при ролевом профилировании УСД» [9; 27].

При прогнозировании вероятного поведения участника следственных действий важное значение имеет теория запланированного поведения. Согласно данной концепции, выбор человеком определенной линии поведения обусловлен его намерениями, которые складываются под воздействием нескольких взаимосвязанных факторов:

- личного отношения к предполагаемому действию, то есть оценки его целесообразности, полезности или возможных последствий (например, предоставления достоверных показаний);
- социальных ожиданий, выражающихся в представлениях человека о том, как его поступок будет воспринят значимым окружением, включая родственников, знакомых или представителей референтной группы;
- субъективного восприятия контроля над ситуацией, отражающего степень уверенности лица в своей способности реализовать выбранную модель поведения и управлять ее последствиями.

Дополнением служит теория саморегуляции, согласно которой на формирование намерений влияет также личное желание совершить поступок для достижения «самосогласованности» [10].

В теории морального и правового развития поведение участников следственных действий детерминировано уровнем их правосознания. Модель Л. Колберга выделяет три уровня морального развития (доконвенциональный, конвенциональный, постконвенциональный), определяющих готовность лица следовать закону: от страха перед наказанием до ориентации на универсальные принципы справедливости³. Дж. Тапп и Ф. Левин адаптировали этот подход, выделив уровни правопослушания, правоподдержания и правотворчества, что позволяет прогнозировать реакцию участника на правовой конфликт и его готовность изменять показания под давлением [11].

Научные исследования в этой области зачастую носят описательно-констатирующий характер. На данный момент не изучены в полной мере закономерности и механизмы психологического прогноза поведения участников следственных действий, а также не разработан четкий алгоритм действий следователя по его построению. Отсутствие действенных практических и методических рекомендаций приводит к тому, что достижения психологической науки внедряются в практику досудебного производства крайне медленно. Кроме того, юридическое прогнозирование в целом существенно отстает от других видов социального прогнозирования [6].

Процесс прогнозирования серьезно затруднен спецификой следственной деятельности, а именно:

- дефицитом времени: сжатые сроки расследования не позволяют следователю детально изучать психологические особенности участников, что ведет к «поверхностному» анализу [1];

³ Теория морального развития Колберга // Большая российская энциклопедия, 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/teoriia-moral-nogo-razvitiia-kol-berga-03d017>.

- недостаточностью информации о личности участников и их действительных намерениях, что создает условия информационной неопределенности. «В то же время наличие большого количества разрозненной информации затрудняет выделение действительно значимых признаков участников следственных действий» [12].

Серьезным пробелом является недостаток статистически-количественной информации. Большая часть данных, необходимых для прогнозирования, относится к области так называемой «несчитанной статистики». Это ограничивает возможность использования метода экстраполяции и делает прогнозы лишь вероятностными предположениями, а не категорическими утверждениями [8; 332]. Кроме того, отмечается отсутствие единого законодательного механизма привлечения психологов как специалистов для помощи следователю в диагностике и прогнозировании [4; 4].

Несмотря на имеющиеся проблемы и пробелы в условиях высокой информационной неопределенности и жесткого дефицита времени ситуационно-ролевой подход выступает наиболее эффективным инструментом психологического прогнозирования. Его основная ценность заключается в возможности перехода от фрагментарного изучения личности к системному моделированию поведения через использование роли как интегративного конструкта.

Следователь часто сталкивается с большим количеством разрозненной информации об участниках следственных действий, что затрудняет выделение действительно значимых признаков. Ситуационно-ролевой подход позволяет экономно осуществлять прогноз, абстрагируясь от несущественных параметров и концентрируя внимание только на прогностически значимых переменных. «Роль в данном контексте служит «ядром» прогностической модели, объединяющим первичные признаки (ранее наблюдавшееся поведение) и вторичные признаки (психологические свойства, выявленные при контакте) в единую целостную категорию. Использование ролевых моделей (таких как «признающий вину», «неуступчивый», «коварный» или «искатель истины») позволяет следователю быстро классифицировать участника и выбрать адекватную тактику воздействия. Это существенно экономит интеллектуальные ресурсы, так как упрощается процесс сбора и анализа данных за счет фиксации только информативных признаков; сокращается время на принятие тактических решений в быстротекущих ситуациях общения; минимизируется риск совершения следственных ошибок, вызванных субъективными искажениями или ложными установками» [4; 34].

«...Ситуационно-ролевой подход предлагает научно обоснованный алгоритм действий, при котором следователь перестает быть пассивным наблюдателем. Как отмечают А. Вридж и П. Гранхаг в исследовании, опубликованном в журнале *Journal of Applied Research in Memory and Cognition* (Elsevier), точность психологической диагностики и прогноза поведения УСД напрямую зависит от «когнитивного управления» ситуацией: использование специфических техник постановки вопросов позволяет активизировать диагностические признаки, которые при обычном допросе остаются скрытыми» [13].

В отличие от интуитивного прогнозирования, которое оказывается «случайным» и подтверждается лишь в 30% случаев, ситуационно-ролевой подход предлагает научно обоснованный алгоритм действий [10]. Эмпирические данные подтверждают высокую эффективность этой модели: при использовании комплекса значимых признаков точность прогноза поведения подозреваемых составляет 97,8%, а потерпевших – до 100% [1]. При этом «субъект доказывания, имея внутреннее убеждение, обязан обосновать его посредством законов и правил формальной и диалектической логики, в том числе с применением индукции, которая является имманентным свойством принципа презумпции невиновности» [14]. Столь высокие цифры обусловлены спецификой экспериментальной выборки первоисточника, исследовавшего верифицированные уголовные дела, где роли участников были жестко поляризованы (т.е. четко

однозначны, без пограничных или смешанных вариантов поведения), а следственные ситуации носили преимущественно бесконфликтный или открыто конфликтный характер без латентных переменных. В реальной, динамически меняющейся практике досудебного расследования абсолютная (100%) точность психологического прогноза недостижима из-за влияния факторов «шума»: внезапного вмешательства адвоката, изменения психоэмоционального состояния субъекта под воздействием внешних факторов, или феномена «смены ролей» в процессе допроса. Таким образом, данные показатели следует интерпретировать как идеализированный прогностический потенциал модели при строгом соблюдении алгоритма, в то время как реальная точность в поливариативных ситуациях будет носить вероятностный характер с допустимым коридором ошибок в 10-15%.

В контексте нашего исследования ситуационно-ролевой подход рассматривается не просто как статичная классификация, а как динамический аналитический метод, преобразующий разрозненную психологическую информацию в прогностическую модель поведения участника следственного действия (УСД). Разработанный алгоритм ролевого моделирования включает в себя четыре последовательных этапа:

1. Этап ретроспективного экспресс-анализа (выявление первичных признаков). На данном этапе следователь осуществляет сбор и фильтрацию априорной информации (сведений, известных еще до непосредственного контакта с участником, из материалов дела, характеристик и иных источников). Первичные признаки включают: процессуальный статус, криминальный «анамнез», демографические данные и зафиксированные в материалах дела паттерны поведения. Роль на этом этапе выступает как гипотетическая матрица.

2. Этап интерактивной верификации (выявление вторичных признаков). В ходе непосредственного психологического контакта (например, вводной части допроса) следователь активизирует диагностические признаки с помощью техник "когнитивного управления" ситуацией. Вторичные признаки включают: актуальные психофизиологические реакции (по П. Экману), вербальные и невербальные маркеры искренности/неискренности, а также уровень проявления правосознания (по Л. Колбергу).

3. Этап интегративного синтеза и ролевой идентификации (т.е. объединения разнородных данных в единый обобщенный образ участника). Это ключевое аналитическое звено алгоритма, в котором происходит свертывание («компрессия») информации. Разрозненные первичные и вторичные признаки проецируются на укрупненные прогностические конструкторы (роли).

4. Этап тактического программирования. На основе верифицированной роли (т.е. роли, подтвержденной на предыдущем этапе интерактивной верификации) следователь мгновенно выбирает целевое тактическое воздействие (например, максимизация когнитивной нагрузки для роли «Коварный» или установление раппорта – доверительного психологического контакта, снижающего защитные барьеры собеседника, – для роли «Равнодушный»).

В современных зарубежных исследованиях ситуационный контекст допроса все чаще рассматривается через призму управления когнитивной нагрузкой (Cognitive Load Management). Так, работы О. Клейнберг [15] и К. Хуга [16] доказывают, что адаптация поведения следователя под текущую ментальную модель и социальную роль допрашиваемого позволяет снизить риск ложных признаний и повысить точность прогнозирования скрываемых обстоятельств, что полностью коррелирует с принципами ситуационно-ролевого подхода.

Таким образом, обоснование роли как интегративного конструктора позволяет превратить психологическое прогнозирование из «искусства» в технологичный процесс, обеспечивающий максимальную результативность расследования при минимальных затратах времени и сил следователя.

Заключение. На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие

выводы о необходимости внедрения научно обоснованных алгоритмов прогнозирования в следственную деятельность:

- преодоление субъективизма и интуитивного подхода. Современная практика показывает, что более половины следователей (свыше 53%) строят прогнозы поведения участников следственных действий на основе интуиции, что делает результат «случайным» и ведет к тактическим ошибкам. Внедрение алгоритмизированных моделей позволяет перевести прогностическую деятельность из области догадок в сферу научного анализа;

- оптимизация работы в условиях дефицита ресурсов. Ситуационно-ролевой подход выступает эффективным эвристическим средством, позволяющим следователю экономно осуществлять прогноз в условиях острого дефицита времени и информации. Интеграция разрозненных данных в прогностические роли («ядро модели») позволяет отсеять несущественные параметры и сконцентрироваться на ключевых переменных поведения;

- высокая точность и результативность. Использование разработанных алгоритмов (выявление первичных и вторичных признаков, ролевое моделирование) обеспечивает высокую точность прогноза – от 97,8% для подозреваемых, до 100% для потерпевших. Это существенно повышает качество доказывания и эффективность изобличения виновных.

Для реализации указанных выводов предлагаются следующие меры по совершенствованию психологической подготовки следователей:

- внедрение специализированных учебных модулей. Необходимо включить в программы первоначальной подготовки и повышения квалификации сотрудников тренинги по освоению алгоритмов ролевого моделирования и техник установления психологического контакта (например, техник «присоединения» или раппорта);

- обучение методам психодиагностики лжи. Важно вооружить следователей знаниями о невербальных признаках неискренности (микромимика, жесты-адапторы, психофизиологические реакции) и методиками анализа речевых высказываний для выявления скрываемых обстоятельств в отсутствие прямых улик;

- профилактика профессиональной деформации. Требуется систематическая работа по развитию психологической наблюдательности и самоконтроля следователей для предотвращения развития «обвинительного уклона», подозрительности и формализма;

- развитие института психологического сопровождения. Целесообразно нормативно расширить практику привлечения юридических психологов в качестве специалистов-консультантов для оказания помощи следователю в изучении личности участников следственных действий, постановке вопросов экспертам и нейтрализации психологического противодействия.

Таким образом, интеграция психологических знаний в технологический процесс расследования является ключевым условием модернизации правоохранительной деятельности и минимизации следственных ошибок.

Список использованной литературы

1. Дьячкова, Ю.Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Ю.Е. Дьячкова. – Москва, 2004. – 277 с.
2. Салфеткин, Р.А. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений: методы и практика / Р.А. Салфеткин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7 (223). – С. 134-136.
3. Юридическая психология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [И.И. Аминов и др.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 415 с.
4. Дьячкова, Ю.Е. Юридическая психология. Психология предварительного расследования преступлений: конспект лекций / Ю.Е. Дьячкова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 149 с.
5. Экман, П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман; [пер. с англ. Н. Исуповой и др.]. – Санкт-Петербург: Питер, 2021. – 384 с.

6. Kelley, H.H. Attribution Theory in Social Psychology / H.H. Kelley // Nebraska Symposium on Motivation / ed. by D. Levine. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. – Vol. 15. – Pp. 192-238.
7. Pennington, N. Explaining the evidence: tests of the story model for juror decision making / N. Pennington, R. Hastie // Journal of Personality and Social Psychology. – 1992. – Vol. 62. – Pp. 189-206.
8. Агамиров, К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика: монография / К.В. Агамиров; под науч. ред. д.ю.н., проф. Р.В. Шагиевой. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2015. – 408 с.
9. Feigenson, N. Jurors' emotions and judgments of legal responsibility and blame: What does the experimental research tell us? / N. Feigenson // Emotion Review. – 2015. – № 8 (1). – Pp. 26-31.
10. Neuwirth, K. Peer and social influence on opinion expression: combining the theories of planned behavior and the spiral of silence / K. Neuwirth, E. Frederick // Communication Research. – 2004. – Vol. 31. – Pp. 669-703.
11. Tapp, J.L. Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues / J.L. Tapp, F.J. Levine, (eds). – N.Y., 1977. – 471 p.
12. Замылин, Е.И. Криминалистическое прогнозирование в процессе обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству / Е.И. Замылин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 1 (8). – С. 40-47.
13. Vrij, A. Eliciting cues to deception and truth: What matters are the questions asked / A. Vrij, P.A. Granhag // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. – 2012. – № 1 (2). – Pp. 110-117.
14. Хан, В.В. Презумпция невиновности как коррелят материальной истины / В.В. Хан // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – С. 203-207.
15. Kleinberg, B. Measuring cognitive load in investigative interviews: New horizons / B. Kleinberg, G. Verschuere // Applied Cognitive Psychology. – 2021. – Vol. 35. No. 4. – Pp. 995-1007.
16. Hoog, C. Role-playing and behavioral profiling in forensic interviews: A contemporary review / C. Hoog, J. Alm // Psychiatry, Psychology and Law. – 2023. – Vol. 30. No. 2. – Pp. 215-231.

References:

1. D'jachkova, Ju.E. Psihologicheskij prognoz povedenija uchastnikov sledstvennyh dejstvij pri rassledovanii prestuplenij: dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.06 / Ju.E. D'jachkova. – Moskva, 2004. – 277 s.
2. Salfetkin, R.A. Psihologicheskij prognoz povedenija uchastnikov sledstvennyh dejstvij pri rassledovanii prestuplenij: metody i praktika / R.A. Salfetkin // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2023. – № 7 (223). – S. 134-136.
3. Juridicheskaja psihologija: uchebnik dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti «Jurisprudencija» / [I.I. Aminov i dr.]. – М.: JuNITI-DANA, 2012. – 415 s.
4. D'jachkova, Ju.E. Juridicheskaja psihologija. Psihologija predvaritel'nogo rassledovanija prestuplenij: konspekt lekcij / Ju.E. D'jachkova. – Cheljabinsk: Izdatel'skij centr JuUrGU, 2016. – 149 s.
5. Jekman, P. Psihologija lzhi. Obmani menja, esli smozhesh' / P. Jekman; [per. s angl. N. Isupovoj i dr.]. – Sankt-Peterburg: Piter, 2021. – 384 s.
6. Kelley, H.H. Attribution Theory in Social Psychology / H.H. Kelley // Nebraska Symposium on Motivation / ed. by D. Levine. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. – Vol. 15. – Pp. 192-238.
7. Pennington, N. Explaining the evidence: tests of the story model for juror decision making / N. Pennington, R. Hastie // Journal of Personality and Social Psychology. – 1992. – Vol. 62. – Pp. 189-206.
8. Агамиров, К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория, практика: монография / К.В. Агамиров; под науч. ред. д.ю.н., проф. Р.В. Шагиевой. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2015. – 408 с.
9. Feigenson, N. Jurors' emotions and judgments of legal responsibility and blame: What does the experimental research tell us? / N. Feigenson // Emotion Review. – 2015. – № 8 (1). – Pp. 26-31.
10. Neuwirth, K. Peer and social influence on opinion expression: combining the theories of planned behavior and the spiral of silence / K. Neuwirth, E. Frederick // Communication Research. – 2004. – Vol. 31. – Pp. 669-703.
11. Tapp, J.L. Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues / J.L. Tapp, F.J. Levine, (eds). – N.Y., 1977. – 471 p.
12. Zamylin, E.I. Kriminalisticheskoe prognozirovanie v processe obespechenija bezopasnosti lic, sodejstvujushhih ugolovnomu sudoproizvodstvu / E.I. Zamylin // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2009. – № 1 (8). – S. 40-47.
13. Vrij, A. Eliciting cues to deception and truth: What matters are the questions asked / A. Vrij, P.A. Granhag // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. – 2012. – № 1 (2). – Pp. 110-117.
14. Хан, В.В. Презумпция невиновности как коррелят материальной истины / В.В. Хан // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – С. 203-207.
15. Kleinberg, B. Measuring cognitive load in investigative interviews: New horizons / B. Kleinberg, G. Verschuere // Applied Cognitive Psychology. – 2021. – Vol. 35. No. 4. – Pp. 995-1007.
16. Hoog, C. Role-playing and behavioral profiling in forensic interviews: A contemporary review / C. Hoog, J. Alm // Psychiatry, Psychology and Law. – 2023. – Vol. 30. No. 2. – Pp. 215-231.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Айнагүл Толыбайқызы Булатова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының қызметтік даярлау кафедрасының аға оқытушысы, құқық магистрі, e-mail: aynusha82@mail.ru, orcid.org/0009-0004-0365-7080.

Булатова Айнагуль Толыбаевна – старший преподаватель кафедры служебной подготовки Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр права, e-mail: aynusha82@mail.ru, orcid.org/0009-0004-0365-7080.

Bulatova Ainagul Tolybaevna – Senior lecturer of the Department of Professional Training at the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of Law, e-mail: aynusha82@mail.ru, orcid.org/0009-0004-0365-7080.

Б.А. Жилхайдарова

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

ОСМОТР, ОБЫСК И ВЫЕМКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности производства осмотра, обыска и выемки в условиях цифровизации уголовного процесса. Анализируются положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, регулирующие традиционные следственные действия, и оценивается их применимость к цифровым данным как объекту доказывания. Исследуются особенности электронных доказательств, связанные с риском их изменения или уничтожения, а также необходимость участия специалиста в работе с цифровыми носителями информации. Особое внимание уделяется зарубежному опыту, в частности, институту цифрового обыска в законодательстве Армении. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в сфере работы с цифровыми доказательствами, обеспечению их сохранности и повышению эффективности расследования уголовных правонарушений. Обосновывается необходимость адаптации традиционных следственных действий к условиям цифровой среды.

Ключевые слова: доказательства; осмотр; принцип; специалист; уголовный процесс; выемка; цифровой обыск; цифровые доказательства.

Б.А. Жилхайдарова

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАРАП-ТЕКСЕРУ, ТІНТУ ЖӘНЕ АЛУ: ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада қылмыстық процесті цифрландыру жағдайындағы қарап-тексеруді, тінтуді және алуды жүргізудің ерекшеліктері қарастырылады. Дәстүрлі тергеу әрекеттерін реттейтін Қазақстан Республикасы Қылмыстық-процестік кодексінің ережелері талданып, олардың дәлелдеу объектісі ретіндегі цифрлық деректерге қолданылу мүмкіндігі бағаланады. Электрондық дәлелдемелердің өзгертілу немесе жойылу қаупіне байланысты ерекшеліктері, сондай-ақ цифрлық ақпарат жеткізгіштермен жұмыс істеу кезінде маманның қатысу қажеттілігі зерттеледі. Шетелдік тәжірибеге, атап айтқанда, Армения заңнамасындағы цифрлық тінту институтына ерекше назар аударылады. Зерттеу нәтижелері бойынша цифрлық дәлелдемелермен жұмыс істеу, олардың сақталуын қамтамасыз ету және қылмыстық құқық бұзушылықтарды тергеп-тексерудің тиімділігін арттыру саласындағы қылмыстық-процестік заңнаманы жетілдіру жөнінде ұсыныстар тұжырымдалады. Дәстүрлі тергеу әрекеттерін цифрлық орта жағдайына бейімдеу қажеттілігі негізделеді.

Түйінді сөздер: айғақтар; қарап-тексеру; қағидат; маман; қылмыстық процесс; алу жүргізу; цифрлық тінту; цифрлық дәлелдемелер.

B.A. Zhilkhaidarova

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

INSPECTION, SEARCH, AND SEIZURE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

Abstract. The article examines the peculiarities of inspection, search, and seizure procedures in the context of the digitalization of criminal proceedings. The provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan regulating traditional investigative actions are analyzed, and their applicability to digital data as an object of proof is assessed.

The study explores the specific features of electronic evidence related to the risks of alteration or destruction, as well as the necessity of involving a specialist when handling digital storage devices. Particular attention is paid to foreign experience, especially the institution of digital search in the legislation of Armenia. Based on the research results, proposals are formulated for improving criminal procedural legislation in the field of digital evidence handling, ensuring data integrity, and increasing the effectiveness of criminal investigations. The necessity of adapting traditional investigative actions to the digital environment is substantiated.

Keywords: evidence; inspection; principle; expert; criminal procedure; seizure; digital search; digital evidence.

Введение. Современный этап общественного развития характеризуется активной цифровизацией общественных отношений, которые реализуются не только в физическом мире, но и в цифровой среде, охватывая такие сферы, как экономика, коммуникации и государственное управление. Одновременно с этим трансформируется и преступная деятельность: правонарушения все чаще совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий [1].

В настоящее время значительная часть информации создается, хранится и передается в электронной форме, что неизбежно влияет на механизмы выявления, расследования и доказывания правонарушений, совершаемых с использованием цифровых следов.

В условиях цифровой трансформации изменяются и методы собирания доказательств. Если ранее ключевое значение имели материальные объекты и их внешние признаки, то в настоящее время все большую роль играют электронные данные, существующие в нематериальной форме и зачастую не привязанные к конкретному физическому носителю. Это обуславливает необходимость переосмысления традиционных следственных действий, ориентированных преимущественно на работу с вещественными доказательствами.

Материалы и методы. Материальную основу исследования составили нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), а также уголовных кодексов Армении и Российской Федерации (далее – РФ). В исследовании использовались научные труды отечественных и зарубежных авторов по вопросам электронных доказательств. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы, а также методы анализа и обобщения.

Результаты, обсуждение. Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет такие классические следственные действия, как осмотр, обыск и выемка. Указанные институты исторически формировались исходя из материальной природы объектов доказывания и предполагают их обнаружение, визуальное исследование и изъятие.

Однако применение данных процессуальных форм к цифровой среде выявляет ряд существенных теоретических и практических проблем, в частности, отсутствие в национальном законодательстве самостоятельного процессуального механизма, прямо направленного на извлечение электронной информации. В результате правоприменительная практика вынуждена адаптировать существующие нормы к новым условиям, что приводит к неоднозначности их толкования и рискам нарушения прав участников процесса.

Согласно части 1 статьи 111 УПК РК доказательствами по уголовному делу являются законно полученные фактические данные, на основе которых органы преследования и суд устанавливают наличие или отсутствие преступления, причастность лица и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела¹.

Собирание доказательств осуществляется в ходе досудебного расследования и судебного разбирательства посредством проведения процессуальных действий. Оно включает обнаружение, фиксацию и изъятие доказательств.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>.

К таким действиям относятся осмотр, обыск и выемка. В ряде государств данные следственные действия рассматриваются как в традиционном, так и в цифровом формате. В этой связи представляется целесообразным оценить, насколько традиционные формы осмотра, обыска и выемки способны обеспечивать эффективное выявление и сбор данных, имеющих значение для уголовного дела.

Как отмечает А. Шарипова, цифровые доказательства все чаще используются при расследовании традиционных преступлений, включая убийства, кражи и наркопреступления. Если ранее их значение недооценивалось, то в настоящее время цифровая криминалистика применяется при расследовании широкого круга деяний, выходя за пределы компьютерных преступлений. Технологическое развитие расширило источники доказательственной информации, включая мобильные устройства, навигационные системы и автомобильные электронные системы [2]. Это подтверждает универсальный характер цифровых следов и их значение для различных категорий уголовных дел.

Согласно части 1 статьи 219 УПК РК, с целью обнаружения и выявления следов уголовного правонарушения и иных материальных объектов, выяснения обстановки происшествия и установления обстоятельств, имеющих значение для дела, лицо, осуществляющее досудебное расследование, производит осмотр местности, помещений, предметов, документов, живых лиц, трупов, животных.

Анализ данной нормы показывает, что объектами осмотра могут выступать местность, помещения, предметы, документы, живые лица, трупы и животные.

Кроме осмотра трупа человека, осмотр всех остальных объектов осуществляется по общим правилам осмотра.

Как отмечает Л. Петросян, несомненно, носители электронной информации, содержащие цифровые данные, в конечном счете являются предметами. Однако доказательственное значение имеет не сам носитель информации с его внешними характеристиками, а его содержимое, закрепленные в нем данные. В этом контексте следует отметить, что, хотя электронная информация закреплена на материальном носителе, она имеет цифровой вид и является объектом виртуального мира, не имеющим материального выражения [3; 158].

С мнением Л. Петросян следует полностью согласиться, поскольку носители электронной информации, содержащие цифровые данные, относятся к объектам материального мира.

Одновременно подчеркивается, что цифровые данные обладают высокой уязвимостью, поскольку могут быть легко изменены или уничтожены [4; 186]. В связи с этим при их фиксации особое значение приобретает соблюдение процессуальных гарантий, включая применение научно-технических средств и участие понятых, что обеспечивает законность и достоверность доказательств.

Согласно общим правилам, осмотр проводится с применением научно-технических средств фиксации его хода и результатов, а в случаях принудительного проведения или неотложности – с участием понятых, что обеспечивает реализацию принципов законности и гласности.

Нарушение этих принципов, в зависимости от характера и существенности, влечет признание процессуальных действий незаконными, отмену принятых решений либо недопустимость полученных доказательств.

Таким образом, особенности природы цифровых данных и их уязвимость к изменению или уничтожению обуславливают необходимость использования специальных процессуальных и технических механизмов при их обнаружении, фиксации и изъятии.

Отдельное значение имеет участие специалиста и эксперта при работе с цифровыми данными, функции которых заключаются в обеспечении целостности информации, ее корректном

копировании и поиске значимых сведений [5].

В связи с этим при собирании и оценке цифровых доказательств особое значение приобретает обеспечение законности их получения и неизменности. В отличие от традиционных следов, которые фиксируются и удостоверяются подписями понятых, цифровые данные требуют дополнительных гарантий сохранности, исключающих возможность их изменения. В этой связи целесообразно использование специальных носителей информации, обеспечивающих сохранение данных в их первоначальном виде после записи.

Данная мера способствует обеспечению принципов уголовного процесса. В остальных случаях общие нормы, регулирующие порядок проведения осмотра, в полной мере позволяют осуществлять данное следственное действие.

Что касается обыска, то он производится с целью обнаружения и изъятия предметов или документов, имеющих значение для дела. В отличие от осмотра, основанием для его проведения является наличие достаточных данных полагать, что такие объекты могут находиться в определенном месте либо у конкретного лица. Таким образом, обыск, в отличие от осмотра, предполагает не только исследование обнаруженных объектов, но и их целенаправленный поиск в предполагаемом месте нахождения.

Близким по своему назначению к обыску является выемка, однако данные следственные действия различаются степенью определенности информации о разыскиваемом объекте. Если при обыске осуществляется поиск предметов или документов, местонахождение которых предполагается, то выемка производится при наличии точных сведений о конкретном предмете или документе и его местонахождении. В связи с их функциональной взаимосвязанностью обыск и выемку целесообразно рассматривать совместно, поскольку порядок их производства урегулирован статьей 254 УПК РК. При этом за исключением личного обыска производство указанных следственных действий осуществляется по общим правилам.

Особый интерес представляет зарубежный опыт, в частности законодательство Армении, где закреплён самостоятельный институт цифрового обыска. В соответствии со статьей 236 УПК Республики Армения цифровой обыск определяется как поиск цифровых данных, содержащихся в электронных устройствах или носителях. При этом данные, имеющие значение для уголовного производства, изымаются путем их копирования на иной носитель с обязательным обеспечением целостности как оригинальных данных, так и созданных копий.

Кроме того, законодатель Армении допускает изъятие не только данных, указанных в постановлении о производстве обыска, но и иной информации, обнаруженной в ходе следственного действия, если по своему содержанию она может быть связана с расследуемым либо иным предполагаемым преступлением. Также предусмотрена возможность распространения цифрового обыска на другие компьютерные системы, доступ к которым возможен из первоначального устройства, при наличии судебного решения и риска утраты либо уничтожения данных².

В отличие от законодательства Армении, в РФ цифровой обыск не был выделен в качестве самостоятельного следственного действия, а регулирование работы с электронной информацией сохранилось в рамках традиционного института обыска. Так, 28 июля 2012 года в часть 9.1 статьи 182 УПК РФ была введена норма, согласно которой изъятие электронных носителей информации осуществлялось с участием специалиста, что усиливало процессуальные гарантии и способствовало обеспечению сохранности доказательственной информации, минимизируя риски

² ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԶԵՆԱԿԱՆ ՂԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՍԳԻՐԶ: ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՕՐԵՆՔԸ Ընդունված է 2021 թվականի հունիսի 30-ին [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=154481&fbclid=IwAR35mybRiQ-9I0ASsL6f9rLjBLHh8QnPfkMKkX3Wl_Jo9jdsGmmZduosGj0.

утраты или изменения цифровых данных. Однако впоследствии данная норма утратила силу на основании Федерального закона от 27 декабря 2018 года № 533-ФЗ³.

Вместе с тем положения, позволяющие привлекать специалиста и использовать научно-технические средства при производстве следственных действий, изначально присутствовали в УПК РК. Так, согласно части 4 статьи 254, в необходимых случаях обыск производится с участием специалиста, а выемка осуществляется с обязательным применением научно-технических средств фиксации хода и результатов, при необходимости также допускается участие специалиста. Это свидетельствует о более гибком характере отечественного уголовно-процессуального регулирования, позволяющем адаптировать традиционные следственные действия к работе с цифровыми доказательствами без введения самостоятельного института цифрового обыска.

В этой части отечественное уголовно-процессуальное законодательство в целом соответствует современным требованиям обеспечения сохранности цифровых доказательств и реализации процессуальных гарантий при работе с электронной информацией.

Также представляет интерес положение части 9 статьи 254 УПК РК, согласно которому при производстве обыска допускается вскрытие запертых помещений и хранилищ в случае отказа владельца добровольно их открыть при условии недопущения излишнего повреждения имущества. Как видно, законодатель прямо конкретизирует объекты, в отношении которых допускается вскрытие, указывая на помещения и хранилища.

Однако применительно к техническим устройствам, содержащим цифровые следы правонарушения, возникает вопрос о правомерности преодоления технических средств защиты информации, поскольку действующие нормы прямо этого не предусматривают. Фактически единственным предусмотренным законом механизмом получения доступа к защищенной информации остаются негласные следственные действия, предусмотренные статьей 245 УПК РК, в частности, негласное снятие информации с компьютеров, серверов и иных устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации. Вместе с тем цели негласных следственных действий существенно отличаются от целей обыска.

Таким образом, развитие цифровых следов и специфика работы с электронными устройствами требуют не только участия специалиста при изъятии информации, но и формирования более четкого нормативного регулирования порядка доступа к защищенным техническим системам в ходе обыска.

Отсутствие регулирования не только осложняет работу с цифровыми доказательствами, но и создает риски злоупотреблений и нарушений прав участников процесса [6].

В этой связи представляется целесообразным нормативно закрепить возможность преодоления технических средств защиты информации при проведении цифрового обыска при обязательном соблюдении процессуальных гарантий и судебного контроля.

В качестве наглядного примера можно привести уголовное дело К. Бишимбаева, в рамках которого возник вопрос о предоставлении суду пароля от мобильного телефона подсудимого. Первоначально он отказался предоставить пароль, однако впоследствии пароль был сообщен адвокату, что позволило исследовать содержимое телефона в судебном заседании. Этот случай демонстрирует практическую проблему получения доступа к цифровым данным, защищенным паролем⁴.

Проблема правового регулирования доступа к защищенным цифровым данным не

³ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27 дек. 2018 г. № 533-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314650/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100039.

⁴ Прокурор Айжан Аймаганова о критической ошибке Куандыка Бишимбаева с паролем телефона / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golbis.com/on-dal-nam-parol-ot-svoego-telefona-prokuror-ajzhan-ajmaganova-nazvala-fatalnuyu-oshibku-kuandyka-bishimbaeva/>.

является специфичной для Казахстана. Аналогичные вопросы рассматриваются и в правовых системах государств с развитой цифровой инфраструктурой, в частности в США и Республике Корея.

Например, по мнению Ли Сынджу, в Южной Корее не существует законного способа заставить человека, в отношении которого был проведен обыск, раскрыть пароль к своему мобильному телефону. Ранее был внесен законопроект, предусматривающий обязательства по сотрудничеству для лица, задержанного во время обыска мобильного телефона. Хотя этот вопрос остается спорным, на мой взгляд, такое законодательство не следует признавать неконституционным, в связи с чем его следует тщательно рассмотреть. В то же время конкретного правового принципа, касающегося принудительной разблокировки мобильного телефона с использованием биометрических данных, не существует. На практике были случаи, когда в ордерах на обыск в перечне «предметов, подлежащих изъятию», содержалось положение о «биометрической информации, такой как отпечатки пальцев, сканирование радужной оболочки глаза и Face ID, с целью разблокировки мобильных телефонов», однако законность этого метода оспаривается [7].

В американской судебной практике сохраняются различные подходы к вопросу о допустимости принудительной биометрической разблокировки мобильных устройств. Так, в 2024 году Девятый окружной апелляционный суд США в деле признал допустимым обыск мобильного телефона, разблокированного с использованием отпечатка пальца обвиняемого. Суд указал, что принудительное использование биометрического идентификатора не является свидетельским (testimonial) действием, поскольку не требует от лица раскрытия сведений, содержащихся в его сознании. В связи с этим Пятая поправка США о запрете самообвинения к такому действию не применялась⁵.

Вместе с тем правовое регулирование преодоления технических средств защиты информации должно учитывать принцип неприкосновенности частной жизни. Получение доступа к мобильному устройству может открыть значительный объем сведений о личной жизни лица. Поэтому возможность технического доступа не должна рассматриваться как основание для неограниченного исследования всего содержимого устройства.

Особое значение в данном случае приобретает принудительное использование биометрического идентификатора – отпечатка пальца, Face ID или иных биометрических данных – для преодоления технической защиты устройства. Такая мера затрагивает одновременно вопросы допустимости доказательств, права на неприкосновенность частной жизни. В связи с этим ее применение должно осуществляться исключительно в пределах конкретного процессуального решения и с соблюдением установленных законом целей и границ обыска.

Ключевую роль в обеспечении указанных гарантий должен играть суд как основной субъект процессуального контроля. Судебное разрешение должно определять не только возможность доступа к техническому устройству, но и пределы такого доступа, категорию подлежащих получению данных, способы их извлечения и последующего использования. Это позволит обеспечить баланс между необходимостью получения цифровых доказательств и защитой права лица на неприкосновенность частной жизни.

В связи с изложенным преодоление технических средств защиты информации может осуществляться не только посредством технической расшифровки данных, но и путем принудительного применения биометрического идентификатора для получения доступа к защищенному техническому устройству.

В этой связи представляется целесообразным закрепить соответствующее понятие в

⁵ United States v. Payne, 99 F.4th 495 (9th Cir. 2024) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/22-50262/22-50262-2024-04-17.html?utm_source=chatgpt.com.

пункте 47-1 статьи 7 УПК РК, определив преодоление технических средств защиты как законный способ принудительного получения доступа к защищенному техническому устройству или содержащейся в нем информации посредством расшифровки, устранения технических ограничений доступа либо применения биометрического идентификатора в порядке, установленном УПК.

Представляется целесообразным закрепить указанное понятие, а соответствующее полномочие по преодолению технических средств защиты информации предусмотреть в части 9 статьи 254 УПК РК. Такое дополнение позволит устранить существующую неопределенность при проведении обыска цифровых устройств и обеспечить единообразное применение данного механизма на практике.

Заключение. Проведенный анализ показал, что действующее регулирование, закрепленное в УПК РК, в полной мере не учитывает специфику цифровых данных как объекта доказывания и требует определенной модернизации.

Наиболее существенные проблемы выявляются в рамках института осмотра, который ориентирован на исследование материальных объектов и их внешних признаков. В условиях работы с цифровыми данными для обеспечения принципов законности, достоверности и неизменности доказательств представляется необходимым нормативное закрепление дополнительных гарантий их сохранности, в том числе использование специальных носителей информации, обеспечивающих фиксацию данных в неизменном виде после их извлечения.

В части обыска и выемки следует отметить, что их действующая конструкция в целом сохраняет свою применимость и не требует создания самостоятельного института цифрового обыска. Вместе с тем возникает необходимость уточнения отдельных процессуальных аспектов, связанных с получением цифровых данных, включая допустимость копирования информации и порядок работы с электронными устройствами.

Отдельного внимания заслуживает вопрос правомерности преодоления технических средств защиты информации. В целях устранения правовой неопределенности представляется целесообразным дополнить часть 9 статьи 254 УПК РК положением, предусматривающим возможность вскрытия технических устройств в случаях отказа владельца добровольно предоставить к ним доступ. В связи с этим часть 9 статьи 254 УПК РК предлагается изложить в следующей редакции:

«При производстве обыска могут вскрываться запертые помещения и хранилища, а также технические устройства, если владелец отказывается добровольно предоставить к ним доступ. При этом не должны допускаться не вызываемые необходимостью повреждения запоров дверей и других предметов».

Таким образом, совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно осуществляться не путем радикального изменения существующих институтов, а посредством их адаптации к условиям цифровой среды с учетом особенностей электронных данных как самостоятельного объекта доказывания.

Список использованной литературы:

1. Абилезов, Е.Т. Криминология: окулык / Е.Т. Абилезов, и др. – Алматы: ҚР ИІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗЖРБЖҰБ, 2022. – 181 б.
2. Шарипова, А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности / А.Р. Шарипова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2023. – № 12 (14). – С. 73-89.
3. Petrosyan, L. Digital search as a new investigative action according to the new criminal procedure code of the Republic of Armenia / L. Petrosyan // State and Law. – 2022. – № 3 (94). – Pp. 158-169.
4. Бондарева, Г.В. Некоторые вопросы производства обыска и выемки электронных носителей информации / Г.В. Бондарева // Юрист-Правовед. – 2021. – № 4 (99). – С. 185-188.

5. Angel, O.E.M. Digital Evidence as a Means of Proof in Criminal Proceedings / O.E.M. Angel, et al. // Revista de Gestao Social e Ambiental. – 2024. – № 18 (4). – e04585.
6. Slipeniuk, T. Problematic Issues of Using Electronic Evidence in Criminal Proceedings (SDG's) [Электронный ресурс]. / T. Slipeniuk, et al. // Journal of Lifestyle and SDGs Review. – 2024. – Vol. 4 No. 1. – Режим доступа: <https://sdgsreview.org/LifestyleJournal/article/view/1867>.
7. 이승주. 휴대전화 압수수색 시 비밀번호 잠금 강제 해제 문제 / 이승주 // 형사소송 이론과 실무. – 2025. – № 17 (4). – Pp. 37-86.

References:

1. Abilezov, E.T. Kriminologija: оқулық / E.T. Abilezov, i dr. – Almaty: ҚР ИИМ М. Esbolatov atyndary Almaty akademijasynyn FZzhRBZhYB, 2022. – 181 b.
2. Sharipova, A.R. Novye istochniki ugovolno-processual'nyh i inyh sudebnyh dokazatel'stv v cifrovoj real'nosti / A.R. Sharipova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2023. – № 12 (14). – S. 73-89.
3. Petrosyan, L. Digital search as a new investigative action according to the new criminal procedure code of the Republic of Armenia / L. Petrosyan // State and Law. – 2022. – № 3 (94). – Pp. 158-169.
4. Bondareva, G.V. Nekotorye voprosy proizvodstva obyska i vyemki jelektronnyh nositelej informacii / G.V. Bondareva // Jurist-Pravoved#. – 2021. – № 4 (99). – S. 185-188.
5. Angel O.E.M. Digital Evidence as a Means of Proof in Criminal Proceedings / O.E.M. Angel, et al. // Revista de Gestao Social e Ambiental. – 2024. – № 18 (4). – e04585.
6. Slipeniuk, T. Problematic Issues of Using Electronic Evidence in Criminal Proceedings (SDG's) [Elektronnyj resurs]. / T. Slipeniuk, et al. // Journal of Lifestyle and SDGs Review. – 2024. – Vol. 4 No. 1. – Rezhim dostupa: <https://sdgsreview.org/LifestyleJournal/article/view/1867>.
7. 이승주. 휴대전화 압수수색 시 비밀번호 잠금 강제 해제 문제 / 이승주 // 형사소송 이론과 실무. – 2025. – № 17 (4). – Pp. 37-86.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Баян Аблаевна Жилхайдарова – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, e-mail: oboyashka7@gmail.com, orcid.org/0009-0007-5394-2316.

Жилхайдарова Баян Аблаевна – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: oboyashka7@gmail.com, orcid.org/0009-0007-5394-2316.

Zhilkhaidarova Bayan Ablayevna – Doctoral Student of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: oboyashka7@gmail.com, orcid.org/0009-0007-5394-2316.

А.М. Карл*, Е.С. Ахметов

*Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева,
г. Костанай, Республика Казахстан*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАВЕДЕНИЯ СПРАВОК В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ наведения справок как одного из ключевых оперативно-розыскных мероприятий, широко применяемых в деятельности оперативных подразделений. Актуальность исследования обусловлена трансформацией преступной среды, активной цифровизацией общественных отношений, расширением объема обрабатываемой информации, а также необходимостью обеспечения баланса между эффективностью оперативно-розыскной деятельности и соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина.

По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства об оперативно-розыскной деятельности, в том числе в части закрепления механизма санкционирования запросов, содержащих требования о предоставлении конфиденциальной информации, а также уточнения содержания наведения справок с учетом цифровизации оперативно-розыскной деятельности. Сделан вывод о целесообразности нормативного расширения данного оперативно-розыскного мероприятия при одновременном усилении судебного и ведомственного контроля, а также прокурорского надзора за законностью его осуществления.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; наведение справок; оперативно-розыскные мероприятия; получение информации; официальный запрос; банковская тайна.

А.М. Карл, Е.С. Ахметов

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы,
Қостанай қ., Қазақстан Республикасы*

ЖЕДЕЛ-ІЗДЕСТІРУ ҚЫЗМЕТІНДЕ АНЫҚТАМАЛАР АЛУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕРІ МЕН ОНЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада жедел-ізвестіру бөлімшелерінің қызметінде кеңінен қолданылатын негізгі жедел-ізвестіру іс-шараларының бірі – анықтамалар алуға кешенді теориялық-құқықтық талдау жүргізіледі. Зерттеудің өзектілігі қылмыстық ортаның өзгеруімен, қоғамдық қатынастардың белсенді цифрлануымен, өңделетін ақпарат көлемінің ұлғаюымен, сондай-ақ жедел-ізвестіру қызметінің тиімділігі мен адам мен азаматтың конституциялық құқықтары мен бостандықтарының сақталуы арасындағы теңгерімді қамтамасыз ету қажеттілігімен айқындалады.

Зерттеу нәтижелері бойынша жедел-ізвестіру қызметі туралы заңнаманы жетілдіру жөнінде ұсыныстар тұжырымдалады. Атап айтқанда, құпия ақпаратты ұсыну туралы талаптарды қамтитын сұрау салуларды санкциялау тетігін бекіту, сондай-ақ жедел-ізвестіру қызметін цифрландыруды ескере отырып, анықтамалар алудың мазмұнын нақтылау ұсынылады. Анықтамалар алуды нормативтік тұрғыдан кеңейтудің орындылығы, сонымен қатар оны жүзеге асырудың заңдылығына сот және ведомстволық бақылауды, сондай-ақ прокурорлық қадағалауды күшейту қажеттілігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: жедел-ізвестіру қызметі; анықтамалар алу; жедел-ізвестіру іс-шарасы; ақпарат алу; ресми сұрау; банк құпиясы.

A.M. Karl, Ye.S. Akhmetov

*Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabybayev,
Kostanay, the Republic of Kazakhstan*

LEGAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTING INFORMATION INQUIRIES IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Abstract. The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of information inquiries as one of the key operational-search measures widely used in the activities of operational units. The relevance of the study is due to the transformation of the criminal environment, the active digitalization of social relations, the expansion of the volume of processed information, as well as the need to ensure a balance between the effectiveness of operational-search activities and the observance of constitutional rights and freedoms of individuals and citizens.

Based on the results of the study, proposals are formulated to improve the legislation on operational-search activities, including the establishment of a mechanism for authorizing requests involving the provision of confidential information, as well as clarifying the content of information inquiries in the context of the digitalization of operational-search activities. The article concludes that it is advisable to normatively expand this operational-search measure while simultaneously strengthening judicial and departmental control over its implementation.

Keywords: operational-search activity; information inquiries; operational-search measure; information acquisition; official request; bank secrecy.

Введение. Современный этап развития оперативно-розыскной деятельности характеризуется существенным усложнением преступной среды, цифровизацией общественных отношений и расширением информационного пространства, в котором формируются следы противоправной деятельности. В этих условиях возрастает значение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на своевременное получение, проверку и анализ фактической информации, необходимой для предупреждения, выявления и раскрытия преступлений.

Особое место в системе оперативно-розыскных мероприятий занимает наведение справок, которое традиционно рассматривается как одно из базовых и одновременно наиболее часто применяемых мероприятий общего характера. Его значение обусловлено тем, что именно в процессе наведения справок формируется первичный массив сведений о лице, событии либо обстановке, представляющих оперативный интерес и служащих основой для принятия последующих управленческих и тактических решений.

Вместе с тем нормативное закрепление и правоприменительная практика наведения справок в государствах постсоветского пространства, включая Республику Казахстан (далее – РК) и Российскую Федерацию (далее – РФ), характеризуются рядом дискуссионных и нерешенных вопросов. К их числу относятся пределы допустимого вмешательства в сферу частной жизни, соотношение гласных и негласных способов получения информации, а также использование современных цифровых источников, включая интернет-ресурсы и социальные сети. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость комплексного теоретико-правового анализа содержания, форм и правовых гарантий наведения справок как оперативно-розыскного мероприятия [1; 175].

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволивший рассмотреть правовое регулирование наведения справок в оперативно-розыскной деятельности во взаимосвязи с современными тенденциями цифровизации и развития правоохранительной практики.

В процессе исследования использовались общенаучные и специальные методы научного познания, включая анализ, синтез, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и логический методы. Системный подход применялся при исследовании места наведения справок в системе оперативно-розыскных мероприятий, а сравнительно-правовой метод – при

сопоставлении законодательства Республики Казахстан, Российской Федерации, положений Модельного закона СНГ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также отдельных зарубежных подходов к правовому регулированию получения информации в оперативно-розыскной деятельности.

Эмпирическую основу исследования составили нормы Конституции РК, Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности», Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности», Модельного закона СНГ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы получения и защиты информации.

При подготовке статьи проведен анализ отечественной и зарубежной научной литературы по вопросам оперативно-розыскной деятельности, информационного обеспечения правоохранительной деятельности, защиты персональных данных и права на неприкосновенность частной жизни. Использованы результаты исследований зарубежных авторов в области Intelligence-Led Policing, научные публикации, посвященные вопросам получения информации в оперативно-розыскной деятельности, а также статистические данные, характеризующие распространенность использования социальных сетей и цифровых информационных ресурсов [2; 155] в РФ и РК.

Результаты, обсуждение. Одним из значимых оперативно-розыскных мероприятий, широко применяемых в практической деятельности оперативных подразделений, является наведение справок. В казахстанском законодательстве об оперативно-розыскной деятельности под наведением справок понимается «получение фактической информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, путем направления официального запроса соответствующему физическому или юридическому лицу, располагающему или могущему располагать информацией, представляющей интерес».

В зарубежной научной литературе аналогичные процессы рассматриваются в рамках концепции Intelligence-Led Policing, в которой сбор информации признается ключевым элементом, обеспечивающим последующий анализ и принятие управленческих решений [3; 317]. При этом подчеркивается, что именно первичный массив данных формирует основу для выработки как тактических, так и стратегических мер противодействия преступности [4; 151].

Буквальное толкование приведенного определения позволяет сделать вывод о том, что законодатель связывает наведение справок исключительно с одним способом получения информации – направлением официального запроса [5; 121]. При этом за рамками нормативного регулирования остаются такие важные элементы, как последующее изучение, анализ и оценка полученных сведений, а также иные допустимые формы их получения. Отдельные вопросы вызывает и акцент законодателя исключительно на «официальном запросе», без учета специфики оперативно-розыскной деятельности, которая по своей природе может осуществляться как гласно, так и негласно.

С учетом разведывательной направленности оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), требований конспирации и необходимости обеспечения оперативной гибкости представляется обоснованным вывод о допустимости получения информации конфиденциального характера не только посредством официальных запросов, но и иными, неофициальными способами, не противоречащими закону и целям оперативно-розыскной деятельности [6; 90].

На наш взгляд, наиболее точно определяет данное мероприятие Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – «Об ОРД»), в котором указывается, что «наведение справок – это получение информации, имеющей значение для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности, путем направления запроса соответственно

юридическому или физическому лицу, располагающему или могущему располагать таковой, а равно и ее получение путем непосредственного ознакомления с соответствующими материальными носителями, в т.ч. из оперативных, криминалистических и иных баз данных (учетов), информационных систем и других источников»¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Модельный закон «Об ОРД», предусматривая ознакомление с материальными носителями, в том числе из оперативных, криминалистических и иных баз данных (учетов), информационных систем и других источников, фактически обоснованно расширяет содержание анализируемого оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ). При этом в отдельных теоретических источниках имеется указание на необходимость использования аналогичных источников в наведении справок, при которых возможно получить более оперативно-значимую информацию [7; 17]; [8; 5]. Кроме того, как справедливо указывается в специальных исследованиях, в современных условиях оперативные сотрудники изучают фактические данные не только посредством вышеперечисленных источников, но также и посредством анализа личных записей и интернет-ресурсов [9; 124]; [10].

Включение интернет-ресурсов (социальных сетей) в качестве источников наведения справок к настоящему времени является объективно назревшим решением, поскольку по статистике за 2025 год в России на чуть более 145 млн человек имеется 130,4 млн аккаунтов в социальных сетях, в Казахстане же из 20 млн человек социальными сетями пользуются 14 млн. Учитывая специфику функционирования интернет-ресурсов с тотально высокой скоростью распространения и тиражирования информации (равно как и возможности ее получения даже с удаленных аккаунтов), закономерно предположение о том, что та или иная информация о преступнике или о преступлении дает возможность оперативным сотрудникам с надлежащей скоростью реагировать и принимать необходимые решения [11; 79].

В ходе наведения справок сотрудников оперативных подразделений преимущественно интересует информация фактографического характера (о месте регистрации, составе семьи, используемом автотранспорте, наличии и составе банковских вкладов, недвижимости и др.) [12; 32]. В целом ряде случаев наведение справок, несмотря на его отнесение к системе общих ОРМ, связано с получением сведений ограниченного доступа, в т.ч. составляющих банковскую, коммерческую, профессиональную и иную охраняемую законом тайну [13; 186]. В связи с этим на практике могут возникать случаи отказа в предоставлении запрашиваемых сведений, их непредоставления либо несвоевременного предоставления. Правовая оценка таких действий должна осуществляться с учетом характера запрашиваемой информации, правовых оснований ее истребования и наличия установленной законом обязанности соответствующего физического или юридического лица предоставить такие сведения. Следовательно, вопрос об ответственности за непредоставление оперативно значимой информации не может решаться исключительно исходя из факта направления оперативным подразделением запроса, а требует установления предусмотренной законом обязанности адресата по его исполнению.

При этом оперативные сотрудники при оформлении запросов нередко свои действия обосновывают отдельными положениями законодательства, которые касаются ограничения распространения отдельных видов информации, техническими и правовыми погрешностями [14; 144]. Этому во многом способствует отсутствие норм в оперативно-розыскных законах РФ и РК, касающихся механизма допустимого ограничения неприкосновенности частной, личной и семейной тайны, закрепленной в конституциях указанных государств.

Согласно позиции А.Ю. Шумилова, «ограничение конкретного конституционного права

¹ Об оперативно-розыскной деятельности (новая редакция): модельный закон принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ постановлением № 27-6 от 16 нояб. 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30161811#pos=0;0.

того или иного человека на тайну частной жизни допустимо на основании предписаний Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ ОРД). Причем разглашения не произойдет, так как изменится только форма их хранения: сведения трансформируются в служебную тайну, которую оперативник обязан хранить» [15; 100]. По мнению других исследователей, для получения сведений, касающихся частной либо профессиональной тайны, необходим официальный запрос суда, прокуратуры, органов предварительного следствия в связи с находящимися в их производстве уголовными делами [16; 92, 93]; [17; 204] (соответственно, в отношении сотрудников оперативных подразделений они такую возможность исключают).

Для решения данной проблемы считаем необходимым включить норму об обязательности подписания руководителем органа [18; 9]; [19; 7], осуществляющего ОРД, запроса, в котором требуются конфиденциальные сведения, в ФЗ РФ «Об ОРД» и в Закон РК «Об ОРД». При этом, как совершенно справедливо указывают исследователи, нередко, получая информацию в процессе наведения справок, оперативные сотрудники даже не подозревают, что получают сведения, доступ к которым возможен только с согласия суда [20]. В данном случае следует отметить, что, к примеру, часть 5 статьи 26 ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности» прямо указывает на судебный порядок истребования соответствующей информации, если она необходима для достижения целей ОРД².

В данном случае следует отметить, что, к примеру, часть 5 статьи 26 ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности» предусматривает судебный порядок истребования соответствующей информации, если она необходима для достижения целей ОРД. Данный механизм конкретизируется положениями статьи 9 ФЗ РФ «Об ОРД», предусматривающими рассмотрение судом ходатайств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, о предоставлении кредитными организациями справок по операциям и счетам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также по операциям, счетам и вкладам физических лиц. Как отмечает Е.Н. Яковец, «...в части, касающейся получения сведений, которые содержат банковскую тайну, наведение справок имеет интрузивный (затрагивающий личную тайну) характер, в связи с чем оно требует разрешения суда» [21; 301].

Закключение. В ходе исследования наведение справок рассмотрено как одно из ключевых оперативно-розыскных мероприятий, имеющее важное значение для информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности. Установлено, что в современных условиях данное мероприятие сохраняет свою практическую востребованность, выступая базовым инструментом получения сведений, необходимых для принятия оперативных решений.

Анализ законодательства РК и РФ показал, что нормативное закрепление наведения справок носит ограничительный характер и сводится преимущественно к направлению официальных запросов, что не в полной мере отражает реальные формы и способы получения информации в оперативно-розыскной практике. Обоснована целесообразность расширенного подхода к пониманию данного мероприятия с учетом положений Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривающего использование баз данных, информационных систем и иных источников, включая цифровые.

Одновременно установлено, что наведение справок в отдельных случаях затрагивает сферу частной жизни и охраняемые законом тайны, что требует усиления правовых гарантий его осуществления. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства об оперативно-розыскной деятельности в части уточнения содержания наведения справок и закрепления эффективных механизмов судебного и ведомственного контроля, а также

² О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02 дек.1990г. № 395-1 (ред. от 08.08.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/.

прокурорского надзора за законностью его осуществления, обеспечивающих необходимый баланс между эффективностью ОРД и защитой конституционных прав человека и гражданина.

Список использованной литературы:

1. Исаков, А.К. Место и роль оперативно-розыскной деятельности в системе правовых наук / А.К. Исаков, А.Д. Таженов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2026. – № 1 (39). – С. 172-188.
2. Gkougkoudis, G. Intelligence-Led Policing and the New Technologies Adopted by the Hellenic Police / G. Gkougkoudis, D. Pissanidis, K. Demertzis // Digital. – 2022. – Vol. 2, № 2. – Pp. 143-163.
3. Carter, D. Intelligence-Led Policing / D. Carter, J. Carter // Criminal Justice Policy Review. – 2009. – № 20 (3). – Pp. 310-325.
4. Burcher, M. Intelligence-Led Policing in Practice: Reflections From Intelligence Analysts / M. Burcher, C. Whelan // Police Quarterly. – 2019. – № 22 (2). – Pp. 139-160.
5. Phythian, R. Understanding how law enforcement agencies share information in an intelligence-led environment: How operational context influences different approaches / R. Phythian, K. Stuart, L. Swan-Keig // Policing: An International Journal. – 2024. – № 47 (1). – Pp. 112-125.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации обзорах практики Европейского Суда по правам человека / О.А. Вагин, Б.Я. Гаврилов [и др.] / отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 576 с.
7. Вагин, О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учебн.-практ. пособ. / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, Г.Х. Шабанов. – Москва: Изд. дом Шумиловой И.И., 2006. – 119 с.
8. Delpuch, T. Law Enforcement Intelligence and Intelligence-led Policing / T. Delpuch // Elgar Encyclopedia of Crime and Criminal Justice / eds. P. Caeiro, S. Gless, V. Mitsilegas [et al.]. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. – 2023. – 2832 p.
9. Агарков, А.В. Содержание оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» в современных условиях / А.В. Агарков // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2 (35). – С. 121-127.
10. Шмидт, А.А. Структурный анализ оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» / А.А. Шмидт // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2019. – № 17-1. – С. 24-25.
11. Кайназарова, Д.Б. К вопросу выявления и расследования террористических и экстремистских преступлений в сети интернет / Д.Б. Кайназарова, А.А. Калиев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2023. – № 4 (30). – С. 74-82.
12. Агарков, А.В. Проблемы правового регулирования осуществления оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» / А.В. Агарков, Ю.Ф. Королев // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 4 (49). – С. 31-34.
13. Имангалиев, Н.К. Некоторые вопросы квалификационных требований, предъявляемых к частным детективам / Н.К. Имангалиев // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 184-191.
14. Кольцов, Д.В. Запрос как форма реализации оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» (на примере подразделения ЭБиПК МВД России) / Д.В. Кольцов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 144-150.
15. Шумилов, А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / А.Ю. Шумилов. – 7-е изд., доп. и перераб. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2007. – 375 с.
16. Вагин, О.А. Постатейный комментарий к Федеральному закону № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин. – Москва: Деловой двор, 2008. – 218 с.
17. Дубоносов, Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для СПО / Е.С. Дубоносов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2019. – 379 с.
18. Docksey, C. Government Access to Personal Data and Transnational Interoperability: An Accountability Perspective / C. Docksey, K. Propp // Oslo Law Review. – 2023. – № 10. – Pp. 1-34.
19. Sungjin L. Navigating Privacy: A Global Comparative Analysis of Data Protection Laws / L. Sungjin, O. Junhyoung // IET Information Security. – 2025. – № 1. – Pp. 1-18.
20. Холопова, Е.Н. Служебная тайна при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» (на примере деятельности оперативных подразделений пограничных органов) / Е.Н. Холопова, А.В. Дегтярев, О.С. Люлин // Оперативник (Сыщик). – 2018 – № 3 (56). – С. 17-24.
21. Яковец, Е.Н. О содержании оперативно-розыскных мероприятий «опрос» и «наведение» справок / Е.Н. Яковец // Научный журнал «Эпомен». – 2020. – № 49. – С. 290-308.

References:

1. Iskakov, A.K. Mesto i rol' operativno-rozysknoj dejatel'nosti v sisteme pravovyh nauk / A.K. Iskakov, A.D. Tazhenov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2026. – № 1 (39). – S. 172-188.
2. Gkougkoudis, G. Intelligence-Led Policing and the New Technologies Adopted by the Hellenic Police / G. Gkougkoudis, D. Pissanidis, K. Demertzis // Digital. – 2022. – Vol. 2, № 2. – Pp. 143-163.
3. Carter, D. Intelligence-Led Policing / D. Carter, J. Carter // Criminal Justice Policy Review. – 2009. – № 20 (3). – Pp. 310-325.
4. Burcher, M. Intelligence-Led Policing in Practice: Reflections From Intelligence Analysts / M. Burcher, C. Whelan // Police Quarterly. – 2019. – № 22 (2). – Pp. 139-160.
5. Phythian, R. Understanding how law enforcement agencies share information in an intelligence-led environment: How operational context influences different approaches / R. Phythian, K. Stuart, L. Swan-Keig // Policing: An International Journal. – 2024. – № 47 (1). – Pp. 112-125.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации обзоров практики Европейского Суда по правам человека / О.А. Вагин, Б.Я. Гаврилов [и др.] / отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст. В.Д. Зор'кина. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма: INFRA-M, 2018. – 576 с.
7. Вагин, О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: учебн.-практ. пособие / О.А. Вагин, А.П. Исichenko, Г.Н. Шабанов. – Москва: Изд. дом Шумиловой И.И., 2006. – 119 с.
8. Delpuch, T. Law Enforcement Intelligence and Intelligence-led Policing / T. Delpuch // Elgar Encyclopedia of Crime and Criminal Justice / eds. P. Caeiro, S. Gless, V. Mitsilegas [et al.]. – Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. – 2023. – 2832 p.
9. Agarkov, A.V. Soderzhanie operativno-rozysknogo meropriyatiya «navedenie spravok» v sovremennyh usloviyakh / A.V. Agarkov // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2018. – № 2 (35). – S. 121-127.
10. Shmidt, A.A. Strukturnyj analiz operativno-rozysknogo meropriyatiya «navedenie spravok» / A.A. Shmidt // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2019. – № 17-1. – S. 24-25.
11. Kajazarova, D.B. K voprosu vyjavleniya i rassledovaniya terroristicheskikh i jekstremistskikh prestuplenij v seti internet / D.B. Kajazarova, A.A. Kaliev // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2023. – № 4 (30). – S. 74-82.
12. Agarkov, A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya osushhestvleniya operativno-rozysknogo meropriyatiya «navedenie spravok» / A.V. Agarkov, Ju.F. Korolev // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. – 2018. – № 4 (49). – S. 31-34.
13. Imangaliev, N.K. Nekotorye voprosy kvalifikacionnyh trebovanij, predjavljaemyh k chastnym detektivam / N.K. Imangaliev // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – S. 184-191.
14. Kol'cov, D.V. Zapros kak forma realizacii operativno-rozysknogo meropriyatiya «Navedenie spravok» (na primere podrazdeleniya JeBiPK MVD Rossii) / D.V. Kol'cov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (78). – S. 144-150.
15. Shumilov, A.Ju. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti» / A.Ju. Shumilov. – 7-е изд., доп. и перераб. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2007. – 375 с.
16. Вагин, О.А. Постатейный комментарий к Федеральному закону № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / О.А. Вагин, А.П. Исichenko, А.Е. Чеchetin. – Москва: Дело-двор, 2008. – 218 с.
17. Dubonosov, E.S. Operativno-rozysknaja dejatel'nost': учебник и практикум для СПО / E.S. Dubonosov. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2019. – 379 с.
18. Docksey, C. Government Access to Personal Data and Transnational Interoperability: An Accountability Perspective / C. Docksey, K. Propp // Oslo Law Review. – 2023. – № 10. – Pp. 1-34.
19. Sungjin L. Navigating Privacy: A Global Comparative Analysis of Data Protection Laws / L. Sungjin, O. Junhyoung // IET Information Security. – 2025. – № 1. – Pp. 1-18.
20. Holopova, E.N. Sluzhebnaia tajna pri provedenii operativno-rozysknogo meropriyatiya «Navedenie spravok» (na primere dejatel'nosti operativnyh podrazdelenij pogranichnyh organov) / E.N. Holopova, A.V. Degtjarev, O.S. Ljulin // Operativnik (Syshhik). – 2018 – № 3 (56). – S. 17-24.
21. Jakovec, E.N. O soderzhanii operativno-rozysknyh meropriyatij «opros» i «navedenie» spravok / E.N. Jakovec // Nauchnyj zhurnal «Jepomen». – 2020. – № 49. – S. 290-308.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ардақ Маратұлы Карл – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы киберқауіпсіздік және ақпараттық технологиялар кафедрасының бастығы, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: karl_ardak@mail.ru, orcid.org/0000-0002-8258-1915.

Карл Ардак Маратович – начальник кафедры кибербезопасности и информационных технологий Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, кандидат юридических наук, e-mail: karl_ardak@mail.ru, orcid.org/0000-0002-8258-1915.

Karl Ardak Maratovich – Head of the Department of Cybersecurity and Information Technologies of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, Candidate of Juridical Sciences, e-mail: karl_ardak@mail.ru, orcid.org/0000-0002-8258-1915.

Ерлан Сейділдаұлы Ахметов – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы бастығының орынбасары, e-mail: ahmetov-erlan@mail.ru, orcid.org/0009-0003-8885-776.

Ахметов Ерлан Сейдилдаевич – заместитель начальника Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, e-mail: ahmetov-erlan@mail.ru, orcid.org/0009-0003-8885-776.

Akhmetov Yerlan Seydildaevich – Deputy Head of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev, e-mail: ahmetov-erlan@mail.ru, orcid.org/0009-0003-8885-776.

А.А. Прокопова*, А.Б. Ахмадиев

*Карагандинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан*

ПУБЛИЧНЫЙ СЕКТОР ЕДИНОГО РЕЕСТРА ДОСУДЕБНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ И ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАЗМЕЩАЕМЫХ СВЕДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается правовая природа сведений, размещаемых в подсистеме «Публичный сектор» Единого реестра досудебных расследований Республики Казахстан. Показано, что по мере цифровизации досудебного производства доступ участников уголовного процесса к информации о ходе расследования, принятым решениям и отдельным материалам дела приобретает устойчивое процессуальное значение. На основе анализа законодательства, подзаконного регулирования и научной литературы установлено, что размещаемые сведения не образуют однородной категории. Они включают учетно-справочные данные, уведомительно-процессуальные сведения и материалы уголовного дела, различающиеся по своему правовому режиму. Обосновано, что данная цифровая среда не является самостоятельным источником доказательств, а служит формой доступа к процессуально значимым документам. Сделан вывод о необходимости более четкого регулирования электронного ознакомления с материалами дела, фиксации момента доступа и подтверждения подлинности цифровых копий в целях обеспечения права на защиту и доступа к правосудию.

Ключевые слова: цифровой доступ; электронное ознакомление; процессуальная гарантия; право на защиту; процессуальный документ; уведомление участника; доказательственная информация; досудебное расследование; цифровая среда; правовой режим.

А.А. Прокопова, А.Б. Ахмадиев

*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы*

СДТБТ-НЫҢ ЖАРИЯ СЕКТОРЫ ЖӘНЕ СОТ ТӨРЕЛІГІНЕ ҚОЛ ЖЕТКІЗУ: ОРНАЛАСТЫРЫЛАТЫН МӘЛІМЕТТЕРДІҢ ПРОЦЕСТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы Сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай тізілімінің «Жария сектор» кіші жүйесінде орналастырылатын мәліметтердің құқықтық табиғаты қарастырылады. Сотқа дейінгі іс жүргізуді цифрландыруға қарай қылмыстық процеске қатысушылардың тергеп-тексеру барысы, қабылданған шешімдер және қылмыстық істің жекелеген материалдары туралы ақпаратқа қол жеткізуі тұрақты процестік мәнге ие болып келе жатқаны көрсетіледі. Заңнаманы, заңға тәуелді нормативтік реттеуді және ғылыми әдебиетті талдау негізінде орналастырылатын мәліметтердің біртекті санатты құрамайтыны анықталды. Олар құқықтық режимі бойынша ерекшеленетін есептік-анықтамалық деректерді, хабарлау-процестік мәліметтерді және қылмыстық іс материалдарын қамтиды. Аталған цифрлық орта дәлелдемелердің дербес көзі болып табылмайтыны, керісінше, процестік маңызы бар құжаттарға қол жеткізу нысаны ретінде қызмет ететіні негізделеді. Қорғалуға құқықты және сот төрелігіне қол жеткізуді қамтамасыз ету мақсатында іс материалдарымен электрондық түрде танысуды, қол жеткізу сәтін тіркеуді және цифрлық көшірмелердің түпнұсқалығын растауды неғұрлым нақты реттеу қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: цифрлық қол жеткізу; электрондық түрде танысу; процестік кепілдік; қорғалуға құқық; процестік құжат; қатысушыны хабардар ету; дәлелдемелік ақпарат; сотқа дейінгі тергеп-тексеру; цифрлық орта; құқықтық режим.

A.A. Prokopova, A.B. Akhmediyev

*B. Beisenov Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan,
Karaganda, the Republic of Kazakhstan*

THE PUBLIC SECTOR OF THE URPTI AND ACCESS TO JUSTICE: THE PROCEDURAL AND LEGAL NATURE OF THE INFORMATION POSTED

Abstract. The article examines the legal nature of the information posted in the “Public Sector” subsystem of the Unified Register of Pre-Trial Investigations of the Republic of Kazakhstan. It is shown that, in the course of digitalization of pre-trial proceedings, access of participants in criminal proceedings to information on the progress of the investigation, adopted decisions, and certain case materials is acquiring stable procedural significance. Based on an analysis of legislation, subordinate regulation, and scholarly literature, it is established that the posted information does not form a homogeneous category. It includes reference data, notification-related procedural information, and criminal case materials subject to different legal regimes. It is substantiated that this digital environment is not an independent source of evidence, but serves as a form of access to procedurally significant documents. The study concludes that clearer legal regulation is needed for electronic familiarization with case materials, recording the moment of access, and confirming the authenticity of digital copies. This is important for ensuring the right to defense and access to justice.

Keywords: digital access; electronic familiarization; procedural guarantee; right to defense; procedural document; participant notification; evidentiary information; pre-trial investigation; digital environment; legal regime.

Введение. Современный этап развития уголовного судопроизводства Республики Казахстан (далее – РК) связан с последовательным внедрением цифровых технологий в сферу досудебного расследования. Электронный документооборот, автоматизированный учет процессуальных решений, дистанционный доступ участников процесса к информации по уголовному делу постепенно перестают быть лишь организационными инструментами и все заметнее влияют на саму уголовно-процессуальную форму. Одним из наиболее показательных проявлений этой трансформации стало функционирование Единого реестра досудебных расследований и его подсистемы «Публичный сектор» (далее – ПС ЕРДР).

Статистические данные за 2018-2025 гг. подтверждают, что электронный формат досудебного производства перестал быть вспомогательным элементом и занял устойчивое место в практике расследования. Если в 2018 году в электронном формате было начато 25 154 дела, или 4,3% от общего массива дел, находившихся в производстве, то в 2019 году этот показатель составил 17,8%, в 2020 году – 34,6%, а в 2021 году достиг 50,5%. В 2023-2025 гг. доля дел, начатых в электронном формате, стабильно превышала половину общего массива и составляла 56,1%, 52,6% и 51,7% соответственно. О закреплении электронного формата свидетельствует и сокращение числа переводов дел в бумажное производство: если в 2018-2020 гг. их доля колебалась от 12,9 до 18,0%, то в 2021 году она снизилась до 5,7%, а в 2023-2025 гг. не превышала 1%. Та же тенденция проявляется и при окончании основных уголовных дел: в 2018 году в электронном формате было окончено лишь 6,1% таких дел, в 2021 году – 71,6%, а в 2023-2025 гг. уже 94,0%, 95,4% и 95,6% соответственно. Эти данные свидетельствуют о том, что цифровая среда стала обычным способом процессуального существования уголовного дела¹.

На практике публичный сектор используется для подачи заявлений, ходатайств и жалоб, получения сведений о ходе расследования, а также для ознакомления с отдельными материалами уголовного дела. По существу он выполняет функции информационного сервиса и канала процессуальной коммуникации, обеспечивая одновременно цифровой доступ к документам. Однако значение этой среды не исчерпывается удобством электронного взаимодействия с органом расследования. Если участник процесса через нее получает сведения о движении

¹ Отчет №1-Е «О работе органов уголовного преследования» за 2018-2025 г. // Правовая статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

обращения, принятых решениях и доступе к материалам дела, то речь идет уже о реальной возможности пользоваться средствами процессуальной защиты. В этом смысле проблема затрагивает не только цифровизацию досудебного производства, но и вопрос доступа к правосудию.

Несмотря на заметный рост исследований, посвященных электронному уголовному делу, цифровым документам и электронному формату расследования, правовая природа сведений, размещаемых именно в ПС ЕРДР, остается раскрытой неполно. В научной литературе внимание в основном сосредоточено либо на цифровизации уголовного процесса в целом, либо на вопросах электронного документооборота. Между тем по-прежнему неясно, как следует разграничивать учетно-справочные данные, уведомительно-процессуальные сведения и материалы уголовного дела, становящиеся доступными участнику через цифровой интерфейс. От ответа на этот вопрос зависит оценка статуса электронного уведомления, правового режима цифровой копии документа, последствий технической недоступности материалов и, в конечном счете, гарантированности права на защиту.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что ПС ЕРДР рассматривается как цифровая среда обращения юридически неоднородных сведений. Предложено разграничение учетно-справочных данных, уведомительно-процессуальных сведений и материалов уголовного дела, а также обосновано, что цифровая форма предоставления документа не изменяет его процессуально-правовую природу. Отдельное внимание уделено фиксации момента электронного доступа и подтверждению подлинности цифровых документов.

Материалы и методы. Материальную основу исследования составили положения Уголовно-процессуального кодекса РК (далее – УПК РК), регулирующие порядок досудебного расследования, правовой режим процессуальных документов, реализацию права участников процесса на ознакомление с материалами дела, а также подзаконные акты, определяющие функционирование ПС ЕРДР. В качестве эмпирического и прикладного материала использованы руководство пользователя ПС ЕРДР, положения о сервисах доступа к сведениям о принятых решениях и материалам уголовного дела, а также научные труды, посвященные цифровизации уголовного процесса, электронному уголовному делу и правовой природе электронных документов.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы. Формально-юридический метод использован при анализе норм уголовно-процессуального законодательства и ведомственного регулирования, определяющих правовой режим сведений, размещаемых в ПС ЕРДР. Системно-структурный метод позволил рассмотреть размещаемые в цифровой среде данные как неоднородный массив, включающий информационные сведения, уведомительно-процессуальные данные и материалы уголовного дела, обладающие различным юридическим значением. Функциональный метод применялся для выяснения роли соответствующих сведений в механизме реализации процессуальных прав участников, фиксации юридически значимых фактов и обеспечения доступа к процессуальным документам. Использование указанных методов позволило определить процессуально-правовую природу сведений, размещаемых в ПС ЕРДР, и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования электронного ознакомления с материалами уголовного дела.

Результаты, обсуждение. Вопросы цифровизации уголовного процесса получили определенное отражение в научной литературе. Так, С.В. Зуев и Н.А. Моругина справедливо указывают, что электронное уголовное дело представляет собой совокупность процессуальных документов, формируемых и обращающихся в цифровой среде [1; 83]. Авторы подчеркивают необходимость пересмотра традиционных представлений о форме уголовного дела в условиях

развития информационных технологий.

Т.Ю. Вилкова и Л.Н. Масленникова связывают модернизацию уголовного судопроизводства с переходом от бумажных процессуальных бланков к электронному уголовному делу, отмечая, что цифровизация требует нового понимания законности и унификации процессуальной формы [2; 730].

И.М. Беляева, А.К. Кусаинова и Б.М. Нургалиев, исследуя казахстанский опыт, указывают, что внедрение электронного расследования обеспечивает гражданам возможность дистанционного ознакомления с материалами уголовного дела, но одновременно ставит вопросы информационной безопасности и процессуальных гарантий [3; 9].

П.П. Ищенко обоснованно отмечает, что цифровизация досудебного производства неизбежно ставит проблему признания электронных документов полноценными носителями процессуальной информации [4; 70].

Отдельные аспекты функционирования ПС ЕРДР уже рассматривались в ранее опубликованных работах. В них публичный сектор исследован как инструмент цифровизации уголовного процесса [5], а также как процессуальная форма реализации права на ходатайство и жалобу в досудебном производстве [6].

Вместе с тем вопрос о процессуально-правовой природе различных категорий сведений, размещаемых в ПС ЕРДР, их разграничении по юридическому значению и особенностях доступа к материалам уголовного дела требует дальнейшей разработки, поскольку остаются недостаточно исследованными следующие вопросы:

- во-первых, отсутствует классификация сведений публичного сектора ЕРДР по их юридическому значению;
- во-вторых, не определено соотношение информационных данных системы и процессуальных документов уголовного дела;
- в-третьих, не раскрыт правовой статус протоколов следственных действий и иных материалов, предоставляемых участникам через цифровой интерфейс;
- в-четвертых, не исследованы последствия технических ограничений доступа к материалам дела для реализации права на защиту.

Именно указанные обстоятельства обуславливают актуальность настоящего исследования. В данной статье мы постараемся определить процессуально-правовую природу сведений, размещаемых в ПС ЕРДР, их классификацию по юридическому значению, а также выявить особенности использования цифровой формы доступа к материалам уголовного дела.

Анализ действующего функционала ПС ЕРДР позволяет сделать вывод о том, что размещаемые в нем сведения не образуют единого информационного массива. Данные сведения объединяет общая цифровая среда обращения, однако по своему происхождению, функциональному назначению и процессуальным последствиям использования они существенно различаются. Такой вывод имеет не только прикладное, но и теоретическое значение, поскольку в уголовном процессе правовая оценка любой информации определяется не внешней формой ее размещения, а тем, какое место она занимает в механизме реализации процессуальных прав, фиксации юридических фактов и доказывания.

В общей теории уголовного процесса информация, циркулирующая в рамках производства по делу, не может рассматриваться как однородная категория. Одна ее часть служит для организационного сопровождения процесса, другая обеспечивает уведомление участников о юридически значимых действиях и решениях, третья фиксирует содержание следственных и иных процессуальных действий, приобретает значение процессуальных документов, а в ряде случаев и средств закрепления доказательственной информации [7]. Поэтому применительно к

ПС ЕРДР более корректно говорить не о «сведениях» вообще, а о нескольких группах цифровых объектов, объединенных единым интерфейсом, но обладающих различной правовой природой.

К первой группе относятся *информационные сведения*, т.е. данные учетно-справочного характера. К ним могут быть отнесены номер ЕРДР, сведения о регистрации заявления, статус обращения, указание органа расследования, факт принятия либо отклонения заявления, иная информация, отражающая движение обращения или общий ход досудебного производства. Подобные сведения не направлены на установление обстоятельств совершения уголовного правонарушения и потому не обладают самостоятельной доказательственной природой. Их основное назначение состоит в обеспечении прозрачности деятельности органов расследования, упорядочении процессуальной коммуникации и информировании участника процесса о том, в каком состоянии находится его обращение или соответствующее производство. В этом смысле они представляют собой официальные цифровые данные учетно-регистрационного характера, имеющие значение прежде всего для ориентации участника в процессуальной ситуации. Руководство пользователя прямо показывает, что публичный сектор предназначен для отслеживания статуса заявления, получения номера ЕРДР, обновления записей и просмотра сведений по обращению, что подтверждает существование в системе самостоятельного массива именно справочно-информационных данных.

Вторую группу образуют *уведомительно-процессуальные сведения*, которые уже не сводятся к общему информированию, поскольку непосредственно связаны с реализацией конкретных процессуальных прав. Сюда относятся уведомления о принятом решении, данные о рассмотрении ходатайства, сведения о должностном лице, разрешившем обращение, информация о времени направления ответа, сведения о наличии приложенных документов, извещения о доступности материалов и иные данные, посредством которых участник получает юридически значимую реакцию государства на свое обращение.

Если информационные сведения отвечают на вопрос о том, что происходит с делом или обращением в целом, то уведомительно-процессуальные сведения показывают, какие именно процессуальные последствия уже наступили для конкретного участника [8]. Их юридическое значение определяется тем, что через них обеспечивается реализация права на обращение, права быть уведомленным о процессуальных решениях, права своевременно реагировать на действия либо бездействие органов расследования, права заявлять новые ходатайства или обжаловать принятые решения. В этом аспекте ПС ЕРДР перестает быть только технической оболочкой и приобретает свойства процессуального канала, через который фиксируется движение волеизъявления участника и официальная реакция уполномоченного должностного лица. Это согласуется и с ранее обоснованным подходом, согласно которому публичный сектор следует рассматривать как цифровую форму реализации права на ходатайство и жалобу.

Третью группу составляют *материалы уголовного дела*, т.е. документы, предоставляемые участнику для ознакомления через публичный сектор. К ним относятся постановления, протоколы следственных действий, приложения, ответы на ходатайства, иные документы, открытые следователем или иным уполномоченным лицом в пределах процессуальной компетенции. Именно данная категория обладает наиболее сложной правовой природой, поскольку она находится на пересечении теории процессуального документа, доказывания и цифровой формы уголовного дела [9]. Если первые две группы сведений преимущественно обеспечивают ориентирование участника в ходе производства и реализацию его права на получение информации, то материалы уголовного дела уже затрагивают содержательную сторону процесса, поскольку фиксируют ход и результаты процессуальных действий, содержат аргументацию решений либо отражают доказательственную информацию. Руководство пользователя прямо указывает на существование сервиса «Сведения о принятых решениях по

уголовному делу и материалы к ним», а также на возможность запроса и получения документов по номеру ЕРДР, что подтверждает функционирование публичного сектора не только как средства уведомления, но и как цифрового канала доступа к материалам дела.

Именно в отношении этой группы становится особенно важным разграничение между цифровым способом предоставления документа и его исходной процессуальной природой. Размещенный в публичном секторе протокол следственного действия не становится новым видом доказательства только потому, что доступ к нему предоставлен участнику в электронной среде. Его юридическая сущность определяется тем, что он составлен в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме, отражает ход и результаты конкретного следственного действия и входит в структуру уголовного дела как процессуальный документ. Следовательно, ПС ЕРДР не порождает доказательства и не превращает любой размещенный в нем файл в самостоятельный источник доказывания. Он выступает цифровой средой доступа к документам, которые уже обладают или способны обладать самостоятельным процессуальным статусом. Иначе говоря, доказательственное значение имеет не сам интерфейс системы, а тот документ, который был создан и оформлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, а затем доведен до участника через данный интерфейс.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей: 1) сведения всего массива данных публичного сектора исключительно к технической информации, полностью игнорируя факт размещения в системе документов уголовного дела; 2) противоположного преувеличения, когда любая информация, отображаемая в публичном секторе, автоматически наделяется доказательственным значением. Обе позиции представляются методологически неверными. Первая не учитывает реальное расширение цифрового доступа участников к материалам дела, вторая смешивает информационную среду обращения документа с его собственным правовым режимом. Более обоснованным является дифференцированный подход, при котором правовая природа конкретного цифрового объекта определяется не названием сервиса, а содержанием, источником возникновения и его функцией в уголовном процессе.

Отсюда следует, что ПС ЕРДР должен рассматриваться как *цифровая среда процессуальной коммуникации*, внутри которой обращаются юридически неоднородные объекты [10]. В ней сочетаются учетно-справочные данные, уведомительно-процессуальные сведения и материалы уголовного дела, включая документы, связанные с фиксацией доказательственной информации. Такое понимание особенно важно для правильной оценки правовых последствий электронного ознакомления участника с материалами дела. В традиционной бумажной модели факт ознакомления обычно подтверждался подписью лица, распиской, отметкой на документе либо отдельным протоколом. В цифровой модели аналогичное юридическое значение приобретают иные факты: дата открытия доступа к документу, время ознакомления, подтверждение входа пользователя через электронную цифровую подпись, факт скачивания файла, отражение направления уведомления участнику, наличие цифрового следа совершенного действия в системе. Это означает, что цифровизация изменяет не сущность процессуального права, а форму его удостоверения и механизм реализации.

Именно поэтому техническая недоступность материалов дела, неполное размещение документов либо несвоевременное открытие доступа способны влечь не только организационные неудобства, но и нарушение права на защиту. Если участник уголовного процесса не получил своевременный доступ к постановлению, протоколу следственного действия или иному материалу, это влияет не просто на удобство ознакомления, а на возможность своевременно заявить возражения, подать ходатайство, подготовить жалобу, определить линию защиты либо реализовать иные процессуальные полномочия. В цифровой модели такие риски приобретают особую значимость, поскольку право на защиту все в большей степени реализуется не через

физическое присутствие и бумажный документооборот, а через доступ к электронным документам и фиксируемые системой цифровые действия.

Следовательно, попытка квалифицировать весь массив данных публичного сектора единым термином является методологически ошибочной. Сам публичный сектор не является доказательством, источником доказательств либо самостоятельным процессуальным документом. Однако через него обеспечивается движение сведений и документов, обладающих различной правовой природой. Теоретически более правильно рассматривать его как форму внешнего функционирования электронного уголовного дела в той его части, которая обращена к участнику процесса и обеспечивает цифровой доступ к юридически значимой информации. Именно такая конструкция позволяет одновременно сохранить классические положения уголовно-процессуальной теории о доказательствах и документах и учесть новые реалии цифровизации досудебного производства.

Закключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ПС ЕРДР уже не сводится к функции технического сопровождения досудебного производства. Посредством него участники уголовного процесса получают сведения о движении дела, принятых процессуальных решениях и доступ к отдельным материалам уголовного дела, что придает данной цифровой среде процессуальное значение.

Размещаемые в ПС ЕРДР сведения неоднородны по своей правовой природе и могут быть разграничены на учетно-справочные данные, уведомительно-процессуальные сведения и материалы уголовного дела. Материалы уголовного дела, включая протоколы следственных действий и иные процессуальные документы, не изменяют своей правовой природы вследствие их предоставления в цифровой форме. Их процессуальное и доказательственное значение определяется требованиями уголовно-процессуального закона, а ПС ЕРДР выступает цифровой формой доступа к соответствующим документам.

Действующее подзаконное регулирование предусматривает право участника уголовного процесса получать посредством ПС ЕРДР доступ к сведениям о принятых процессуальных решениях и материалам уголовного дела. Инструкция № 89 также отмечает, что такой доступ предоставляется лицом, осуществляющим досудебное расследование, в объеме, определенном УПК РК. Вместе с тем непосредственно в статье 42-1 УПК РК обязанность обеспечить участнику надлежащий электронный доступ к соответствующим материалам уголовного дела не закреплена.

В связи с этим предлагается дополнить статью 42-1 УПК РК частью 4 следующего содержания: *«4. При ведении уголовного судопроизводства в электронном формате лицо, осуществляющее досудебное расследование, обязано обеспечить участникам уголовного процесса посредством публичного сектора Единого реестра досудебных расследований доступ к процессуальным решениям и материалам уголовного дела, которые в соответствии с настоящим Кодексом подлежат вручению либо предоставлению им для ознакомления. Факт предоставления доступа подлежит фиксации в Едином реестре досудебных расследований».*

Законодательное закрепление данной обязанности целесообразно дополнить конкретизацией Инструкции №89² в части автоматической фиксации даты и времени открытия доступа, перечня предоставленных документов и направления участнику соответствующего уведомления. В Инструкции № 2 о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате следует дополнительно определить механизм подтверждения подлинности предоставляемых участнику цифровых документов, включая возможность проверки электронной цифровой подписи, а для документов, переведенных в PDF-формат, – сведений о времени их размещения и

² Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сент. 2014 г. № 89 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31619562.

лице, обеспечившем соответствие электронной копии оригиналу³.

Предлагаемое сочетание законодательного закрепления процессуальной обязанности и технических гарантий ее исполнения позволит обеспечить единообразный порядок электронного ознакомления с материалами уголовного дела, повысить проверяемость действий по предоставлению доступа и усилить гарантии реализации права на защиту и доступа к правосудию.

Список использованной литературы:

1. Зуев, С.В. Электронное уголовное дело: теоретическая модель / С.В. Зуев, Н.А. Моругина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15. № 3. – С. 83-94.
2. Вилкова, Т.Ю. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов к электронному уголовному делу / Т.Ю. Вилкова, Л.Н. Масленникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 728-751.
3. Беляева, И.М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан / И.М. Беляева, А.К. Кусаинова, Б.М. Нургалиев // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2018. – Т. 18. № 4. – С. 7-12.
4. Ищенко, П.П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex Russica. – 2019. – № 12 (157). – С. 68-78.
5. Прокопова, А.А. Публичный сектор ЕРДР как инструмент цифровизации уголовного процесса / А.А. Прокопова // Вестник Национального института бизнеса. – 2025. – № 4 (60). – С. 267-273.
6. А.А. Прокопова. Публичный сектор ЕРДР как процессуальная форма реализации права на ходатайство и жалобу в досудебном производстве: сб. науч. ст. по материалам междунар. научн.-практ. конф. молодых ученых, приуроченной к 30-летию образования Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ «Обеспечение законности и правопорядка: национальный опыт Республики Казахстан и международная практика». – Караганда: КА МВД РК, 2026. – С. 103-108.
7. Qin, H. The development of China's electronic case file regulations and its future implications / H. Qin, L. Chen, L. Mou // Computer Law & Security Review. – 2024. – Vol. 52. – 105930.
8. Pivaty, A. Lawyers in Digitalised Criminal Proceedings and Defendants' Access to Criminal Justice / A. Pivaty // Tilburg Law Review. – 2024. – № 29 (2). – Pp. 31-47.
9. Jackson, J. When trust turns digital: why relational cues matter in online crime-reporting portals [Электронный ресурс]. / J. Jackson, et al. // Journal of Experimental Criminology. – 2025. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s11292-025-09713-5>.
10. Oliveira, T.R. Are Trustworthiness and Legitimacy 'Hard to Win, Easy to Lose'? A Longitudinal Test of the Asymmetry Thesis of Police-Citizen Contact / T.R. Oliveira, et al. // Journal of Quantitative Criminology. – 2021 – № 37. – Pp. 1003-1045.

References:

1. Zuev, S.V. Jelektronnoe ugovnoe delo: teoreticheskaja model' / S.V. Zuev, N.A. Morugina // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – Т. 15. № 3. – С. 83-94.
2. Vilkova, T.Ju. Zakonnost' i unifikacija v ugovnom sudoproizvodstve: ot blankov processual'nyh dokumentov k jelektronnomu ugovnomu delu / T.Ju. Vilkova, L.N. Maslennikova // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. – 2019. – № 46. – С. 728-751.
3. Beljaeva, I.M. Problemy vnedrenija jelektronnogo formata ugovnogo rassledovaniya v Respublike Kazahstan / I.M. Beljaeva, A.K. Kusainova, B.M. Nurgaliev // Vestnik JuUrGU. Serija: Pravo. – 2018. – Т. 18. № 4. – С. 7-12.
4. Ishhenko, P.P. Sovremennye podhody k cifrovizacii dosudebnogo proizvodstva po ugovnym delam // Lex Russica. – 2019. – № 12 (157). – С. 68-78.
5. Prokopova, A.A. Publichnyj sektor ERDR kak instrument cifrovizacii ugovnogo processa / A.A. Prokopova // Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa. – 2025. – № 4 (60). – С. 267-273.
6. А.А. Prokopova. Publichnyj sektor ERDR kak processual'naja forma realizacii prava na hodatajstvo i zhalobu v dosudebnom proizvodstve: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. molodyh uchenyh, priurochennoj k 30-letiju obrazovaniya Soveta ministrov vnutrennih del gosudarstv-uchastnikov SNG «Obespechenie zakonnosti i pravoporjadka: nacional'nyj opyt Respubliki Kazahstan i mezhdunarodnaja praktika». – Karaganda: KA MVD RK, 2026. – С. 103-108.
7. Qin, H. The development of China's electronic case file regulations and its future implications / H. Qin, L. Chen,

³ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 янв. 2018 г. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268>.

L. Mou // Computer Law & Security Review. – 2024. – Vol. 52. – 105930.

8. Pivaty, A. Lawyers in Digitalised Criminal Proceedings and Defendants' Access to Criminal Justice / A. Pivaty // Tilburg Law Review. – 2024. – № 29 (2). – Pp. 31-47.

9. Jackson, J. When trust turns digital: why relational cues matter in online crime-reporting portals [Elektronnyj resurs]. / J. Jackson, et al. // Journal of Experimental Criminology. – 2025. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.1007/s11292-025-09713-5>.

10. Oliveira, T.R. Are Trustworthiness and Legitimacy 'Hard to Win, Easy to Lose'? A Longitudinal Test of the Asymmetry Thesis of Police-Citizen Contact / T.R. Oliveira, et al. // Journal of Quantitative Criminology. – 2021 – № 37. – Pp. 1003-1045.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Анна Алексеевна Прокопова – Б. Бейсенов атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Қарағанды академиясының қылмыстық процесс кафедрасының профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, e-mail: anya.prokopova@gmail.com, orcid.org/0000-0003-3478-0052.

Прокопова Анна Алексеевна – профессор кафедры уголовного процесса Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, e-mail: anya.prokopova@gmail.com, orcid.org/0000-0003-3478-0052.

Prokopova Anna Alekseevna – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, e-mail: anya.prokopova@gmail.com, orcid.org/0000-0003-3478-0052.

Асхат Бектұрсынұлы Ахмадиев – Б. Бейсенов атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Қарағанды академиясының киберқауіпсіздік және ақпараттық технологиялар кафедрасының доценты, философия докторы (PhD), e-mail: ahat.aytzhhan.87@bk.ru, orcid.org/0009-0009-7570-1614.

Ахмадиев Асхат Бектұрсынұлы – доцент кафедры кибербезопасности и информационных технологий Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор философии (PhD), e-mail: ahat.aytzhhan.87@bk.ru, orcid.org/0009-0009-7570-1614.

Akhmadiyev Askhat Bektursynuly – Associate Professor of the Department of Cybersecurity and Information Technology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, PhD, e-mail: ahat.aytzhhan.87@bk.ru, orcid.org/0009-0009-7570-1614.

Е.Ғ. Чонбаев

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ҚОЛДАНУ АРҚЫЛЫ АЗАПТАУҒА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫ КРИМИНАЛИСТИКАЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ

Аннотация. Мақалада азаптауға қарсы іс-қимылды криминалистикалық қамтамасыз ету барысында заманауи технологиялар мен жасанды интеллектті қолдану мәселелері қарастырылады. Зерттеудің негізгі назарында оқиға орнын қарау нәтижелерін объективті тіркеуге мүмкіндік беретін техникалық құралдар кешені, тергеушілер мен сот сарапшыларының қызметіндегі рәсімдік және әдістемелік тәуекелдерді анықтауға бағытталған жасанды интеллект алгоритмдері, сондай-ақ жасанды интеллектті құқық қорғау және сот-сараптама қызметіне енгізудің құқықтық, ұйымдастырушылық және этикалық шектері қарастырылған.

Оқиға орнын сапалы қарап-тексеру барысында алынған цифрлық ақпараттың кейіннен жасанды интеллект арқылы өңдеу мен талдау мүмкіндігі негізделеді. Осы мақсатта автор «Оқиға орнын қарап-тексеру нәтижелерін тіркеуге арналған модульдік жинақ» патентін (04.08.2023 жылғы пайдалы модельге патент) ұсынады.

Зерттеу барысында формальды-зандық, салыстырмалы-құқықтық, жүйелік-құрылымдық, логикалық талдау, құқық қолдану, соның ішінде шетел тәжірибесін қорыту және SWOT-талдау әдістері қолданылды.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы азаптаудың алдын алуды криминалистикалық қамтамасыз етудің өзара байланысты үш элементтен тұратын кешенді моделін ұсынумен айқындалады: оқиға орнын қарап-тексеру нәтижелерін объективті тіркейтін модульдік жинақ; тергеушілер мен сот сарапшыларының қызметіндегі жүйелі рәсімдік және әдістемелік бұзушылықтардың тәуекел белгілерін анықтайтын жасанды интеллект алгоритмі; жасанды интеллект нәтижелерін адамның міндетті түрде тексеруін, олардың түсіндірмелілігін және дербес деректерді қорғауды көздейтін құқықтық-ұйымдастырушылық бақылау тетігі.

Түйінді сөздер: адам құқықтары; жасанды интеллект; тергеу; азаптау; қызметкер; сараптама.

Е.Ғ. Чонбаев

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЫТКАМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы применения современных технологий и искусственного интеллекта в криминалистическом обеспечении противодействия пыткам. Основное внимание уделено комплексу технических средств, позволяющих объективно фиксировать результаты осмотра места происшествия, алгоритмам искусственного интеллекта, направленным на выявление процессуальных и методических рисков в деятельности следователей и судебных экспертов, а также правовым, организационным и этическим пределам внедрения искусственного интеллекта в правоохранительную и судебно-экспертную деятельность.

Обосновываются возможности последующей обработки и анализа с помощью искусственного интеллекта цифровой информации, полученной в ходе качественного осмотра места происшествия. В этих целях автор представляет патент «Модульный комплект для фиксации результатов осмотра места происшествия» (патент на полезную модель от 04.08.2023 г.).

В ходе исследования применялись формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный, логический методы анализа, обобщение правоприменительной, в том числе зарубежной, практики и SWOT-анализ.

Научная новизна исследования определяется предложением комплексной модели криминалистического обеспечения предупреждения пыток, состоящей из трех взаимосвязанных элементов: модульного комплекта для объективной фиксации результатов осмотра места происшествия; алгоритма искусственного интеллекта для выявления признаков риска системных процессуальных и методических нарушений в деятельности следователей и судебных экспертов; правового и организационного механизма контроля, предусматривающего обязательную проверку результатов искусственного интеллекта человеком, их объяснимость и защиту персональных данных.

Ключевые слова: права человека; искусственный интеллект; расследование; пытки; сотрудник; экспертиза.

Y.G. Chonbayev

*The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshi, the Republic of Kazakhstan*

CRIMINALISTIC SUPPORT FOR THE PREVENTION OF TORTURE THROUGH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Abstract. The article examines the application of modern technologies and artificial intelligence in the forensic support of measures to prevent and combat torture. The study focuses primarily on a set of technical tools that enable the objective recording of the results of crime scene examinations, artificial intelligence algorithms aimed at identifying procedural and methodological risks in the activities of investigators and forensic experts, as well as the legal, organizational, and ethical limits of introducing artificial intelligence into law enforcement and forensic activities.

The study substantiates the possibilities of subsequent processing and analysis by artificial intelligence of digital information obtained during a thorough crime scene examination. For this purpose, the author presents the patent “Modular Kit for Recording the Results of Crime Scene Examination” (utility model patent dated August 4, 2023).

The study employs formal legal, comparative legal, systemic-structural, and logical analysis, as well as the generalization of law enforcement practice, including foreign experience, and SWOT analysis.

The scientific novelty of the study lies in proposing a comprehensive model of forensic support for the prevention of torture, consisting of three interrelated elements: a modular kit for the objective recording of crime scene examination results; an artificial intelligence algorithm for identifying risk indicators of systematic procedural and methodological violations in the activities of investigators and forensic experts; and a legal and organizational control mechanism providing for mandatory human verification of artificial intelligence results, explainability, and personal data protection.

Keywords: human rights; artificial intelligence; investigation; torture; official; forensic examination.

Kіpіcne. Азаптау мен басқа да қатыгез, адамгершіліксіз, қадір-қасиетті қорлайтын немесе жазалау түрлерінен босатылу құқығы – халықаралық және ұлттық құқықтық реттеудің ең жоғары деңгейдегі мәселесі болып табылады.

Қазақстан Республикасы Конституциясының 20-бабында «Адамның ар-намысы мен қадір-қасиетіне қол сұғуға болмайды және олар заңмен қорғалады. Ешкімді азаптауға, оған зорлық-зомбылық жасауға, басқа да қатыгездік көрсетіп немесе адамның қадір-қасиетін қорлап жәбірлеуге не жазалауға болмайды»¹, деп бекітілген. Азаптауға тыйым салу Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының (5-бап)², Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің (7-бап)³, сондай-ақ Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық конвенцияның (3-бап) [1] ережелерінде де көзделген.

Құқық қорғау және мемлекеттік органдар қабылдаған шараларға қарамастан, азаптауға қарсы іс-қимыл саласындағы жағдай күрделі күйінде қалып отыр. Соңғы 10 жылда Қазақстан Республикасында құқық қорғау органдары қызметкерлері тарапынан жасалған азаптау фактілерінің едәуір саны байқалды⁴. ТМД елдері арасында Қазақстан азаптауға тыйым салу рейтингінде теріс нәтиже алды. Азаптаумен күресте Молдова оң нәтижеге мемлекеті қол жеткізді⁵.

¹ Қазақстан Республикасының Конституциясы: Конституция 2026 ж. 15 наурызда республикалық референдумда қабылданды [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2600000000>.

² Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы: декларация Біріккен Ұлттар Ұйымы Бас Ассамблеясының резолюциясымен 1948 ж. 10 желтоқсанда № 217 А (III) қабылданған [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/O4800000001>.

³ Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіні ратификациялау туралы: Қазақстан Республикасының 2005 ж. 28 қарашадағы № 91 Заңы [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z0500000091_.

⁴ ҚР БП Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитеті. «Тіркелген қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы» № 1-М есеп нысаны [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

⁵ Казахстан получил отрицательный результат в рейтинге запрета пыток среди стран СНГ (4 июля 2020 г.) [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/5030602-kazakhstan-poluchil-otritsatelnyy.html>.

«Экономист интеллигенция» ұйымының демократия деңгейі бойынша елдер рейтингінде (стратегиялық болжау, экономикалық зерттеулер, салалық және елдік талдау саласында маманданған британдық зерттеу және талдау орталығы) Қазақстан 2022 жылы әлемде 167-ден 127-ші орынды иеленді⁶. Елдің демократия индексі бір жыл бұрынғы 3,14-ке қарағанда 3,08 құрады. Индекс 10-ға неғұрлым жақын болса, ел соғұрлым демократиялық болып саналады. ТМД-ға кіретін мемлекеттердің арасында Ресей, Молдова, Армения және Қырғызстан неғұрлым демократиялық процестермен сипатталады. Ең қолайсыз жағдай Әзірбайжан, Өзбекстан, Тәжікстан және Түрікменстанда байқалады. Рейтингтің алғашқы жолдарын Норвегия, Жаңа Зеландия және Финляндия иеленді. Рейтингті Ауғанстан аяқтады.

Азаптауды көп жағдайда қылмыстық қудалау органдарының қызметкерлері қылмыстарды ашу және тергеу кезінде статистикалық көрсеткіштерді жасанды түрде жақсарту үшін қолданатыны белгілі.

Бұл құбылыс, қоғамның құқық қорғау органдарына деген теріс көзқарасын қалыптастырып қана қоймай, қоғамның өзін және оның ойлауын өзгертеді, әділетсіздік, зорлық-зомбылық пен қатыгездікті қалыпты құбылыс ретінде қабылдауға итермелейді. Соның салдарынан мұндай әрекеттерді белгілі бір мақсатқа жетудің тиімді құралы ретінде ақтау қаупі туындайды.

Қатаң ведомстволық иерархия, белгілі бір қылмыстық қудалау органы қызметкерлерінің корпоративтік ынтымақтастығы, кеңестік кезеңнен бері өзгермеген және ақылға қонымды тиімділік тұрғысынан қатыгез құқық қорғау органдарының қызметін бағалау критерилері оларды айыптау дәлелдерін алудың кез келген тәсілдеріне итермелейді. Мұндай тәжірибеге көбіне құқық қорғау органы қызметкерлерінің тікелей басшылығының мәжбүрлі қызығушылығымен және құптауымен жол берілуде⁷.

Зерттеудің мақсаты – азаптауға байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтарды анықтау, тергеу және сот-сараптамалық қамтамасыз ету сапасын арттыру үшін заманауи техникалық құралдар мен жасанды интеллект технологияларын қолданудың ғылыми және практикалық негіздерін әзірлеу.

Материалдар мен әдістер. Мақалада қолданыстағы заңнаманың ғылыми-теориялық материалдар, Қазақстан Республикасының заңнамалық актілері мен құқық қорғау органдарының тәжірибелік деректері пайдаланылды.

Зерттеу барысында формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық, жүйелілік-құрылымдық және логикалық талдау, құқық қолдану тәжірибесін қорыту және SWOT-талдау әдістері қолданылды.

Зерттеу материалы ретінде Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 146-бабы (Қатыгез, адамгершілікке жатпайтын немесе қадір-қасиетті қорлайтын қарым-қатынас, азаптаулар) және басқа да тиісті баптары, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің ақпараттық жүйелері, сондай-ақ ғылыми әдебиеттер мен БАҚ мәліметтері пайдаланылды.

Нәтижелер, талқылау. Азаптауға байланысты қылмыстық істерді тергеудің ерекшелігі дәлелдемелердің көп жағдайда материалдық іздермен қатар, медициналық құжаттардан, куәлардың жауаптарынан, бейнежазбалардан, электрондық деректерден және өзге де жанама ақпараттардан қалыптасуымен сипатталады.

Азаптау және басқа да санаттағы қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша оқиға орнын уақытылы және сапалы қарап-тексеру маңызды криминалистикалық мәнге ие. Оқиға орнының

⁶ В рейтинге «Индекс демократий мира» Казахстан занял 127 место и признан авторитарным [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://bizmedia.kz/2023/02/03/v-rejtinge-indeks-demokratij-mira-kazahstan-zanyal-127-mesto-i-priznan-avtoritarnym/>.

⁷ Amnesty International Works to Prevent Torture [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://www.ebsco.com/research-starters/religion-and-philosophy/amnesty-international-works-prevent-torture>.

жағдайын толық тіркемеу, жеке объектілердің орналасуын дұрыс көрсетпеу немесе биологиялық іздерді дер кезінде анықтамау кейіннен дәлелдемелерді бағалауға кері әсер етуі мүмкін [2].

Азаптау фактілері жабық үй-жайларда, немесе бейнебақылау мүмкіндігі шектеулі жерлерде жасалуы ықтимал болғандықтан, кеңістіктік жағдайды барынша объективті тіркеу қажет. Бұл ретте дәстүрлі фотосурет пен бейнежазбаны қолданумен қатар, кеңістіктік өлшемдерді, жарықтандырудың әртүрлі жағдайларында іздерді анықтауды және оқиға орнын цифрлық түрде қайта қарауды қамтамасыз ететін техникалық мүмкіндіктерді пайдалану орынды.

Оқиға орнын қарап-тексеру нәтижелерін цифрлық форматта сапалы тіркеу алынған деректерді кейіннен құрылымдауға мүмкіндік береді. Құрылымдалған деректер жасанды интеллект алгоритмдері үшін бастапқы ақпараттық база бола алады.

Осылайша, техникалық тіркеу құралдары мен жасанды интеллект бір ұғым ретінде қарастырылмайды. Модульдік жинақ - дәлелдемелік ақпаратты жинау және объективті тіркеу құралы, ал жасанды интеллект - жинақталған цифрлық деректерді өңдеу, салыстыру және тәуекел белгілерін анықтау құралы.

Оқиға орнын қарап-тексеру нәтижелерін бекітуге тіркеуге арналған модульдік жинақ

Азаптау істері бойынша оқиға орнын қарап-тексеру сапасы кейінгі тергеу мен сот-сараптамалық зерттеу нәтижесіне тікелей әсер етеді. Сондықтан дәлелдемелерді тіркеу кезінде техникалық құралдарды кешенді түрде пайдалану қажеттілігі туындайды.

Осы мақсатта автор «Оқиға орнын қарап-тексеру нәтижелерін тіркеуге арналған модульдік жинақты» ұсынады. Аталған техникалық шешім пайдалы модельге 2023 жылғы 4 тамыздағы пайдалы модельге берілген патентпен қорғалған⁸.

Модульдік жинақ құрамына оқиға орнын 360 градус форматында фото және бейнежазбаға түсіретін камералар, мобильді құрылғымен байланысу мүмкіндігі, лазерлік өлшеу құралы, дыбыс жазу құрылғысы, ультракүлгін сәуле көзі, мобильді интернет антеннасы, үздіксіз қоректендіру құрылғылары, жарықтандырғыш, штатив және басқа да қажетті техникалық құралдар кіреді (1-сурет).

1-сурет. Модульдік жинақ (штативпен және жылжымалы түрде)

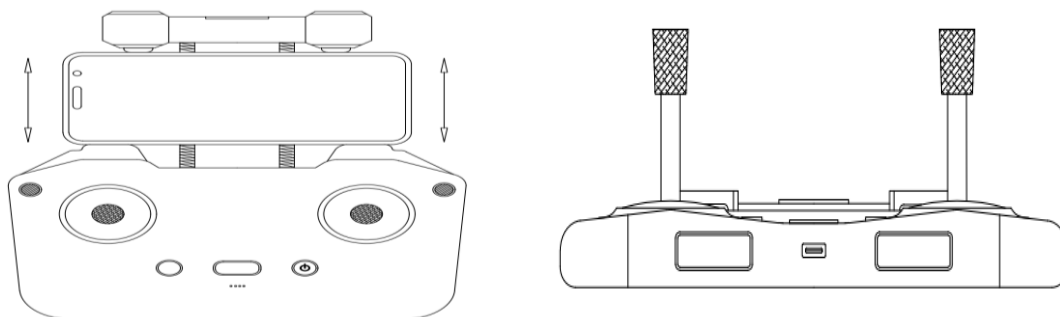
Жинақтың негізгі артықшылығы – оқиға орнын әртүрлі техникалық құралдардың көмегімен оқиға орнын бір жүйеде тіркеуге мүмкіндік беруі. Атап айтқанда, фотосуреттер мен бейнежазбалар, кеңістіктік өлшемдер, жарықтандыру нәтижелері және басқа да цифрлық ақпарат

⁸ Выписка из государственного реестра полезных моделей Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Айналыс режимі: <https://newcab.kazpatent.kz/?!.iD=wlv1>.

кейіннен бірыңғай деректер жиынтығы ретінде сақталуы мүмкін.

Азаптауға байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша мұндай тәсілдің маңызы ерекше. Оқиға орнында адамның денесіндегі биологиялық іздер, қан іздері, заттар мен жиһаздың орналасуы, сондай-ақ бөлменің ішкі көрінісі дәлелдемелік маңызға ие болуы мүмкін (2-сурет).

2-сурет. Жылжымалы модульдік жинақтың қашықтан басқару пульті

360 градус форматындағы бейнежазба немесе цифрлық кеңістіктік модель тергеу барысында назардан тыс қалған жекелеген объектілерді кейіннен қайта қарауға мүмкіндік береді. Бұл тергеушіге, прокурорға, сотқа, сот сарапшысына және маманға оқиға орнын бірнеше рет зерделеуге жағдай жасайды.

Сонымен бірге мұндай цифрлық тіркеу нәтижелері сот-сараптамалық зерттеуде қосымша материал ретінде пайдаланылуы мүмкін. Мысалы, объектілердің кеңістіктікте орналасуын, олардың арасындағы қашықтығы және іздердің орналасуын және басқа да деректерді қайта талдау мүмкіндігі сараптамалық қорытындының негізділігін бағалауға ықпал етеді.

Модульдік жинақтың жасанды интеллектпен байланысы дәл осы кезеңде қалыптасады. Жинақтың өзі жасанды интеллект жүйесі емес. Оның қызметі – стандартталған әрі сапалы цифрлық деректерді қалыптастыру. Кейін бұл деректер жасанды интеллект алгоритмдері арқылы өңделіп, салыстырылып, тәуекел индикаторларын анықтауға пайдаланылуы мүмкін.

Автордың пікірінше, модульдік жинақты қолдану дәлелдемелерді бұрмалау тәуекелін төмендетуге, оқиға орнын объективті көрсетуге және кейінгі цифрлық талдау үшін ақпараттық база қалыптастыруға ықпал етеді.

Құқық қорғау органдары мен сот-сараптама қызметіндегі жасанды интеллект мүмкіндіктері

Шетелдік тәжірибеде құқық қорғау қызметін цифрландыру шеңберінде қылмыс туралы ақпаратты автоматты түрде құрылымдау, географиялық деректерді талдау, оқиғалардың қайталанатын үлгілерін анықтау және ақпараттық ағындарды басымдық бойынша бөлу сияқты технологиялар қолданылады.

Мысалы, Гуанчжоуда (Қытай) орналасқан «С...W...» компаниясы жасаған, күдіктінің қашан және қайда барғанына және не істегеніне байланысты адамдардың іс-әрекетін бақылайтын бетті тану жүйесі қылмыс жасау ықтималдығын бере алады. Атап айтқанда, егер адам ас үй пышағын сатып алса, ол күдікті болмайды, бірақ егер ол балға, қап, арқан немесе жіп және сөмкені де сатып алса, күдіктің рейтингі автоматты түрде көтеріледі⁹.

Амстердам полициясы полиция есептерін автоматты түрде жүйелейтін, олардың ішінен адам саудасына қатысты бағдарламалық өнімді енгізді. Жүйе қылмыстық бизнеске қатысы бар адамдар тобын құру арқылы заңдылықтарды табады, яғни ықтимал күдіктілерді айқындайды

⁹ Китай использует искусственный интеллект для предотвращения будущих преступлений [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://tehmo.com/kitay-ispolzuet-iskusstvennyi-intellekt-dlya-predotvrascheniya-buduschih-prestupleniy-2690p.html>.

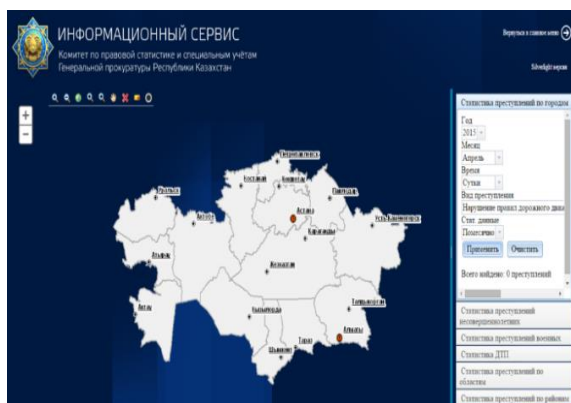

және анықтайды.

Америка Құрама Штаттарында қылмыстың ықтимал уақыты мен орнын болжайтын деректерді талдау жүйелері енгізілген¹⁰. Жасалған қылмыстар туралы есептерді пайдалана отырып, жүйе құқық бұзушылық жасау ықтималдығы жоғары аймақтарды анықтайды, бұл учаскелерді картада бөледі және жергілікті полиция қызметкерлеріне ол туралы тиісті мәліметтерді береді¹¹.

Әлемдік тәжірибе көрсеткендей, жасанды интеллект мүмкіндіктері қылмыстық құқық бұзушылықтардың, соның ішінде азаптаудың алдын алуда қолданылатынын көрсетеді.

Мысалы, 2012 жылы Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитеті (бұдан әрі – Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитеті) «Қылмыс картасы» атты ақпараттық жүйесін енгізді. Ол сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай тізілімінің базасымен біріктірілген. Соның нәтижесінде жасалған қылмыстың орны мен уақыты туралы ақпарат полицияда өтініш тіркелгеннен кейін бірден картада пайда болады (3-сурет)¹².

3-сурет. Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің «Қылмыс картасы» көрінісі

«Қылмыс картасы» кез келген азаматқа Құқықтық статистика және арнайы есепке алу комитетінің ақпараттық сервис порталында (service.pravstat.kz) әр аймақтағы қылмыстық жағдайды білуге мүмкіндік береді. Еліміздің барлық елді мекендерінің карталарында көшелер мен үйлерге дейін қылмыс жасалған жер туралы білуге құқылы. Мұндай интерактивті картаны пайдалану полиция қызметкерлеріне аумақтың қылмыстық жағдайын талдауға ғана емес, сонымен қатар азаматтарға қылмыстың жай-күйі туралы ақпарат алуға және олардың тұратын немесе жұмыс істейтін жерлерінде алдын алу шараларын қабылдауға мүмкіндік береді.

«Қылмыс картасына» ұқсас «Жол-көлік оқиғаларының картасы», «Кәмелетке толмағандардың қылмыс картасы», «Азаматтардың өтініштерінің картасы» және «Кәмелетке толмағандарға қатысты сексуалдық сипаттағы зорлық-зомбылық жасаған адамдардың картасы» геоақпараттық жүйелері құрылып, қолданылып келеді. Бұл жүйелерді енгізу мемлекеттік және құқық қорғау органдарының құқық бұзушылықтардың, оның ішінде балалар жарақаттануының алдын алу жөніндегі жұмысын едәуір жеңілдетті [3].

Шетелдік және отандық тәжірибені ескере отырып, құқық қорғау органдары мен сот

¹⁰ United Nations Convention Against Torture [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Convention_Against_Torture.

¹¹ Вы арестованы за намерение. Как новейшие цифровые разработки помогают предсказывать и предотвращать преступления [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://knife.media/predict-crime/>.

¹² Внедрена карта преступности [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://mangystaumedia.kz/ru/zakon_i_pravo/86719.

сараптамасы орталықтарындағы қызмет сапасын арттыру мақсатында олардың жұмысында жасанды интеллект мүмкіндіктерін кеңінен қолдану мәселесінің маңыздылығын атап өткен жөн.

Қазіргі кезде жасанды интеллект үлкен көлемдегі ақпаратты қысқа мерзімде өңдеуге, деректер арасындағы байланыстарды анықтауға және қайталанатын үлгілерді табуға мүмкіндік беретін технологиялық құрал ретінде қарастырылады.

Мәселен, жасанды интеллект мониторинг пен талдау арқылы біліктілікті арттыру курстарынан өтуді талап ететін құқық қорғау органдарының қызметкерлерін белгілейтін болады, сондай-ақ белгілі бір қызметкердің қылмыс, оның ішінде азаптау жасауға бейімділігі туралы өзіндік қауіпсіздік бөлімшелеріне дабыл береді, осылайша қылмыстық құқық бұзушылықтың алдын алуға ықпал ететін болады. Мысалы, Қазақстан Республикасының қылмыстық процестік заңнамасының талаптарын жүйелі түрде (үш және одан да көп рет) бұзу, оның ішінде тергеу мерзімдерін бұзу, прокурордың тергеушінің шешімдерін заңсыз деп тануы, соттың ақтау үкімдерін шығаруы, сот сараптамаларын уақтылы тағайындамауы және т.б. фактілер тергеушіні дереу біліктілікті арттыру курстарынан өту үшін жіберу қажеттігі туралы дабыл беретін болады.

Сонымен қатар, жасанды интеллект электрондық талдау арқылы, қызметкерлер арасындағы профилактикалық іс-шараларды жүргізу мақсатында әр тоқсан сайын жүйелі түрде заң бұзушылықтарға (заңсыз тергеу амалдарын жүргізу, азаптау, сыбайлас жемқорлық және тағы басқа мәселелер туралы жүйелі түрде келіп түсетін арыздар мен шағымдар) жол берген қызметкерлер туралы мәліметтерді жинақтап, құқық қорғау органдарының өзіндік қауіпсіздік бөлімшелеріне жіберетін болады. Дәл осы алгоритм бойынша жасанды интеллект сот-дәрігерлік сарапшылардың қызмет барысында жүйелі түрде жол беретін заң бұзушылықтарды анықтайтын болады.

Осылайша, жасанды интеллект деонтологиялық, технологиялық, техникалық, эпистемологиялық және басқа да сипаттағы бұзушылықтарға жүйелі түрде жол берген сот-медициналық сарапшыларға назар аударуға көмектесе алады. Мысалы: сараптама жүргізуден негізсіз бас тартуы; сарапшының зерттеу үшін материалдар мен объектілерді өз бетінше жинауы; сот процесін тағайындаған органның немесе тұлғаның келісімінсіз қылмыстық процеске қатысушы басқа тұлғалармен байланысуы; сараптаманы тағайындаған органмен немесе тұлғамен келіспей зерттеу объектілерінің қасиеттерін жою немесе елеулі өзгерту; сараптама қорытындысын шығару барысында тұжырымдарды дәлелдейтін уәждердің болмауы; сарапшының құзырет шегінен тыс шығуы; тергеу құпиясын жария ету; сараптама жүргізу мерзімдерін бұзу және т.б. [4].

Жасанды интеллект сот сарапшысының заңсыз қорытындыларды жүйелі түрде шығару фактілерін (бастапқы және қосымша сараптама қорытындылары едәуіррекшеленетін жағдайларды және оның іс-әрекетіндегі сыбайлас жемқорлықтың ықтимал белгілерін анықтай алады [5].

Жасанды интеллект талдауының нәтижелері құқық қорғау органының немесе сараптама мекемесінің белгілі бір бөлімінің, басқармасының рейтингін арттыруға немесе төмендетуге ықпал ететінін атап өткен жөн. Алайда, жасанды интеллект әдістерін қолдану құқық қорғау органдары мен сот-сараптама мекемелерінің қызметіндегі олқылықтарды анықтаудың әмбебап әдісі емес екенін түсіну қажет. Бұл әдіс жалған оң және жалған теріс нәтиже бере алатындығын ескере отырып, оның нәтижелерін мүдделі лауазымды тұлғалар тексеруі қажет. Соған қарамастан, автордың пікірінше, бұл тәсіл құқық қорғау органдары мен сот-сараптама мекемелерінің жұмыс сапасын арттырудың ең тиімді құралы болып көрінеді.

Жасанды интеллектті қолданудың құқықтық, ұйымдастырушылық және этикалық шектері

Жасанды интеллектті құқық қорғау қызметіне енгізу кезінде технологиялық тиімділік пен

адам құқықтарын қорғау арасында теңгерім сақталуы қажет.

Қазақстанның жасанды интеллект саласындағы заңнамасы оны қолдану кезінде заңдылық, әділдік пен теңдік, ашықтық пен түсіндірмелілік, есептілік пен бақылау, адам игілігі, деректерді қорғау және қауіпсіздік қағидаттарын сақтауды көздейді [6].

Автордың пікірінше, құқық қорғау органдарында қолданылатын жасанды интеллект жүйесіне берілетін алгоритм келесідей талаптарға сәйкес болуы тиіс. Атап айтқанда: жасанды интеллектіні пайдалану мақсаты мен қолдану шекарасының алдын ала айқындалуы; пайдаланатын деректердің заңдылығы мен сапасының қамтамасыз етілуі; нәтижесін адамның қатысуынан, яғни тексеруінен кейін басшылыққа алу; жасанды интеллектінің қателесу қауіпінің болуы; қауіпсіздік талаптарының сақталуы және т.б.

Ерекше назар автоматтандыруға шамадан тыс сену тәуекеліне аударылуы қажет. Егер қызметкер алгоритм нәтижесін қосымша тексермей қабылдайтын болса, технологиялық құрал керісінше қате шешімдердің таралуына алып келуі мүмкін.

Жасанды интеллекттің бастапқы деректерінде жүйелі бұрмалану болса, алгоритм сол бұрмаланған нәтижелерді қайталауы ықтимал. Сондықтан деректер жиынтығының шынайылығы мен сапасы жүйе сенімділігінің негізгі шарттарының бірі болып табылады.

Азаптауға байланысты істерде бұл талаптардың маңызы одан әрі артады, өйткені алгоритмнің қателігі адамның құқықтары мен бостандықтарына тікелей немесе жанама әсер етуі мүмкін [7].

Осыған байланысты қарастырылып отырған салада жасанды интеллектті қолдануға SWOT-талдау жүргіздік. Оның нәтижелері технологияның әлсіз және басым жақтарын көрсетті.

Жасанды интеллектті қолданудың SWOT-талдауы

Жүргізілген SWOT-талдау жасанды интеллектті құқық қорғау және сот-сараптама қызметіне енгізудің негізгі факторларын төрт бағыт бойынша жүйелеуге мүмкіндік береді (1-кесте).

<i>Басым жақтары</i>		<i>Әлсіз жақтары</i>	
1	Жасанды интеллект (ЖИ) ауқымды ақпараттар мөлшерін адамға қарағанда тезірек өңдей алады, бұл шағымдарды, арыздарды, қылмыстық іс жүргізу құжаттарын, сот шешімдерін, сот-дәрігерлік сараптамалардың қорытындыларын тексеруге кететін уақытты едәуір қысқартады	1	Егер оған дұрыс емес деректер немесе дұрыс конфигурация-ланбаған Алгоритмдер берілсе, жасанды интеллект қателіктер жіберуі мүмкін, бұл дұрыс емес тұжырымдарға әкеледі
2	ЖИ объективті деректерге негізделген шешімдер қабылдай алады және эмоционалды әсер етпейді, бұл адамның жіберген қателіктерінің ықтималдығын азайтады	2	ЖИ өзгертін ортаға бейімделу қабілеті шектеулі болуы мүмкін, бұл ұзақ мерзімді перспективада оның тиімділігін төмендетуі мүмкін
3	ЖИ машиналық оқыту алгоритмдерін қылмыстық іс жүргізу құжаттарының, шағымдардың, мәлімдемелердің және жалған сараптамалық қорытындылардың белгілі мысалдары негізінде дайындау үшін қолдана алады, бұл оның болашақ жұмысының	3	Құқық қорғау органдары мен сот-сараптама мекемелерінің қызметіндегі бұзушылықтарды анықтау үшін жасанды интеллектті пайдалану кейбір ұйымдар үшін тартымсыз болуы мүмкін айтарлықтай әзірлеу және енгізу шығындарын талап етуі мүмкін

	тиімділігін арттыруы мүмкін		
4	Құқық қорғау органдары мен сот-сараптама мекемелері қызметінің бұзылуын анықтау үшін ЖИ пайдалану аталған органдар азаматтарының сенімін едәуір арттырып, олардың қызметіндегі заң бұзушылықтар санын азайтуы мүмкін	4	Қолданыстағы ақпараттық жүйелермен техникалық интеграция қажеттілігі
<i>Мүмкіндіктер</i>		<i>Тәуекелдер</i>	
1	Құқық қорғау органдарының цифрлық ақпараттық жүйелерімен интеграциялау	1	Дербес және қызметтік ақпараттың құпиялылығының бұзылуы
2	Тергеушілер мен сарапшылардың кәсіби даярлығын жетілдіру үшін аналитикалық деректерді пайдалану	2	Алгоритмдік қателерге шамадан тыс сену
3	Азаптау фактілері бойынша тәуекел индикаторларын ерте анықтау	3	Алгоритмнің бұрмаланған деректер негізінде қате нәтиже қалыптастыруы
		4	Ақпараттық жүйеге рұқсатсыз қол жеткізу және киберқауіпсіздік тәуекелдері
		5	ЖИ енгізу қорытындыларға ішкі аудит (рецензиялау) жүргізетін сарапшылар санының азаюына әкелуі мүмкін, бұл жұмыстан шығарумен байланысты әлеуметтік мәселелерді тудыруы мүмкін

1-кесте. Заңсыз тергеу әдістері мен сарапшылардың қателіктерін анықтауда жасанды интеллектті қолданудың SWOT-талдауы

SWOT-талдау нәтижесінде жасанды интеллекттің негізгі артықшылығы оның адамды алмастыруында емес, үлкен көлемдегі ақпаратты жүйелеу және адамның назарынан тыс қалуы мүмкін қайталанатын байланыстарды анықтау мүмкіндігінде екені анықталды.

Сонымен қатар негізгі тәуекелдер технологияның өзінен ғана емес, оны қолдану тәртібінен туындайды. Сондықтан жасанды интеллектті енгізу техникалық қамтамасыз етумен қатар, нормативтік регламенттерді, қызметкерлерді даярлауды, ақпараттық қауіпсіздікті және тұрақты алгоритмдік аудитті қамтуы тиіс.

Қорытынды. Зерттеу азаптауға қарсы іс-қимылды криминалистикалық қамтамасыз етуде цифрлық технологиялар мен жасанды интеллектті қолданудың перспективалы бағыттарын айқындауға мүмкіндік берді.

Біріншіден, оқиға орнын сапалы тіркеу дәлелдемелік ақпараттың толықтығы мен объективтілігін қамтамасыз етудің маңызды шарты. Осы тұрғыдан автор ұсынған модульдік жинақ оқиға орнын фото және бейнежазбаға түсіруге, кеңістіктік өлшем жүргізуге, биологиялық іздерді анықтауға және оқиға жағдайын кейіннен қайта қарауға арналған цифрлық материал қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Екіншіден, модульдік жинақ пен жасанды интеллект бір технология ретінде емес, өзара байланысты екі кезең ретінде қарастырылуы тиіс. Модульдік жинақ бастапқы цифрлық деректерді қалыптастырады, ал жасанды интеллект осы деректерді және басқа ақпараттық массивтерді өңдеп, адам тарапынан қосымша тексеруді қажет ететін тәуекел индикаторларын

анықтайды.

Үшіншіден, жасанды интеллектті құқық қорғау органдары мен сот сарапшылары қызметіндегі қайталанатын рәсімдік және әдістемелік ауытқуларды анықтау үшін пайдалану осы сапасын ішкі талдау мен алдын алудың перспективалы бағыты ретінде бағаланады.

Құқық қорғау органдары мен сот-сараптама мекемелері қызметкерлерінің жүйелі түрде бұзушылықтары мен қателіктерін дер кезінде анықтау немесе олардың алдын алу мақсатында жасанды интеллектті пайдалану мәселесін де қарастыру қажет деп санаймыз.

Төртіншіден, жасанды интеллект нәтижелері адамның құқықтық мәртебесін немесе кінәсін автоматты түрде айқындауға, сондай-ақ тәртіптік немесе өзге де құқықтық шешімді жалғыз негіз ретінде қабылдауға пайдаланылмауы тиіс. Алгоритм нәтижесі тек қосымша талдамалық ақпарат ретінде қарастырылып, уәкілетті адамның кәсіби бағалауынан міндетті түрде өтуі қажет.

Осылайша, азаптауға қарсы іс-қимылды криминалистикалық қамтамасыз етудің ұсынылған моделі объективті цифрлық тіркеу – деректерді құрылымдау – жасанды интеллект арқылы талдау – тәуекел индикаторларын анықтау – адамның тексеруі – құқықтық және ұйымдастырушылық шаралар тізбегіне негізделеді.

Ұсынылған тәсіл қылмыстық қудалау органдары мен сот-сараптама мекемелерінің қызметін толық автоматтандыруды емес, адам құқықтарын қорғау кепілдіктерін сақтай отырып, олардың кәсіби жұмысын цифрлық және талдамалық құралдармен күшейтуді көздейді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Ю. Эрдал, Х. Бакирчи. Статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека: руководство по практическому применению [Электронный ресурс]. – Айналыс режимі: https://www.omct.org/site-resources/legacy/handbook_presentation_web_rus.pdf.
2. Гурочкин, Ю.Д. Судебная медицина: курс лекций / Ю.Д. Гурочкин, В.И. Витер. – Москва: Право и закон, 2003. – 319 с.
3. Турсунов, А.Б. Криминалистические и судебно-экспертные аспекты детского травматизма вследствие бытовых травм и дорожно-транспортных происшествий: научный обзор / А.Б. Турсунов и др. // Судебная медицина. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 299-308.
4. Воеводкин, Д.В. Проблема выявления ложных заключений судебно-медицинских экспертиз с использованием технологий искусственного интеллекта: научный обзор на примере опыта Республики Казахстан / Д.В. Воеводкин // Судебная медицина. – 2023. – Т.9. № 3. – С. 287-298.
5. Arrigo, J.M. A utilitarian argument against torture interrogation of terrorists / J.M. Arrigo // Science and Engineering Ethics. – 2024. – № 10. – Pp. 543-472.
6. Е.Н. Бегалиев. О перспективности или нецелесообразности введения института чипирования населения // Парадигма современной науки глазами молодых: сб. материалов XV Междунар. научн.-практ. конфер. посвященной памяти основателей филиала Т.Ж. Атжанова и А.М. Роднова. – Костанай, 2021. – С. 25-31.
7. Waldron, J. Torture and positive Law: Jurisprudence for the white house / J. Waldron // Columbia Law Review. – 2005. – № 105 (6). – Pp. 1681-1750.

References:

1. Ju. Jerdal', H. Bakirchi. Stat'ja 3 Evropejskoj konvencii o zashhite prav cheloveka: rukovodstvo po prakticheskomu primeneniju [Jeлектрондык resurs]. – Ajnalyс rezhimi: https://www.omct.org/site-resources/legacy/handbook_presentation_web_rus.pdf.
2. Gurochkin, Ju.D. Sudebnaja medicina: kurs lekcij / Ju.D. Gurochkin, V.I. Viter. – Moskva: Pravo i zakon, 2003. – 319 s.
3. Tursunov, A.B. Kriminalisticheskie i sudebno-jekspertnye aspekty detskogo travmatizma vsledstvie bytovyh travm i dorozhno-transportnyh proisshestvij: nauchnyj obzor / A.B. Tursunov i dr. // Sudebnaja medicina. – 2023. – T. 9, № 3. – S. 299-308.
4. Voevodkin, D.V. Problema vyjavlenija lozhnyh zakljuchenij sudebno-medicinskih jekspertiz s ispol'zovaniem tehnologij iskusstvennogo intellekta: nauchnyj obzor na primere opyta Respubliki Kazahstan / D.V. Voevodkin // Sudebnaja medicina. – 2023. – T. 9, № 3. – S. 287-298.
5. Arrigo, J.M. A utilitarian argument against torture interrogation of terrorists / J.M. Arrigo // Science and

Engineering Ethics. – 2024. – № 10. – Pp. 543-472.

6. E.N. Begaliev. O perspektivnosti ili necelesoobraznosti vvedeniya instituta chipirovaniya naseleniya // Paradigma sovremennoj nauki glazami molodyh: sb. materialov XV Mezhdunar. nauchn.-prakt. konfer., posvjashhennoj pamjati osnovatelej filiala T.Zh. Atzhanova i A.M. Rodnova. – Kostanaj, 2021. – S. 25-31.

7. Waldron, J. Torture and positive Law: Jurisprudence for the white house / J. Waldron // Columbia Law Review. – 2005. – № 105 (6). – Pp. 1681-1750.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ербол Ғалымұлы Чонбаев – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының Кәсіптік оқыту институтының прокурорлық қадағалау кафедрасының доценті, ұлттық қауіпсіздік және әскери істер магистрі, e-mail: yerbol_777.kz@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8680-156X.

Чонбаев Ербол Ғалымович – доцент кафедры прокурорского надзора Института профессионального обучения Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр национальной безопасности и военного дела, e-mail: yerbol_777.kz@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8680-156X.

Chonbayev Yerbol Galymovich – Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision at the Institute of Professional Training of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Master of National Security and Military Affairs, e-mail: yerbol_777.kz@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8680-156X.

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ЖӘНЕ БАСҚА МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР ҚЫЗМЕТІ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES

https://doi.org/10.52425/25187252_2026_41_166

УДК 340.134:347.963

И.И. Кадиров¹, Д.П. Утепов^{2*}

¹Правоохранительная академия Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

²Университет «Туран-Астана», г. Астана, Республика Казахстан

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. В статье рассматривается роль органов прокуратуры в совершенствовании законотворческого процесса в условиях реализации Стратегии развития нового Узбекистана на 2022-2026 гг., направленной на формирование государства, ориентированного на человека. Подчеркивается, что эффективность масштабных реформ напрямую зависит от качества законодательной базы и уровня организации правотворческой деятельности. Особое внимание уделяется участию прокуратуры в выявлении пробелов и коллизий законодательства, обеспечении соответствия нормативных актов Конституции и международным стандартам, а также внесении законодательных инициатив.

Анализируются статистические данные о разработке законопроектов по инициативе Генерального прокурора и раскрываются современные направления модернизации правотворческой деятельности, включая повышение кадрового потенциала, систематизацию законодательства и совершенствование правовой экспертизы. Делается вывод о необходимости дальнейшего расширения участия прокуратуры в законотворчестве для укрепления правового государства, защиты прав граждан и повышения международного авторитета страны.

Ключевые слова: законотворчество; прокуратура; законодательная инициатива; правовая экспертиза; искусственный интеллект; международный стандарт; кодификация; правовое государство.

И.И. Кадиров¹, Д.П. Утепов²

¹Ўзбекистон Республикасы Қўқық қорғау академиясы, Ташкент қ., Ўзбекистон Республикасы

²«Тұран-Астана» университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ПРОКУРАТУРА ОРГАНДАРЫНЫҢ ЗАҢ ШЫҒАРУ ҚЫЗМЕТІН ЖЕТІЛДІРУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада адамға бағдарланған мемлекетті қалыптастыруға бағытталған 2022–2026 жылдарға арналған Жаңа Өзбекстанды дамыту стратегиясын іске асыру жағдайында заң шығару процесін жетілдірудегі прокуратура органдарының рөлі қарастырылады. Ауқымды реформалардың тиімділігі заңнамалық базаның сапасына және құқық шығармашылығы қызметін ұйымдастыру деңгейіне тікелей байланысты екені атап өтіледі. Прокуратура органдарының заңнамадағы олқылықтар мен қайшылықтарды анықтауға, нормативтік құқықтық актілердің Конституцияға және халықаралық стандарттарға сәйкестігін қамтамасыз етуге, сондай-ақ заңнамалық бастамалар енгізуге қатысуына ерекше назар аударылады.

Бас Прокурордың бастамасы бойынша заң жобаларын әзірлеуге қатысты статистикалық деректер талданып, кадрлық әлеуетті арттыруды, заңнаманы жүйелеуді және құқықтық сараптаманы жетілдіруді қамтитын құқық шығармашылығы қызметін жаңғыртудың қазіргі заманғы бағыттары қарастырылады. Құқықтық мемлекетті нығайту, азаматтардың құқықтарын қорғау және елдің халықаралық беделін арттыру мақсатында прокуратура органдарының заң шығару қызметіне қатысуын одан әрі кеңейту қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: заң шығару; прокуратура; заңнамалық бастама; құқықтық сараптама; жасанды интеллект; халықаралық стандарт; кодификация; құқықтық мемлекет.

I.I. Kadirov¹, D.P. Utepov²

¹Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, the Republic of Uzbekistan

²Turan-Astana University, Astana, the Republic of Kazakhstan

PROSPECTS FOR IMPROVING THE LAWMAKING ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. The article examines the role of the prosecutor's office in improving the lawmaking process in the context of implementing the Development Strategy of the New Uzbekistan for 2022-2026, aimed at building a human-centered state. It is emphasized that the effectiveness of large-scale reforms directly depends on the quality of the legislative framework and the level of organization of lawmaking activities. Particular attention is paid to the participation of the prosecutor's office in identifying gaps and conflicts in legislation, ensuring the compliance of normative legal acts with the Constitution and international standards, as well as introducing legislative initiatives.

The article analyzes statistical data on draft laws developed at the initiative of the Prosecutor General and reveals modern directions for modernizing lawmaking activities, including digitalization, the introduction of artificial intelligence, enhancement of human resources capacity, systematization of legislation, and improvement of legal expertise. It concludes that further expansion of the prosecutor's office's participation in lawmaking is necessary to strengthen the rule of law, protect citizens' rights, and enhance the country's international authority.

Keywords: lawmaking; prosecutor's office; legislative initiative; legal expertise; artificial intelligence; international standard; codification; rule of law.

Введение. В Стратегии развития нового Узбекистана на 2022-2026 гг. в качестве одной из основных задач¹ обозначено совершенствование системы построения государства, ориентированного на человека, путем повышения эффективности действующих механизмов реализации законотворческой деятельности, кардинального улучшения качества принимаемых законов, укрепления человеческого достоинства и дальнейшего развития свободного гражданского общества.

Успешность реализации намеченных масштабных реформ в определенной степени зависит от сформированной за последние годы законодательной базы, а также от качества законотворческого процесса.

На первом заседании Законодательной палаты, состоявшемся 20 января 2020 года, Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев в своем выступлении подчеркнул необходимость коренного реформирования законодательной сферы: «Сегодня – на новом этапе развития Узбекистана – перед нами стоят чрезвычайно актуальные и сложные задачи. Для их успешного решения необходимо прежде всего полностью реорганизовать работу в законодательной сфере»².

Институт прокуратуры, являясь универсальным правовым явлением, имеет свои особенности в различных правовых системах. В частности, как отмечается в Encyclopedia Britannica, в таких странах, как Франция, Япония и Германия, прокуратура функционирует как единая централизованная система в составе министерства юстиции, тогда как в США и Великобритании полномочия и ведомственная подчиненность прокуроров существенно различаются³. Приведенные сравнительно-правовые характеристики свидетельствуют о том, что при анализе функций органов прокуратуры, в т.ч. степени участия в законотворческой деятельности, необходимо учитывать национальные правовые традиции и место прокуратуры каждой страны в системе государственного управления. В этом контексте изучение роли органов

¹ О Стратегии развития нового Узбекистана на 2022-2026 годы: указ Президента Республики Узбекистан от 28 янв. 2022 г. № УФ-60 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/5841077>.

² Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлис Қонунчилик палатасининг биринчи ййгилишидаги нутқи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.uz/uz/lists/view/3303>.

³ «Prosecutor». Encyclopædia Britannica / Encyclopædia Britannica, inc., 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.britannica.com/topic/prosecutor.

прокуратуры Республики Узбекистан в законотворческом процессе должно осуществляться не только в рамках национального законодательства, но и путем сравнительного анализа международного опыта.

С этой точки зрения особое значение приобретают место и роль прокуратуры в совершенствовании правотворческого процесса, ведь прокуратура является субъектом правотворчества, осуществляемого государством.

По мнению Н.В. Григорьева, к задачам прокуроров в законотворческой деятельности относятся: обеспечение соответствия разрабатываемых нормативных правовых актов Конституции и законам; устранение пробелов в правовом регулировании, препятствующих реализации прав и свобод человека и гражданина, исполнению законов; совершенствование законодательства; обеспечение реализации прокуратурой правовой политики; предупреждение нарушений законодательных норм [1].

Для эффективного регулирования социально-правовых отношений законами необходимо выявлять проблемы, возникающие на практике после их реализации, устранять пробелы в правовой системе, а также приводить правовые нормы в соответствие с международными стандартами. В этой связи органы прокуратуры, опираясь на опыт правоприменительной практики, выступают с законодательными инициативами и непосредственно влияют на процесс совершенствования правовых документов [2].

Материалы и методы. В исследовании использованы анализ нормативных актов и правоприменительной практики, формально-правовые и сравнительно-правовые методы, системный подход, а также статистические и прогнозные методы.

В качестве материалов исследования использованы Стратегия развития нового Узбекистана на 2022-2026 гг., Конституция и действующее законодательство Республики Узбекистан, а также законопроекты, разработанные по инициативе Генерального прокурора. Также были проанализированы официальные доклады, статистические данные, научные труды, международные стандарты и зарубежный опыт.

Результаты, обсуждение. Сегодня для вывода законотворческого процесса на качественно новый уровень неотъемлемой частью деятельности прокуратуры должна стать разработка новых норм на основе практического анализа, мониторинга и правовой экспертизы, совершенствование механизма реализации действующих законов, адаптация нормативных правовых актов к требованиям реальной действительности. Поэтому в целях обеспечения успешного действия законов и стабильности правовой системы расширяется участие органов прокуратуры в законотворчестве и повышается его эффективность [3].

К задачам органов прокуратуры относится выявление пробелов, «белых пятен» и правовых коллизий в законодательстве в целях обеспечения правопорядка, предупреждения правонарушений, борьбы с преступностью, защиты прав граждан и интересов государства. При этом прокуратура является одним из важных институтов, непосредственно участвующих в законотворческом процессе, и имеет возможность разрабатывать предложения по дальнейшему совершенствованию отдельных статей законодательства, приведению их в соответствие с современными правовыми требованиями, а также вносить необходимые дополнения в виде соответствующих пунктов и новых статей.

Вместе с тем требованием настоящего времени остается расширение полномочий органов прокуратуры по выявлению имеющихся правовых пробелов в законопроектах и проблем, связанных с несовершенством механизмов регулирования, внесению соответствующих предложений по устранению указанных ситуаций, а также представлению мотивированных заключений о возможных негативных последствиях, которые могут повлечь недостатки законопроекта.

Анализируя международный опыт, можно отметить, что прокуратуры в разных странах по-разному подходят к решению таких задач, как законодательная инициатива, правовая экспертиза, контроль за исполнением правовых норм, совершенствование правовой системы.

В некоторых юрисдикциях они имеют право самостоятельной законодательной инициативы, а в других странах влияют на деятельность парламента, анализируя законопроекты и проводя правовую экспертизу. В этой связи В.Ю. Шобухин считает справедливым и закономерным усиление законодательной инициативы Генерального прокурора [4].

Особое внимание при анализе функциональных основ законотворческой деятельности органов прокуратуры следует обратить на их роль в правоприменительной практике. Согласно официальному разъяснению Верховной прокуратуры Тайваня, прокуроры «не только осуществляют обвинение от имени государства, но и следят за исполнением уголовного наказания». Именно надзорная функция позволяет прокурору получить максимально полную и достоверную информацию об эффективности действующего законодательства и возникающих в ходе его исполнения проблемах. В повседневной практике прокурор, выявляя неспособность определенной нормы закона регулировать общественные отношения, имеющиеся в ней пробелы и противоречия, получает достаточные основания для внесения конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Важное значение имеет и изучение опыта реформ на постсоветском пространстве. Украинский ученый О. Хотинска-Нор в своем исследовании рассматривает вопросы укрепления независимости прокуратуры и снижения внешнеполитического влияния, сравнивая модели самоуправления прокуратуры в Украине и странах Балтии [5]. Этот опыт важен и для Узбекистана, поскольку институциональная независимость прокуратуры напрямую влияет на объективность ее законодательных инициатив.

Теоретические аспекты институциональных отношений между прокурорами и законодательными органами были глубоко изучены американским ученым Р.М. Голдом. Он анализирует механизмы воздействия прокуроров на законотворческий процесс, в том числе их лоббистскую деятельность и роль в расширении уголовного права [6]. Данное исследование показывает, что законотворческая деятельность прокуратуры связана не только с правоприменительной практикой, но и с политико-правовыми процессами.

Универсальные тенденции деятельности прокуратуры можно наблюдать также в коллективных работах международных авторов. В сборнике под редакцией В. Колвина и Ф. Стеннинга представлены исследования ученых из разных стран, таких как Италия, Финляндия, Дания, Германия, Нигерия, Австралия, касающиеся деятельности прокуратуры [7]. В данном труде всесторонне рассмотрены вопросы института прокуратуры, роли прокурора в расследовании, прокурорской дискреции, политики и подотчетности.

Вместе с тем процессы европейской интеграции также влияют на трансформацию функций прокуратуры. В работе К. Лигети рассматриваются вопросы создания службы Европейского прокурора, процедурные аспекты, такие как сравнительный анализ систем прокуратуры государств-членов ЕС и сбор доказательств, обыск, арест, меры обвинения [8]. Данное исследование позволяет осмыслить новые функции национальных органов прокуратуры в контексте международного сотрудничества.

Если обратиться к цифрам, то с момента обретения независимости Республикой Узбекистан принято *около 1,5 тысяч* законов. Непосредственно по инициативе Генерального прокурора Республики Узбекистан в 2019-2024 гг. разработано *139* законопроектов, а совместно с соответствующими министерствами и ведомствами проработано *более 300* законопроектов.

Заключение. Разработка проектов органами прокуратуры осуществляется на основе результатов проверок, анализа и обобщения практики, проводимых непосредственно в процессе

обеспечения правопорядка, профилактики правонарушений, борьбы с преступностью, защиты прав граждан и интересов государства, что позволяет исключить факторы, которые могут привести к негативным последствиям при принятии конкретного проекта в будущем.

Вместе с тем международные стандарты, зарубежный опыт, проведенные исследования и современные требования обуславливают необходимость совершенствования правотворческой деятельности органов прокуратуры. В частности, необходимы систематизация и кодификация законодательной базы. В настоящее время остро стоит вопрос об исключении из законодательства дублирующих, устаревших и имеющих слабые механизмы регулирования норм. Одновременно с этим следует широко внедрять систему планирования законопроектной деятельности. Эти меры будут способствовать обеспечению целостности законодательства и минимизации проблем в правоприменительной практике.

С целью совершенствования деятельности по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов, принимаемых органами прокуратуры, необходимо внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты, разработать конкретные механизмы и правила проведения экспертизы.

В заключение следует отметить, что реформы, осуществляемые в сфере законотворчества в Узбекистане, продолжают поступательно.

Эти реформы, в свою очередь, служат укреплению основ правового государства в нашей стране, надежной защите прав и свобод граждан, повышению благосостояния общества.

Последовательное продолжение реформ в сфере законотворчества, в том числе деятельности органов прокуратуры в этом направлении, создаст прочную основу для дальнейшего укрепления международного авторитета Узбекистана, ускорения процессов интеграции в мировое сообщество, совершенствования национального законодательства в соответствии с международными стандартами.

Список использованной литературы:

1. Григорьев, Н.В. Прокуратура: учебное пособие / Н.В. Григорьев. – М. 2003. – 215 с.
2. Паштов, Д.Р. Участие прокуратуры в законотворческой деятельности законодательных (представителей) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Д.Р. Паштов. – М., 2014. – 240 с.
3. Джамбулатов, С.И. Принципы взаимодействия прокуратуры и надзорного органа / С.И. Джамбулатов // Бизнес в законе. – 2008. – № 2. – С. 287-289.
4. Шобухин, В.Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности / В.Ю. Шобухин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 5. – С. 100-105.
5. Khotynska-Nor, O. The Model of Prosecutorial Self-Governance in Ukraine and the Baltic Countries: A Comparative Aspect / O. Khotynska-Nor, et al. // Access to Justice in Eastern Europe. – 2024. – № 7 (2). – Pp. 393-409.
6. Gold, R.M. Prosecutors and their Legislatures, Legislatures and their Prosecutors / R.M. Gold // The Oxford Handbook of Prosecutors and Prosecution; ed. by R.F. Wright, K.L. Levine, R.M. Gold. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 584 p.
7. The Evolving Role of the Public Prosecutor: Challenges and Innovations; ed. by V. Colvin, P. Stenning. – London: Routledge, 2019. – 312 p.
8. Toward a Prosecutor for the European Union: in 2 vol.; ed. by K. Ligeti. – Oxford: Hart Publishing, 2025. – 480 p.
9. Гаврилов, М. Перспективы использования систем искусственного интеллекта в прокурорской деятельности / М. Гаврилов // Искусство правоприменения. – 2024. – № 3 (11). – С. 35-40.

References:

1. Grigor'ev, N.V. Prokuratura: uchebnoe posobie / N.V. Grigor'ev. – M. 2003. – 215 s.
2. Pashtov, D.R. Uchastie prokuratury v zakonotvorcheskoj dejatel'nosti zakonodatel'nyh (predstavitelej) i ispolnitel'nyh organov sub#ektov Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk / D.R. Pashtov. – M., 2014. – 240 s.
3. Dzhambulatov, S.I. Principy vzaimodejstviya prokuratury i nadzornogo organa / S.I. Dzhambulatov // Biznes v zakone. – 2008. – № 2. – S. 287-289.
4. Shobuhin, V.Ju. Pravovoe prosveshhenie kak perspektivnoe napravlenie prokurorskoj dejatel'nosti /

V.Ju. Shobuhin // *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu*. – 2016. – № 5. – S. 100-105.

5. Khotynska-Nor, O. The Model of Prosecutorial Self-Governance in Ukraine and the Baltic Countries: A Comparative Aspect / O. Khotynska-Nor, et al. // *Access to Justice in Eastern Europe*. – 2024. – № 7 (2). – Pp. 393-409.

6. Gold, R.M. Prosecutors and their Legislatures, Legislatures and their Prosecutors / R.M. Gold // *The Oxford Handbook of Prosecutors and Prosecution*; ed. by R.F. Wright, K.L. Levine, R.M. Gold. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – 584 p.

7. *The Evolving Role of the Public Prosecutor: Challenges and Innovations*; ed. by V. Colvin, P. Stenning. – London: Routledge, 2019. – 312 p.

8. *Toward a Prosecutor for the European Union*: in 2 vol.; ed. by K. Ligeti. – Oxford: Hart Publishing, 2025. – 480 p.

9. Gavrilov, M. Perspektivy ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v prokurorskoj dejatel'nosti / M. Gavrilov // *Iskusstvo pravovedeniya*. – 2024. – № 3 (11). – S. 35-40.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МƏЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Илесжон Ибрагимович Кадиров – Ўзбекистан Республикасы қўқық қорғау академиясының Офис-тіркеуші орталығының бастығы, қўқық магистрі, e-mail: maskoni011@gmail.com, orcid.org/0009-0007-6450-0142.

Кадиров Илесжон Ибрагимович – начальник Центра офис-регистратора Правоохранительной академии Республики Узбекистан, магистр права, e-mail: maskoni011@gmail.com, orcid.org/0009-0007-6450-0142.

Kadirov Ilesjon Ibragimovich – Head of the Office Registrar Center of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Master of Law, e-mail: maskoni011@gmail.com, orcid.org/0009-0007-6450-0142.

Даурен Пархатұлы Өтепов – «Тұран-Астана» университетінің ұлттық және халықаралық қўқық кафедрасының доценті, философия докторы (PhD), e-mail: dauka_1986@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2423-5053.

Утепов Даурен Пархатович – доцент кафедры национального и международного права университета «Турани-Астана», доктор философии (PhD), e-mail: dauka_1986@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2423-5053.

Uteпов Dauren Parkhatovich – Associate Professor of the Department of National and International Law at Turan-Astana University, PhD, e-mail: dauka_1986@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2423-5053.

Ж.К. Какимов

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косы, Республика Казахстан*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы трансформации института дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел в условиях цифровизации управленческих процессов. Предметом исследования являются правовые и организационные отношения, возникающие при фиксации должностных проступков в виртуальной среде. Методологическую основу работы составили формально-юридический метод, системно-структурный подход и метод правового моделирования. Эмпирической базой послужили результаты обобщения практики проверок в департаментах полиции за 2024-2025 гг.

Автор обосновывает вывод о том, что переход к модели управления на основе данных (data-driven governance) требует не только технологического обновления, но и формирования новой правовой базы ответственности за качество, достоверность и своевременность внесения информации в государственные информационные системы (далее – ИС). Главным научным результатом исследования является разработка концепции «цифровой дисциплинарной ответственности» и алгоритмической модели «Дисциплинарный ЕРАП» на базе искусственного интеллекта.

В работе обоснована необходимость автоматизации служебных расследований через внедрение стандартизированных цифровых шаблонов, что позволит минимизировать субъективизм и сократить бюрократические издержки. Практическая значимость работы заключается в том, что сформулированы предложения по внесению изменений в ведомственные нормативные акты МВД РК, регулирующие порядок проведения служебных расследований, и внедрению механизмов «цифрового следа» как доказательной базы дисциплинарного правонарушения.

Ключевые слова: цифровая ответственность; аналитические подразделения ОВД; служебное расследование; служебная дисциплина; Цифровой кодекс; правоохранительный орган; искусственный интеллект; цифровые доказательства.

Ж.К. Кәкімов

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

ЦИФРАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДА ІШКІ ІСТЕР ОРГАНДАРЫ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ТӘРТІПТІК ЖАУАПТЫЛЫҚ ИНСТИТУТЫН ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ

Аннотация. Мақалада басқару процестерін цифрландыру жағдайында ішкі істер органдары қызметкерлерінің тәртіптік жауаптылық институтын трансформациялаудың өзекті мәселелері зерттеледі. Зерттеу пәні виртуалды ортада лауазымдық теріс қылықтарды тіркеу кезінде туындайтын құқықтық және ұйымдастырушылық қатынастар болып табылады. Зерттеудің әдіснамалық негізін формальды-құқықтық әдіс, жүйелік-құрылымдық тәсіл және құқықтық модельдеу әдісі құрады. Эмпирикалық негіз ретінде 2024-2025 жылдардағы полиция департаменттерінде жүргізілген тексерулер практикасын қорытындылау нәтижелері пайдаланылды.

Автор деректерге негізделген басқару моделіне (data-driven governance) көшу тек технологиялық жаңаруды ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік ақпараттық жүйелерге ақпаратты енгізудің сапасы, анықтығы мен уақтылылығы үшін жауаптылықтың жаңа құқықтық базасын қалыптастыруды талап ететінін негіздейді. Негізгі ғылыми нәтиже «цифрлық тәртіптік жауаптылық» тұжырымдамасын және жасанды интеллект негізіндегі «Тәртіптік ӨЖБТ» алгоритмдік моделін әзірлеу болып табылады.

Жұмыста стандартталған цифрлық үлгілерді енгізу арқылы қызметтік тергеулерді автоматтандыру қажеттілігі негізделген, бұл субъективизмді барынша азайтуға және бюрократиялық шығындарды қысқартуға мүмкіндік береді. Жұмыстың практикалық маңыздылығы ҚР ІІМ қызметтік тергеулерді жүргізу тәртібін реттейтін

ведомстволық нормативтік актілеріне өзгерістер енгізу және тәртіптік құқық бұзушылықтың дәлелдемелік базасы ретінде «цифрлық із» тетіктерін енгізу бойынша ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйінді сөздер: цифрлық жауаптылық; ІІО талдау бөлімшелері; қызметтік тергеу; қызметтік тәртіп; Цифрлық кодекс; құқық қорғау органы; жасанды интеллект; цифрлық дәлелдемелер.

Zh.K. Kakimov

*The Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan,
Kosshy, the Republic of Kazakhstan*

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. The article explores current issues regarding the transformation of the system of disciplinary liability for law enforcement officers in the context of the digitalization of management processes. The subject of the study comprises the legal and organizational relations arising from the registration of misconduct in the virtual environment. The methodological framework includes the formal-legal method, system-structural approach, and legal modeling, while the empirical base is drawn from data analyzed during internal investigations within Police Departments for the 2024-2025 period.

The author substantiates that transitioning to a data-driven governance model requires not only technological updates but also the formation of a new legal framework governing liability for the quality, accuracy, and timeliness of data entry into state information systems. The main scientific result is the development of the concept of “digital disciplinary liability” and the AI-based algorithmic model “Disciplinary ERAP”.

The paper substantiates the need to automate internal investigations through the implementation of standardized digital templates, which will minimize subjectivity and reduce bureaucratic costs. The practical significance of the study lies in the formulated proposals for amending the departmental regulatory acts of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan that govern internal investigation procedures, and for implementing “digital footprint” mechanisms as an evidentiary base for disciplinary offenses.

Keywords: digital disciplinary liability; analytical units of internal affairs bodies; internal investigation; service discipline; Digital Code; law enforcement agencies; artificial intelligence; digital evidence.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена масштабной цифровой трансформацией государственного управления в Республике Казахстан (далее – РК). Принятие Цифрового кодекса РК закрепило переход к модели управления на основе данных (*data-driven governance*), где информация признается стратегическим ресурсом.

В системе органов внутренних дел (далее – ОВД) ключевая роль в этой трансформации отведена подразделениям стратегического планирования, анализа и контроля центрального аппарата и департаментов полиции (на территориальном уровне – подразделениям анализа и контроля), которые обеспечивают общую координацию и мониторинг.

Однако на практике внедрение аналитических платформ и систем мониторинга сталкивается с проблемой низкой достоверности данных и исполнительской инерции. Существующий институт дисциплинарной ответственности, закреплённый в Законе «О правоохранительной службе»¹ и Правилах проведения внутреннего расследования², ориентирован на традиционную «бумажную» модель. Он не учитывает специфику правонарушений в цифровой среде, таких как намеренное искажение статистических показателей в информационных системах (далее – ИС), несвоевременное обновление баз данных или игнорирование автоматизированных уведомлений системы контроля.

Научная проблема заключается в наличии нормативного разрыва: при обязательности

¹ О правоохранительной службе: закон Республики Казахстан от 6 янв. 2011 г. № 380-IV (с изм. и доп. по сост. на 03.09.2026 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380>.

² Об утверждении Правил проведения служебного расследования в органах внутренних дел Республики Казахстан: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 16 нояб. 2020 г. № 776 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021648>.

использования цифровых инструментов в аналитических подразделениях ОВД отсутствует легальный механизм привлечения к ответственности за ненадлежащее исполнение «цифровых» обязанностей. Это порождает формализм в отчетности и снижает эффективность управленческих решений. Целью настоящей статьи является обоснование и разработка концепции «цифровой дисциплинарной ответственности» как необходимого элемента обеспечения достоверности управленческих данных и укрепления служебной дисциплины в условиях цифровой трансформации ОВД [1].

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые сформулирована и теоретически обоснована концепция «цифровой дисциплинарной ответственности» применительно к ОВД в условиях действия Цифрового кодекса. В отличие от существующих общих подходов к цифровизации ведомственного контроля, в статье предложена авторская классификация «цифровых» проступков и разработана уникальная модель «Дисциплинарный ЕРАП» [2]. Данная модель переводит процесс фиксации нарушений и формирования материалов служебных расследований в автоматический режим на основе алгоритмов искусственного интеллекта и верификации «цифрового следа», что позволяет исключить субъективный фактор и минимизировать коррупционные риски.

Принципиальное отличие авторского подхода от известных механизмов контроля заключается в переводе технической фиксации действий в плоскость правовой квалификации. В рамках концепции техническая запись (системный лог) рассматривается не просто как элемент служебной информации, а как самостоятельное цифровое доказательство, напрямую интегрированное в процессуальный алгоритм дисциплинарного производства для оптимизации временных затрат.

В настоящей работе под «цифровым следом» понимаются технические записи (логи) о действиях сотрудника в корпоративных информационных системах, зафиксированные с применением средств криптографической защиты.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил комплексный анализ нормативных правовых актов, регулирующих правоохранительную деятельность и процессы цифровизации в РК. Ключевыми источниками послужили Цифровой кодекс РК³, Закон «О правоохранительной службе»⁴, а также Правила проведения внутреннего расследования в ОВД РК⁵.

В работе применен междисциплинарный комплекс методов:

- формально-юридический метод: использован для анализа действующих норм и разработки авторских формулировок для дополнения ведомственных приказов [3];
- системно-структурный подход: позволил рассмотреть цифровую ответственность как элемент единой экосистемы управления аналитическими подразделениями ОВД [4];
- метод правового моделирования: применен при разработке алгоритма автоматизированного служебного расследования и создания шаблонов управленческих решений;
- сравнительный анализ: использован для сопоставления традиционных форм контроля и перспективных моделей цифрового аудита исполнительской дисциплины.

Эмпирическую базу составили результаты аудита текущих циклов планирования и анализ распорядительных документов подразделений стратегического планирования, анализа и контроля, выявивший системные риски «бумажной инерции» в цифровых системах.

³ Цифровой кодекс Республики Казахстан: от 9 янв. 2026 г. № 255-VIII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255>.

⁴ О правоохранительной службе: закон Республики Казахстан от 6 янв. 2011 г. № 380-IV (с изм. и доп. по сост. на 03.09.2026 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380>.

⁵ Об утверждении Правил проведения служебного расследования в органах внутренних дел Республики Казахстан: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 16 нояб. 2020 г. № 776 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021648>.

В частности, согласно обобщенным данным анализа правоприменительной практики в департаментах полиции за период 2024-2025 гг., установлено, что отсутствие единых ведомственных критериев оценки нарушений при работе в ИС приводит к региональным диспропорциям. Ввиду отсутствия четко регламентированных составов «цифровых» проступков тяжесть нарушения и мера взыскания оцениваются руководством сугубо субъективно. Это приводит к юридическому дисбалансу: за аналогичные дисциплинарные проступки в одном регионе на сотрудника налагается строгое дисциплинарное взыскание, тогда как в другом субъекте – выносится устное предупреждение, что прямо нарушает принцип единообразия правоприменения.

Результаты, обсуждение. В ходе исследования установлено, что ключевым барьером цифровой трансформации аналитических подразделений ОВД выступает институциональная неготовность традиционных дисциплинарных процедур к фиксации нарушений в виртуальной среде.

Зарубежные исследователи, в частности Дж. Чан (J. Chan), подчеркивают, что цифровая трансформация полиции – это не просто смена инструментов, а фундаментальное изменение «профессиональной игры» (field of policing), которое неизбежно меняет механизмы подотчетности и контроля внутри ведомств [5].

Практика деятельности аналитических подразделений ОВД наглядно иллюстрирует эту проблему двумя типичными кейсами.

Кейс 1 (искажение отчетности). При формировании сводного аналитического отчета за квартал автоматизированная система выявила расхождение данных. В ходе проверки выяснилось, что сотрудник территориального звена умышленно не вносил корректировки в ИС в течение 10 дней, чтобы искусственно удержать высокий рейтинг раскрываемости подразделения. Из-за отсутствия прямой нормы ответственности за «цифровое бездействие» сотрудник избежал дисциплинарного взыскания.

Кейс 2 (несвоевременное распределение документа руководством). В ведомственную систему электронного документооборота поступил контрольный документ со строгим сроком исполнения. Из-за несвоевременного рассмотрения и затягивания процесса наложения резолюции руководством исполнитель получил документ в свой «личный кабинет» уже с истекшим (или критически поджимающим) сроком исполнения. При автоматическом аудите система фиксирует просрочку со стороны исполнителя. Возникает правовая коллизия: традиционная служебная проверка по факту нарушения дедлайна возлагает вину на конечного исполнителя. Однако верификация «цифрового следа» движения документа по системе позволяет четко разграничить ответственность и доказать невиновность сотрудника, чьи права нарушены несвоевременными действиями руководства на этапе распределения задач.

Для решения этой проблемы автором предлагается внедрение системы цифровой дисциплинарной ответственности, базирующейся на трех ключевых компонентах:

1. Классификация «цифровых» проступков. Предлагается дополнить перечень дисциплинарных проступков, предусмотренных ведомственными нормативными актами и этическими нормами службы, следующими составами:

- умышленное сокрытие служебной информации: невыполнение обязательств по внесению сведений в ИС с целью искажения отчетности о результатах деятельности;
- внесение недостоверных данных: искажение сведений в ИС для искусственного формирования положительных показателей работы подразделения;
- несанкционированное использование средств аутентификации: выполнение операций в ИС с использованием чужих учетных данных или электронных подписей (далее – ЭЦП) [6].

2. Алгоритмизация и автоматизация внутренних расследований на основе анализа

действующих Правил проведения внутреннего расследования, предлагается внедрить в ведомственные системы штабов (ИС «Мониторинг» или аналоги) модуль автоматической фиксации нарушений.

Механизм: система в автоматическом режиме выявляет просрочку исполнения задачи или факт изменения данных после их утверждения.

Результат: программа автоматически формирует пакет документов – рапорт о выявлении нарушения, электронный шаблон объяснительной (направляемый в «личный кабинет» сотрудника) и проект приказа о назначении служебного расследования. Это сводит к минимуму субъективизм проверяющего и риск необоснованного освобождения от ответственности [1].

3. Правовое закрепление: проект дополнений в законодательство для легитимации данных процессов – предлагается внести изменения в ведомственные приказы МВД РК⁶, регламентирующие порядок проведения служебных расследований, закрепив:

- статус «автоматизированного отчета системы» как достаточного основания для начала служебного расследования;
- признание логов (журналов событий) ИС в качестве объективных доказательств вины или невиновности сотрудника.

Для минимизации правовых рисков при работе сотрудников ОВД в виртуальной среде критически важно создать детализированную нормативную базу. Исследователи А.А. Мукашева и Э.Ф. Нигматуллина справедливо подчеркивают, что именно отсутствие четкого правового регламента в цифровой среде может стать препятствием для реализации государственных функций в современных условиях [7].

4. Экономический эффект («Low-cost» модернизация) обоснован тем, что внедрение данных механизмов не требует приобретения дорогостоящего программного обеспечения. Речь идет о доработке существующего функционала действующих систем ОВД. Это позволит сократить расходы на выездные инспекционные проверки, так как «цифровой аудит» исполнительской дисциплины будет осуществляться дистанционно из центрального аппарата, департамента до районного звена [8].

Механизм работы ИИ в модели «Дисциплинарный ЕРАП»:

1. Автоматическая фиксация состава (Цифровой протокол): ИИ, интегрированный в рабочие системы (ЕРДР, ИС штаба, базы данных), в режиме реального времени мониторит выполнение регламентов. При выявлении очевидного нарушения (например, нарушение срока регистрации заявления или несанкционированное удаление данных) ИИ автоматически генерирует «Цифровой протокол дисциплинарного проступка».

Алгоритм разграничения умысла и технического сбоя строится по принципу сетевой кросс-верификации. ИИ анализирует три параметра: во-первых, общую телеметрию ИС (наличие массовых задержек пакетов или падения серверов в момент фиксации проступка); во-вторых, паттерны поведения пользователя (если сотрудник совершал другие операции в системе, значит, доступ к сети был стабилен); в-третьих, корреляцию действий (если данные не внесены в ИС, но параллельно была заполнена бумажная карточка, ИИ квалифицирует это как техническую адаптацию, а не саботаж). При обнаружении системной аномалии ИИ автоматически присваивает инциденту статус «Технический сбой» и блокирует формирование протокола до верификации администратором.

Аналогия с ЕРАП: как камера фиксирует превышение скорости, так и ИИ фиксирует отклонение от регламентных параметров (просрочку, изменение данных, несанкционированное

⁶ Об утверждении Правил проведения служебного расследования в органах внутренних дел Республики Казахстан: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 16 нояб. 2020 г. № 776 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021648>.

действие), зафиксированное в журналах событий автоматизированной системы.

2. Безбумажное служебное расследование: на основе зафиксированного нарушения ИИ автоматически подтягивает из системы кадрового подразделения данные о личности сотрудника, его стаже и наличии действующих взысканий. Система сама формирует проект заключения служебного расследования. Сотруднику в личный кабинет (или на служебный планшет) приходит уведомление о зафиксированном проступке с предложением дать электронное объяснение в течение установленного срока.

3. Цифровое содействие в оценке материалов (рекомендательная модель ИИ): алгоритмы искусственного интеллекта полностью лишены права самостоятельного вынесения окончательного правового акта или автоматического назначения дисциплинарного взыскания. На основе верифицированного цифрового следа и предоставленного сотрудником электронного объяснения ИИ выполняет исключительно вспомогательную аналитическую функцию. Программа сопоставляет зафиксированный факт просрочки или искажения данных с санкциями ст. 56 Закона «О правоохранительной службе» и генерирует рекомендательный проект заключения. Окончательное решение, оценка вины сотрудника, изучение возможных технических сбоев и подписание мотивированного приказа о наложении взыскания остаются исключительным персональным полномочием уполномоченного должностного лица (руководителя ОВД).

Аналогия с ЕРАП: процесс становится «прозрачным», а удаление или изменение записи о проступке в системе становится технически невозможным, что минимизирует коррупционные риски.

4. Снижение административной нагрузки: Применение ИИ по данной модели позволяет перевести до 70% типовых дисциплинарных расследований в автоматический режим. Данный показатель обосновывается структурой ведомственных правонарушений, где до двух третей от общего массива составляют очевидные и технически фиксируемые проступки (нарушение установленных сроков регистрации, несвоевременное закрытие контрольных карточек, просрочка направления аналитических форм). Поскольку установление факта совершения данных проступков не требует проведения сложных оперативно-проверочных мероприятий, формирование материалов по ним может быть полностью делегировано алгоритмам ИИ. Это освобождает аналитические подразделения от рутины, позволяя им сосредоточиться на организационно-аналитической работе.

Использование систем ИИ в деятельности силовых структур сегодня становится не просто техническим новшеством, а стратегическим приоритетом. Как отмечает Г.А. Арғынғазин, ИИ выступает новым фактором конкурентоспособности современных государств. Использование интеллектуальных алгоритмов позволяет минимизировать коррупционные риски и субъективизм при оценке действий сотрудников [9].

Внедрение цифровой дисциплинарной ответственности вызывает необходимость дискуссии о балансе между автоматизированным контролем и соблюдением прав сотрудников правоохранительных органов [10]; [11].

Риск «технократического детерминизма» и технических сбоев. Одной из главных проблем автоматизации взысканий является риск наказания сотрудника за сбой, вызванные нестабильностью сетевой инфраструктуры или программными ошибками. В этой связи автор настаивает на принципе «human-in-the-loop» (человек в контуре): автоматизированная система лишь фиксирует аномалию и формирует первичные материалы, но окончательное решение о виновности должно приниматься должностным лицом после изучения всех обстоятельств. Необходимо юридически закрепить положение о том, что технический сбой ИС является безусловным основанием для освобождения от ответственности [12].

Гарантией защиты прав сотрудника при этом выступает трехуровневый правовой фильтр:

во-первых, презумпция технического сбоя при мотивированном заявлении исполнителя; во-вторых, обязательный 3-дневный срок для предоставления встречных электронных объяснений через личный кабинет [13]; в-третьих, исключительный правовой суверенитет руководителя ОВД при окончательном подписании акта наложения взыскания, согласно статье 57 Закона «О правоохранительной службе».

Преодоление «цифрового формализма». Существует риск, что сотрудники начнут работать «на показатели системы», игнорируя реальное качество оперативной работы. Цифровая ответственность должна наступать не за отсутствие «галочки» в системе, а за нарушение конкретных, измеримых и достижимых целей (SMART) [14].

Правовой статус цифровых доказательств. Традиционно в рамках служебных расследований ключевыми являются бумажные объяснительные. Переход к использованию логов системы и данных блокчейн-платформ (для фиксации истории изменений документов) требует пересмотра Правил проведения служебного расследования. Обсуждение данного вопроса подводит к выводу о необходимости легализации данных журналов регистрации (логов) автоматизированных систем в качестве полноценного доказательства по делам о дисциплинарных проступках [15].

Антикоррупционный потенциал. Важным аспектом дискуссии является снижение коррупционных рисков. Автоматизация процесса – от фиксации нарушения до формирования шаблона приказа – исключает возможность «выборочного» привлечения к ответственности со стороны руководства. Это создает прозрачную среду, где правила игры едины для центрального аппарата и районного отдела [16].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Необходимость правовой адаптации. Действующая нормативная база, включая Закон «О правоохранительной службе» и Правила проведения служебного расследования в ОВД, требует дополнения в части определения цифровых дисциплинарных проступков. Установлено, что без введения персональной ответственности за работу с данными цифровая трансформация аналитических подразделений будет носить формальный характер.

2. Внедрение института цифровой ответственности. Автором обоснована концепция «цифровой дисциплинарной ответственности», которая должна охватывать нарушения, связанные с искажением управленческой информации, несвоевременным наполнением ИС и несоблюдением регламентов работы в аналитических платформах. Это обеспечит достоверность данных, на основе которых Министерство внутренних дел РК принимает стратегические решения⁷.

3. Автоматизация процедур контроля. Предложенный алгоритм автоматизированного служебного расследования (на основе «цифрового следа» и готовых шаблонов) позволяет значительно дебюрократизировать процесс. Это исключает субъективизм при привлечении сотрудников к ответственности и обеспечивает прозрачность управленческой вертикали «центр – область – район» [17].

4. Практическая значимость. Реализация предложенных поправок в ведомственные приказы МВД РК позволит реализовать модель «электронного служебного расследования». Это приведет к существенной экономии рабочего времени и минимизации человеческого фактора в контрольно-надзорной деятельности аналитических подразделений⁸.

Таким образом, создание правового механизма цифровой ответственности является обязательным условием для полноценной реализации норм Цифрового кодекса РК в деятельности

⁷ От профилактики к цифровой трансформации: в МВД подведены итоги работы за 2025 год и определены приоритеты на предстоящий период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1139163?lang=ru>.

⁸ О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию»: указ Президента Республики Казахстан от 13 окт. 2025 г. № 1042 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500001042/history>.

органов внутренних дел. Совершенствование данного направления деятельности соответствует инициативе «Цифровой полицейский» для повышения прозрачности, эффективности и доверия в обществе⁹.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы (НИР) на базе Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Список использованной литературы:

1. Идришева, С.К. О Цифровом кодексе Казахстана: проблемы кодификации и систематизации / С.К. Идришева // Юридический вестник МНУ. – 2022. – № 3. – С. 72-87.
2. Ysmanova, A. Public perception of algorithmic policing in a non-democratic context: Kazakhstan's case / A. Ysmanova // Policing and Society. – 2025. – Vol. 35. – No. 4. – Pp. 382-398.
3. Babuta, A. Proactive Policing and Artificial Intelligence: The Role of Ethics and Law in Technological Change / A. Babuta, M. Oswald // British Journal of Criminology. – 2023. – Vol. 63, No. 2. – Pp. 450-467.
4. Ахметов, А.С. Цифровое право в правовой системе Казахстана: теоретико-правовые аспекты / А.С. Ахметов, Д. Мун // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2025. – № 4 (80). – С. 88-101.
5. Chan, J.B.L. The technological game: How information technology is transforming police practice / J.B.L. Chan // Criminal Justice: International Journal of Policy and Practice. – 2001. – Vol. 1, No. 2. – Pp. 139-159.
6. Беляева, Е.Г. Принципы дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел в условиях цифровизации служебной среды / Е.Г. Беляева // Юридическая наука и практика. – 2024. – № 2. – С. 114-121.
7. Мукашева, А.А. Государственный механизм регулирования цифрового пространства / А.А. Мукашева, Э.Ф. Нигматуллина // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2025. – № 38. – С. 45-56.
8. Бегалиев, Е.Н. Цифровизация судебной и правоохранительной деятельности в Республике Казахстан: состояние и перспективы развития / Е.Н. Бегалиев // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. – 2023. – № 4 (112). – С. 54-62.
9. Арғынғазин, Ғ.А. Искусственный интеллект как новый фактор конкурентоспособности современных государств / Ғ.А. Арғынғазин // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2025. – № 37. – С. 14-25.
10. Duvanova, D. Algorithmic governance, data protection, and accountability mechanisms in modern law enforcement systems / D. Duvanova // Policing: An International Journal. – 2024. – Vol. 47, No. 5. – Pp. 612-628.
11. Marciniak, M. Law Enforcement Professionals' Trust in Algorithms and Due Process Guarantees / M. Marciniak // SAGE Criminal Justice Review. – 2025. – Vol. 30, No. 2. – Pp. 144-159.
12. Ferguson, A.G. The Rise of Big Data Policing: Surveillance, Race, and the Future of Law Enforcement / A.G. Ferguson // NYU Press. – 2024. – 2nd Edition. – 296 p.
13. Кулик, А.А. Проблемы защиты персональных данных сотрудников силовых структур при автоматизированном камеральном контроле / А.А. Кулик // Право и кибербезопасность. – 2025. – № 3. – С. 88-96.
14. Oswald, M. Algorithmic risk assessment in law enforcement: Accountability, rights and the SMART framework / M. Oswald // Computer Law & Security Review. – 2024. – Vol. 52. – Pp. 105-121.
15. Расторопов, С.В. Цифровые доказательства в расследовании правонарушений: организационно-правовые аспекты / С.В. Расторопов // Вестник уголовного права. – 2025. – № 1. – С. 45-53.
16. Kaufmann, M. Algorithmic Governance in Policing: Between Efficiency and Democratic Accountability / M. Kaufmann, S. Egbert // Science, Technology, & Human Values. – 2025. – Vol. 50, No. 1. – Pp. 26-53.
17. Канатов, А.К. Мониторинг реализации цифровых технологий в правоохранительной и нормотворческой деятельности / А.К. Канатов // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2026. – № 1 (81). – С. 302-312.

References:

1. Idrisheva, S.K. O Cifrovom kodekse Kazahstana: problemy kodifikacii i sistematizacii / S.K. Idrisheva // Juridicheskij vestnik MNU. – 2022. – № 3. – S. 72-87
2. Ysmanova, A. Public perception of algorithmic policing in a non-democratic context: Kazakhstan's case / A. Ysmanova // Policing and Society. – 2025. – Vol. 35. – No. 4. – Pp. 382-398.

⁹ Kazakhstan's Digital Policeman: Pioneering the future of law enforcement // Computerworld / Network World. – December 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.computerworld.com/article/3628334/kazakhstans-digital-policeman-pioneering-the-future-of-law-enforcement.html>.

3. Babuta, A. Proactive Policing and Artificial Intelligence: The Role of Ethics and Law in Technological Change / A. Babuta, M. Oswald // *British Journal of Criminology*. – 2023. – Vol. 63, No. 2. – Pp. 450-467.
4. Ahmetov, A.S. Cifrovoe pravo v pravovoj sisteme Kazahstana: teoretiko-pravovye aspekty / A.S. Ahmetov, D. Mun // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK*. – 2025. – № 4 (80). – S. 88-101.
5. Chan, J.B.L. The technological game: How information technology is transforming police practice / J.B.L. Chan // *Criminal Justice: International Journal of Policy and Practice*. – 2001. – Vol. 1, No. 2. – Pp. 139-159.
6. Beljaeva, E.G. Principy disciplinarnoj otvetstvennosti v organah vnutrennih del v uslovijah cifrovizacii sluzhebnoj sredy / E.G. Beljaeva // *Juridicheskaja nauka i praktika*. – 2024. – № 2. – S. 114-121.
7. Mukasheva, A.A. Gosudarstvennyj mehanizm regulirovaniya cifrovogo prostranstva / A.A. Mukasheva, Je.F. Nigmatullina // *Vestnik Akademii pravoohranitel'nyh organov*. – 2025. – № 38. – S. 45-56.
8. Begaliev, E.N. Cifrovizacija sudebnoj i pravoohranitel'noj dejatel'nosti v Respublike Kazahstan: sostojanie i perspektivy razvitija / E.N. Begaliev // *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija: Pravo*. – 2023. – № 4 (112). – S. 54-62.
9. Arrynfazin, F.A. Iskustvennyj intellekt kak novyj faktor konkurentosposobnosti sovremennyh gosudarstv / F.A. Arrynfazin // *Vestnik Akademii pravoohranitel'nyh organov*. – 2025. – № 37. – S. 14-25.
10. Duvanova, D. Algorithmic governance, data protection, and accountability mechanisms in modern law enforcement systems / D. Duvanova // *Policing: An International Journal*. – 2024. – Vol. 47, № 5. – Pp. 612-628.
11. Marciniak, M. Law Enforcement Professionals' Trust in Algorithms and Due Process Guarantees / M. Marciniak // *SAGE Criminal Justice Review*. – 2025. – Vol. 30, № 2. – Pp. 144-159.
12. Ferguson, A.G. The Rise of Big Data Policing: Surveillance, Race, and the Future of Law Enforcement / A.G. Ferguson // *NYU Press*. – 2024. – 2nd Edition. – 296 p.
13. Kulik, A.A. Problemy zashhity personal'nyh dannyh sotrudnikov silovyh struktur pri avtomatizirovannom kameral'nom kontrole / A.A. Kulik // *Pravo i kiberbezopasnost'*. – 2025. – № 3. – S. 88-96.
14. Oswald, M. Algorithmic risk assessment in law enforcement: Accountability, rights and the SMART framework / M. Oswald // *Computer Law & Security Review*. – 2024. – Vol. 52. – Pp. 105-121.
15. Rastoropov, S.V. Cifrovye dokazatel'stva v rassledovanii pravonarushenij: organizacionno-pravovye aspekty / S.V. Rastoropov // *Vestnik ugolovnogogo prava*. – 2025. – № 1. – S. 45-53.
16. Kaufmann, M. Algorithmic Governance in Policing: Between Efficiency and Democratic Accountability / M. Kaufmann, S. Egbert // *Science, Technology, & Human Values*. – 2025. – Vol. 50, No. 1. – Pp. 26-53.
17. Kanatov, A.K. Monitoring realizacii cifrovyyh tehnologij v pravoohranitel'noj i normotvorcheskoj dejatel'nosti / A.K. Kanatov // *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK*. – 2026. – № 1 (81). – S. 302-312.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жасұлан Кәкімұлы Кәкімов – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының магистранты, e-mail: jasulan_kjk_sjk@mail.ru, orcid.org/0009-0007-2178-6574.

Какимов Жасулан Какимович – магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, e-mail: jasulan_kjk_sjk@mail.ru, orcid.org/0009-0007-2178-6574.

Kakimov Zhasulan Kakimovich – Master's Student at the Law Enforcement Academy under the Procurator General's Office of the Republic of Kazakhstan, e-mail: jasulan_kjk_sjk@mail.ru, orcid.org/0009-0007-2178-6574.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

https://doi.org/10.52425/25187252_2026_41_181
ЭОЖ 349.2

М.К. Журунова*, А.М. Умбеталиева

Астана халықаралық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚ ЕЛДЕРІНДЕГІ ЕҢБЕКШІ МИГРАНТТАРДЫ МЕДИЦИНАЛЫҚ САҚТАНДЫРУДЫ ІСКЕ АСЫРУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Зерттеуде Еуразиялық экономикалық одаққа мүше мемлекеттерде еңбекші мигранттарды тиісті медициналық сақтандыруды жүзеге асыру барысында туындайтын мәселелер қарастырылады. Шетелдік жұмыс күшін тартуға тек келісілген еңбек заңнамасы ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік қамсыздандыру тетіктері, атап айтқанда, денсаулық сақтау саласы да ықпал етеді. Осыған байланысты Одаққа мүше Қазақстан, Армения, Беларусь, Ресей және Қырғызстан мемлекеттеріндегі еңбекші мигранттарды медициналық сақтандыруға құқықтық талдау жүргізілді. Сонымен қатар, Еуразиялық экономикалық одақ Сотының консультативтік қорытындылары мен отандық сот инстанцияларында қаралған еңбекші мигранттарды медициналық сақтандыруға қатысты әкімшілік істер зерделенді. Зерттеу нәтижелерін талдау барысында еңбекші мигранттарды медициналық сақтандыру жүйесін реттейтін мемлекеттер арасында бірыңғай құқықтық нормалардың жоқ екені анықталды. Аталған мәселе әр мемлекеттің ұлттық заңнамасымен реттеледі. Осыған байланысты авторлар мәселені шешуге бағытталған ұсыныстар береді.

Түйінді сөздер: Еуразиялық экономикалық одақ; мүше мемлекеттер; медициналық сақтандыру жүйесі; медициналық көмек көрсету; әлеуметтік қамсыздандыру кепілдігі; ресми еңбек; бейресми еңбек; еңбек көші-қоны; еңбекші мигранттар; қаржы механизмі.

М.К. Журунова, А.М. Умбеталиева

Международный университет Астана, г. Астана, Республика Казахстан

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В исследовании рассматриваются вопросы, возникающие при осуществлении государствами-членами Евразийского экономического союза надлежащего медицинского страхования трудовой миграции. Несомненно, привлечение иностранной рабочей силы будет способствовать не только трудовое законодательство, но и механизм социального обеспечения, в том числе здравоохранения. Поэтому был проведен правовой анализ медицинского страхования трудящихся стран-членов ЕЭС – Казахстана, Армении, Беларуси, России и Кыргызстана. Кроме того, были изучены консультативные заключения Суда Евразийского экономического союза и административные дела по медицинскому страхованию трудовых мигрантов, предусмотренные отечественными судебными инстанциями. В результате анализа результатов исследования было отмечено, что в системе медицинского страхования трудящихся между государствами отсутствует единообразная юридическая норма. Мы видим, что это регулируется только собственным законодательством каждого государства. В связи с этим авторами даны рекомендации по решению данной проблемы.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; государства-члены; система медицинского страхования; оказание медицинской помощи; гарантия социального обеспечения; формальный труд; неформальный труд; трудовая миграция; трудовые мигранты; финансовый механизм.

M.K. Zhurunova, A.M. Umbetaliyeva

Astana International University, Astana, the Republic of Kazakhstan

LEGAL ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF HEALTH INSURANCE FOR MIGRANT WORKERS IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Abstract. The study examines the problems arising in the implementation of appropriate health insurance for labor migration by the member states of the Eurasian Economic Union. Undoubtedly, the attraction of foreign labor is facilitated not only by agreed labor legislation, but also by the mechanism of Social Security, in particular, health care. Therefore, a legal analysis of health insurance for labor migration was carried out in the member states of the Union-Kazakhstan, Armenia, Belarus, Russia and Kyrgyzstan. At the same time, the consultative conclusions of the Court of the Eurasian Economic Union and administrative cases in practice on health insurance for labor migration considered in domestic judicial instances were studied. After analyzing the results of the study, it was noted that there is no uniform legal norm in the system of health insurance between states for labor migration. We see that it is regulated only by the legislation of each state. In this regard, the authors were given recommendations to solve this problem.

Keywords: Eurasian Economic Union; member states; health insurance system; provision of medical care; social security guarantee; formal labor; informal labor; labor migration; labour migrants; financial mechanism.

Kipicne. Қазіргі таңда Еуразиялық экономикалық одақ (бұдан әрі – Одақ) аясында еңбек күшінің ерікті қозғалуы, олардың жұмысын ұйымдастыру экономика саласындағы негізгі қағидаларының бірі деуге болады. Осыған орай, 2014 жылғы 14 қазандағы Еуразиялық экономикалық одақ туралы шартты (бұдан әрі – Шарт) ратификациялау туралы Заңның 96-бабының 1-тармағына сәйкес, Одаққа мүше елдердің еңбек көші-қонын реттеу саласындағы саясатты келісу бойынша, сондай-ақ мүше елдерде еңбек қызметін жүзеге асыруы үшін мүше мемлекеттердің еңбекші мигранттарының жұмысын ұйымдастырылған түрде іріктеуге және тартуға жәрдем көрсету бойынша ынтымақтастықты жүзеге асырады деп белгіленген.

Бұл ретте қалыптасқан әлеуметтік қамсыздандыру институты мүше мемлекеттердің барлығында дерлік медициналық сақтандыруды толық көлемде жүзеге асыруды қамтамасыз ете ме деген мәселе туындайды. Шартта ұлттық режим қағидаты белгіленгенімен, мемлекеттерде еңбекші мигранттарды медициналық сақтандыруға қатысты мәселелер біркелкі реттелмеген.

Жалпы, әрбір мүше мемлекетте жұмыс істейтін еңбекші мигранттарды медициналық сақтандыру мәселесі көбіне ұлттық заңнамамен реттеледі, бұл медициналық көмек көрсету барысында құқықтық қайшылықтардың туындауына алып келеді. Одақ аясындағы еңбек көші-қоны мәселелері ғылыми зерттеулерде қарастырылғанымен, мемлекеттер арасындағы қатынастарды реттейтін құқықтық нормаларда бұл мәселе жеткілікті деңгейде айқындалмаған.

Осыған байланысты Одаққа мүше мемлекеттердегі еңбекші мигранттарды медициналық сақтандыру мәселелерін зерттеу орынды болып табылады. Яғни, Одаққа мүше мемлекеттердің ішкі заңнамаларының нормаларын зерттеу, олардың өзара үйлесімділігін анықтау және тәжірибедегі жағдайларды талдау әлеуметтік қамсыздандыру институтының тиімді жүзеге асырылуын бағалауға мүмкіндік береді.

Материалдар мен әдістер. Зерттеуде салыстырмалы-құқықтық әдіс негізінде Одаққа мүше мемлекеттердегі еңбекші мигранттарды медициналық сақтандыруға қатысты қолданылатын құқықтық актілер талданды. Сонымен қатар, индукциялық және дедукциялық әдістер қолданылды. Яғни, Одаққа мүше мемлекеттердің әлеуметтік-еңбек саласындағы құқықтық нормалары зерттеліп, оларға салыстырмалы-құқықтық тұрғыдан баға берілді.

Талдау жүргізу процесінде 2015 жылғы 16 қарашадағы ҚР «Міндетті әлеуметтік медициналық сақтау туралы» Заңы¹, 2020 жылғы 7 шілдедегі «Халық денсаулығы және

¹ Міндетті әлеуметтік медициналық сақтандыру туралы: Қазақстан Республикасының Заңы 2015 жылғы 16 қарашадағы № 405-V ҚРЗ [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000405>.

денсаулық сақтау жүйесі туралы» Кодексі², 1996 жылғы 4 сәуірдегі Армения Республикасының «Медициналық көмек және халыққа қызмет көрсету туралы» Заңы³, 2003 жылғы 15 шілдедегі Қырғыз Республикасының «ҚР азаматтарды медициналық сақтандыру туралы» Заңы⁴, Ресей Федерациясының «РФ міндетті медициналық сақтандыру туралы» Заңы⁵ басшылыққа алынды.

Сондай-ақ Одаққа мүше мемлекеттердің арасында туындаған еңбек қатынастарындағы дауларды қарауда және біркелкі түсіндіруді қамтамасыз етуде Еуразиялық экономикалық одақ Сотының құжаттары зерделенді. Ал Қазақстан Республикасының мысалында қарастыратын болсақ, көлеңкелі еңбек мигранттардың медициналық қызметтерге жүгінуі кезінде туындаған мәселелеріне құқықтық баға беру үшін әр түрлі инстанциядағы соттың қаулылары қарастырылды.

Зерттеуде қолданылған жалпылау, ғылыми болжау, жүйелік талдау және тарихи-құқықтық әдістер зерттеліп отырған мәселенің оң және теріс аспектілерін, сондай-ақ құқықтық мәселелерді шешудің ықтимал нұсқаларын анықтауға мүмкіндік берді.

Нәтижелер, талқылау. Еңбекші мигранттарды әлеуметтік және медициналық тұрғыдан қорғау мәселесі әрдайым өзекті болып келеді. Осындай жағдайда Еуропалық Одақтың (бұдан әрі – ЕО) тәжірибесіне тоқталатын болсақ, Испанияда бастапқы медициналық көмек көрсетуі азаматтықпен байланыссыз, яғни медициналық көмек барлық азаматтарға бірдей көрсетіледі. Ал Италияда болса, медициналық көмек көрсету заңсыз келген еңбекші мигранттарға да қолданылады. Францияда мемлекеттік медициналық көмек әлеуметтік бағдарламалар арқылы еңбекші мигранттарға көрсетіледі [1; 250].

Нәтижесінде, ЕО мемлекеттерінде теңдік қағидаты негізінде мигранттарға, оның ішінде еңбекші мигранттарға да медициналық көмектің қолжетімділігі қамтамасыз етіледі. Бұдан әлеуметтік бірізділік мәселесі дұрыс реттелгенін байқауға болады. Сонымен қатар, олардың отбасы мүшелеріне де әлеуметтік қорғау саласы жақсы дамыған. Себебі еңбекші мигранттар әлеуметтік тұрғыдан осал топтардың біріне кіріп, тұрақты жұмыспен қамтамасыз ете алмағандықтан және медициналық сақтандырудың болмағандығынан денсаулық сақтау жүйесіне толыққанды қатыса алмайды. Нәтижесінде, еңбекші мигранттарды міндетті медициналық сақтандыру жүйесіне кеңінен енгізу, оларды әлеуметтік қорғау саласын мемлекет тарапынан қолдауға әкеледі [2; 1860].

ЕО елдерінде әсіресе, Батыс пен Солтүстік Еуропада мигранттарды әлеуметтік интеграциялау мен медициналық қорғау саясаты тиімді дамығанын көрсетеді. Бұл еңбекші мигранттарды міндетті медициналық сақтандыру жүйесіне енгізу, мемлекеттік медициналық қызметтердің қолжетімділігін қамтамасыз ету және әлеуметтік бейімдеу бағдарламаларын дамыту арқылы жүзеге асырылады [3; 470].

Швеция мен Нидерландының тәжірибесінде еңбекші мигранттарды денсаулық сақтау жүйесіне интеграциялау әлеуметтік теңсіздікті төмендетуге ықпал етеді. Сонымен қатар, бұл елдерде еңбекші мигранттардың медициналық сақтандыруға қол жеткізуіне әсер ететін экономикалық және әкімшілік кедергілерді азайтуға бағытталған шаралар қарастырылған.

Ал, ЕАЭО елдерінде, бүгінгі таңда көрсетілетін кепілдендірілген медициналық көмектің ұйымдық-құқықтық нысандары мен көлеміндегі айтарлықтай айырмашылықтармен бірыңғай

² Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы: Кодексі: Қазақстан Республикасының Кодексі 2020 ж. 7 шілдедегі № 360-VI ҚРЗ [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2000000360>.

³ About Medical Care and Servicing of the Population: Law of the Republic of Armenia of April 4, 1996 No. ZR-42 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=3059>.

⁴ Кыргыз Республикасында жарандарды медициналық камсыздандыруу жөнүндө: Кыргыз Республикасынын Мыйзамына өзгөртүүлөрдү жана толуктоолорду киргизүү тууралуу 2003-жылдын 15-июлу № 149 [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: <https://cbd.minjust.gov.kg/1275/edition/284328/kg>.

⁵ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29 нояб. 2010 г. № 326-ФЗ [Электрондық ресурс]. – Айналыс режимі: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/.

реттеу тетігіне қол жеткізу туралы айту қиын. Сонымен бірге, бұл келісімділік заңнаманы міндетті түрде біріздендіруді және мемлекеттердің ішкі құқығында бірдей нормаларды құруды білдірмейді, тек қарама-қайшылықтарды жою мақсатындағы құқықтық үйлестіруді көздейді [4; 359].

Мәселен, Қырғыз Республикасы Әділет Министрлігі жанындағы Сот өкілдігі орталығының 2014 жылғы 29 мамырдағы Еуразиялық экономикалық одақ туралы Шарттың 98-бабының 3 және 4-тармақтары мен мүше елдердің еңбекшілері және олардың отбасы мүшелеріне медициналық көмек көрсету туралы Хаттаманың нормаларын түсіндіру туралы өтінішіне Еуразиялық экономикалық одақ Сотының 02.03.2026 № Р-7/25 консультативтік қорытындысы жанама түрде растайтынын айтуға болады.

Қаулыда Одаққа мүше елдердің жұмыс жасаушы азаматтары мен олардың отбасы мүшелеріне медициналық қызмет көрсетуге байланысты әрбір мемлекеттің құқықтық нормалары қолданылатынын түсіндірді. Бұл ретте медициналық ұйымның осындай көмек көрсетуге жұмсаған шығындарын өтеу жұмысқа орналастырушы мемлекеттің тиісті бюджеті есебінен жүзеге асырылады. Науқастың өмір сүруіне не қоғамның денсаулығына зиян келтіруі жойылғаннан кейін еңбек етуші елдің медициналық ұйымында емделуін жалғастыру жүргізіледі. Көрсетілетін медициналық қызметтердің белгілі бір түрлеріне ақы төлеу пациенттің өз қаражаты есебінен шарттық негізде жүзеге асырылады. Мұндай ережелердің түсініктемесінің орын алуы мемлекетаралық институционалды бөліністі көрсетеді.

Шарттың 98-бабында «мүше мемлекеттердің және отбасы мүшелерінің еңбекшілерін әлеуметтік сақтандыру жұмысқа орналастырушы елдің тұлғаларымен бірдей шарттарда және тәртіппен жүзеге асырылады» деп белгіленеді. Қойылған міндетке қол жеткізу үшін мүше мемлекеттер осы Ереженің өз мемлекетінің аумағында іске асырылуына кепілдік беретін келісілген әлеуметтік саясат жүргізуі тиіс.

Қазақстан Республикасының «Міндетті әлеуметтік медициналық сақтандыру туралы» Заңы бойынша қаржыландыру жүйесі аралас болып келеді. Яғни, сақтандыру жүйесіне қатысу тиісті аударымдар мен жарналарды төлеу арқылы жүзеге асырылады. Одаққа мүше елдердің азаматтары заңды түрде еңбек ету жолында міндетті әлеуметтік медициналық сақтандыруға жатады. Ал егерде бейресми еңбек қызметін жүзеге асырған жағдайда сақтандыру жүргізілмейді.

Осыған орай, шекаралас Ресей Федерациясы мемлекетінде де осы әдіс жүзеге асырылады. РФ «РФ міндетті сақтандыру туралы» Заңының 10-бабына орай, РФ мемлекетінде еңбек етуші тұлғалардың еңбек шарты болған жағдайда ғана міндетті медициналық сақтандыруға жатады делінген. Бұдан біз тек ресми жұмыс жасайтын тұлғаларға ғана медициналық сақтандыру жүргізілетінін көреміз. Сонымен қоса, кейбір елдерде азаматтарға белгіленген қызметтердің кең ауқымында тегін медициналық көмекке кепілдік берілсе, ал ерікті медициналық сақтандыру немесе ақылы медициналық қызметтер бағдарламалары қолданыстағы тегін жүйеге балама немесе қосымша болып табылады (мысалы, Ресей Федерациясында). Басқа елдерде азаматтардың ерікті медициналық сақтандыруға немесе бірлесіп қаржыландыруға қатысуы заңға, тегін жүйенің (Қырғызстан, Қазақстан) жеткіліксіздігіне не оны азаматтардың белгілі бір осал санаттарына (Армения) ғана беруіне байланысты іс жүзінде міндетті болып табылады. Елдердің кепілдік берген медициналық көмек көрсетуінің ұйымдық-құқықтық нысандары да әртүрлі болып келеді: Қазақстанда, Ресей Федерациясы мен Қырғызстанда, – сақтандыру жүргізілсе, Беларусь мемлекеті мен Армения Республикасында – бюджеттік қаржыландыру болып келеді. Нәтижесінде, бұл айырмашылықтар шетелдік азаматтарға қатысты мемлекеттердің міндеттемелерінің және әртүрлі мемлекеттердің аумағында алынатын медициналық көмектің тең емес көлеміне әкеледі [5; 105].

Мұндай жағдайда Одаққа мүше мемлекеттердің медициналық сақтандыру жүйесі біркелкі

емес екенін байқаймыз. Біздің пайымдауымызша, бұл жерде елге келуші еңбекші мигранттарға медициналық сақтандыру бойынша қаржылық жарналарға келгенде қиындықтар түседі. Яғни, қаржылық жарналардың дұрыс жүргізілмеу механизмі орын алғаннан соң интеграциялық нормаларының жүзеге асырылуына қателер туындауы мүмкін.

Тәжірибеден мысал келтіретін болсақ, ҚР азаматы РФ-на бірнеше айға жұмыс жасауға барады. Азаматта кенеттен асқазанымен байланысты созылмалы ауруы күшейіп бастайды. Ауруды емдеуге ауруханаға барса, дәрігер оның ауруы өміріне қауіп төндірсе ғана жедел көмек ұсынылатынын және қосымша анализдер тапсыру үшін ақы төлемі жүргізілуі керек екендігін түсіндіреді. Сондай тағы бір мысал, Армения азаматы Беларусь мемлекетінде білім алуда. Пневмонияға шалдығып, емдеу орталығына шұғыл түрде ауруханаға жатқызылып, жедел көмек көрсетіледі [6; 230]. Бірақ кейін дәрілеріне және емделуге қосымша ақы төлеуі тиіс екені ескертіледі. Бұл жағдайда медициналық сақтандыру жүргізілгенде оның өз бетімен шығындарды өтемес еді. Зерттеуші О.А. Школик мемлекетаралық әлеуметтік тұрғыда қорғалуы үшін қаржыландыру тетігін шешу негіздерін көрсетеді [7; 10].

ЕАЭО елдерінде еңбек күшінің еркін қозғалысы қағидаты қарастырылғанымен, еңбекші мигранттардың толыққанды медициналық көмек алуы, міндетті медициналық сақтандырылуы және бейресми еңбек қызметін жүзеге асыратын мигранттардың құқықтық жағдайын қамтамасыз ету мәселелері әлі де назар аударуды қажет етеді. Нәтижесінде, ЕАЭО аумағында еңбекші мигранттарға әлеуметтік кепілдіктердің бірыңғай жүйесін қалыптастыру қажеттілігі бар [8; 410]. Сондықтан Одаққа мүше мемлекеттердің арасында өзара медициналық сақтандыру тетігін реттейтін арнайы құқықтық нормалар қажет деп есептейміз.

Айта кететін жайт, 2014 жылғы 5 шілдедегі ҚР Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексте, еңбекші мигранттардың міндетті медициналық сақтандыруының болмауы үшін құқықбұзушылық құрамын өздігінен қарастыратын арнайы бап айқындалмаған. Бұл жерде көбінесе Осы кодекстің 519-бабы бойынша еңбекші көші-қонның күшін пайдалану негізінде тәртібін реттейтін бап және «Міндетті әлеуметтік медициналық сақтандыру туралы» Заңы басшылыққа алына отырып сараланады. Айтылғанды негізге ала отырып, ҚР Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодекстің 519-1-бабы ретінде «Шетелдік жұмыс күшін және еңбекші көшіп келушілерді міндетті медициналық сақтандырусыз жұмысқа қабылдау» деген бап енгізу орынды деп ойлаймыз. Бұл бапты енгізе отырып, ҚР «Міндетті әлеуметтік медициналық сақтандыру туралы» Заңы мен «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» Кодексіндегі белгіленген талаптардың орындалуына өз септігін тигізер еді.

Қорытынды. Жоғарыда айтылғанды негіздей отырып, Одаққа мүше мемлекеттердің еңбекші көші-қон азаматтарының медициналық сақтандыру жүйесі өзара норма ережелері арқылы бекітілмеген. Бұл мәселе негізінен әр мемлекеттің ұлттық заңнамасымен реттеледі. Олардың қаржыландыру тетігі кезінде мәселелер туындайтыны анық. Себебі әр елдің медициналық сақтандыру жүйесі әркелкі. 5 мемлекеттің құқықтық нормалары медициналық сақтандыру жүйесінде бір-біріне сәйкес болмауына байланысты әлеуметтік-құқықтық кепілдіктердің толық жүзеге асырылуына әсер етеді.

Зерттеу көрсеткендей, еңбекші көші-қон азаматтарының жұмыс жасауы еңбек шартының негізінде ресми жасалса ғана медициналық сақтандырушы тұлға ретінде болып есептеледі [9; 89].

Өкінішке орай елдердің арасында көлеңкелі еңбек етуші тұлғаларда аз емес, ал оларға медициналық қызмет көрсету қабылдаған елдің қаржы есебінен өтелетіні мәлім. Бұл жерде қабылдаушы елдің қаржылық тетігі бойынша мәселелер туындауы мүмкін.

Еуразиялық экономикалық одақ Соты шарттың нормаларына түсініктеме бергенімен медициналық сақтандыру бойынша әр елдің заңнамасымен реттелуіне құқық беріп отыр.

Сонымен қоса, тәжірибеде мемлекетіміздегі шет елдің азаматын еңбекке тартуда жұмыс

беруші медициналық сақтандыруды талап ете бермейтіні және ол анықталғанда ҚР Әкімшілік құқық бұзушылық кодексінің 519-бабымен сараланатынын білеміз. Қосалқы нормалар ретінде ҚР «Міндетті әлеуметтік медициналық сақтандыру туралы» Заңы мен «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» Кодексі қолданылады.

Осы орайда біз мынадай ұсынысты береміз:

1. Көлеңкелі еңбекті азайтып, инновация шеңберінде тіркеу жүргізу.
2. Одаққа мүше елдер арасында еңбек көші-қон азаматтарына медициналық көмек көрсету есептеріне байланысты арнайы қағидаттарды бекіту.
3. Медициналық сақтандыру бойынша сақтандырылатын тұлғалардың құқықтары мен міндеттерін заң жүзінде тану.
4. ҚР Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодекстің 519-1-бабы ретінде «Шетелдік жұмыс күшін және еңбекші көшіп келушілерді міндетті медициналық сақтандырусыз жұмысқа қабылдау» деген бап енгізу.

Осындай ұсыныстар медициналық сақтандыру тетігін реттеуге көмектеседі және әлеуметтік кепілдіктерді қамтамасыз ету институтын одан әрі өркендеуіне өз септігін тигізеді деп есептейміз.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Mladovsky, P. Good Practices in Migrant Health: The European Experience / P. Mladovsky, et al. // Clinical Medicine. – 2012. – № 12(4). – Pp. 248-252.
2. Zhang, F. The Impact of Health Insurance on Healthcare Utilization by Migrant Workers / F. Zhang, H. Zhai, Y. Du // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – № 17 (6). – Pp. 1852-1867.
3. Giannoni, M. Migrant Integration Policies and Health Inequalities in Europe / M. Giannoni, L. Franzini, G. Masiero / BMC Public Health. – 2016. – № 16 (1). – Pp. 463-475.
4. Сулейманова, Ф.О. Проблемы реализации права на медицинскую помощь трудящимся из государств-членов ЕАЭС в Российской Федерации / Ф.О. Сулейманова // Ежегодник трудового права. – 2021. – № 11. – С. 357-367.
5. Хохлов, Е.Б. Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами: междисциплинарный подход / Е.Б. Хохлов, Е.В. Сыченко // Москва: Юстицинформ. – 2019. – 320 с.
6. Султанова, Н.Т. Международно-правовое регулирование медицинского страхования и защиты прав пациента: сравнительный анализ глобальных и региональных стандартов / Н.Т. Султанова, Ж.Т. Сайрамбаева, Х. Муйович // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2025. – № 4 (13). – С. 226-236.
7. Школик, О.А. Финансовые институты и финансовые инструменты: обязательное медицинское страхование в процессе реализации конституционных принципов социального государства / О.А. Школик // Вестник Евразийской науки. – 2018. – Т. 10, № 6. – С. 10-16.
8. Zhurunova, M. Issues of Providing Guarantees and Social Protection for EAEU Labour Migrants / M. Zhurunova // Access to Justice in Eastern Europe. – 2024. – № 7 (4). – Pp. 401-420.
9. Межибовская, И.В. Правовые проблемы реализации международных социальных обязательств Республикой Казахстан / И.В. Межибовская // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Право. – 2021. – № 137 (4). – С. 84-97.

References:

1. Mladovsky, P. Good Practices in Migrant Health: The European Experience / P. Mladovsky, et al. // Clinical Medicine. – 2012. – № 12(4). – Pp. 248-252.
2. Zhang, F. The Impact of Health Insurance on Healthcare Utilization by Migrant Workers / F. Zhang, H. Zhai, Y. Du // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – № 17 (6). – Pp. 1852-1867.
3. Giannoni, M. Migrant Integration Policies and Health Inequalities in Europe / M. Giannoni, L. Franzini, G. Masiero / BMC Public Health. – 2016. – № 16 (1). – Pp. 463-475.
4. Sulejmanova, F.O. Problemy realizacii prava na medicinskuyu pomoshh' trudjashhimisja iz gosudarstv-chlenov EAJeS v Rossijskoj Federacii / F.O. Sulejmanova // Ezhegodnik trudovogo prava. – 2021. – № 11. – S. 357-367.
5. Hohlov, E.B. Pravovoe regulirovanie social'no-trudovyh otnoshenij s inostrannymi grazhdanami: mezhdisciplinarnyj podhod / E.B. Hohlov, E.V. Sychenko // Moskva: Justicinform. – 2019. – 320 s.

6. Sultanova, N.T. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie medicinskogo strahovanija i zashhity prav pacienta: sravnitel'nyj analiz global'nyh i regional'nyh standartov / N.T. Sultanova, Zh.T. Sajrambaeva, H. Mujovich // Eurasian Scientific Journal of Law. – 2025. – № 4 (13). – S. 226-236.

7. Shkolik, O.A. Finansovyje instituty i finansovyje instrumenty: objazatel'noe medicinskoe strahovanie v processe realizacii konstitucionnyh principov social'nogo gosudarstva / O.A. Shkolik // Vestnik Evrazijskoj nauki. – 2018. – T. 10, № 6. – S. 10-16.

8. Zhurunova, M. Issues of Providing Guarantees and Social Protection for EAEU Labour Migrants / M. Zhurunova // Access to Justice in Eastern Europe. – 2024. – № 7 (4). – Pp. 401-420.

9. Mezhibovskaja, I.V. Pravovyje problemy realizacii mezhdunarodnyh social'nyh objazatel'stv Respublikoj Kazahstan / I.V. Mezhibovskaja // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Serija: Pravo. – 2021. – № 137 (4). – S. 84-97.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР/СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Мереке Конысхановна Журунова – «Астана» халықаралық университетінің аға оқытушысы, e-mail: merekesha1@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6020-5823.

Журунова Мереке Конысхановна – старший преподаватель Международного университета «Астана», e-mail: merekesha1@mail.ru, orcid.org/0000-0001-6020-5823.

Zhurunova Mereke Konyskhanovna – Senior Lecturer “Astana” International University, e-mail: merekesha1@mail.ru, orcid.org/0000-0001-6020-5823.

Алия Муксиновна Умбеталиева – «Астана» Халықаралық университетінің докторанты, e-mail: aliya.muksinovna@mail.ru, orcid.org/0009-0009-9234-2860.

Умбеталиева Алия Муксиновна – докторант Международного университета «Астана», e-mail: aliya.muksinovna@mail.ru, orcid.org/0009-0009-9234-2860.

Umbetaliyeva Aliya Muksinovna – Doctoral Student at “Astana” International University, e-mail: aliya.muksinovna@mail.ru, orcid.org/0009-0009-9234-2860.

S.N. Sarsenova*, A.Y. Ibrayeva

Astana International University, "Astana", the Republic of Kazakhstan

DIGITAL TRANSFORMATION OF CONSULAR SERVICES: INTERNATIONAL PRACTICE AND LESSONS FOR THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. This article examines the use of e-government and the impact on consular services. The main goal is to analyze the implementation of digital tools in the work of the consulate to study international experience, and it was revealed that some of this experience is applicable to the Republic of Kazakhstan. Justifying the comparative analysis and review of regulatory documents, the case study examined the experience of Estonia, South Korea, Singapore, the United Arab Emirates, Germany and the United States in the framework of digitalization of consular and visa technical procedures. It is worth noting that the transformation implements three elements: electronic visas, biometric verification, and multi-level electronic automated application processing. This article substantiates the implementation of consular digitalization in Kazakhstan, in the context of international guidelines, and identifies gaps. The study is guided by step-by-step recommendations in practice that allow us to take into account the country's institutional capabilities, as well as the legal framework and geopolitical rationale, as well as the need for national strategies for digitizing consular activities.

Keywords: digitalization; consular services; e-government; electronic visas; biometric identification; the Republic of Kazakhstan; international experience; online government services.

С.Н. Сәрсенова, Ә.Е. Ибраева

«Астана» халықаралық университеті, Астана қ., Қазақстан Республикасы

КОНСУЛДЫҚ ҚЫЗМЕТТЕРДІҢ ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҮШІН ҚОРЫТЫНДЫЛАР

Аннотация. Мақалада электрондық үкімет технологияларын пайдалану және олардың консулдық қызметтер көрсету саласына ықпалы қарастырылады. Зерттеудің негізгі мақсаты – консулдық қызметке цифрлық құралдарды енгізудің халықаралық тәжірибесін зерделеу және оның Қазақстан Республикасында қолдануға болатын бағыттарын айқындау. Салыстырмалы талдау, нормативтік-құқықтық құжаттарды зерделеу және кейс-стади әдісі негізінде Эстония, Оңтүстік Корея, Сингапур, Біріккен Араб Әмірліктері, Германия және Америка Құрама Штаттарының консулдық және визалық рәсімдерді цифрландыру тәжірибесі қарастырылады. Жүргізілген талдау цифрлық трансформацияның негізгі бағыттары ретінде электрондық визаларды енгізуді, биометриялық сәйкестендіруді және өтініштерді көпдеңгейлі автоматтандырылған электрондық өндеуді бөліп көрсетуге мүмкіндік береді. Мақалада халықаралық тәжірибе аясында Қазақстандағы консулдық қызметтерді цифрландырудың қазіргі жай-күйі қарастырылып, осы саладағы олқылықтар айқындалады. Зерттеу нәтижесінде елдің институционалдық мүмкіндіктерін, қолданыстағы құқықтық базаны және геосаяси факторларды ескере отырып, консулдық қызметті цифрландырудың ұлттық стратегиясын қалыптастыруға бағытталған кезең-кезеңімен іске асырылатын ұсынымдар жасалады.

Түйінді сөздер: цифрландыру; консулдық қызметтер; электрондық үкімет; электрондық визалар; биометриялық сәйкестендіру; Қазақстан Республикасы; халықаралық тәжірибе; онлайн мемлекеттік қызметтер.

С.Н. Сарсенова, А.Е. Ибраева

Международный университет «Астана», г. Астана, Республика Казахстан

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬСКИХ УСЛУГ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И ВЫВОДЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В данной статье рассматривается использование электронного правительства и его влияние на консульские услуги. Основная цель – проанализировать внедрение цифровых инструментов в работу консульства,

изучить международный опыт, выявить, что из этого опыта применимо для Республики Казахстан. В ходе сравнительного анализа и обзора нормативных документов в тематическом исследовании был рассмотрен опыт Эстонии, Южной Кореи, Сингапура, Объединенных Арабских Эмиратов, Германии и Соединенных Штатов Америки в рамках цифровизации консульских и визовых технических процедур. Стоит отметить, что трансформация реализует три элемента: электронные визы, биометрическая верификация, многоуровневая электронная автоматизированная обработка заявок. В данной статье обосновывается реализация консульской цифровизации Казахстана в контексте международных установок, выявляются пробелы. Исследование определяет пошаговые практические рекомендации, которые позволяют учесть институциональные возможности страны, а также правовую базу и геополитическое обоснование в свете необходимости национальных стратегий цифровизации консульской деятельности.

Ключевые слова: цифровизация; консульские услуги; электронное правительство; электронные визы; биометрическая идентификация; Республика Казахстан; международный опыт; государственные услуги онлайн.

Introduction. Public administration is being reshaped, by digitalization across the board, and consular activity is no exception. The traditional model built around in person visits and paper files is steadily giving way to digital platforms, automated processing, and biometric identity checks. This shift is driven both from the outside, by the broader push to digitize the public sector, and from the inside, by consular offices own need to work faster and more transparently¹.

Several developments make this topic timely.

First, growing international mobility has pushed consular workloads up sharply: the International Organization for Migration reported more than 272 million international migrants and 1.5 billion annual tourist trips even before 2020².

Second, the COVID-19 pandemic exposed how fragile paper-based consular services really are: offices that had not digitized effectively stopped functioning. Third, competition for foreign investors and tourists is pushing governments to cut red tape, including by moving visa procedures online³.

The question is especially relevant for Kazakhstan because of ongoing state digitalization and economic diversification efforts. UN data place Kazakhstan 28th (up one position) in the E-Government Development Index and 8th in the Online Services Index. Of the 1208 government services, 92% are available electronically. Of these, 484 are offered only online, while 724 can be accessed both online and in traditional formats. This progress is supported by e-government infrastructure that includes core databases, sectorial information systems, and data exchange platforms such as the e-government gateway and Smart Bridge. It is further complemented by services such as the government portal, eLicense, Smart Data Ukimet, the Digital Family Card and eOtinish projects and the eGov mobile⁴.

Even if, a systematic look at international experience in consular digitalization specific to a national context is largely missing from the literature. Research on e-government and digital diplomacy is already fairly extensive. However, there is still little work that specifically examines how consular services are being transformed in different national contexts. Scholars such as Sinchuk and Kashirina [1] and Abbas [2] have looked at individual country models, but a full cross country comparison has not yet been conducted.

This study aims to systematize international experience in consular digital transformation and use it to develop recommendations for Kazakhstan. It has several objectives: to compare consular digitalization models in leading countries; to identify the main technological and institutional

¹ E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government. – New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs (UNDESA), 2022. – 238 p. [Electronic resource]. – Access mode: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf>.

² World Migration Report 2022. – Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2022. – 502 p. [Electronic resource]. – Access mode: <https://file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/WMR-2022-EN.pdf>.

³ World Tourism Barometer. Statistical Annex. – Madrid: World Tourism Organization, 2025. – Vol. 23. Issue 1. – 40 p. [Electronic resource]. – Access mode: <https://hotelespormexico.org/wp-content/uploads/2025/02/2025-world-tourism-barometer-and-statistical-annex-january-2025.pdf>.

⁴ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [Electronic resource]. – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269#z55>.

components involved; to assess the current state of Kazakhstan's consular services; and to propose practical steps for digital transformation and its legal regulation.

The scientific novelty of the research consists in three aspects. First, it proposes the Consular Services Digital Maturity Index (CSDMI), a comprehensive indicator that allows you to compare the digitalization of consular offices in different countries. Secondly, as far as the authors are aware, this is the first study in which such an indicator is applied simultaneously to six leading countries and Kazakhstan. Third, the recommendations are based on differences in the level of parameters identified during this comparison, rather than on general considerations.

Materials and methods. The study combines several complementary methods. A systems approach is used to map how the technological, legal, and organizational components of consular digital transformation relate to one another. Comparative analysis covers six countries recognized as leaders in digitalizing national services Estonia, South Korea, Singapore, the UAE, Germany, and the United States and the case-study method is used to examine specific consular digitalization systems and programs in detail [3; 325].

The theoretical basis of the study draws on Gale and Liddle's description e-government [4; 157], the United Nations model of digital public service maturity, and the OECD framework for digital transformation of public administration⁵. For consular service specifically, study relies on the typology proposed by Charalabidis, Loukis, Alexopoulos and Lachana, which identifies 3 generations of e-government services: information portals, transaction platforms, and integrated intelligent systems [5; 4].

The evidence base includes Kazakhstan's legal documents on e-government, namely the Digital Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9th, 2026, No. 255 VIII ZRK, which comes into force in June 2026, and the state program "Digital Kazakhstan". It also uses official reports and rankings on digital governance from the OECD, the United Nations, and the World Bank; the official websites of the consular services of the countries studied; and peer reviewed publications from 2015 to 2024.

To assess the level of digitalization of consular services, the study applies an original analytical matrix based on five parameters: the availability of online appointment booking, e-visa coverage, the level of automation in application processing, the integration of biometric technology, and the degree of interagency digital cooperation. Each parameter is scored from 0 to 4, and the results form a composite Consular Services Digital Maturity Index (CSDMI) with the maximum score of 20 points.

The index is calculated as an unweighted sum of estimates for five parameters: $CSDMI = P1 + P2 + P3 + P4 + P5$, where P1 is online appointment, P2 is electronic visa coverage, P3 is automation of application processing, P4 is integration of biometric technologies and P5 is interagency digital cooperation. Each parameter is estimated as an integer from 0 to 4, so the CSDMI index varies from 0 to 20. Equal weights are used + there is no consensus in the literature about the relative importance of these components, and a simple sum makes the index transparent and reproducible.

A common five-level ordinal scale is applied to each parameter: 0 no function; 1 initial or fragmented implementation (only providing information, pilot projects or isolated solutions); 2 partial implementation (for some services, categories of applicants or missions); 3 extended implementation (for most services, but with limited functionality or a mandatory full-time stage); 4 full implementation (comprehensive, covering all or almost all services and applicants). The points were awarded by the authors as an expert assessment based on the above-mentioned documentary sources, based on the year 2023.

To interpret the final data, the CSDMI scale is divided into five maturity levels with four points each: 0-4 initial; 5-8 basic (information portals and limited transactional capabilities); 9-12 developing (transactional services with partial automation); 13-16 advanced (integrated services); and 17-20 leading

⁵ OECD Digital Government Policy Framework: Six Dimensions of a Digital Government. – Paris: OECD Publishing, 2020 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.oecd.org/en/publications/the-oecd-digital-government-policy-framework_f64fed2a-en.html.

(final integrated automated and intelligent services). Summary scores of this kind correspond to the logic of multi-criteria country ratings used in comparative studies of digital transformation [3].

Results, discussion.

1. Global trends in consular digital transformation. International practice shows the digital transformation of consular services moving along several connected tracks.

One is the shift toward electronic visa documents and away from physical visa stickers, in formats such as eVisa, ETA, and ESTA. By 2024, electronic visa systems were operating in 70 countries and handling over 40% of global visa traffic⁶.

The second area of focus is biometric identification and identity verification. These systems strengthen border control security and make consular procedures simpler and more convenient, because biometric data collected once can be reused for the entire period of validity of the document. ICAO reports that by 2023, biometric e-passports were being issued in 157 countries⁷.

A third focus is the development of unified national consular portals that give citizens 1 stop access to services by combining appointment booking, document submission, fee payment, and status tracking in a single platform. A fourth is extending digitalization to notarial services, civil registration, and document issuance for citizens abroad. A fifth is using artificial intelligence for document verification and risk assessment [6; 163].

<i>Country</i>	<i>Online booking</i>	<i>E-visas</i>	<i>Automation</i>	<i>Biometrics</i>	<i>Interagency integration</i>	<i>CSDMI (max 20)</i>
Estonia	4	4	4	4	4	20
Singapore	4	4	4	4	3	19
South Korea	4	4	3	4	3	18
UAE	4	4	3	4	3	18
Germany	3	3	3	4	3	16
USA	4	4	3	4	2	17
Kazakhstan	2	2	1	2	1	8

Table 1. Level of digitalization of consular services in selected countries (CSDMI, 2023)

Source: compiled by the authors

2. Case analysis

Estonia. Estonia's e-government model is widely seen as the global standard. It is built on the X-road digital identity system, which allows secure data exchange between more than 900 government information systems. In consular services, X-Road enables Estonian citizens abroad to use a full range of government services online, including consular registration, notarial services, and voting [7; 3]. The

⁶ Africa Visa openness Report 2023. – Geneva: IATA, 2023. – 62 p. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.visaopenness.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/AVOI_2023_Final_R18_7dec23.pdf.

⁷ Doc 9303. Машиночитываемые проездные документы. Издание восьмое, 2021 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.icao.int/sites/default/files/publications/DocSeries/9303_p1_cons_ru.pdf.

e-Residency program, launched in 2014, had attracted more than 100,000 non-residents from 170 countries by 2023 giving them access to Estonia's digital ecosystem without visiting a consulate.

South Korea. The Korean Integrated Alien Management System digitizes the entire process for foreign nationals from start to finish, including visa applications, residence registration and work permit issuance. It is connected to the databases of 22 ministries and agencies, which allows applicant information to be checked automatically across multiple registries at the same time⁸. Roughly 60% of visa applications are processed automatically, and standard processing time has fallen from five business days to 1.5.

Singapore. Singapore's Immigration & Checkpoints Authority (ICA) system brings entry regulation, immigration registration, and residence-permit issuance together on one platform. A distinctive feature is its use of machine learning to assess visa risk: an algorithm reviews more than 200 application parameters and produces a recommendation for the consular officer⁹. Since 2022, the SG Digital Consulate system has let citizens obtain consular services through a single portal without visiting a consulate.

United Arab Emirates. The UAE is one of the fastest countries in the Middle East in digitalizing public administration. Its General Directorate of Residency and Foreigners Affairs (GDRFA) system fully digitizes visa and immigration procedures, and blockchain technology is used to verify education and employment documents¹⁰. The UAE Golden Visa program uses an automated system for long term visas for investors and specialists, with applications usually processed within 2-5 business days.

Germany. Germany's model is distinctive for aligning national legislation with EU consular service standards. The Visa Application Centre (VAC) portal and the APS system serve as a centralized intake point for Schengen visa applications. Since 2023, the pilot Digital Visa Application project has allowed applications to be submitted entirely remotely⁶ without visiting a visa application centre. Germany is also a leading participant in the EU's effort to build a single digital visa system, the EU Digital Travel Credential.

The United States. The U.S. Consular Electronic Application Center (CEAC) processes online applications for most visa categories. Its Electronic System for Travel Authorization (ESTA), operating since 2008, is one of the largest consular automation systems in the world: it handles more than 25 million applications per year, and approximately 98% are approved automatically¹¹. The Automated Passport Control (APC) system at airports has cut average passport-control time by 40-50%.

<i>Function / Country</i>	<i>Estonia</i>	<i>South Korea</i>	<i>Singapore</i>	<i>UAE</i>	<i>Germany</i>	<i>USA</i>
Electronic visa (eVisa)	yes	yes	yes	yes	yes	yes
Online booking, no queue	yes	yes	yes	yes	yes	yes

⁸ International Migration Statistics in 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://mods.go.kr/board.es?mid=a20101000000&bid=11745&tag=&act=view&list_no=431900&ref_bid=.

⁹ SG Arrival Card (SGAC) with Electronic Health Declaration [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ica.gov.sg/enter-transit-depart/entering-singapore/sg-arrival-card>.

¹⁰ The UAE Digital Government Strategy 2025 [Electronic resource]. – Access mode: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/government-services-and-digital-transformation/uae-national-digital-government-strategy>.

¹¹ Report of the Visa Office 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/visa-law0/visa-statistics/annual-reports/report-of-the-visa-office-2023.html>.

AI document verification	yes	yes	yes partial	pilot	-	yes
Biometrics submission	yes	yes	yes	yes	yes	yes
Blockchain verification	yes	pilot	yes	yes	-	yes
Remote notarial services	yes	yes partial	-	-	-	-
Interstate data exchange	yes	yes	yes	yes	yes (EU)	yes

Table 2. Comparison of key functions across digital consular systems

Within the EU Digital Visa pilot project. Source: compiled by the authors.

3. The current state of consular digitalization in the Republic of Kazakhstan

Measured against the international leaders reviewed above, Kazakhstan's consular services show a considerable gap. On the Consular Services Digital Maturity Index, the country scores 8 out of a possible 20 the second of five maturity levels in the UN model, characterized by basic information portals and limited transactional capability, with no end-to-end digitalization of processes.

Digital initiatives already in place include the unified e-government portal eGov.kz, which gives access to a range of consular services; the ConsulPro consular-registration system for citizens abroad, launched in 2019; an electronic visa system covering citizens of 67 countries, launched in 2022; and biometric digitalization of passport and visa documents (ePassport).

A number of systemic problems, however, limit how effective this digitalization has been: fragmented, poorly integrated information systems across the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Internal Affairs, and civil-registration authorities; limited e-visa coverage, partly due to the absence of an automated risk assessment system; weak mobile application functionality; a shortage of qualified staff to support digital systems; and a narrow legal basis for remote notarial services and consular certification of documents¹².

The Digital Kazakhstan program, adopted in 2017, aims for 80% of government services to be provided electronically by 2025. However, as of 2023, only 30-35% of consular services were available electronically, and many of those still require ~~on~~ later in person visit to present original documents¹³.

¹² Основные итоги деятельности Министерства иностранных дел Республики Казахстан за 2023 год [Electronic resource]. – Access mode: <https://travelpress.kz/article/useful/osnovnie-itogi-deyatelnosti-ministerstva-inostrannih-del-respubliki-kazahstan-za-2023-god-150?ysclid=mt78ptzpr327884788>.

¹³ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [Electronic resource]. – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269#z553>.

Gap in consular digitalization: Kazakhstan vs international leaders

<i>Indicator</i>	<i>Kazakhstan (actual)</i>	<i>Target</i>	<i>Benchmark (leader)</i>	<i>Gap</i>
CSDM (0–20)	8	15 (by 2027)	20 (Estonia)	-12
Share of e-visas,	35%	70%	95(Singapore)	-60
Automated processing,	10%	50%	~60 (South Korea)	-50
Visa processing time in days	5-7	3	1,5 (South Korea)	+3,5-5,5
Online notarial coverage	none	partial	full (Estonia)	critical
Interagency systems integration	partial	high	full (Estonia)	important

Table 3. Comparison of key functions across digital consular systems

4. Barriers and success factors in consular digital transformation

International experience points to a recurring set of factors behind successful (or stalled) consular digitalization.

On the institutional side, success tends to depend on a clear political mandate for digitalization at the level of head of state or government, a centralized coordinating body for digital development, and a phased approach with well-defined KPIs [3; 327].

Technologically, the main success factors are a reliable digital identity infrastructure that serves as the foundation for the broader ecosystem of e-services, the adoption of open standards and API architecture to keep systems interoperable, and sustained investment in cybersecurity and data protection. According to Mueller and Rant, countries that first built a comprehensive digital public goods architecture and then transformed their consular systems digitalized 2.3 times faster than countries that pursued isolated, point solutions [4; 158].

From a legal perspective, success requires recognizing the legal validity of electronic documents and digital signatures, establishing a legal basis for remote notarial services and consular certification, and developing rules for the use of biometric data in public administration. International treaty mechanisms for the mutual recognition of digital documents also play an important role [7; 4].

Common barriers include bureaucratic inertia and staff resistance to change, concerns about data security and privacy, digital inequality and low digital literacy among users, insufficient IT infrastructure, and the difficulty of justifying high upfront investment against uncertain returns [6; 164]. Case evidence suggests that countries which work through these barriers save 20-35% of consular-service costs within five to seven years.

From 2021 onward, the general direction of travel has been toward harmonizing with global standards and continuous improvement – sustained investment in digital government services, adoption

of international best practice, deployment of intelligent assistants such as chatbots and voice assistants, online consultations, and efforts to ensure equal access to services regardless of a citizen's location, via mobile apps and online platforms [7; 5].

5. Recommendations for the Republic of Kazakhstan.

Drawing on the analysis above, a three-phase roadmap is proposed for Kazakhstan's consular digital transformation.

Phase I (2025-2026) Foundation and standardization. This phase should include: developing and adopting a Concept for the Digital Transformation of Kazakhstan's Consular Services with clear KPIs; building an integrated consular data-management platform on an X-Road-type architecture (drawing on Estonia's experience) to enable secure data exchange between the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Justice, and the Border Service; extending e-visa eligibility to citizens of at least 100 countries; and giving remote consular notarial services clear legal force [8; 41].

Phase II (2026-2028) focuses on automation and intelligent systems. This phase should include deploying a machine-learning-based automated visa risk-assessment system covering at least 50% of standard visa categories; launching the eConsul.kz mobile consular app with biometric verification; establishing a national register of consular registrations of citizens abroad; and integrating with international biometric databases under bilateral agreements¹⁴.

Phase III (2028-2030) transformation and leadership. This phase should include: reaching a CSDMI score of at least 15 (comparable to Germany); launching a Digital Consulate program to move basic consular services fully to a remote format; establishing a regional hub for consular digital services under CIS/SCO integration frameworks; and developing and promoting Kazakhstani standards for consular digitalization at the UN and OSCE level [2; 8].

Conclusions. This analysis supports several conclusions.

First, digital transformation of consular services is a genuinely global trend, cutting across countries at very different levels of economic development and administrative tradition. International experience shows clear advantages: shorter processing times, lower administrative cost, better service quality and stronger national security.

Second, among the models reviewed, South Korea's HiKorea system is the most applicable to Kazakhstan's situation, because it combines a high level of automation with the ability to handle complex cases in person. Estonia's model remains the long term strategic benchmark, although fully copying it would require large scale investment in digital identity infrastructure. The UAE's experience is most relevant for rapid digitalization within a centralized, top down administrative system.

Third, Kazakhstan already has much of what accelerated consular digitalization requires: a fairly developed ICT infrastructure, a functioning e-government system, political support for digitalization, and experience in implementing large-scale IT projects. The critical success factors going forward are interagency data integration, an adequate regulatory framework, and trained personnel.

Fourth, carrying out the three-phase roadmap proposed here would put Kazakhstan in the top third of global consular digitalization rankings by 2030, strengthening the country's appeal to foreign investors, tourists, and skilled specialists.

Fifth, none of this is achievable in full without parallel progress on an international treaty framework for the mutual recognition of digital documents which will require active diplomatic engagement through the UN, SCO, CIS, and OSCE. Kazakhstan could use this engagement to strengthen its standing in multilateral diplomatic settings more broadly.

A limitation of this study is that data on the functional details of consular information systems in several countries are not fully public, which made expert assessment necessary in places. CSDMI itself

¹⁴ The UAE Digital Government Strategy 2025 [Electronic resource]. – Access mode: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/government-services-and-digital-transformation/uae-national-digital-government-strategy>.

is an ordinal expert index with equal weights; a further step is to test its sensitivity to alternative weighting and independent evaluation by several experts. Promising directions for further research include a deeper look at the economic impact of consular digitalization, the cybersecurity of digital consular systems, and standards for assessing quality of electronic consular services applicable across Central Asia.

The article was prepared as part of the grant project “Comprehensive Study of the Humanitarian Aspects of Information Security in Kazakhstan and the Components of “Soft Power” in Ensuring Sustainable Development and Consolidation of Kazakh Society”, funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (BR24993082).

List of used literature:

1. Синчук, Ю.В. Перспективы и возможности цифровой дипломатии / Ю.В. Синчук, Т.В. Каширина // Журнал политических исследований. – 2021. – № 2. – С. 35-41.
2. Abbas, A. Digital Diplomacy and its Impact on International Relations: A Case Study of USA’s Digital Diplomacy / A. Abbas // Dirasat Human and Social Sciences. – 2025. – № 52 (6). – Pp. 1-13.
3. Małkowska, A. The impact of digital transformation on European countries: insights from a comparative analysis / A. Małkowska, M. Urbaniec, M. Kosa // Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. – 2021. – № 16 (2). – Pp. 325-355.
4. Hashimova, E. The theoretical basis of the formation of e-government / E. Hashimova // Scientific work. – 2021. – № 65 (04). – Pp. 157-159.
5. Charalabidis, Y. The Three Generations of Electronic Government: From Service Provision to Open Data and to Policy Analytics / Y. Charalabidis, et al. // The Three Generations of Electronic Government. – 2019. – № 36 (2). – Pp. 3-17.
6. Bhat, J. Augmenting the Public Sector Workforce with AI Assistants and Intelligent Automation / J. Bhat // International Journal of Artificial Intelligence Data Science and Machine Learning. – 2025. – № 6 (4). – Pp. 162-171.
7. Amirova, A. Development of citizen-oriented public services in Kazakhstan: legal, institutional and digital aspects of management / A. Amirova // Frontiers of Political Science. – 2025. – № 7. – Pp. 1-18.
8. Kireyeva, A.A. Digital Transformations to Improve the Work and Distribution of the State Scholarships Programs March / A.A. Kireyeva, Z. Kalymbekova, V. Lakhonin // Journal of Distribution Science. – 2019. – № 17 (3). – Pp. 41-47.

References:

1. Sinchuk, Ju.V. Perspektivy i vozmozhnosti cifrovoj diplomatii / Ju.V. Sinchuk, T.V. Kashirina // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. – 2021. – № 2. – S. 35-41.
2. Abbas, A. Digital Diplomacy and its Impact on International Relations: A Case Study of USA’s Digital Diplomacy / A. Abbas // Dirasat Human and Social Sciences. – 2025. – № 52 (6). – Pp. 1-13.
3. Małkowska, A. The impact of digital transformation on European countries: insights from a comparative analysis / A. Małkowska, M. Urbaniec, M. Kosa // Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. – 2021. – № 16 (2). – Pp. 325-355.
4. Hashimova, E. The theoretical basis of the formation of e-government / E. Hashimova // Scientific work. – 2021. – № 65 (04). – Pp. 157-159.
5. Charalabidis, Y. The Three Generations of Electronic Government: From Service Provision to Open Data and to Policy Analytics / Y. Charalabidis, et al. // The Three Generations of Electronic Government. – 2019. – № 36 (2). – Pp. 3-17.
6. Bhat, J. Augmenting the Public Sector Workforce with AI Assistants and Intelligent Automation / J. Bhat // International Journal of Artificial Intelligence Data Science and Machine Learning. – 2025. – № 6 (4). – Pp. 162-171.
7. Amirova, A. Development of citizen-oriented public services in Kazakhstan: legal, institutional and digital aspects of management / A. Amirova // Frontiers of Political Science. – 2025. – № 7. – Pp. 1-18.
8. Kireyeva, A.A. Digital Transformations to Improve the Work and Distribution of the State Scholarships Programs March / A.A. Kireyeva, Z. Kalymbekova, V. Lakhonin // Journal of Distribution Science. – 2019. – № 17 (3). – Pp. 41-47.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Сания Нұржанқызы Сәрсенова – «Астана» халықаралық университетінің Құқық жоғары мектебінің доценті, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: saniyacreating@gmail.com, orcid.org/0000-0003-3134-284X.

Сәрсенова Сания Нуржановна – доцент Высшей школы права Международного университета «Астана», кандидат юридических наук, e-mail: saniyacreating@gmail.com, orcid.org/0000-0003-3134-284X.

Sarsenova Saniya Nurzhanovna – Associate Professor of the Higher School of Law of “Astana” International University, Candidate of Law Sciences, e-mail: saniyacreating@gmail.com, orcid.org/0000-0003-3134-284X.

Әйгерім Ергалиқызы Ибраева – «Астана» халықаралық университетінің Құқық жоғары мектебінің доценті, философия докторы (PhD), e-mail: aigerimibrayeva7@gmail.com, orcid.org/0000-0002-1341-753X.

Ибраева Айгерим Ергалиевна – доцент Высшей школы права Международного университета «Астана», доктор философии (PhD), e-mail: aigerimibrayeva7@gmail.com, orcid.org/0000-0002-1341-753X.

Ibrayeva Aigerim Yergalievna – Associate Professor of the Higher School of Law of “Astana” International University, PhD, e-mail: aigerimibrayeva7@gmail.com, orcid.org/0000-0002-1341-753X.

Құрылтайшы:
Құқық қорғау органдары академиясы
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс
Тел.\факс: 8 (71651) 68-100
e-mail: academy-gp.kz, vestnikacademy.kz

Басуға 2026 жылдың 30 қыркүйегінде қол қойылған
Пішімі 84x60. Көлемі-197 бет.
Журналды басып шығарған
«Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының
жанындағы Құқық қорғау органдары академиясы» ММ баспасы.
010078, Ақмола облысы, Қосшы қ.,
Республика көшесі, 94-құрылыс